

Н. М. ЯЗЫКОВ

Н. Языков

Н. М. ЯЗЫКОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

✲

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Н. М. ЯЗЫКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1988

ББК 84.Р1
Я 41

Вступительная статья
К. К. БУХМЕЙЕР
Составление, подготовка текста и примечания
К. К. БУХМЕЙЕР и Б. М. ТОЛОЧИНСКОЙ

Редактор В. С. Киселев

Я $\frac{4702010102-190}{083(02)-88}$ 431—88

ISBN 5—265—00257—X

Н. М. ЯЗЫКОВ

Мы читаем Языкова мало. Пожалуй, меньше, чем других поэтов пушкинского созвездия, к которому он принадлежит.

Между тем любитель поэзии, открывая в наши дни Языкова, чувствует резкое своеобразие и свежесть его стихов, заметные и на фоне таких крупных поэтических индивидуальностей, как Денис Давыдов или Боратынский, и даже рядом с Пушкиным.

Современники рано оценили силу и оригинальность его дарования. Дельвиг в сонете предрекал ему славу (1822); Пушкин, прочитав «Тригорское», утверждал, что «он всех нас, стариков, за пояс заткнет»; [1] журналисты и альманашники наперебой заманивали его в свои издания.

Но уже к концу 1820-х годов отношение к Языкову становится куда более сдержанным, а в 1830—1840-е годы появляются статьи, в которых он рассматривается как поэт, не оправдавший надежд, а главное, не имевший средств это сделать.

Приговор этот был несправедливым, хотя и не абсолютно беспочвенным.

Языкова продолжали ценить и поддерживать Пушкин, Давыдов, Боратынский; его блестяще защищает печатно И. Киреевский, потом Гоголь. Да и Белинский, несмотря на суровость своих суждений, признает, что имя Языкова «навсегда принадлежит русской литературе».[2] Однако неблагополучие творческой судьбы поэта ощущалось и Киреевским, и Гоголем. Сознавал его и сам поэт.

---

[1] Письмо к П. А. Вяземскому от 9 ноября 1826 г.//Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 13. С. 305. Далее это изд. (Т. 1—16. [М.; Л.], 1937—1949) обозначается: Пушкин (с указанием тома и страницы).

[2] Белинский В. Г. Русская литература в 1844 году//Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 458. Далее это изд. (Т. 1 — 13. М., 1953—1959) обозначается: Белинский (с указанием тома и страницы).

В чем же дело? Какие обстоятельства сыграли столь неблагоприятную для него роль?

Изменение общественно-политической обстановки после 14 декабря 1825 года, отсутствие зрелых убеждений у поэта? Наступление нового, гоголевского, периода в русской литературе? Болезнь Языкова?

Да, несомненно. Но ведь и Дельвиг, и Боратынский, и Денис Давыдов жили и творили в тех же условиях. Тем не менее мы не говорим об их «драме», в том смысле как о языковской. Они в нашем представлении создали все, что могли по своему таланту. Языков — менее, чем мог и обещал. Было, вероятно, в самом характере его дарования, в особенностях личности и личной судьбы нечто, помешавшее его полной творческой реализации.

Определить, чт́о это, попытался в 1847 году П. А. Вяземский (статья «Языков и Гоголь»), который первым заметил реально существующую связь между характером лиризма Языкова, с одной стороны, и своеобразием его жизненного пути, а также психического склада — с другой.[1]

1

Николай Михайлович Языков родился в Симбирске 4 марта 1803 года (умер 26 декабря 1846 года).[2] Отец поэта, М. П. Языков, богатый помещик, «игрок и знаменитый хозяин»,[3] оставил детям большое состояние, позволившее им вести впоследствии независимый образ жизни.

Одиннадцати лет Языков был привезен в Петербург и по примеру двух старших братьев отдан в Горный кадетский корпус. Оттуда, не кончив курса, он в 1819 году перешел в Институт корпуса инженеров путей сообщения, но через год был исключен за «нехождение в классы». К этому времени отца поэта уже не было в живых, и опекать Языкова начинают братья. Было решено, что продолжать образование Языкову следует в университете, так как математика ему явно не давалась, а литературные наклонности и способности его определились.

Писать стихи Языков начал еще дома, но серьезно — только в Горном корпусе, где их сочиняли многие, а иные даже печатали (А. И. Кулибин, Ф. И. Бальдауф).

---

[1] Вяземский П. А. Языков и Гоголь//Полн. собр. соч. Спб., 1879. Т. 2. С. 304—334. Далее: Вяземский (с указанием страницы).

[2] Здесь и далее даты даются по старому стилю, кроме случаев, специально отмеченных.

[3] Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899. Т. 1. С. 180. Далее: Свербеев (с указанием тома и страницы).

Особую роль в становлении Языкова-поэта, выработке его литературных вкусов, сыграл преподаватель русского языка в корпусе А. Д. Марков. Он поощрял поэтические занятия Языкова, а главное, привил ему интерес и любовь к поэзии XVIII века.

Печататься Языков начал в 1819 году, вероятно при посредничестве знакомого литератора А. Н. Очкина, сотрудничавшего в ту пору в «Соревнователе просвещения и благотворения», «Благонамеренном» и других журналах. По-видимому, именно Очкин передал в «Соревнователь» (1819, № 4) послание к А. И. Кулибину («Не часто ли поверхность моря...»), через Очкина завязались и первые литературные знакомства поэта (с А. Е. Измайловым, А. Ф. Воейковым и др.). На литературных вечерах Воейкова Языков в 1822 году познакомился с Дельвигом.

Чрезвычайно важной в жизни Языкова, в формировании его характера была дружба с братьями, всегда понимавшими и поддерживавшими его. Особенно — тесная близость с Александром Михайловичем. Оба брата поэта были людьми незаурядными, прекрасно образованными и мыслящими, но не использовавшими до конца своих возможностей. Родственник Языковых и их приятель Д. Н. Свербеев был склонен объяснять судьбы братьев их «дикостью» (то есть застенчивостью), а также «языковской ленью и апатией». Описывая их жизнь в Петербурге в 1823 году, он рисует «обширную комнату», в которой на трех диванах «проживали», а вернее сказать, «пролеживали свои дни» все три брата. [1] Но дело было не только в этом. Порядочному человеку надо было обладать большим талантом, энергией, твердостью убеждений и ясностью цели, чтобы найти себе настоящее поприще в аракчеевской России, и тем более в николаевскую эпоху.

После реакционного «разгрома» Петербургского университета в 1821 году, когда за «обдуманную систему неверия» из него были уволены лучшие профессора, Языков решает поступать в Дерптский, сохранявший еще некоторые вольности и привилегии европейских университетов.

5 ноября 1822 года Языков приезжает в Дерпт (Тарту). Начинается семилетний период его жизни, необычайно плодотворный в творческом отношении. К этому времени путь его выбран окончательно. Последний год в Петербурге он чувствует себя уже поэтом. Издатели журналов и альманахов проявляют прямую заинтересованность в его стихах.

Существует мнение, что переезд в Дерпт, оторвав Языкова от столичной среды, позволил ему развиваться неподражательно и определил тем самым его поэтическую оригинальность. [2] С этим нельзя полностью согласиться.

---

[1] Свербеев. Т. 2. С. 88.

[2] См.: Рассадин С. Спутники. М., 1983. С. 70.

Начать с того, что самый отрыв от этой среды был весьма относительным. Непосредственное общение Языкова с литераторами, конечно, сузилось, но он оставался в курсе всего, что происходило в литературной жизни Петербурга. А. М. Языков, А. Н. Очкин и другие корреспонденты сообщали поэту о всех литературных новостях. Ему доставляли в рукописи новые сочинения, сообщали отзывы о его собственных. Языков имел возможность пользоваться всеми русскими журналами и альманахами, которые выписывал В. М. Перевощиков — преподаватель русской словесности в университете, да и сам он получал их от издателей, заинтересованных в его сотрудничестве. Жил он у К. Ф. фон дер Борга, известного переводчика русских поэтов на немецкий язык, и помогал ему в отборе стихотворений.

В Дерпте Языков познакомился с Жуковским, гостившим у своей племянницы, Марии Андреевны Протасовой (по мужу Мойер), а позднее с ее сестрой, Александрой Андреевной (женой А. Ф. Воейкова), которая сыграла большую роль в его поэтическом развитии. Наконец, постоянно приезжая в Петербург на каникулы, Языков расширял круг своих литературных знакомств.

Скорее следует говорить о благотворной смене общественного климата, и это главное, что определило значение Дерпта в творчестве Языкова. Дерпт в ту пору был своеобразной русской заграницей, и, по сравнению с чиновничьим Петербургом, в нем дышалось значительно легче.

Русские студенты, как и Языков приехавшие сюда в поисках места, где «царь и глупость — две чумы — еще не портят просвещенья», обостренно переживали свою неподнадзорность. В этой среде «странный жар невольной вольности» дерптских студентов (эпатаж обывателей, дуэли буршей, корпоративные пирушки), как правило, принимал окраску политической оппозиционности, свойственной в эти годы довольно широким кругам русского образованного дворянства.

Здесь, в «ливонских Афинах», в городе, который обладал к тому же романтическим прошлым, Языков обрел и почву, питавшую его вдохновение, и место, где «гений» «не привязан к самодержавному столбу», и благодарную аудиторию.

Языков уехал из Дерпта свободно-бездипломным, но за годы, проведенные там, он значительно пополнил свое образование. С особенным увлечением он занимался русской и мировой историей, литературой, эстетикой; овладел немецким языком, изучал латынь и древнегреческий; слушал лекции по политической экономии, государственному праву и даже физике, но самое главное — прочел массу книг по-русски и по-немецки. В эти годы он увлекался Байроном, Шиллером, Кальдероном, Кёрнером, Тиком; из русских писателей — Карамзиным, Крыловым, Грибоедовым, внимательно следил за творчеством Пушкина.

2

На 1822—1829 годы приходится более половины созданного Языковым. И, что особенно важно, все написанное им в эту пору представляет собой определенное единство.

«Муза» Языкова является здесь в «бархатной шапке, с дубовою ветвию», [1] то есть в студенческом одеянии. Его вольные песни, дружеские послания и любовную лирику естественно объединяет образ лирического героя — свободно живущего и свободно мыслящего поэта-студента. [2]

Все эти произведения, как и самый образ лирического героя, питало и окрашивало политическое и религиозное вольномыслие, пронизывало чувство, которое И. Киреевский метко назвал впоследствии «стремлением к душевному простору».[3]

По своим воззрениям, а точнее по непосредственному отклику чувств на окружающую действительность Языков принадлежал к широкой декабристской периферии. И содержание, и особый эмоциональный настрой его поэзии, и даже «буйство молодое» его стиха возникли на гребне мощной волны общественного протеста в канун восстания 1825 года.

Хотя все самые смелые в политическом отношении стихотворения поэта не были напечатаны при его жизни,[4] современники легко угадывали вольнолюбивый подтекст всего его творчества в это время. Отчасти потому, что многое распространялось в списках, отчасти же вследствие того, что Языков начал с произведений, типичных для декабристской поэзии, с ее излюбленных тем и характерной поэтики, с присущего этому направлению поиска в истории примеров гражданского мужества и патриотизма.

После самых первых поэтических опытов — слабых подражаний Батюшкову — Языков публикует послание к брату («Тебе, который с юных дней...», 1822), где обещает воспеть славные «дела отцов», а затем и ряд стихотворений, реализующих эту программу: «Моя родина» (1822), «Песня короля Регнера» (1822) и целый ряд песен

---

[1] Языков Н. М. Письмо братьям от 9 сентября 1823 г.//Письма Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Спб., 1913 (Языковский архив. Вып. 1). С. 93. Далее: Яз. архив.

[2] Даже стихотворения на национально-патриотическую тему, лирического героя не имеющие, в общем контексте поэзии Языкова воспринимались как исторические раздумья того же поэта-студента.

[3] Киреевский И. В. О стихотворениях г. Языкова//Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 83. Далее: Киреевский И. (с указанием тома и страницы).

[4] Подавляющее большинство из них увидело впервые свет только в вольной печати за рубежом («Полярная звезда», 1859) или уже в советское время.

бардов и баянов на поле битвы (1823), получивших позднее в качестве особой жанровой разновидности довольно широкое распространение в декабристской и околодекабристской поэзии (в стихах А. А. Шишкова, В. Н. Григорьева, В. Розальон-Сошальского).

Непосредственным источником песен бардов, родственных «думам» Рылеева, в отечественной литературе была патриотическая лирика, отчасти принявшая краски оссианической поэзии: «Водопад» Державина, его оды «На взятие Измаила», «На победы в Италии», исторические элегии Батюшкова («Воспоминания», «Переход через Рейн»); «Певец во стане русских воинов» Жуковского.

К этой традиции восходят у Языкова и накал патриотических чувств, и раздумья о славных мужеством предках, и «северный» (оссианический) колорит этих песен.

В стихах Языкова постоянный мотив оссианической поэзии — воспоминание о минувшей славе, сожаление о ее быстролетности — превращается в воспоминание об утраченной вольности, о свободолюбии предков, «быстроте их пламенного мщенья» и сочетается с презрением к рабам, смирившимся со своими цепями. По сравнению с думами Рылеева, «Баяном» в частности, где свободолюбие ощущалось «как общая тональность, лишенная политической конкретизации», песни баянов Языкова представляют собой следующий этап в развитии декабристской лирики, когда «исторический сюжет должен был прямо навести читателя на тему торжества деспотизма в окружающей жизни, внушить ему мысль о необходимости борьбы за освобождение».[1]

В песнях баянов Языков еще не был вполне оригинален. Использование устойчивых поэтических формул, слов-сигналов, вызывающих современные политические ассоциации, система приноровлений и намеков и самое слияние здесь традиций позднего классицизма с преромантическими и романтическими, составляющее отличительную черту декабристского романтизма,— все это было свойственно всему потоку вольнолюбивой лирики тех лет. Но уже здесь, в этих же песнях, спорадически обнаруживается то новое, присущее одному Языкову, что определило его особый вклад и в декабристскую, и в русскую поэзию вообще.

В студенческих песнях поэта, дружеских посланиях 1823—1827 годов, в таких стихотворениях, например, как «Дерпт», или «Муза», в политических элегиях его это новое звучит уже в полной мере.

---

[1] Лотман Ю. М. «Слово» и литературная традиция XVIII — начала XIX века//«Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 394.

И вот что важно отметить: разрабатывая преимущественно темы и мотивы, характерные для поэтов декабристской периферии, Языков придает им несвойственную до тех пор политическую остроту.

Ему чужд специфический для поэтов-декабристов, непосредственных участников движения, мотив жертвенности, героической гибели за свои убеждения, он не ставил перед собой сознательно агитационных задач (как Рылеев или А. А. Бестужев), зато обычная для свободолюбивой поэзии того времени тема дружеских пиров, например, приобретает у него открыто противоправительственное звучание.

Своеобразную трактовку получает в творчестве поэта и мотив сомнения в возможности революционного действия в самодержавной России.

Тема эта, вызванная к жизни поражением революций на Западе (греческой, испанской) и повсеместным торжеством реакции, наиболее яркое выражение нашла у Пушкина («Свободы сеятель пустынный...», 1823). Не сравнивая стихотворения Языкова и Пушкина по художественной силе, следует отметить, что в языковских элегиях «Свободы гордой вдохновенье...» и «Еще молчит гроза народа...» на первый план выступает не столько горечь разочарования и презрение к народам, смирившимся со своими цепями, сколько гнев, вызванный этой рабской покорностью.

Языков не был, конечно, дворянским революционером в смысле принадлежности к тайному обществу, да и политические идеалы его были крайне расплывчаты. Вольнолюбие поэта, не основанное на прочном идейном убеждении, не отличалось глубиной и стойкостью. Однако искреннее возмущение самодержавным произволом, отвращение к аракчеевскому режиму, ко всякому гнету и тирании позволили ему создать в 1823—1826 годах произведения объективно революционные, в которых эмоциональный протест его и призыв к свободе выразились ярко и сильно.

Центральное место среди студенческих стихотворений Языкова дóлжно отвести его песням. В общем потоке декабристской лирики их отличает не глубина социального протеста, преданность революционному делу или страстность обличения, а политическая дерзость, задорный вызов самодержавию. Достоинство этих песен составляет упоение независимой, неподнадзорной жизнью, наслаждение свободно жить и мыслить. В этом был пафос студенческой лирики Языкова и особая заслуга его перед русской вольнолюбивой поэзией.

Песням Языкова предшествовала и сопутствовала определенная литературная традиция. Здесь и русская «анакреонтика», и гусарские стихи Дениса Давыдова, и лирика молодого Пушкина, в которых свобода дружеских пиров отчетливо противопоставлялась казенщине, удушливой атмосфере самодержавно-бюрократического государства.

Здесь, наконец, и традиция студенческих песен — русских [1] и немецких (например, застольных песен Гёте и Шиллера), широко распространенных в Дерптском университете.

При всем том Языкову удалось придать студенческим песням свой тон. Он создает конкретный образ русского студента в Дерпте, человека, ускользнувшего на время от полицейского надзора и опасной близости к русскому самодержавию. Этот человек жадно пользуется вольным житьем и с удовольствием дерзит правительству. Острый политический намек, вольная шутка отличают его песни от произведений предшественников.

Языкова многое роднит с Денисом Давыдовым: подчеркнутый, стилизованный биографизм стихов, яркая характерность образа поэта, колоритность изображаемой среды (у Языкова — студенческой, у Давыдова — гусарской), вакхические мотивы, и склонность к броским поэтическим формулам, и быстрый стиховой темп, а главное — удальство, размашистость.[2]

Но за сходными чертами у Давыдова и Языкова стоит все же разное идейное содержание. Один славит и воспевает такие человеческие качества, как прямодушие, мужество, преданность отечеству; другой поэтизирует прежде всего гражданскую свободу.

Белинский считал Языкова поэтом, воспевающим «потехи юности, пирующей на празднике жизни, пурпуровые уста, черные очи, лилейные перси» красавиц и шумные пиры.[3] Но если он и певец юности, то, конечно, не только и не столько ее «потех». Он скорее певец тех благородных чувств и мыслей, той скопившейся для будущей деятельности энергии и прежде всего того инстинктивного и мощного стремления к свободе, которые отличают юность мыслящего и чувствующего человека. Причем стремление это проявляется тем сильней, чем тяжелее гнет сдерживающих обстоятельств и чем больше надежды на лучшее будущее. Языкову удается передать и самую радость освобождения. Его «господствующий идеал,— писал И. Киреевский, оценивая первый сборник стихов поэта,— ...есть праздник сердца, простор души и жизни, потому господствующее чувство его поэзии есть

---

[1] См. об этом подробнее в примечаниях к циклу песен 1823 г. (№ 16—25) в настоящем издании.

[2] «Давыдов и Языков — в этом их оригинальность — рисуют не общеромантический тип «исключительной личности»,— отмечает И. М. Семенко,— а «национальный характер», овеянный романтикой удали и сильных страстей» (Семенко И. М. Языков//Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 188. Далее: Семенко И., с указанием страницы).

[3] Белинский. Т. 1. С. 75. См. также: Т. 8. С. 451.

какой-то электрический восторг, и господствующий тон его стихов — какая-то звучная торжественность». [1]

Не опьянение кружит голову поэта, оно лишь образ пьянящего чувства легкости, свободы, вдохновения.

«У меня пьянство свое,— писал Языков,— оно, так сказать, mare clausum ⟨замкнутое море⟩ моей поэзии».[2] Это справедливо по отношению к содержанию «винных» стихов поэта и по отношению к их форме. Прогрессивный общественный смысл этого хмельного кипения чувств живо воспринимался современниками, в частности такими великими представителями языковского времени, как Пушкин и Гоголь. Им, кстати говоря, так же как И. Киреевскому, вольнолюбивая лирика Языкова была известна в полном объеме.

«У него студентские пирушки не из бражничества и пьянства,— утверждал Гоголь,—но от радости, что есть мочь в руке и поприще впереди, что понесутся они, студенты

На благородное служенье
Во славу чести и добра». [3]

И Пушкин, и Гоголь сравнивали стихи Языкова с разымчивой, пьяной брагой. «Зачем он назвал их: Стихотворения Языкова,— говорил, по воспоминаниям Гоголя, Пушкин о сборнике стихов 1833 года,— их бы следовало назвать просто: Хмель!».[4]

Общественное содержание созданного Языковым образа поэта-студента расширяют и углубляют такие стихотворения этого периода, как «Муза», «Поэт» («Искать ли славного венца...»), «Поэт свободен, что награда...», где речь идет о независимости вдохновения и его торжестве над венчанным произволом; и политические элегии, и стихи на смерть Рылеева («Не вы ль убранство наших дней...»), а также дружеские послания, прежде всего к Пушкину.

3

В формировании языковской поэтики огромную роль сыграло то обстоятельство, что он, вступив в литературу учеником Батюшкова и Жуковского, почти сразу должен был искать средств для выражения гражданских чувств.

---

[1] Киреевский И. Т. 2. С. 84.

[2] Письмо к А. М. Языкову от 30 сентября 1831 года//Языков Н. Соч. Л., 1982. С. 344. Далее: Соч. 1982.

[3] Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями//Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 8. С. 388. Далее: Гоголь (с указанием тома и страницы).

[4] Гоголь. Т. 8. С. 387.

Отсюда проистекало два обстоятельства. Во-первых, своеобразный его поэтический почерк складывался прежде всего в произведениях торжественного стиля, и находки, сделанные им в этой области, стали в значительной мере формообразующими для всего его творчества. Во-вторых, Языков с первых шагов столкнулся с задачей, стоявшей перед всей русской поэзией к началу 1820-х годов,— с необходимостью создания нового торжественного стиля, который должен был вобрать в себя многие достижения поэтов новой школы, не утратив при этом «высокости».

Героическое и патриотическое содержание декабристской поэзии, агитационные цели ее выдвинули в 1810—1820-е годы в качестве первоочередной задачи создание нового торжественного стиля.

В борьбе с идейной облегченностью и салонной гладкостью карамзинской школы писатели гражданского направления, ориентировавшиеся на высокий стиль (например, Востоков, Гнедич, Катенин, Кюхельбекер), опирались на литературу XVIII века, располагавшую разработанными средствами этого стиля. Вслед за Радищевым некоторые из них принципиально отстаивали затрудненность торжественной стихотворной речи, проистекающую от перенасыщенности ее архаической лексикой и оборотами, считая ее условием энергии и силы выражения.

Между тем карамзинская школа в лице таких своих представителей, как Жуковский и Батюшков, сделала настолько важные открытия в области русского стиха и поэтического языка, что их нельзя было безнаказанно не учитывать.

По сравнению со стихами Жуковского и Батюшкова, их новым стиховым темпом, легкостью, гибкостью в передаче различных эмоций современная им гражданская поэзия нередко выглядела чрезмерно тяжеловесной и неповоротливой. Несмотря на искренность гражданского чувства, она была риторической и холодной. Исторически необходимо было уничтожить известное отставание торжественного стиля, усвоить ему стиховые и языковые завоевания новой поэзии.

Эта необходимость (какой бы остроты ни достигали теоретические споры) ощущалась обоими лагерями, заставляя их идти на взаимные «уступки» в области гражданской поэзии, что и подготовило исподволь появление новой стилистической системы.

Но к 1820-м годам построение этой системы было еще далеко не завершено, и задачу эту окончательно удалось решить только Пушкину. Немало способствовал этому своими поэтическими открытиями и Языков.

Главной заслугой Языкова в области торжественного стиля явился живой поэтический восторг, который удалось ему создать взамен и величавого парения поэзии классицизма XVIII века, и тяже-

ловесной риторики, сковывавшей мысль и чувство гражданских поэтов начала XIX века.

Механизм, секрет этого типично языковского восторга, заставившего Гоголя утверждать, что Языков рожден для «дифирамба и гимна», [1] заключается прежде всего в сочетании стремительного, как бы летящего стиха с особым строением стихотворного периода, при решительном обновлении поэтического словаря.

По стиховому темпу Языков, как это было установлено исследованиями, [2] занимает первое место среди поэтов своего времени.

Пропуски ритмических ударений на первой и третьей стопе четырехстопного ямба [3] в периоде, передающем непрерывное эмоциональное нарастание, создают впечатление того страстного поэтического «захлеба», который особенно пленяет в Языкове.

Доведенное до кульминационной точки эмоциональное нарастание разрешается у Языкова, как правило, эффектной афористической формулой, представляющей собой смысловой центр тяжести стихового периода. Чаще всего эти формулы определенным образом организованы в звуковом отношении, по-державински громкозвучны.

*Р*ука свободного сильнее
*Р*уки, измученной я*р*мом,
Так с неба падающий г*р*ом
Подземных г*р*охотов звучнее,
Так песнь победная г*р*омчей
Глухого ск*р*ежета цепей!

Или:

Пусть неизменен жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Во*л*ги ва*л* бе*л*ого*л*овый
Доходит це*лы*й к берегам.

Иногда поэт и ритмически подчеркивает смысловую весомость своих концовок. Так, в четырехстопном ямбе о появлении афористической формулы предупреждает обычно стих, сохраняющий три метрических ударения вместо обычных двух, с обязательным ударением на первой стопе (см., например, концовку стихотворения «Муза»).

---

[1] Гоголь. Т. 8. С. 390.

[2] См.: Белый Андрей. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба//Символизм: Книга статей. М., 1910. С. 286—330.

[3] И четырехстопного хорея, встречающегося, однако, у Языкова реже.

Строя период, Языков отказывается от обстоятельного развития мысли, от парения оды XVIII века, хотя и смело пользуется отдельными одическими приемами. Он старается выговорить эту мысль на одном дыхании (порой его период — одно предложение), причем ее развертывание — это нарастающее движение к кульминации, часто подчеркнутое нагнетением параллельных синтаксических конструкций. Риторические вопросы, обращения, восклицания, вторгаясь в период, эмоционально подхлестывают его стремительное развитие.[1]

Иной раз Языков начинает свой период как бы с середины, инверсивно, с придаточного предложения или деепричастного оборота, восклицания или вопроса («Не вовсе чуя бога света...», «Искать ли славного венца...», «О! разучись моя рука...» и т. п.). Такое строение позволяло ему избегать однообразия и действительно требовало единого дыхания при произнесении всей мысли. «Откуда ни начнет период,— писал Гоголь,— с головы ли, с хвоста, он выведет его картинно, заключит и замкнет так, что остановишься пораженный».[2] «Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом»,[3]— утверждал Пушкин.

Обновляя язык торжественного стиля, Языков в основном идет двумя путями. Во-первых, вслед за Батюшковым, Жуковским, молодым Пушкиным, кладет в основу его средний стиль, всемерно разгружая текст от славянизмов. Во-вторых, стремится различными способами противостоять «развеществлению» поэтического слова — явлению закономерному в системе устойчивых стилей, которая пришла в 1810—1820-х годах на смену жанровой. Поэтика таких стилей зиждилась на принципиальной повторяемости поэтических формул (слов-сигналов), рассчитанных на узнавание и возникновение определенных ассоциаций (например, в национально-историческом стиле: *цепи, мечи, рабы, кинжал, мщенье*; в стиле элегическом: *слезы, урны, радость, розы, златые дни* и т. п.). Однако выразительные возможности такого слова в каждом данном поэтическом контексте суживались: являясь знаком стиля, оно становилось почти однозначным, теряло частично свое предметное значение, а с ним и силу непосредственного воздействия. Отсюда необходимость и закономерность «открытия нового в традици-

---

[1] По определению И. М. Семенко, «наиболее специфическое свойство языковской поэтики (фольклорное по своей природе) — избыточность». «В изобилии языковских эпитетов, определений, присоединительных конструкций также выражается размах, удаль, безграничность возможностей, мощь поэтического дыхания» (Семенко И. С. 216).

[2] Гоголь. Т. 8. С. 387.

[3] Пушкин. Невский альманах на 1830 год//Т. 11. С. 117.

онной системе»: [1] «эстетический эффект узнавания должен был все время сопровождаться другим эстетическим воздействием — так сказать, противоположным». [2]

Наиболее абстрагировалось слово в элегическом стиле, поэтому тенденция к нарушению канона проявилась там особенно рано. К началу 1820-х годов школа гармонической точности, как называл ее Пушкин, уже располагала многими приемами, позволявшими поэту «творить новое варьированием, тонкими смысловыми сдвигами». [3]

Языкову они были известны уже к 1823 году, и он умело употребляет их, одновременно создавая свой собственный арсенал средств, способствующих обновлению поэтического языка.

В песнях баянов он действует еще крайне осторожно, сохраняя традиционные краски национально-исторического стиля и опираясь на присущий этому стилю круг ассоциаций. В произведениях другого жанра и более поздних он покушается уже на самый принцип устойчивых стилей, ломая застывшие поэтические формулы.

Так, привычные славянизмы он пытается заменить другими архаизмами, например сложными словами, встречающимися в древнерусской письменности. Из поэтов, предшествующих Языкову, подобный прием употребляли Державин и Ломоносов, из современников поэта — Н. И. Гнедич, использовавший их как слова высокого стиля в переводе «Илиады». Однако Языков не ограничивается готовыми сочетаниями, а создает свои (*браннолюбивая, пряморусская* и т. п.). Свежесть этих вновь созданных архаизмов делает их особо весомыми в стилистическом отношении (иногда даже излишне).

Того же эффекта Языков добивается, разгружая текст от славянизмов лексических, одновременно используя как признак стиля архаические синтаксические обороты («Могуч восстать до идеала», «Музы своенравной... И высшей рока и похвал» и т. п.).

Применяет Языков и другие (в том числе известные и до него) способы внесения нового в традиционную систему, например нарушение равновесия между эпитетом и его предметом. Это легко проследить на его стихотворении «Смотрите: он летит над бедною вселенной...» (1823).

Стихотворение не традиционно по самой мысли: в нем звучит далеко не христианский протест против бессмысленной гибели молодой жизни. Эта мысль потребовала для своего воплощения и обновленных средств.

На первый взгляд кажется, что в стихотворении ничего нового

---

[1] Гинзбург Л. О лирике. М.; Л., 1964. С. 39. Далее: О лирике.

[2] Там же. С. 37. Наиболее глубоко и полно характеристика русской элегической школы дана в трудах Л. Я. Гинзбург (см.: О лирике. М.; Л., 1964; О старом и новом. Л., 1982. Разд. II).

[3] Там же. С. 24.

нет. Те же *прах, кинжал окровавленный, пламень, Тартар, сия, сей*, то есть та же привычная лексика торжественного стиля 1810-х — начала 1820-х годов. Однако звучит она уже совершенно по-новому.

Прежде всего привлекает внимание властное требование: «Смотрите». Оно оказывает сильное влияние на контекст, заставляя воспринимать все не отвлеченно, а как живой зрительный образ. Соответственно и «кинжал окровавленный» и «пламя Тартара в очах» выступают как живописные детали картины. Еще более активизирует внимание неожиданное для данной темы слово «невинные» («Во прах, невинные, во прах...»). Понимание рока как силы злой и несправедливой, направленной против самых лучших и невинных, не характерно ни для поэзии XVIII века, ни для творчества Жуковского, где рок выступает как орудие божественного промысла. Не совпадает оно и с распространенной в романтической литературе трактовкой рока как силы, слепо карающей и виноватых и правых. Таким образом, слово «невинные» самим смыслом своим противостоит привычным ассоциациям, не разрушая их, однако, до конца, что позволяет поэту отчетливо противопоставить свою точку зрения привычной.

Вызванный к жизни необычной трактовкой рока, прием сочетания несочетаемых понятий становится стилистическим стержнем стихотворения (рок — это «ангел злодеянья», «посол неправых неба кар» и т. п.).

На такой же внутренней и внешней антитезе строятся впоследствии и политические элегии Языкова («Свободы гордой вдохновенье...», «Еще молчит гроза народа...», «Не вы ль убранство наших дней...»). Но здесь Языков почти совершенно перестает опираться на поэтику узнавания, присущую устойчивым стилям. Энергичная мысль и сильная эмоция потребовали от него нетрадиционных средств выражения. Простота, лаконизм, афористичность этих элегий, открытость эмоции как нельзя лучше отвечали данной задаче и предвещали завоевания поздней лирики поэта.

4

Поэтический восторг, кипенье чувств, передавать которые Языков научился первоначально в произведениях высокого стиля, сказываются во всем его творчестве, придавая большинству его произведений приподнятую, праздничную окраску.

Языковский стиховой период оказался великолепно приспособленным для передачи явлений нарастающих, будь то захлестывающее поэта чувство или развивающееся явление природы (например, гроза в «Тригорском»). Это нетрудно проследить в посланиях, которые у Языкова, как правило, приобретают поэтому краски высокого стиля:

О! разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений,

Не удостойся я венка
В алмазном храме песнопений,
Холодный ветер суеты
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

Тот же разбег стиховой речи мы встречаем и в интимной лирике, даже в элегиях Языкова.

В творчестве поэта 1820-х годов большое место занимают произведения, характерные для карамзинской школы, от ее главного жанра — элегии — до стихотворений шуточных, пародийных, альбомных мелочей.

Его «Рецепт», стихотворные записки А. С. Дириной на бытовые темы и т. п. легко укладываются в ряд камерных, легких жанров, культивировавшихся карамзинистами.

Элегия имела для Языкова, как и для всех поэтов пушкинского направления, особое значение. Он оставил нам «свод элегий драгоценный», по выражению Пушкина, причем свод совсем не канонический.

Элегический стиль в том виде, как он сложился к началу 1820-х годов, был одним из наиболее нормативных в системе устойчивых стилей. «Школа гармонической точности,— отмечает Л. Я. Гинзбург,— создала свой канон». Но этот канон был важен еще «и тем, что мог быть нарушен». [1] И нарушать его начали в 1820-х годах в первую очередь сами молодые создатели школы в процессе ее преодоления — Пушкин, Боратынский. Они придали элегии не свойственный ей ранее психологизм, существенно изменив тем самым ее содержание.

В этом процессе нарушения канона с самого начала своей поэтической деятельности принял участие и Языков. И если он говорит в своих стихах: «В них нет заемной чепухи... В них неподдельная природа, Свое добро, свои грехи!» — то это следует применить прежде всего к его элегиям, к их новому для русской поэзии содержанию.

Это новое заключается, конечно, не в том, что Языков «воспевает во многих своих элегиях тот или иной объект своей нежной страсти», тогда как «известно», что «элегия существует не для того, чтобы в ней

---

[1] О лирике. С. 37.

кого-нибудь воспевать и кем-то восторгаться». [1] Ничего нового тут еще нет. Элегия именно для этих целей и предназначалась, точнее — элегия «эротическая», которая, по определению Н. Ф. Остолопова, в отличие от «тренической» (та «описывает печаль, болезнь и всякое несчастливое приключение»), занимается «одною только любовью и всеми от любви происходящими следствиями». [2]

В статье «О элегии и героиде (Из Сульцеровой теории изящных искусств)», которую опубликовал в 1818 году журнал «Благонамеренный», мы находим более развернутое определение жанра: «Итак, все кроткие чувства, при которых дух наш находится в положении страдания, как-то жалобы на потерю любимой особы, на неверность друга, на несправедливость и угнетение, на жестокость судьбы; удовольствие, проистекающее от взаимного примирения; выражения благодарности, благоговения и всякой другой соединенной с приятною нежностию страсти составляют содержание элегии...»[3]. Причем специально оговаривается, что даже «кроткое веселие»[4] не противопоказано элегии.

Таким образом, Языков вполне традиционно воспевает предметы своей страсти, а вернее, свое чувство к ним. Но все дело в том, как воспевает.

В отличие от своих предшественников, в противовес предписанным «кротким чувствам», Языков вносит в свою элегию иронию.[5] Он иронизирует над своею любовью, ее предметом, над своими стихами.

Большинство его элегий в 1820-е годы прямо или косвенно связаны с Воейковой, которой Языков был увлечен в это время. Его чувство к ней было, возможно, головным, отчасти «напущенным», однако несомненно одно — оно сыграло большую роль в поэтическом развитии Языкова.

Воспитанница Жуковского, женщина прекрасно образованная, хозяйка литературного салона и предмет восхищения многих поэтов (Боратынского, И. Козлова, Ф. Глинки), Воейкова была для молодого Языкова подлинным ценителем его стихов и компетентным критиком. Она побуждала его к поэтической деятельности и даже порой задавала темы («слова») для стихотворений.

---

[1] Хан Е. И. Жанровое и стилевое своеобразие лирики Н. М. Языкова: Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1979. С. 14.

[2] Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. Спб., 1821. Ч. 1. С. 356.

[3] «Благонамеренный». 1818, № 7. С. 71.

[4] Там же. С. 70.

[5] У Языкова есть, конечно, и не иронические элегии; речь идет здесь о новаторском подходе поэта к трактовке этого жанра.

Досада на Воейкову, которая не отвечала на чувства поэта, но, как ему казалось, удерживала его при себе «коварной лаской» с целью доставлять стихотворный материал в издания мужа, заставила Языкова говорить о своей влюбленности и стихах как о «миленьких бреднях». Самый объект этих бредней превращается у него из «звезды любви и вдохновенья» то в сухо-ироническое «мой почтенный идеал», то даже в неуважительное «res publica».[1]

Ирония — явление большой разрушительной силы. Как известно, она сыграла важную роль в преодолении романтической идеализации жизни.

Языковская ирония не была вполне адекватна романтической по своему характеру: она гораздо рационалистичнее. Как правило, пафос и ирония не обращены у него на объект изображения одновременно. В отличие от Гейне, например, который любит и в то же время иронизирует над своей любовью, Языков начинает иронизировать лишь тогда, когда наступает отрезвление, то есть над уже прошедшим чувством. [2]

Тем не менее эта ирония была направлена против элегической формы, как она сложилась к началу 1820-х годов в системе устойчивых поэтических стилей.

Из поэтов пушкинского окружения Языков был единственным, кто покушался на эту элегию подобным образом. Можно встретить, правда, нечто похожее в интимной лирике Дениса Давыдова («Неверной», 1817; «Решительный вечер», 1818 ?), но только не в элегии, которая стойко сохраняет у него традиционное для 1810-х годов содержание и соответствующий стиль.

Вторгшись в этот жанр, ирония особым образом перестроила его. У Языкова есть несколько вариантов иронических элегий. Иногда он почти сразу предупреждает читателя, что все человеческие ценности, с которыми имеет дело элегия, поставлены под сомнение (см., например, «Напрасно я любви Светланы...»). Но более распространен другой случай, когда в первой части элегии иронический тон едва намечен, чуть сквозит за условными элегическими формулами, как, например, в элегии «Теперь мне лучше: я не брежу...». Глубокая пауза или внезапно вторгающийся смелый оборот (в данной элегии просторечное «десятка с два») подготавливают в таком случае иронический поворот концовки:

Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,

---

[1] Общее достояние *(лат.)*.

[2] О характере языковской иронии см.: Семенко И. С. 195—196.

Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и скучна!

В этих концовках Языков часто прибегает к дерзким, намеренно бытовым, «низким» сравнениям: его поэзия поет, «как сибирская пищуха», страсть слетает с души, подобно куликам, и т. п.[1] Да и нарочитая небрежность языка, приближающая его к разговорному, даже «незастенчивость» слов встречаются у Языкова чаще всего именно в элегиях, иронически трактующих переживания героя.

Процесс «снижения» элегических ценностей как бы завершается у Языкова тем, что он сам бурсацки-грубые, эротические (уже в современном понимании этого слова) стихи называет элегиями.

Языковская «поэзия была самым сильным противоядием пошлому морализму и приторной элегической слезливости,— писал Белинский.— Смелыми и резкими словами и оборотами своими Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии».[2]

5

1824—1826 годы были временем творческой кульминации Языкова, ознаменованной, в частности, его пушкинским циклом.

Отношение Языкова к Пушкину было крайне непростым. С одной стороны, он, как и все поэты той поры, испытывал мощное воздействие пушкинского гения, был увлекаем вместе со всей русской поэзией в направлении, им предуказанном, пользовался его завоеваниями; с другой — сознательно и бессознательно боролся за свою самостоятельность, искал своих путей и решений.

Это сопротивление Пушкину было для Языкова, как и для других поэтов пушкинского направления (например, Боратынского), жизненно важным. Чтобы сохранить свою самостоятельность, они должны были внутренне отталкиваться от Пушкина.

К тому же как поэт Языков развивался значительно медленнее и отчасти также поэтому не понимал и не принимал многих завоеваний

---

[1] Антитеза, контраст, внезапный поворот в развитии лирического сюжета — прием, вообще свойственный поэтике Языкова. И. М. Семенко удачно называет его «эффектом неожиданности». Этот прием, несомненно, участвует у поэта в «преобразовании традиционной жанровой структуры элегии», в том числе и не иронической (см.: Семенко И. С. 198).

[2] Белинский. Т. 5. С. 560—561.

Пушкина, иногда, впрочем, осваивая их позднее. Языкову не нравились романтические поэмы Пушкина (за романтизм), «Евгений Онегин» [1] и «Полтава» (они казались прозаическими), не нравились «Повести Белкина» (предпочитал Марлинского), сказки (предпочитал Жуковского). Он считал «вздором»[2] такие вещи Пушкина, помещенные в «Северных цветах» и «Новоселье», как «Моцарт и Сальери», «Анчар», «Домик в Коломне». Выше других он оценивал «Бориса Годунова» и «Графа Нулина», которые слышал в Михайловском в чтении самого Пушкина.

До встречи Пушкин не был для Языкова даже главой литературы, эту роль отводил он Карамзину и Жуковскому.[3] Он считал Пушкина в то время только человеком «необыкновенным» и прославленным, к знакомству с которым его побуждало более всего любопытство.[4]

Общение с Пушкиным многое изменило в отношении Языкова к самому поэту (с этих пор, благодаря в основном усилиям Пушкина, их связывает род дружбы и литературного союза), но не в отношении к пушкинскому творчеству.

Из михайловской ссылки Пушкин первый обратился к Языкову с посланием («Издревле сладостный союз...», 1824) и через своего соседа и приятеля А. Н. Вульфа, с которым Языков учился, пригласил его приехать. Послание не застало Языкова в Дерпте, и он ответил на него только в начале 1825 года («Не вовсе чуя бога света...»)

Свидание поэтов состоялось в июне — июле 1826 года в Тригорском, имении Осиповых-Вульф, и Языков провел там время «приятно и сладостно»,[5] как он сообщал потом в письмах родным. В стихах же, которые он начал писать сразу по возвращении в Дерпт, пребывание в Тригорском и встреча с Пушкиным вообще предстают как некий пир свободы и вдохновения.

Это определяет основной тон посланий к Пушкину («О ты, чья дружба мне дороже...»), к П. А. Осиповой («Аминь, аминь! Глаголю вам....»), «Тригорского» — и соответственно окрашивает их детали. Пушкин — «вольномыслящий поэт», «наследник мудрости Вольтера»,

---

[1] Но в 1840 г. больному Языкову каждое утро по его просьбе читали пушкинский роман (см.: «Дневник» П. М. Языкова, запись от 1 марта/27 февраля 1840 г.//ПД).

[2] Письмо к А. М. Языкову от 6 января 1832 г.//«Литературное наследство». М., 1952. Т. 58. С. 106.

[3] Яз. архив. С. 250.

[4] См.: Письмо к А. М. Языкову от 5 мая 1826 г.//Яз. архив. С. 249.

[5] Письмо к П. М. Языкову от 11 августа 1826 г.//Там же. С. 259.

его дружба — «святее царской головы»; Тригорское — «страна, где вольные живали Сыны воинственных славян» и т. п. Беседуя, поэты в мечтах «летают по вселенной в былых и будущих веках» и зовут на Русь свободу.

Можно предположить с большой степенью вероятности, что беседы эти затрагивали и события 14 декабря.

Пушкина могли интересовать сведения, которыми располагал Языков, ездивший в Петербург в декабре 1825 года на рождественские каникулы. Он приехал туда через десять дней после восстания и оставался там два месяца. Только из самого ближайшего окружения Языковых были арестованы братья Очкины (скоро выпущены), С. М. Семенов,[1] а также шурин П. М. Языкова — декабрист В. П. Ивашев.

Незадолго до приезда в Тригорское Языков получил известие из Петербурга о том, что 1 июня учрежден Верховный суд для разбора дела «бунтовщиков-либералов». «Скоро услышу, может быть,— писал он по этому поводу П. М. Языкову,— что моим литературным товарищам головы отрубят; это неприятно даже в ожидании!».[2]

Пушкин в эту пору тоже ждал решения своей участи и имел основание опасаться новых репрессий. Мог беспокоиться и Языков: его вольные стихи ходили по рукам, их могли обнаружить в бумагах арестованных.

Если учесть данные обстоятельства, то светлый, ничем не омраченный мир пушкинского цикла, особенно стихотворений, написанных в 1826 году, может вызвать удивление. Однако он вполне объясним.

Встреча поэтов, по-видимому, действительно была радостной. В эти летние месяцы 1826 года оба они еще ничего не знали о приговоре восставшим и надеялись на лучшее. Казнь пяти декабристов совершилась 13 июля, но весть о ней дошла до Пушкина только 26-го, когда Языков был уже в Дерпте (он вернулся туда 24 июля).

Насколько можно судить по реакции Пушкина и Языкова на известие о приговоре и казни, ни тот ни другой не ожидали столь беспощадной и жестокой расправы. Возлагали надежды (Языков в частности) на политическую невыгодность суровых мер, на то, что

---

[1] Секретарь коренной управы Союза благоденствия, потом член Северного общества. По воспоминаниям Свербеева, он пытался в свое время вовлечь в Общество А. М. Языкова, но тот отказался, не столько из осторожности, полагает Свербеев, сколько из-за языковской «апатии» (Свербеев. Т. 1. С. 278).

[2] Письмо к П. М. Языкову от 9 июня 1826 г.//Яз. архив. С. 255.

восстание послужит уроком царям, наконец на амнистию в связи с коронацией.[1]

Казалось, не исключены были даже прогрессивные общественные перемены, необходимость которых столь явно обнаружили революционные события 14 декабря.[2]

7 августа 1826 года Языков, получив известие о казни декабристов, пишет стихи на смерть Рылеева («Не вы ль убранство наших дней...»). Стихотворение это является вершиной политической лирики Языкова. Смелость мысли, резкий поворот ее, сила и открытость эмоции в сочетании с энергией стиха и сжатостью выражения (почти афористической) делают стихи выдающимися среди произведений, посвященных декабристам в русской поэзии.

Худшие опасения Языкова начинают сбываться. Тем не менее, хотя послание к П. А. Осиповой и «Тригорское» еще не закончены, дурные вести ничего не меняют в мажорном настрое стихотворений. Может быть, потому, что не все надежды еще потеряны, а может быть, еще из-за того, что мрачное настоящее сразу отодвинуло тригорское лето в счастливое прошлое, навсегда превратив его в неувядаемый «праздник бытия».

В «Тригорском» он показал себя и мастером пейзажной лирики.

Совершенно очевидно, что в этой области Языков, как и Рылеев, учился у Пушкина, однако несомненно при этом его поэтическое своеобразие. Он изображает природу, как правило, в нарастающем движении, то есть прежде всего ее явления (восход солнца, грозу и т. п.), которые, как и подобает природным явлениям, совершаются

---

[1] «До нас еще не доехали милостивые манифесты по случаю царевенчания,— писал Языков из Дерпта П. М. Языкову 2 сентября 1826 г.,— говорят, что в них много хорошего и доброго во всех смыслах; говорят даже, что судьба несчастных возмутителей сильно облегчится — дай бог! И это надобно сделать и по человечеству, и по политике: первое не дает никому права отнимать жизнь у себе подобного или превращать ее из прекрасной в адскую, а вторая велит быть осторожною даже голове венценосной и руке, по манию которой судят, осуждают, пытают и вешают! А нечего сказать: смягчение наказаний из отсечения головы в вечную или 20-летнюю, что равно, каторгу напомнило бы равномерно милосердые поступки императрицы Анны Ивановны» (Яз. архив. С. 260).

[2] «Нового государя все хвалят, особенно немцы, да и за дело: он... кажется, имеет волю крепкую и истинное расположение к добру. Можно надеяться много хорошего по всем частям государственным; благодаря кого бы то ни было, Россия теперь самое обширнейшее поле для улучшений, преобразований и ознаменования души, могучей в действиях, определяющих судьбу полсвета. Дай бог Петра: он необходим там, где так долго без него обходились — и как обходились!» (Там же).

величественно. Говорит Языков о них «пламенно и торжественно», [1] по его собственным словам, явно в ломоносовской традиции, используя все преимущества своего характерного стиля.

В том же августе 1826 года написано и послание Языкова «Вульфу, Тютчеву, Шепелеву», полное благородных мыслей о служении родине и веры в то, что общие усилия молодого поколения помогут обновить жизнь.

Царский манифест не оправдал ожиданий. И Пушкин, который после свидания с царем в начале ноября вернулся в деревню и прочел у Осиповых «Тригорское», счел нужным предостеречь Языкова: «Дай бог вам здоровья, осторожности, благоденственного и мирного житья». [2]

Последние годы, проведенные поэтом в Дерпте (1827—1829), во многом проходят под знаком этой осторожности, а главное, пустоты, образовавшейся от крушения вольнолюбивых надежд, от несостоявшейся любви, от утраты Дерптом своей притягательной атмосферы.

Один за другим уезжают из Дерпта приятели: А. Н. Вульф, П. Н. Шепелев, А. Н. Татаринов и другие. В январе 1827 года поэт выходит из университета и начинает готовиться к экзаменам, но дело не идет. Языкова беспокоит мысль, что экзамены он должен сдать «блистательно», так как имя его слишком известно в Дерпте, между тем как самому ему это совершенно не нужно и только отвлекает от поэзии. Мучает безденежье (деньги из дома высылаются нерегулярно), растут долги: кредитом Языкова без его ведома пользуются немецкие студенты, которых он приглашал к себе жить для совместных занятий. Это, а также расходы на врача, на книги и денежные вспоможения различным лицам в конце концов увеличили его задолженность до такой степени, что лишили возможности свободно выезжать из Дерпта.

Языков пишет в эту пору довольно много, но все более утрачивая свой пафос, тот «свет любви», по выражению Гоголя, с потерей которого «примеркнул и свет поэзии» его.[3] В стихотворениях пушкинского цикла, относящихся к 1827 году,[4] Языков говорит уже главным образом о «сельской», «милой и безгрешной» свободе, о презрении и вражде Пушкина не к самодержавию, а к «ласкам» и «изменам» людским. А в студенческих песнях 1829 года былое вольнолюбие предстает как свобода времяпрепровождения гуляки-студента. «Разгульные красот-

---

[1] Письмо к П. М. Языкову от 11 августа 1826 года//Яз. архив. С. 259.

[2] Письмо к Н. М. Языкову от 9 ноября 1826 года//Пушкин. Т. 13. С. 305.

[3] Гоголь. Т. 8. С. 389.

[4] «К няне А. С. Пушкина», «К Вульфу» («Поверь, товарищ, сладко мне...»), «К П. А. Осиповой» («Благодарю вас за цветы...»).

ки» и вино полностью заменяют теперь «Волхов, Тибр и Иппокрену» (то есть свободу и вдохновение).

Особенно свидетельствуют об угасании творческого подъема написанные в то время многочисленные послания Языкова, которые варьируют мотивы стихотворения «Вульфу, Тютчеву, Шепелеву», но разительно отличаются от него в худшую сторону.

Языков отдавал себе отчет, что эти произведения созданы не вдохновением, а поэтическим навыком. Но вот что характерно: он полагал, что это не вредит делу. «В роде посланий я, кажется, довольно набил руку и могу писать их безо всякого напряжения умственной силы, об чем угодно и к кому угодно», [1] — признавался он брату. Однако требовательный читатель расценивал такие произведения иначе. А. Н. Вульф приводит, например, в своем дневнике отзыв Дельвига о языковских посланиях к нему и к Вульфу. Он «говорил, что они только годны для эпиграфов к романам». «Я с ним согласен,— добавляет Вульф,— ...в них есть хорошие стихи, сильные слова, но нет новых мыслей, обороты их даже те же». [2] По меткому определению Жуковского, это был «восторг, никуды не обращенный». [3] Это в лучшем случае, в худшем же — вместо языковского динамизма появляются длинноты, вялость, а поэтическая смелость оборачивается неряшливостью. Здесь впервые начинают появляться у Языкова выражения неточные, плохо найденные, даже безвкусные. В атмосфере гармонической точности слово «было точным в том смысле, что всякий сдвиг, который не был большой художественной удачей, оказывался ошибкой...». [4] Языков не был теперь защищен от таких ошибок свежей мыслью и подлинным чувством.

Первый отрицательный отзыв о поэзии Языкова был связан именно с его посланиями. Н. Полевой, жалуясь при разборе альманаха «Северные цветы» на однообразие современной поэзии, не дающей «живых впечатлений», упоминает в одном ряду с наскучившими мотивами третьестепенных писателей и Языкова, его «прозаические напоминания о немецких профессорах, восклицания о вине, табаке, пунше, студенческих беседах, старание выискать новый оборот для старой мысли».[5]

---

[1] Письмо А. М. Языкову от января 1827 г.//Яз. архив. С. 301.

[2] Вульф А. Н. Дневники. М., 1929. С. 165.

[3] Гоголь приводит этот отзыв в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (Т. 8. С. 279).

[4] Гинзбург Л. Я. О старом и новом. С. 132.

[5] [Полевой Н.] Северные цветы на 1828 год//«Московский телеграф». 1828, № 1. С. 127.

6

В мае 1829 года Языков наконец покидает Дерпт, намереваясь держать экзамен позднее — в Казанском, Московском или Петербургском университете. В Москву он приезжает вместе с новым своим приятелем А. П. Петерсоном и останавливается в доме его родственников Елагиных — Киреевских. С этого времени начинается его дружба с Киреевскими, во многом определившая его воззрения и направление деятельности в оставшиеся годы жизни.

Пробыв месяц в доме Елагиных, Языков отправляется в Симбирск, проводит там зиму, а весной снова возвращается в Москву, где собирается держать экзамен. Здесь (в 1829—1831 годах) знакомится он с рядом литераторов, близких Киреевским,— А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым, Каролиной Павловой (тогда — Яниш), М. А. Максимовичем, Н. А. Мельгуновым и другими; возобновляет знакомство с Боратынским, часто общается с Пушкиным.

Языков живет интересами этого круга, строит планы совместной деятельности, в частности по организации журнала,[1] по сбору и изданию русских народных песен,— словом, ведет жизнь литератора. Постепенно у него зреет решение не тратить времени на экзамен, а поступить для получения чина [2] на службу, которая была бы синекурой. В сентябре 1831 года Языков поступает в Межевую канцелярию. «Место, мною занимаемое,— пишет он брату,— единственное в России уже и потому, что я его занимаю! Боратынский сидел на нем дома с честию: дослужился до 14 класса — и вышел вон!»[3]

Летом 1832 года Языков снова в Симбирске, а в ноябре, получив чин коллежского асессора, не выезжая в Москву, подает в отставку и получает ее в 1833 году. В том же году выходит первый сборник стихов поэта.

В это время он уже серьезно болен. Еще в Москве у него появились признаки тяжелой болезни, которая резко усиливается в Симбирске. В 1838 году его, уже лежачего, перевозят в Москву, а через два

---

[1] Вместе с Киреевскими и Боратынским он одно время хочет перекупить у Погодина «Московский вестник», потом принимает участие в «Европейце» Ив. Киреевского, который был запрещен на 3-м номере, а также в «Московском наблюдателе».

[2] «По понятиям того времени,— пишет Свербеев,— каждому дворянину, каким бы великим поэтом он ни был, необходимо было служить или, по крайней мере, выслужить себе хоть какой-нибудь чинишко, чтоб не подписываться недорослем» (Свербеев. Т. 2. С. 97).

[3] Письмо к П. М. Языкову от 23 сентября 1831 г.//Языков Н. Соч. Л., 1982. С. 343.

месяца отправляют за границу, на воды (в Австрию, Германию, Италию).

Таков внешний ход событий.

Внутренне для Языкова 1830-е годы были временем поиска новых художественных ориентиров, попытками стать, как он говорил, «объективнее» и создать нечто крупное, значительное.

Время было тяжелое для людей, не безразличных к судьбам своей родины и народа, и не только из-за наступившей реакции. После 1825 года прежние пути борьбы за социальную справедливость оказались закрытыми или, что хуже, скомпрометированными. Подлежала пересмотру и система ценностей, связанная с периодом дворянской революционности.

Многие оказались в пустоте, без поля деятельности и надежд, мучительно переживая эти утраты. Другие заново начали трудный поиск путей общественного развития, причем часть когда-то прогрессивно мыслящей интеллигенции оказывается в конце концов на позициях объективно реакционных.

Осмысление русского и европейского опыта (июльская революция во Франции в 1830 году, польское восстание в 1831-м) идет в напряженной идеологической борьбе, особенно обострившейся к середине следующего десятилетия. В конце 1820-х — начале 1830-х годов выработка новых идей только начинается.

Существенно меняется и понимание задач литературы. Из разных лагерей и группировок в эти годы настойчиво раздается требование мысли в поэзии (именно в поэзии поначалу, так как в 1820-е годы она господствовала над прозой). От нее ждут теперь то сильных романтических страстей и пророчеств, то осмысления коренных проблем бытия.

Первые годы после отъезда из Дерпта были ознаменованы для Языкова яркой творческой вспышкой. В эту пору написаны «Пловец» («Нелюдимо наше море...»), «Подражание псалму CXXXVI», «Водопад», цикл стихов, посвященных цыганке Тане, «Ау!», «Воспоминание об А. А. Воейковой», затем послание «Д. П. Ознобишину» и, наконец, в 1835 году послание «Д. В. Давыдову» («Жизни баловень счастливый...»), которое, по воспоминаниям Гоголя, вызвало слезы у Пушкина.[1]

Это были прекрасные стихи. Они демонстрировали возросшее мастерство поэта и лучшие черты найденного им стиля. Многие из них явились и первым откликом Языкова на требование нового исторического периода.

Общение с молодыми талантливыми литераторами, мечтающими приносить пользу отчизне, новые идеи и планы совместной деятельности — все это оживило надежды Языкова на перемены к лучшему.

[1] Гоголь. Т. 8. С. 387—388.

Выражением этих надежд явился в первую очередь знаменитый «Пловец» («Нелюдимо наше море...»),[1] написанный в 1829 году в Симбирске, куда Языков приехал взволнованный московскими впечатлениями.

Представлялось, что, если удастся выстоять против «бури», общими усилиями сохранить верный курс, «блаженная страна» будет достигнута.

Поэту во время «непогоды» принадлежит особая роль. (Тема эта развивалась Языковым в подражаниях псалмам и в программном стихотворении «Поэту», открывшем сборник 1833 года.) Он должен быть неподкупным, хранить верность «высоким песням прежних дней», но главное — облегчать муки рабов и смягчать жестокие сердца венценосцев.

Поэт Языкова уже не бард, сзывающий бойцов на битву, не вольномыслящий студент, а божий избранник. Это Давид-псалмопевец, при звуках арфы которого смиряется безумный царь Саул.

«С первого января 1832 года моя муза должна преобразиться,— писал Языков В. Д. Комовскому осенью 1831 года, прося прислать ему журнал «Христианское чтение» и Библию на немецком языке.— Я перейду из кабака прямо в церковь!! Пора и бога вспомнить!..»[2] Он торопится с изданием своего сборника в первую очередь потому, что на его «любовных, винных» стихотворениях «есть особенный отпечаток, и характер в них дышит такой, которого не должно быть в последующих. Пусть они и существуют особняком».[3]

Переложение псалмов и библейский стиль появляются в творчестве Языкова не случайно.

Прежде всего это было привычное иносказание, к которому издавна прибегала в подцензурных условиях гражданская поэзия, в частности поэзия декабристская. Связанный в сознании того времени с высокой духовностью, этот стиль также соотносился с идеями мессианской роли поэта и нравственного сопротивления неправой власти, почерпнутыми Языковым в кругу его новых друзей. И наконец, краски этого стиля и его контрастность по отношению к предшествующему творчеству Языкова позволяли ему более резко подчеркнуть свое вступление в новую эпоху — пору человеческой и поэтической зрелости.

Языков остро ощущает необходимость коренных перемен в своем творчестве. В семье Киреевских его принимают восторженно, на

---

[1] «Пловец» стал впоследствии одной из любимых песен демократической молодежи и дожил в этом качестве до XX века.

[2] Н. М. Языков и В. Д. Комовский: Переписка 1831—1833 годов// «Литературное наследство». 1835. Т. 19/21. С. 51.

[3] Письмо к А. М. Языкову от 30 сентября 1831 г.//Соч. 1982. С. 344.

дружеских пирушках украшают цветами, стилизируя под молодого Вакха, но впредь ждут от его музы чего-то более серьезного и весомого. К этому же стремится и сам Языков.

Однако после поэтического подъема 1830—1831 годов, который Языков принял было за «зарю» своей будущей деятельности,[1] ничего существенного создать ему не удается. Остался нереализованным и замысел трагедии «Саул», возникший у поэта в 1829 году.

Всякими путями он стремится возбудить себя к творческой деятельности. То «для плезиру» и в надежде, что это «разгибает талант и учтивит способ выражаться»,[2] занимается сочинением стихов в альбомы незнакомым дамам. То заключает пари с Елагиным, что напишет к 1 января 1832 года 2000 стихов. То участвует во взаимном уговоре с А. С. Хомяковым и М. П. Погодиным написать к 23 декабря 1831 года большое сочинение.[3]

Языкову кажется, что писать он не может, потому что до сих пор не «уселся» на своем удобном, постоянном месте. В Москве ему мешает рассеянная, шумная жизнь; в Симбирске, даже в Языкове,— «смуты» хозяйственные, «вздоры» и «пустяки» совместной жизни с родственниками. Он бежит из Симбирска в Москву, из Москвы снова домой. «Кочевая жизнь,— жалуется он А. Н. Вульфу,— не благоприятствует поэтической деятельности в России; вероятно, она-то и причина тому, что нет у нас ни одного поэта из цыганов!..» [4]

Все эти метания объясняются, вероятно, тем, что теперь, в 1830-е годы, Языков, при всех своих удачах и достижениях, все же ничего не определял в литературном процессе и хорошо сознавал это. В 1820-е годы он числил себя в «первенцах полночных муз», сейчас это ощущение справедливо утрачивается.

Тем активнее была деятельность Языкова в тех областях, которые раньше казались ему чуждыми для поэта,[5] в журнальной, издательской, например. Он принимает участие в организации «Европейца», потом «Московского наблюдателя», осуществляет большую работу по сбору и подготовке к изданию совместно с П. В. Киреевским собрания русских народных песен. Языков привлекает к собиранию материалов и своих родственников, прежде всего братьев. «...Тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сли-

---

[1] «Это поздняя заря — но все-таки еще заря!» (Письмо к А. Н. Вульфу от 30 марта 1832 г.//В у л ь ф А. Н. Дневники. С. 113—114).

[2] Письмо к А. М. Языкову от 9 декабря 1831 г.// Соч. 1982. С. 346.

[3] См.: П о г о д и н М. П. Письмо к Пушкину от 31 июня 1831 г.// П у ш к и н. Т. 14. С. 170.

[4] Письмо от 30 июля 1832 г.// В у л ь ф А. Н. Дневники. С. 115.

[5] См.: Письмо к А. М. Языкову от 27 января 1827 г.//Яз. архив. С. 292.

чит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, какой нет и быть не может ни у одного народа,— пишет он А. М. Языкову,— положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского».[1]

Львиная доля из помещенного в собрании П. В. Киреевского была собрана братьями Языковыми, поэтому П. В. Киреевский предлагал даже написать на заглавном листе предполагавшегося сборника «изданное Н. Языковым и П. Киреевским», так как именно Языкову принадлежат «и первая честь собрания, и большое количество и лучший цвет песен».[2]

Интерес к национальному прошлому, к своеобразию исторического развития народа и особым чертам национального характера часто возникает не только в моменты общественного подъема, но и в эпохи осмысления горького исторического опыта. Требование народности литературы, внимание к фольклору — зеркалу народной души — были в 1830-е годы естественным следствием этого направления общественной мысли.

Сильнейшим стимулом в собирании народных песен явилось для П. В. Киреевского и Языкова «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, опубликованное в 1836 году, но написанное в начале 1830-х годов и распространявшееся в списках. Чаадаев утверждал, что у русского народа отсутствует богатое мыслью и деятельностью историческое прошлое, что в преданиях народных не осталось «ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов», «ни мощных поучений».[3]

Эти мысли не разделялись, как известно, большинством прогрессивно мыслящих людей. Пушкин счел даже необходимым сформулировать свои возражения Чаадаеву в специальном письме.

Кстати, одно время предполагалось, что предисловие к сборнику П. В. Киреевского напишет Пушкин. Но то же большинство (например, Герцен и будущие западники) прекрасно понимало, что горький скептицизм Чаадаева вызван тяжким настоящим русского народа. Что же касается будущего, то и сам Чаадаев в конце 1830-х годов не стоял на прежних позициях: в «Апологии сумасшедшего» (1837) он говорит об исторической роли русского народа, призванного «решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество».[4]

---

[1] Письмо А. М. Языкову от 12 июля 1831 г.//Соч. 1982. С. 342.

[2] Письмо к Н. М. Языкову от 14 октября 1833 г.//Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. М.; Л. 1935. С. 51.

[3] Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1987. С. 37.

[4] Там же. С. 143.

Позиция П. В. Киреевского и полемический характер ее были уже достаточно определенными в начале 1830-х годов. «Я с каждым часом чувствую живее, что отличительное, существенное свойство варварства — *беспамятность;* что нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти».[1]

Эта бесспорная в общей форме посылка, полностью разделявшаяся Языковым, позволила, однако, впоследствии сделать П. В. Киреевскому реакционные выводы, так как дело было не только в ценности для народа национальной гордости вообще, но и в том, что́ является предметом этой национальной гордости. Без ясного осознания последнего идея национальной гордости легко могла перерасти и постоянно перерастает в чувство национальной исключительности, губительное для всякого народа.

Первый сборник стихов Языкова вышел совсем не в том виде, как предполагал поэт. Книга чрезвычайно пострадала от цензуры. Вольнолюбивый дух языковской лирики, особенно 1820-х годов, был из нее начисто изгнан путем изъятий, купюр и смягчений. Языков даже совсем хотел отказаться от издания, так как в нем его муза стала походить скорее «на рекрута, нежели на студентскую прелестницу».[2]

К тому же, поэту не удалось посвятить этот сборник только дерптским своим произведениям, как он намеревался. В него были включены и стихотворения 1830—1832 годов, и, также искаженные цензурой, они как-то растворились в характерных стихах дерптского периода, не определив лица книги.

Как и опасался Языков, его «Стихотворения» не встретили единодушного одобрения.

В развернутой рецензии на них Кс. Полевой вынес автору жестокий приговор. Критик предъявляет Языкову, как любому лирическому поэту, два требования: «индивидуальности» и «современности». Оба эти свойства обязательны, так как индивидуальность — это «душа», «природа» поэта, а требование современности диктуется тем, что каждый поэт — «сын какой-нибудь земли и гражданин какого-нибудь века».[3]

В обоих этих свойствах Кс. Полевой Языкову отказывает или почти отказывает, так как у него «нет впечатлений, которые бы показали нам его душу», и на все предметы он смотрит «равнодушно»,

---

[1] Письмо к Н. М. Языкову от 17 июля 1833 г.// Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. С. 43.

[2] Письмо к А. Н. Вульфу от 30 марта 1832 г.//В у л ь ф А. Н. Дневники. С. 114.

[3] [П о л е в о й К. А.] Стихотворения Н. Языкова // «Московский телеграф». 1833, № 6. С. 230.

его не волнует ни родная природа, ни «деяния предков», ни идеи «своего времени, своей судьбы, своих сограждан».[1] «Что же нашли мы? — заключает критик.— Односторонность и какую-то холодность чувства; мало индивидуальности поэтической, но зато самобытность или, лучше сказать, незаимствованность картин; мы не нашли в нем никаких глубоких многообъемлющих идей, но заметили язык и выражения истинно-поэтические. Достоинства г. Языкова можно выразить тремя словами: он поэт выражения».[2]

Кс. Полевой верно указал на слабые стороны поэзии Языкова, ставшие особенно заметными после 1826 года и в опустошенном цензурой первом сборнике его стихов. Но он не был прав, распространяя свой вывод на все творчество поэта, перечеркивая его прошлое и не видя предпосылок для будущего.

В защиту Языкова выступил И. В. Киреевский.[3] В ответ на обвинение в бессодержательности и холодности Языкова, он характеризует, с возможной в подцензурных условиях точностью, «господствующий идеал» поэта («Простор души и жизни») и «господствующее чувство» его стихов («электрический восторг»)[4] и выражает надежду, что «поэт, проникнув глубже в жизнь и действительность, разовьет идеал свой до большей существенности».[5]

Еще в Дерпте возникают у Языкова замыслы эпические. Он пытается создать, главным образом на материале ливонской истории, романтическую поэму. От этих замыслов в 1820 годы остались лишь планы и отдельные фрагменты, опубликованные в качестве отрывков («Разбойники», «Ала», «Меченосец Аран»).

В 1835—1837 годах он принимает участие в «сказочном состязании» Жуковского и Пушкина. Ему удается на этот раз завершить свое эпическое произведение — «Сказку о пастухе и диком вепре» и написать вслед за ней большое драматическое произведение — «Жар-Птицу».

В обоих произведениях Языков, как отмечал это в свое время М. К. Азадовский,[6] стоял на позициях Жуковского, а не Пушкина. Первая сказка явно пародировала пушкинский метод обработки фольклора, как представлял его себе Языков. Подобно Боратынскому, он считал, что Пушкин просто перелагает стихами народный образец,

---

[1] [Полевой К. А.] Стихотворения Н. Языкова // «Московский телеграф». 1833, № 6. С. 231.

[2] Там же. С. 237.

[3] Y — Z [Киреевский И. В.] О стихотворениях г. Языкова// «Телескоп». 1834, ч. 19, № 3. С. 163—177 и № 4. С. 232—242.

[4] Подробнее см. с. 12—13 наст. статьи.

[5] «Телескоп». 1834, № 4, С. 242.

[6] Азадовский М. К. Н. М. Языков // Языков Н. М. Полн. собр. стих. М., 1934. С. 69—72.

не возводя его в перл создания: [1] «Грех не велик, да не велик и труд!»

В «Жар-Птице» Языков дает, как и Жуковский, литературную обработку народного сюжета. И в той и в другой сказке обнаруживается ироническая модернизация фольклора, роднящая поэта с немецкими романтиками.[2]

Нового и более существенного содержания достичь здесь Языкову не удалось. Герой «Жар-Птицы», Иван-царевич, разительно напоминает автобиографического героя языковских посланий — это тот же добрый молодец, полный юношеского пыла и благородных мыслей, часто попадающий впросак в реальных жизненных обстоятельствах.

Обе сказки не были удачей поэта. Не удались ему и другие произведения в эпическом и драматическом роде. Уже за границей Языков пишет небольшую поэмку в стихах «Сержант Сурмин» (1839), затем сцены «Встреча Нового года» и «Странный случай» (1841), а вернувшись в Москву — «Отрок Вячко» (1844) и «Липы» (1846).

Все они отличаются незначительностью содержания и отсутствием художественной новизны. В основе каждого из этих произведений (за исключением «Отрока Вячко») лежит анекдот.

Впрочем, «Сержант Сурмин» написан лучше, изящнее других, но «быль» эта, как называет его Языков, почти совершенно лишена характерных красок быта, из которого естественно вырастают, например, анекдоты Пушкина. Неприятно проступает в ней нравоисправительная тенденция, которую справедливо высмеял Герцен. [3]

«Встреча Нового года» претендует как будто на изображение живой картины споров московской интеллигентной молодежи. Однако картина получилась крайне бледной, борьба идей поверхностна, характеры действующих лиц почти не индивидуализированы ни в психологическом, ни в социальном плане. В диалогах чувствуется явная зависимость от Грибоедова (недаром он часто цитируется действующими лицами).

В «Странном случае», однако, сделана попытка дать два контрастных психологически и морально неравноценных образа. Самый анекдот обосновывается здесь психологически.

В обеих сценах чувствуется биографический подтекст.

Появление в творчестве Языкова стихотворных повестей — факт типический для эпохи 1840-х годов, с ее явным перевесом прозы над стихами и стремлением к изображению жизненной конкретно-

---

[1] См.: Письмо Боратынского к И. В. Киреевскому от 1832 г.// «Татевский сборник». Спб., 1899. С. 48—49.

[2] См.: Гликман И. Д. Н. М. Языков//Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М.; Л. 1959. С. XI.

[3] См.: Герцен А. И. «Москвитянин» и вселенная//Собр. соч.: В 30-ти томах. М., 1959. Т. 2. С. 136.

сти. В это десятилетие выступают со стихотворными повестями И. С. Тургенев, А. Н. Майков; появляются социально-психологические очерки в стихах Н. П. Огарева, А. А. Григорьева и других поэтов.[1]

Но Языков, в общем, остался в стороне от критической направленности этих повестей. Она проникла лишь в его поэму «Липы». В результате получилось произведение, обличающее чиновничий произвол, но не затронувшее корней социального зла.

7

Опыты Языкова в эпическом и драматическом роде, не став явлениями большой поэзии, сыграли, однако, важную роль в его творческом развитии. В процессе освоения повествовательности Языкову удалось наконец преодолеть инерцию своего поэтического стиля, отойти от его стереотипов, а это облегчило ему путь к созданию лирики нового для него характера, иное наполнение которой потребовало иных поэтических средств.

В 1839—1841 годах появляются у Языкова произведения, как правило с пейзажной основой, в которых очень сильно были выражены простые, обыденные чувства: «кручина», «тоска неугомонная», томление и скука человека, которого злые обстоятельства все держат и держат на ненавистной чужбине.

В этих стихотворениях нет уже лирического героя. Перед нами сам поэт в конкретной жизненной ситуации. Болезнь заставляет его переезжать с курорта на курорт в поисках исцеления, испытывать боли и дорожные неудобства («Переезд через приморские Альпы»). Он то надеется на выздоровление («Поденщик, тяжело нагруженный дровами...»), то отчаивается («Бог весть, не втуне ли скитался...») и всюду возит за собой «несносную», «неугомонную» тоску по родине. «Скучными глазами» смотрит он на новые места (чаще всего — пейзаж за окном), и глаз его отбирает из окружающего прежде всего детали, чуждые русской природе и русскому быту, которые поэтому вновь и вновь возвращают его к мысли о России. На этих чужих местных приметах построены, например, элегии «Толпа ли девочек крикливая, живая...», «Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены...», «И тесно, и душно мне в области гор...» или «Крейцнахские соловарни».

В основе каждого стихотворения теперь лежит единичная, конкретная ситуация, приуроченная к определенному месту и времени.

Языков здесь прост, лаконичен, чувство, им испытываемое, часто прямо называется, как правило — во второй половине или концовке

---

[1] См.: Бухштаб Б. Я Русская поэзия 1840—1850-х годов// Поэты 1840—1850-х годов Л., 1962. С. 68 и след. (Б-ка поэта. МС).

стихотворения. Эти концовки по-прежнему весомы (по мысли и ритмически), но уже не стремятся к обязательному эффекту.

Чаще прежнего встречается теперь у Языкова шестистопный ямб,[1] а когда он употребляет привычный четырехстопный, он звучит уже спокойнее:

Бог вéсть, не втýне ли скитáлся
В чужих странáх я мнóго лéт!
Мой чéрный дéнь не разгуля́лся!
Мне утешéнья нéт как нéт.

Печáльный, трéпетный и тóмный,
Назáд в отéческий мой дóм,
Спешу, как пти́ца в кýст укрóмный
Спешит, заби́тая дождём.

Стиль его мало метафоричен, и в сочетании с простотой выражения, логической ясностью и лаконизмом чувство, даже открыто названное, выглядит благородно сдержанным.

Языков явно идет здесь по пути реалистической лирики Пушкина, однако не как эпигон, а как достойный последователь. Его поэзия вновь обретает человеческую индивидуальность, ставшую особенно заметной в стихах, связанных уже не условно-биографическим единством, а единством авторского сознания.

«Дарование его в последнее время замечательно созрело,— писал П. А. Вяземский,— прояснилось, уравновесилось и возмужало».[2] Он отмечает, правда, одностороннее, «преобладательное» направление языковской поэзии в эту пору, но с этой односторонностью справедливо связывает и силу воздействия его стихов.

Очень интересна чисто пейзажная лирика Языкова тех лет, вернее несколько стихотворений, в которых поэт как бы прячет свою эмоцию за объективной картиной изображаемого (например, элегия «На горы и леса легла ночная тень...», «Вечер»).

Оба эти стихотворения посвящены одной и той же теме — вечеру летнего дня, рисуют его в сходных красках и пронизаны одним чувством. Это какая-то торжественная умиротворенность, внутреннее приятие неизбежной и прекрасной кончины прекрасного дня.

Торжественная интонация, лаконизм, самый характер эмоции придают этим стихотворениям особую значительность, почти философичность, хотя они нисколько не философичны.

---

[1] См. об этом: Семенко И. С. 220.
[2] Вяземский П. С. 306.

На первый взгляд, Языков здесь очень близко подходит к Тютчеву, но только на первый взгляд,— чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить «Элегию» и «Вечер» Языкова с «Летним вечером» или «Под дыханьем непогоды...» Тютчева. Ни тютчевский пантеизм, ни философское осмысление мира, ни его тревожный космизм, ни яркая метафоричность, наконец, не свойственны Языкову.

Прошедший школу гармонической точности Языков редко прибегает к метафорам, а тем более к их реализации. И если он говорит о дне, что он улыбается, то это не художественная метафора, а скорее языковая. В следующей же строке от предполагаемого олицетворения не остается и следа: день этот не умирает, он просто кончается, как кончается любой день.

Больше оснований есть для сближения «Элегии» и «Вечера» с «Вечером» Тютчева 1826 года («Как тихо веет над долиной...»). Как и у Языкова, в этом стихотворении нет открыто сформулированной мысли или названного чувства. Нет тут и метафоричности. Однако и здесь резко ощущается принципиальное различие двух поэтов. Не говоря уже о характере эмоции, следует признать, что у Тютчева она выражена намного определеннее в образной системе стихотворения. Эпитеты Языкова гораздо нейтральнее по отношению к собственной эмоции, менее сдвигают объективную картину мира в сторону субъективного восприятия.

Рядом с этими оригинальными стихами, по праву входящими в золотой фонд русской лирики, в языковском творчестве заграничного периода есть значительное количество произведений равнодушных, композиционно рыхлых и прозаических. К ним относятся опыты описательной поэзии (в качестве самостоятельных произведений и в составе посланий), например «К Рейну», «К. К. Павловой» («Забыли вы меня! Я сам же виноват...»), «Песня балтийским водам» и целый ряд посланий, на которых приобретенные Языковым эпические навыки сказались отрицательно.

Эти неудачи в значительной мере заслонили серьезные поэтические достижения Языкова в ту пору. Только Вяземский, как уже говорилось, и Гоголь заметили его возросшее мастерство. Но Гоголь при этом не принял ни содержания, ни направления, по которому развивался Языков.[1] С его точки зрения, не пушкинский, а державинский путь надлежало ему избрать. Гоголь по-прежнему ждет от Языкова произведений гражданских, наполненных от сердца идущим чувством, способных, как прежде, волновать читателей.

---

[1] См.: Гоголь. Т. 8. С. 389—390.

Характерно, что, предлагая Языкову «предметы» для его стихов, Гоголь, по существу, перечисляет темы уже некрасовской поэзии.[1]

С Гоголем Языков встретился впервые 30 июня 1839 года в Ганау. И с этих пор начинается их тесная дружба, несомненно игравшая большую роль в последние годы жизни поэта. Зиму 1842/1843 года они проводят вместе в Риме и строят планы дальнейшей совместной жизни в России. Однако летом 1843 года Языков, отчаявшись в выздоровлении (у него обнаружилась сухотка спинного мозга), уезжает в Москву один, и с этих пор они больше не видятся, их связывает только интенсивная и очень интимная переписка. Гоголь входит в подробности жизни больного Языкова, пытается пробудить в нем вдохновение, разрабатывает темы для его стихов и предлагает целую систему, как бы мы теперь сказали, аутотренинга[2] (которую измученный Языков с благодарностью принимает).

8

Из-за границы Языков вернулся в самый разгар боев между славянофилами и западниками и вскоре принял в них непосредственное участие. Его окружение, симпатии и даже родственные связи[3] в эту пору уже целиком славянофильские.

«Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались,— говорит об этом времени Герцен,— а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу — у Свербеева, в воскресенье — у А. П. Елагиной».[4] По вторникам сходились у Языкова.

Поначалу бывали у него и Т. Н. Грановский, и Герцен. Языков писал родным восторженные письма о лекциях Грановского, сожалел, что не может на них побывать. Но вскоре борьба между двумя лагерями приняла такой ожесточенный характер, что дружеские связи между ними оборвались.

---

[1] «Попрекни сильным лирическим упреком умных, но *унывших* людей», «воззови... к прекрасному, но дремлющему человеку...», «опозорь в гневном дифирамбе новейшего лихоимца...» (Там же. С. 280).

[2] Он советует Языкову просить вдохновения у бога, причем — поэтапно: 1-й день просить просто о вдохновении; 2-й и 3-й — «дай мне произвести в таком-то духе», 4-й и 5-й — «с такою-то силой» и т. д. (Письмо к Н. М. Языкову от 4 ноября 1843 г.// Гоголь. М., 1952. Т. 12. С. 233).

[3] Кроме А. С. Хомякова, женатого на сестре поэта, к славянофилам примкнул П. М. Языков, отличавшийся особой нетерпимостью воззрений.

[4] Герцен А. И. Былое и думы//Собр. соч.: В 30-ти томах. М., 1956. Т. 9. С. 156.

В 1844—1845 годах были написаны полемические послания Языкова с грубыми выпадами против Чаадаева, Герцена, Грановского, Белинского, в которых прогрессивный лагерь обвинялся в умственном разврате и измене русскому народу. Языков не брезговал здесь прямой бранью по адресу «ненаших».[1]

В более высоком и отвлеченном роде, в стихах, посвященных назначению поэта и поэзии, Языков утверждал одновременно, что поэт «в годину страха и колебания земли» призван указывать путь спасения в вере («Землетрясенье»), и призывал беспощадно мстить «филистимлянам» («Сампсон»).

Ожесточение, озлобленность, обвинения, похожие на донос правительству, неприятно поразили даже единомышленников и друзей поэта. А. М. Языков утверждал, что стихотворение «К ненашим» вызвано духом «партии» и что писать его «в таком полемически пристрастном духе вовсе не следовало».[2] Неодобрительно отнеслись также к полемическим посланиям Языкова К. С. Аксаков, К. Павлова, Свербеев.

Даже Гоголь, восторженно встретивший «Землетрясенье», «К ненашим», «С. П. Шевыреву», замечал по поводу воинственного тона послания к К. С. Аксакову и Чаадаеву: «не вмешались ли сюда нервы?»[3]

Он считает необходимым напомнить Языкову, что у западников, обвиняемых во лжи и предательстве, «нельзя назвать всего совершенно... ложным и что, к несчастию, не совсем без оснований их некоторые выводы».[4]

Между тем, вероятно, и Гоголь был косвенно виноват в «военнолюбивом расположении» стихов Языкова. Он чрезмерно хвалил «Землетрясенье» и «К ненашим», призывая поэта продолжать в том же духе: «Нужно, чтобы стихи твои стали так в глазах всех, как начертанные на воздухе буквы, явившиеся на пиру Валтасара, от которых

---

[1] «Умирающей рукой,— писал Герцен,— некогда любимый поэт, сделавшийся святошей от болезни и славянофилом по родству, хотел стегнуть нас; по несчастию, он для этого избрал опять-таки полицейскую нагайку... Конечно, он не называл нас по имени,— их добавляли чтецы, носившие с восхищением из залы в залу донос в стихах» (Собр. соч. Т. 9. С. 167).

[2] Языков А. М. Письмо к Н. М. Языкову от 27 декабря 1844 г.//ПД. Позднее он развил эту мысль.: «...Поэт все-таки *должен носиться* превыше праха и выражаться согласно своему званию, оставляя грубости и брань кулачникам и тем, у кого нет орудия превыше и разительнее» (письмо к Н. М. Языкову от 13 января 1845 г.//ПД).

[3] Письмо к Н. М. Языкову от начала февраля (н. ст.) 1845 г.// Гоголь. Т. 12. С. 477.

[4] Там же. С. 476.

все пришло в ужас прежде, чем могло проникнуть в самый смысл».[1]

Языков не был идеологом славянофильства, его участие в нем было прежде всего эмоциональным. Эмоции эти подогревались и фанатизмом идейных вождей движения, в первую очередь П. В. Киреевского, и нетерпимостью П. М. Языкова, но также и тем «физиологическим», по выражению М. К. Азадовского, национализмом, той ненавистью ко всему чужеземному, главным образом немецкому, которые пробудило в Языкове длительное подневольное пребывание на чужбине (сначала затянувшийся Дерпт, потом Австрия, Германия).

Для демократического лагеря Языков становится настоящим идейным врагом. Герцен и Белинский отвечали на его послания резкими статьями.

В первой половине 1840-х годов имя Языкова постоянно упоминается Белинским неодобрительно. Когда же вышла вторая книга стихов поэта («56 стихотворений Н. Языкова». 1844), Белинский в статье «Русская литература в 1844 году» выступил с характеристикой идейного и художественного значения всего его творчества. Приговор Белинского был суров: он называет поэта «заживо умершим талантом».[2]

Целью Белинского было показать — в противовес неумеренным славянофильским восхвалениям и надеждам,— что размеры дарования Языкова и его значение в русской поэзии весьма ограничены и давно уже полностью определились. Признавая оригинальность таланта Языкова, Белинский останавливается прежде всего на слабых сторонах его творчества. Исторической заслугой Языкова Белинский считает только поэтическую смелость, недостатки же видит в отсутствии глубокого содержания, в ложности чувств и красок, в риторике и холодности, а также в неряшливости языка, выдаваемой за оригинальность.

Последний пункт был далеко не последним по значению. Друзья и соратники Языкова особенно настаивали на меткости, силе и звучности его языка. С. П. Шевырев утверждал, например, что «поэзия русского языка в стихе была открыта» Языкову «до высшей степени совершенства. Это достоинство маловажно в глазах тех недальновидных, которые едва ли понимают, что такое язык, этот таинственный образ всего народа, и вместе с ним готовы отвергнуть и самый народ».[3] Совершенное владение русским языком, глубокое постижение его духа приписывали Языкову также И. Киреевский и Гоголь.

---

[1] Там же. Т. 8. С. 279.

[2] Белинский. Т. 8. С. 461.

[3] Шевырев С. П. Николай Михайлович Языков//«Московский городской листок». 1847, 9 января.

Между тем большинство посланий Языкова второй половины 1830-х — начала 1840-х годов было полно выражений не столько смелых, сколько безвкусных, фальшивых, хвастливо простонародных. Он оказывается в одном лагере с теми поэтами, которые вульгаризировали пушкинский принцип демократизации поэтического языка, отказываясь и от соблюдения норм его, и от подлинно народных источников его пополнения (они обращаются преимущественно к бытовому интеллигентскому и мещанскому просторечию).

Таким образом, вопрос о языке поэта перерастал в вопрос о народности его поэзии. Поэтому Белинский в своей статье особо подчеркивал фальшивую, ухарскую интонацию языковских стихов, их «простонародничанье», вызванное желанием поэта во что бы то ни стало быть народным. В этом же плане пародировал Языкова и Некрасов («Послание другу из-за границы»). Белинский полностью, с соответствующими подчеркиваниями перепечатывает послание Языкова к Погодину («Благодарю тебя сердечно...»), изобилующее такими выражениями, как «подареньице», «стакан стихов» и т. п.

Третья книга стихов Языкова («Новые стихотворения». 1845) ничего не изменила в оценке Белинского.

Поворот от вольнолюбивых идей к объективно реакционным совершился в Языкове незаметно для него самого. Он и в 1840-е годы полагал, что стоит на прежних позициях, что защищает «правое», «чистое», «святое дело» [1]— обороняет русский народ от тех, кто его развращает, а затем предает. Он не отдавал себе отчета в том, что давно уже поддерживает то самое самодержавие, против которого выступал в 1820-е годы и которое продолжало не нравиться ему. Когда Вяземский в 1846 году предложил Языкову написать стихи в честь «высочайшей особы», тот решительно отказался: «Не могу, не умею, силы моей не хватает, духу не достает».[2]

«Языков не мог удержаться сознательно на этой высоте, на которую его поставило непосредственное чувство,— писал Добролюбов,— у него не доставало для этого зрелых убеждений и просвещенного уменья определить себе ясно и твердо свои стремления и требования от своей музы».[3]

---

[1] Письмо к А. М. Языкову от 3 января 1845 г.// Соч. 1982. С. 379.

[2] Письмо к П. А. Вяземскому от 22 апреля 1846 года//Соч. 1982. С. 390.

[3] Добролюбов Н. А. Стихотворения Н. М. Языкова// Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: В 9-ти томах. М.; Л., 1962. Т. 2. С. 342.

В 1847 году, сразу после смерти Языкова, П. А. Вяземский попытался определить причины его «драмы» с иной, психолого-биографической точки зрения.

В качестве таких причин он не без основания называет лень души и «ленивую судьбу» Языкова, разумея под этой ленивой судьбой жизнь, в которой мало было разнообразия «во впечатлениях, мало побуждений и вызовов на деятельность».[1]

Отсюда проистекает, по мысли Вяземского, преимущественно лирический характер поэзии Языкова. «Не в даровании его мало было гибкости и разносторонности, а в уме и привычках жизни. Разнообразные явления действительности не могли отражаться в его вымыслах потому, что поэтическое зеркало его обращено было ясною, восприимчивою стороною своей ко внутреннему и личному миру поэта, а тусклою и непроницаемою ко внешним впечатлениям. Ему лень было переворачивать это зеркало, поэтому стих его... мало касался современности... Поэзия его не имела драматических свойств вечно изменяющейся жизни человека и общества», она «была лично и внутренне лирическая».[2]

Далее Вяземский раскрывает это положение, определяя существенную особенность языковского лиризма: в поэзии его «отзывались первобытные и вековечные глаголы природы»,[3] то есть простые человеческие чувства. Этой особенностью Вяземский объясняет и силу воздействия языковского лиризма на читателя: «Зато и стих его часто западал в душу своим многозначительным и огненным выражением».[4]

Часто западал... Но часто и не западал. Сам Вяземский в той же статье пишет, что «поэт в полном значении, но творческая, но духовная сила разве изредка, и то мелько, проявлялась»[5] в стихах Языкова.

И в этом отношении, надо признать, критика формулировала свои претензии к Языкову (в периоды его творческого спада) почти идентично: отсутствие индивидуальности, то есть души (Кс. Полевой); риторизм, холодность (Белинский); восторг, никуда не обращенный (Жуковский); потеря лиризма, этой глубокой истины души (Гоголь). Об этом в сущности, «от обратного», говорил и Боратынский, восхищаясь «Воспоминанием об А. А. Воейковой»: «Вот, что мне внушило твое послание, исполненное свежести и красоты, и грусти, и

---

[1] Вяземский П. Т. 2. С. 307.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 307—308.
[4] Там же. С. 308.
[5] Там же. С. 306.

восторга. Мало одного таланта, чтобы писать по-своему, надо быть вдохновенным сердцем и наличною жизнью».[1]

Ситуация возникает парадоксальная: что, казалось бы, должен изображать поэт, которого жизнь не особенно балует впечатлениями и который сам не стремится их вбирать, как не свою собственную «душу», отражающую вековечную природу человека? И вот оказывается, что именно душу-то, сердце он раскрывает не слишком часто.

Думается, что объясняется эта ситуация весьма неблагоприятным для Языкова обстоятельством — скрещением индивидуальных свойств его психического склада с особыми воззрениями на соотношение личности поэта и его творчества.

Дело в том, что Языков не только неохотно, «лениво» вбирал в себя впечатления от действительности, но и не склонен был к откровенности, даже в стихах. Мешала, вероятно, языковская «добродетель» (как шутил поэт) — застенчивость. Языков был закрытым человеком. А. М. Языков, брат и ближайший друг поэта, постоянно жалуется, что в своих письмах Языков холоден и поверхностен. Сам же Языков, например, был очень смущен, почти шокирован, когда Александр Михайлович, томясь от отсутствия разумной деятельности, спросил у него, что делать: «Ты поставил меня в большое затруднение, ввел в обстоятельства тонкие, приделал к делу трудному, важному, собственно твоей голове принадлежащему. Но все-таки мне очень и очень приятно отвечать тебе на то, чего гораздо скорее мог бы ты допроситься у самого себя, говорить с самим собою о тебе же и проч. и проч.».[2] Даже подобный вопрос Языков, очевидно, считал интимным и потому не подлежащим стороннему рассмотрению.

Кроме того, поэзия для Языкова не излияние души и сердца, не результат «наличной жизни», а исключительно дело воображения.

Известно, что он уверял, например, П. Киреевского, что «все, и не видавши, можно себе вообразить»,[3] и умудрялся воспевать красавиц, которых в глаза не видел.

В письмах из Дерпта он часто старается отделить себя от своих стихов, предупреждая, что следует различать, где в них дух божий, а что от лукавого. Действительно, было бы ошибкой судить о переживаниях поэта по многим его стихотворениям: они не всегда отражают «наличную жизнь» и продиктованы «вдохновенным сердцем». (А когда в основе этих стихотворений лежит чувство «напущенное», мы воспринимаем их как холодные.)

---

[1] Письмо к Н. М. Языкову от 18 января 1832 г.// «Татевский сборник». Спб., 1899. С. 31.

[2] Письмо к А. М. Языкову от 2 июня 1833 г.// Соч. 1982. С. 354.

[3] Киреевский П. В. Письмо к Н. М. Языкову от 21 апреля 1837 г.// Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. С. 74.

Такая позиция была явно унаследована Языковым от рационалистической поэтики классицизма. И роль этой позиции в поэзии Языкова, принадлежащей уже другой, романтической, эпохе, вряд ли можно признать положительной.

Нужны были очень сильные внешние воздействия, вызывавшие сильный внутренний отклик у Языкова, для того, чтобы в стихах его проявились подлинные, а не воображаемые чувства. «Нет искренности»,[1] — говаривал ему еще первый учитель, Марков.

Отрицательное воздействие указанных обстоятельств на творчество поэта усугублялось еще и тем, что он, в отличие от Боратынского или Тютчева, например, не был поэтом мысли.[2]

Когда ему удавалось эмоционально наполнить свои произведения, это было именно непосредственное и сильное чувство, так сказать, простое, то есть не осложненное ни рефлексией, ни, как правило, философским осмыслением жизни.

В этой цельности и простоте чувства в соединении с «огненным выражением» и была сила поэзии Языкова, но в этом же была ее слабость. Когда в его стихах не было подлинного чувства, он становился «поэтом выражения».

В жизни Языкова, однако, были целые эпохи, которые заставляли его сердцем откликаться на внешние события. Этот сердечный отклик продолжает волновать читателя.

Мы ценим и помним его песни («Пловца» в первую очередь), политическую лирику, прекрасный пушкинский цикл с его «Тригорским», послание к Денису Давыдову («Жизни баловень счастливый...»), мы благодарны ему за строки, посвященные природе (такие,

---

[1] Языков Н. М. Письмо к братьям от 9 сентября 1823 г.// Яз. архив. С. 92.

[2] В. В. Кожинов полагает, что Языков в последние годы жизни «перешел к поэзии мысли», что такие его стихотворения, как «Землетрясение», «глубоко родственны новой школе. В них нарушена гармония пушкинского склада, для них характерна принципиальная метафоричность и т. д.» (Кожинов В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978. С. 135). Однако считать употребление притч «принципиальной метафоричностью» и относить на этом основании кого бы то ни было к новой (тютчевской) школе, вряд ли правомерно. Притча (иносказание) не равнозначна художественной метафоре; кроме того, употреблялась притча достаточно часто и в пушкинские времена, и раньше. Как же рассматривать, например, тогда «Подражания Корану» (1824) или «Пророка» (1826) самого Пушкина? Неясно также, в чем нарушена здесь у Языкова «гармония пушкинского склада»? Наконец, разве метафора — обязательная принадлежность поэзии мысли?

например, как описание грозы в Тригорском, «Ручей», «Весна», «Вечер» и проч.). Не могут нас оставить равнодушными также «Воспоминание об А. А. Воейковой» и стихи, посвященные цыганке Тане.

Диапазон чувств, выраженных поэтом, быть может, не слишком широк, и произведений, где сказались они, не так много, меньше, чем следовало бы по таланту Языкова и чем нам хотелось бы,— но они настоящие.

Русской поэзией были усвоены и художественные достижения Языкова, сыгравшего заметную роль в развитии русской лирики, ее метрики, поэтического словаря, в формировании торжественного стиля. Его поэтической смелости, энергии стиха, владению песенными ритмами можно учиться и в наши дни.

К. Бухмейер

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. К БРАТУ

Столицы мирный житель,
Враг лени и сует,
Мой ангел-покровитель,
Мой друг и мой учитель
И в мраке жизни — свет!
От музы небогатой
Ты требуешь стихов;
Но мне, мой философ,
Твое желанье свято!
И вот тебе от брата
Дар скудный — пук стихов.

С того златого дня,
Как благотворный гений
В родительские сени
Вновь перенес меня,—
Я счастлив стал душою.
Здесь радость с тишиною,
Здесь всё, что в жизни сей
Мне дорого и мило:
И прелесть юных дней
С свободой легкокрылой,
И дружеская сень,
И сень уединенья,
И светит наслажденья
Незаходимый день.
Творцу благодаренья! —
Так, мой любезный брат,
Прошедшие мученья
Меня не посетят;
И радость, слава богу,
Дружится вновь со мной!

На ровную дорогу
Я выброшен судьбой
Из той темницы скучной,
Где жил всегда с одной
Подругою докучной,—
Ты знаешь, кто она:
И гордая и злая,
Как мертвая бледна,
Как мумия — сухая.
Так я, любезный брат,
Терпел от ней недавно;
А ныне — очень рад —
Прогнал ее — и славно! —
И не придет назад!

С тех пор бегут игриво
Мои младые дни;
И, друг мой, извини:
Я, музой говорливой
Насильно увлечен,
Некстати разболтался;
Но я в грехе признался —
И менее грешон.

Когда лучи рассвета
Покроют небосклон
И твоего поэта
Прервется сладкий сон,
Я, вспомня долг священный
Свой разум просвещать,
Сажусь уединенный
Науки повторять;
На время отгоняю
И муз и лень свою,
Читаю и читаю,
Пока не устаю;
Потом, как утомляться
Начнет рассудок мой
И весело раздастся
Часов полдневный бой,
Оставивши занятья,
Лечу на сельский пир,
Где искренность кумир,
Где все друзья и братья!

И право, милый мой,
Обед семьи простой,
И скромный и радушный,
Мне во сто крат милей,
Чем долгий и бездушный
Пир гордых богачей,
Где не могу свободно,
Что мыслю, говорить,
Смеяться и шутить
И есть, что мне угодно;
Где модный *этикет*
Гостями управляет,
Где скука обитает,
Где искренности нет.
Но дружеский обед
Мне лучше и вкуснее:
Здесь мысли веселее,
Здесь всякий, как привык,
Всё говорит, что знает,
Здесь скука не бывает
И волен мой язык.
Расставшись со столом,
Я радости вкушаю,
Каких не обретаю
В Петрополе ни в чем.
Прочь купленного счастья
Румянец накладной
И розы сладострастья
С порочной красотой!
Семейства в мирной сени —
Жилище наслаждений,
А не в шуму градском.
Так мы, друзья родные,
Веселые, младые,
Садимся все кружком;
Все говорим без смены:
Тут шутки, остроты́,
И смех непринужденный,
И вольные мечты.
Потом, как утомится
Аий [1] наш удалой

---

[1] Аий Локуций — бог речи у римлян.

И тихо водворится
В собрании покой,—
В сей сладкий час досуга
Прибегнем к музам мы,
И радость, их подруга,
Вновь оживит умы;
Часы, как легки тени,
Мелькают мимо нас;
Когда ж их звон вечерний
Ударит десять раз —
Опять все гастрономы
На благовест знакомый
Явя́тся за столом
Для жертвоприношенья
Тебе, великий Ком,
Бог мирный объеденья!..
Окончив ужин свой,
С зевотою протяжной
Я отправляюсь важно
К Морфею — на покой;
Весь свет позабываю,
Не мыслю ни о чем —
И богатырским сном
До утра просыпаю.

1820 или 1821

2. ПОСЛАНИЕ К А. Н. ОЧ⟨КИ⟩НУ

О ты, с которым я от юношеских лет
Привык позабывать непостоянный свет,
Привык делить мечты, надежды, наслажденья,
И музы девственной простые песнопенья,
И тихие часы досугов золотых!
Друг сердца моего и друг стихов моих!
Завидую тебе: умеренным счастливый,
Твой дух не возмущен мечтой славолюбивой;
Ты, гордо позабыв мятежный света шум,
В уединении, жилище смелых дум,
Ведешь с науками невидимые годы,
И жизнь твоя, как ход торжественный природы,
Покорна мудрости законам вековым.
Ты счастья не искал за рубежом родным;

Но, верный сам себе и от страстей свободный,
Нашел его в душе, простой и благородной;
А я, поверивший надежде молодой,
Обманут счастием, один, в стране чужой,
Пою мою печаль — певец, душою сирый —
Как струны хладные Арминиевой лиры,
И в тишине учусь душою тосковать.
Но я еще люблю былое вспоминать;
Люблю в страну отцов в мечтах переселяться
И всем утраченным, всем милым наслаждаться
И с вами быть душой, родимые друзья!
О незабвенный край, о родина моя!
Страна, где я любил лишь прелести природы;
Где юности моей пленительные годы
Катились весело незримою струей;
Где вечно царствуют с отрадной тишиной
Миролюбивых душ живые наслажденья;
Страна, где в первый раз богиня песнопенья
Стыдливою рукой цевницу мне дала,
Огонь поэзии в душе моей зажгла —
И я, божественным восторгом оживленный,
Воспел мои мечты и мой удел смиренный,
И непритворною, свободною душой
Благодарил богов за песни и покой!
Тогда, не знав людей, застенчивый мой гений
Не знал и зависти коварных оскорблений.
Суд ветреной толпы его не занимал;
Он пел для дружества и славы не искал.
Но вы сокрылись, дни счастливого незнанья!
И чувства новые и новые желанья
Сменили навсегда покой души моей.
Отдайте мне, Судьбы, блаженство прошлых дней,
Отдайте мирные отеческие сени,
И сердце без любви, и ум без заблуждений!
Не тщетно ль радости минувшие зову?
Уж бремя суеты тягчит мою главу;
Унылая душа невольно холодеет
И на грядущее надеяться не смеет;
И гаснет жизнь моя! — Лишь ты, хранитель мой,
Одна отрада мне, забытому судьбой!
Ты можешь, верный жрец богини вдохновенья,
Родить в моей душе и жажду просвещенья,
И твердость на пути спасительных трудов
И оживить мой ум и жар моих стихов.

Когда ж, от бремени сует освобожденный,
С собою помирясь и дружбой ободренный,
Я полечу в страну, где молодость моя
Узнает мир души и цену бытия?
О! сбудутся ль мои последние желанья?
Клянусь, собрав умом плоды образованья,
Провесть в кругу родных, на родине моей,
Остаток счастливый тобой спасенных дней.
Тогда души моей воскреснут наслажденья.
Забыв коварный свет, в тиши уединенья,
Я буду воспевать мой радостный удел,
Родимые поля, простые нравы сел
И прадедовских лет дела и небылицы —
И посвящать тебе дары моей цевницы!

⟨1822⟩

3. ПЕСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА

Мы бились мечами на чуждых полях,
Когда, горделивый и смелый, как деды,
С дружиной героев искал я победы
И чести жить славой в грядущих веках.
Мы бились жестоко: враги перед нами,
Как нива пред бурей, ложилися в прах;
Мы грады и села губили огнями,
И скальды нас пели на чуждых полях.

Мы бились мечами в тот день роковой,
Когда, победивши морские пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины,
И, встречены грозной, нежданной войной,
Мы бились жестоко: как мы, удалые,
Враги нас теснили толпа за толпой;
Их кровью намокли поля боевые,
И мы победили в тот день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомок Одина,
Принес ему в жертву врага-исполина,
При громе оружий, при свете луны.
Мы бились жестоко: секирой стальною
Разил меня дикий питомец войны;

Но я разрубил ему шлем с головою,—
И мы победили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынам
Оставил я бро́ню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,
И меч мой, ужасный далеким странам.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные нам,
Развесят кольчуги с щитами, с мечами
В чертогах отцовских на память сынам.

Ноябрь 1822

4. МОЯ РОДИНА

«Где твоя родина, певец молодой?
Там ли, где льется лазурная Рона;
Там ли, где пели певцы Альбиона;
Там ли, где бился Арминий-герой?»
— «Не там, где сражался герой Туискона
За честь и свободу отчизны драгой;
Не там, где носился глас барда живой;
Не там, где струится лазурная Рона».

«Где твоя родина, певец молодой?»
— «Где берег уставлен рядами курганов;
Где бились славяне при песнях баянов;
Где Волга, как море, волнами шумит...
Там память героев, там край вдохновений,
Там всё, что мне мило, чем сердце горит;
Туда горделивый певец полетит,
И струны пробудят минувшего гений!»

«Кого же прославит певец молодой?»
— «Певца восхищают могучие деды;
Он любит славянских героев победы,
Их нравы простые, их жар боевой;
Он любит долины, где бились народы,
Пылая к отчизне любовью святой;
Где падали силы Орды Золотой;
Где пелися песни войны и свободы».

«Кого же прославит певец молодой?»
—«От звука родного, с их бранною славой,
Как звезды блистая красой величавой,
Восстанут герои из мрака теней:
Вы, страшные грекам, и ты, наш Арминий,
Младый, но ужасный средь вражьих мечей,
И ты, сокрушитель татарских цепей,
И ты, победивший врагов и пустыни!»

«Но кто же младого певца наградит?»
— «Пылает он жаждой награды высокой,
Он борется смело с судьбою жестокой
И, гордый, всесильной судьбы не винит...
Так бурей гонимый, средь мрака ночного,
Пловец по ревущим пучинам летит,
На грозное небо спокойно глядит
И взорами ищет светила родного!»

«Но кто же младого певца наградит?»
— «Потомок героев, как предки свободный,
Певец не унизит души благородной
От почестей света и пышных даров.
Он славит отчизну — и в гордости смелой
Не занят молвою, не терпит оков:
Он ждет себе славы — за далью веков...
И взоры сверкают надеждой веселой!»

Ноябрь 1822

5. Я⟨ЗЫКОВУ⟩ А. М., ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ЕМУ ТЕТРАДИ СТИХОВ МОИХ

Тебе, который с юных дней
Меня хранил от бури света,
Тебе усердный дар беспечного поэта —
Певца забавы и друзей;
Тобою жизни наученный,
Питомец сладкой тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои прелестнейшие сны,—
И дружба кроткая с улыбкою внимала
Струнам, настроенным свободною мечтой;
Умом разборчивым их звуки поверяла
И просвещала гений мой.

Она мне мир очарованья
В живых восторгах создала,
К свободе вечный огнь в душе моей зажгла,
Облагородила желанья,
Учила презирать завистный суд невежд
И лести суд несправедливый;
Смиряла пылкий жар надежд
И сердца ранние порывы.
И я душой не изменил
Ее спасительным стараньям:
Мой гений чести верен был
И цену знал благодеяньям!

Быть может, некогда твой сча́стливый поэт,
Беседуя мечтой с протекшими веками,
Расскажет стройными стихами
Златые были давних лет;
И, вольный друг воспоминаний,
Он станет петь дела отцов:
Неутомимые их брани
И гибель греческих полков;
Святые битвы за свободу,
И первый родины удар
Ее громившему народу,
И казнь ужасную татар.
И оживит он — в песнях славы —
Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины,
Торжественный и величавый!

А ныне — песни юных лет,
Богини скромной и веселой,
Тебе дарит рукой несмелой
Тобой воспитанный поэт.
Пускай сии листы, в часы уединенья,
Представят памяти твоей
Живую радость прежних дней,
Неверной жизни обольщенья
И страсти ветреных друзей.
Здесь всё, чем занят был счастливый дар поэта,
Когда он тишину боготворил душой,
Не рабствовал молве обманчивого света
И пел для дружбы молодой!

1822

6. РЕЦЕПТ

О память, память,— дар счастливый!
Ты гонишь прочь былого мрак!
Еще с тобой я помню, как
Инбирное варится пиво.
Такому пиву научил
Поэта химик в Петрограде —
Он часто сам его варил
Томленья летнего к отраде
И с гордой радостию пил.
«Бутылкой, штофом, как хотите,
Двенадцать мерок у наяд,
В сосуд, где воду кипятят,
Рукою чистою возьмите;
Туда, изрезавши сперва,
Лимонов добрых — счетом два —
И, не скупяся, подсластите;
Потом два унца инбирю,
Который прежде искрошили...
И так варить, как я варю
И как алхимики варили.
Когда сварится — с жару снять,
Поставить в холод для простуды
И осторожно разливать
В довольно *крепкие* сосуды,
Затем что может иногда
Сия инбирная вода
И пробку вытолкнуть худую
И разорвать сосуд худой...
Туда же — счетом по одной —
Изюму класть рекомендую
И ждать с неделю, а потом
С ней поступают, как с питьем».
Так говорил мне в прошлом годе,
Июля первого числа,
Ученый химик — в огороде,
В минуту жаркого тепла.
Его я слушал с наслажденьем
И не забыл премудрых слов
И здесь в каникулы готов
Заняться сладостным вареньем.

Сия вода — не то, что квас;
Она мила, она игрива
И, право, лучше во сто раз
Здесь покупаемого пива.

Январь или начало февраля 1823

7

Смотрите: он летит над бедною вселенной.
Во прах, невинные, во прах!
Смотрите, вон кинжал в руке окровавленной
И пламень Тартара в очах!
Увы! сия рука не знает сострáданья,
Не знает промаха удар!
Кто он, сей враг людей, сей ангел злодеянья,
Посол неправых неба кар?
Всего прекрасного безжалостный губитель,
Любимый сын владыки тьмы,
Всемощный, вековой — и наш мироправитель!
Он — рок; его добыча — мы.
Злодейству он дает торжественные силы
И гений творческий для бед,
И медленно его по крови до могилы
Проводит в лаврах через свет.

Но ты, минутное творца изображенье,
Невинность, век твой не цветет:
Полюбишь ты добро, и рок в остервененье
С земли небесное сорвет,
Иль бросит бледную в бунтующее море,
Закроет небо с края в край,
На парусе твоем напишет: горе! горе!
И ты при молниях читай!

Между 19 и 23 марта 1823

8. ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
Меж зеленых берегов
Волга вторит их отзывом
Песни радостных пловцов

И, как Нил-благотворитель,
На поля богатство льет,—
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда брега и воды
Под туманами заснут
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой —
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы
Мне дарила жизнь младая!
Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты злачных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов,—

Сохраненные веками
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И один, во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбарей.
Долго грустный проблуждает
Он по дальным сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный в сердца
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
Муза лиры! прилетай
И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участьем;
Ты чаруешь жизнь мою —
И, забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

Между январем и мартом 1823

9. МОЕ УЕДИНЕНИЕ

От света вдалеке,
Я моему пенату
Нашел простую хату
В пустынном чердаке;
Здесь лестница крутая,
Со всхода по стене
Улиткой завитая,
Впотьмах ведет ко мне;

Годов угрюмый гений
С нее перилы снял
И тяжкие ступени
Избил и раскачал;
Но, зная путь парнасской
От колыбельных лет,
С ее вершины тряской
Не падает поэт;
Под ним дрожат ступени,
И тьма со всех сторон,
Но верно ходит он
К своей любимой сени.

Благодарю богов!
В моем уединенье
Свобода — рай певцов,
Живое размышленье
И тишина трудов.
Умеренность благая
Приют мой убрала,
Здесь роскошь выписная
Приема не нашла;
Завесою богатой
Не занавешен свет;
Пол шаткий и покатый,
Коврами не одет;
Ни бронзы драгоценной,
Ни зе́ркал, ни картин:
Всё бедно и смиренно,
Как сирый Фебов сын.
У стенки некрасивой
Стоит мой стол простой,
Хранитель молчаливый
Всего, что гений мой,
Мечтатель говорливый,
Досужною порой
Певцу-анахорету
Наедине внушил
И строго запретил
Казать слепому свету;
Пред ним моя рука
Широкими рядами,
Из полок, меж стенами
И вверх до потолка,

Приют уединенный
Соорудила вам,
О русские камены,
Священные векам!

Ты здесь, во славе зримый,
Снегов полярных сын,
Певец непобедимый
И гений — исполин,
Отважный, как свобода,
И быстрый, как перун,
Ты строен, как природа,
Как небо, вечно юн!

И ты, кумир поэта!
С высокою душой,
Как яркая комета
Горящей полосой
На русском небосклоне
Возникший в дни побед
И мудрую на троне
Прославивший поэт!
Твой голос величавый
Гремит из рода в род
И вечно не замрет
В устах полночной славы.

И ты, любимый сын
Фантазии чудесной,
Певец любви небесной
И северных дружин,
То нежный и прекрасный,
Как сердца первый жар,
То смелый и ужасный,
Как мщения удар!
Твой глас душе унылой,
Как ангела привет,
Внушает тайной силой
Надежду в море бед;
В страдальце оживляет
Покорность небесам —
И грустный забывает,
Что он еще не там!

Питомцы вдохновенья!
Вы здесь — и гений мой

Мирские наслажденья
С мирскою суетой
Презрительно бросает
Пред музою во прах,
И, зря, как вас венчает
Бессмертие в веках,
Приподнимает крылы,
И чувствует в крылах
Торжественные силы.

Счастлив, кто жребий свой
Из урны роковой
Сам избирал и вынул
И шумный свет покинул
Для неизменных благ!
Умеренным богатый,
В тиши укромной хаты,
В спасительных трудах
Он дни свои проводит
С волшебницей-мечтой;
За славою не ходит
И не знаком с молвой.
Безвестность золотая
Хранит его от бед,
И ласковая стая
Докучливых сует
Ненужного для света
Не вызовет на свет.
О боги! кров поэта
Да будет вечно тих!
Я не ищу фортуны,
Ни почестей мирских:
Труды, безвестность, струны —
Блаженство дней моих!

А ты, моя свобода,
Храни души покой!
Мне музы и природа
Прекраснее с тобой;
С тобой мечты живее,
Отважней дум полет
И песнь моя звучнее;
С тобою — я поэт!

Между 28 января и 29 мая 1823

10. В. М. К⟨НЯЖЕВИЧ⟩У

Они прошли и не придут,
Лета неверных наслаждений,
Когда, презрев высокий труд,
Искал я счастия во мраке заблуждений.
Младый поклонник суеты,
На лире, дружбой ободренной,
Чуть знаемый молвой и славою забвенный,
Я пел беспечность и мечты;
Но гордость пламенного нрава
На новый путь меня звала,
Чего-то лучшего душа моя ждала:
Хвалы друзей — еще не слава!

Я здесь, я променял на сей безвестный кров
Безумной младости забавы,
Веселый света шум на тишину трудов
И жажду нег — на жажду славы.
Моих желаний не займут
Толпы невежд рукоплесканья,
Оракулы веков душе передадут
И жар отважных дум, и смелость упованья.

Когда на своде голубом
Выходит месяц величавый
И вечер пасмурным крылом
Оденет дерптские дубравы,
Один, под кровом тишины,
Я здесь беседую с минувшими веками;
Героев призраки из мрака старины
Встают передо мной шумящими рядами,
И я приветствую родных богатырей,
И слышу силу их ударов;
Пред взорами — холмы разорванных цепей
И море бурное пожаров!
Какой роскошный пир восторгам и мечтам!
Как быстро грудь моя трепещет,
В очах огонь поэта блещет,
И рвется длань моя к струнам!

Очистив юный ум в горниле просвещенья,
Я стану петь дела воинственных славян,
И яркие лучи святого вдохновенья
Прорежут древности туман.

Ты, радуясь душой, услышишь песнь свободы
В живой гармонии стихов,
Как с горной высоты внимает сын природы
Победоносный крик орлов.

11 мая 1823

11

В⟨ладислав⟩ М⟨аксимович⟩,

Простите мне простое «ты».
Богиня песен презирает
Приличий светских суеты,
И дочь богов не замечает,
Паря к бессмертным небесам,
Законов моды беззаконной.
Но грамматическим цепям
Она с улыбкой благосклонной
Младые руки отдает.
Затем-то вам, среди паренья,
По правилу местоименья,
Сказала: «ты» — и тихо ждет
Греху безгрешному прощенья.

12 мая 1823

12

Прошу стихи мои простить!
Я на Парнасе школьник юный.
Вас не умели похвалить
Мои застенчивые струны;
Но если праведным богам
Приятней сердца дар убогий,
Чем драгоценный фимиам,
То вы поступите как боги,—
И сей листок чрез много дней
Напомнит вам певца младого,
Который не жил для людей,
В стране чужой — не пел чужого,
Не звал и славы в свой приют
И за Фортуной быстроногой
Мирскою пыльною дорогой

Не побежал, хоть все бегут;
Зато в душе его смиренной
Огонь свободы пламенел:
Он кое-что не худо пел,
Но, божеством не вдохновенный,
Перед божественным — немел.

18 мая 1823

13. ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В РЕВЕЛЬ

1

Перед Троицею в будни
На башне городской,
В субботу пополудни,
Пробило час шестой.
Мы чинно за коляской
В телеге нанятой
Поехали рысцой.
Признаться: было тряско;
То яма в мостовой,
То камень неучтивый
Смущали наш покой,
И без того плохой.
Чухонец некрасивый
То грубым языком,
То маленьким кнутом
Гнал маленькую пару
Неудалых коней:
Нечуткие к удару,
Глухие для речей,
Они передвигали
Нас тихо по камням,—
Так Дерпт мы оставляли.
О чем, не знаю сам,
Я тосковал душою;
К⟨няжевич⟩ тож грустил,
И взор его бродил,
Едва не со слезою,
По крышам, по садам,
По *Дому* — и уныло
Остановлялся там,
Где было... Что же было?

Пусть объяснит он сам.
И вот мы, слава богу,
На гладкую дорогу
Попали с предурной:
За Юрьевским форштадтом
Ни ям, ни мостовой;
Но я с моим собратом,
Как прежде, ни гугу:
Таинственное что-то
(Назвать я не могу)
Чувствительной зевотой
Мне отворяло рот.
Известно, кто зевнет —
За ним зевает ближний;
Что значит? может быть,
Всей мудростию книжной
Не можно объяснить.
Так мой товарищ милый,
Задумчиво-унылый,
Мне дружно подражал:
Зевал, как я зевал.
Наверное не знаю,
Но что за грех сравнить?
Как наш Адам из раю
Изволил выходить —
И мог ли не грустить
О счастливом жилище,
Где он о самой пище
Заботы не знавал,
Где всё, чего желал,
Ему приготовляла
Всевышнего рука,—
Так нам сердца сжимала
Известная тоска,
И, признак огорченья,
Чуть слезы не текли.
Но вот корчма вдали:
Adieu! [1] до продолженья.

[1] Прощайте! (фр.) — *Ред.*

2

Вечерняя спустилась тьма;
Пред нами черная корчма;
Она ужасна издали;
Поля пустые облегли
Ее почти со всех сторон.
Ландшафт ничем не оживлен:
Ни тихошепчущий поток,
Ни прохладительный лесок,
Ни громозвучный водопад,
Ни пестрота веселых стад...
Короче: ровно ничего
Кругом для взора моего
И для чувствительной души
Не представлялось в сей глуши;
И мы вошли в сию корчму —
Она похожа на тюрьму,
В которой уж давно, давно
Не мыто и не метено.
Порог возвышенный в дверях;
На потолке и на стенах
Буграми сажа, пыль и мох;
А старый пол — беда для ног;
Таков дороги вешней вид,
Когда потоками бежит
Снегов растаявших вода;
Так мостовая, где худа...
По ней печальный пешеход
Сердито, медленно идет
И, глядя на негодный путь,
В мечтах бранит кого-нибудь.
Две комнаты — одна с другой
Могли бы спорить духотой.
Вдоль неочищенной стены,
Свидетель мрачной старины,
Поставлен долговязый стол.
Он годен — так К⟨няжевич⟩ счел —
К обеду двадцати персон.
К⟨няжевич⟩ счетам изучен,
Я ж в арифметике отстал
И, как поэт, сей стол считал
Несносным даже для очей —
Так каково же для гостей?..

И вдоль стола того — скамья,
Но чернота и пыль ея
На ней не позволяют лечь;
Налево — сумрачная печь
С широким черным очагом.
Окно с замаранным стеклом,
Замаранным как бы затем,
Чтоб даже сумрачным лучем
Не освещалася корчма
И путнику б густая тьма
Не позволяла разглядеть,
Что негде будет посидеть
И телу в тишине ночной
Дать укрепительный покой.
Благодаря богов у нас
С собою был съестной запас;
А ужин — дело золотое
Тому, кто изнурен путем:
Тогда — двойная жажда в нем
И аппетит сильнее втрое.
Притом замечено давно,
Что все людские наслажденья
От ожиданий и томленья
Приятней — так и быть должно!
Веселья слаще после скуки,
Отрадней блага после бед,
Любовь живее от разлуки,
Вкусней от голода обед.
Так принесли мы жертву Кому!
Для нас царица сей корчмы
Расстлала по полу солому,
И тихо улеглися мы.
Сия чухонская Бавкида —
Простите этот эпизод —
Непривлекательного вида,
Как весь Ливонии народ:
Лицо, которого Гогарту
Не удалось нарисовать;
Вам не случалось ли видать
Унылой Корсики ландкарту?
Так некрасива и черна
Была лицом сия жена,
Живые, сумрачные взгляды
Из-под нависнувших бровей,

Волос не перечесть у ней:
В красе природной, без помады,
От головы до самых пят
Они растрепаны висят.
Ее угрюмая осанка,
Морщины древнего чела...
И словом, всем она была
Страшна, как ведьма-киевлянка.
Подробность лишняя скучна,
Моя богиня это знает
И, вкусу вашему верна,
Здесь непритворно умолкает
Затем, что спать сама желает
И скоро бодрствовать должна.

3

Благотворная денница
Разорвала ночи мрак,
И пустынная синица
Пела утро кое-как.
Мы, меж тем как запрягали
Ободрившихся коней,
По окрестностям гуляли
И цветочки собирали —
Будто с ними веселей.
Здесь К⟨няжевич⟩ осмерную
Незабудочку сыскал...
Он задумался, сказал
(Я его не критикую,
Но, что слышал, говорю):
«Сей цветок — осьмое чудо,
Но кого им подарю?
Неприятно, скучно, худо
Быть, как я...» И кончил сим.
Я не понял, и уныло
Он мне дал цветочек милый
С красноречием немым;
Я в бумажнике, как должно,
Нежный дар сей разложил;
Но — какой неосторожный! —
Видно, где-то уронил.
Кони ржут — пора в дорогу!

День прекрасный: без жаров,
Без слепней и комаров,
И за это — слава богу!

4

Еще корчма — об ней ни слова!
Она, как прежняя, худа —
Я ж не охотник до худого,
И муза юная горда.
Неблаговидного труда
Она чуждается правдиво;
Насилу и одну корчму
Я описал вам терпеливо,
И то — не вопреки ль уму?

5

Вид прекрасный недалеко
На равнине, из садов
Нам открылся одинокой,
Белокаменный, высокой,
С головой до облаков,
Оберпален, замок древний.
Жаль, что он среди степей:
Не картинные деревни,
Не роскошный вид полей,
Лишь чухонские харчевни
Окружают замок сей.
Если вам уже знакомы
Достопамятные томы,
В коих мудрый Карамзин,
Ученик бессмертной Клии,
Описал войны России
Средь Ливонии долин,
Вам известен *Оберпален.*
Он теперь не то, что был,—
И пустынен и печален.
Там, где гордый рыцарь жил,
Где певались песни славы,
Где гремела медь и сталь,—
Спят безмолвные дубравы
И живет какой-то *Валь.*

Так века переменяют
Обитателей земли:
Ныне витязи в пыли,
А пигмеи поживают.
В Лету наши дни втекают,
Не слыхать великих дел,
Мир мирскому покорился,
Просветился, простудился
И ужасно похудел.
Мы взошли на возвышенный
Бельведер, смотрели вдаль:
Всё кругом уединенно
И печально, как печаль.
Речка, мельница, долины —
Всё уныло, всё молчит.
Сад прекрасный и старинный —
Но кого он приютит?
Густолиственные вязы
Хороши, но кто на них
Начертит от сердца фразы?
Кто в аллеях вековых
Станет с тихими мечтами,
Чуть приметными шагами
Пред денницею гулять,
Восхищаться филомелой
И душой осиротелой
С томной горлинкой вздыхать?
Так мечтанья волновали
Мне чувствительную грудь.
Мы пришли: нас кони ждали —
Добрый день и добрый путь!

6

Вы знакомы с красотою
　　　　Той корчмы,
Где пред Троицей святою
　　　　Спали мы.
Мы в корчме — в ней мрачность та же,
　　　　Пыль и мох,
Пол избит, а стены в саже,
　　　　Воздух плох;

Слишком душен, для дыханья
Нездоров;
Сверх того здесь дом собранья
Комаров.
Их здесь много, очень много:
Чу, жужжат!
А народ сей долгоногой
Людям рад;
Он живет лишь кровопийством.
Мы за всех
Стали мстить ему убийством:
То не грех!
Но что пользы? Всё осталось
Много их,
И заснуть нам не досталось
Ни на миг.
Счастли́в, кому судьбина
Определила сон
Под кровом балдахина;
Как тих, спокоен он!
Комар не блокиру́ет
Его ушей и щек,
Он с мошкой не воюет,
А наш — несносный рок!
Ах! мы... что было с нами,
Читайте: ваш пиит
С закрытыми глазами
На ложе сна лежит...
Вдруг писк, неугомонной
Комар ко мне летит —
Пищит... умолк... пищит...
Вот будто сел... всё спит —
И я рукою сонной
Ловлю его, ловлю...
Хоть как, так увернется!
Опять пищит и вьется...
И я — опять не сплю!
Когда б я был не скован
Мирскою суетой
И больше образован
Ученостью прямой,—
Клянусь самими вами,
Клянуся небесами,

Я б написать готов,
Иль прозой, иль стихами,
Geschichte[1] комаров,—
Не ученик педантов,
Огромных фолиантов
Не стал бы сочинять,
Не стал бы измерять
Комарий хобот, ноги;
Но, ритор неубогий,
В истории моей
Я описал бы живо:
Их дух браннолюбивый,
Вражду против людей,
Отважность их полета,
Увертливость в боях
И спящих тайный страх;
Я б разбудил для света
Из сумрака веков
Героев-комаров.
(У них героев — тучи,
Сам Лафонтен сказал,
Что даже лев могучий
Пред комаром — упал!)
И в славном переплете,
У дам, на туалете,
Лежал бы томик мой;
И летом, в час досужный,
В своей беседе дружной,
В саду, в тени густой,
Они б меня читали
И часто награждали
Улыбкой иль слезой.

Июнь или июль 1823

[1] Историю (нем.).—*Ред.*

14. ПЕСНЬ БАРДА
ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАР В РОССИИ

О, стонати Руской земли, помянувши
пръвую годину и пръвыхъ князей.

Слово о полку Игореве

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности, и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По брегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним, грозна,
Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна!

И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И пе́рсты вещие летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!

Наутро солнце лишь восстало —
Проснулся дерзостный булат:
Валятся греки — ряд на ряд,
И их полков — как не бывало!

И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь;
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,

И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще младый баян
На голос предков запевает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглушает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!

Конец июля — начало августа 1823

15. БАЯН К РУССКОМУ ВОИНУ ПРИ ДИМИТРИИ ДОНСКОМ, ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ НЕПРЯДВЕ

Посвящено А. А. В⟨оейков⟩ой

Стоит — за олтари святые,
За богом венчанных царей,
За гробы праотцев родные,
За жен, отцов и за детей.

Лобанов

О бранный витязь! ты печален,
Один, с поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и немой,
Среди могил, среди развалин;
Ты видишь в родине своей
Следы пожаров и мечей.

И неужель трава забвенья
Успеет вырость на гробах,
Пока не вспыхнет в сих полях
Война решительного мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?

Твои отцы славяне были,
Железом страшные врагам;
Чужие руки их рукам
Не цепи — злато приносили.
И не свобода ль им дала
Их знаменитые дела?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой —
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Кто сгонит бледность с их лица
При виде гневного бойца?

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом,—
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее,
Так песнь победная громчей
Глухого скрежета цепей!

Не гордый дух завоеваний
Зовет булат твой из ножон:
За честь, за веру грянет он
В твоей опомнившейся длани —
И перед чёлами татар
Не промахнется твой удар!

На бой, на бой! — И жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Конец владычеству тиранов:
Ужасен хан татарский был,
Но русский меч его убил!»

20 августа 1823

16—25. *ПЕСНИ*

1

Полней стаканы, пейте в лад!
Перед вином — благоговенье:
Ему торжественный виват!
Ему — коленопреклоненье!

Герой, вином разгорячен,
На смерть отважнее стремится;
Певец поет, как Аполлон,
Умея Бахусу молиться.

Любовник, глядя на стакан,
Измену милой забывает,
И счастлив он, покуда пьян,
Затем что трезвый он страдает.

Скажу короче: в жизни сей
Без Вакха людям всё досада:
Анакреон твердит нам: пей!
А мы прибавим: до упада.

Полней стаканы, пейте в лад,
Перед вином — благоговенье:
Ему торжественный виват!
Ему — коленопреклоненье!

2

Страшна дорога через свет;
Непьяный вижу я дорогу,
А пьян — до ней мне дела нет,
Я как слепой — и слава богу!

Мечта и сон — наш век земной;
Мечта? — Я с Бахусом мечтаю,
И сон? — За чашей круговой
Я не скорее ль засыпаю?

Что шаг — то грех: как не почтить
Совета веры неподложной?
Напьемся так, чтобы ходить
Нам было вовсе невозможно.

Известно всем, что в наши дни
За речи многие страдали:
Напьемся так, чтобы они
Во рту же нашем умирали.

Что было, есть, что впереди,
Об этом трезвый рассуждает,
А пьяный — мир хоть пропади,
Его ничто не занимает.

Собой довольному — не страх
Ему судьбы непостоянство,
И он в чувствительных слезах
Благодарит за это пьянство.

3

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает.

Слова святые: пей и пой! —
Необходимы для пирушки.
Друзья! где арфа подле кружки,
Там бога два — и пир двойной!

Так ночью краше небеса
При ярком месяца сияньи;
Так в миловидном одеяньи
Очаровательней краса.

Кто за бокалом не поет,
Тому не полная отрада:
Бог песен богу винограда
Восторги новые дает!

4

Душа героев и певцов,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цветов
Ведет к ученому патенту.

Проснувшись вместе с петухом,
Он в тишине читает Канта;
Но день прошел — и вечерком
Он за вино от фолианта.

И каждый день его, как сон,
Пленяя чувства, пролетает:
За книгой не скучает он,
А за бокалом кто ж скучает?

Свободой жизнь его красна,
Ее питомец просвещенный —
Он капли милого вина
Не даст за скипетры вселенной!

5

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они так не певали:
Их бранный дух, их грубый вкус
От чаши гнали милых муз.

Веселость пасынков Рорбаха [1]
Была безумна и неряха:
Бывало, в замке за столом
Сидят в бронях перед вином.

И всякий в буйности природной
Кричит что пьяному угодно,
И непристойность глупых слов
Слетает нагло с языков.

Но мы, друзья, не то, что деды:
Мы песни призвали в беседы,
Когда веселье — наш кумир —
Сзывает нас на шумный пир.

Великолепными рядами
Сидим за длинными столами,
И всякий, глядя на бокал,
Поет, как Гёте приказал.

Слова: отрада и свобода —
В устах у пьяного народа
При звуке чоканья гремят,
И всяк друг другу — друг и брат!

Мы пьем — так рыцари пивали,
Поем — они не так певали.

---

[1] Винно фон Рорбах, первый гроссмейстер лифляндских рыцарей.

6

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим;
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело?

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.
Хоть громом бог в наш стол ударь,
Мы пировать не перестанем.
Приди сюда хоть русский царь,
Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:
«Печаль и радость — пополам,
Сердца — на жертвенник свободы!»
Друзья! бокалы к небесам!
Обет правителю природы:

«Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!»
Да будут наши божества
Вино, свобода и веселье!

7

Счастли́в, кому судьбою дан
Неиссякаемый стакан:
Он бога ни о чем не просит,
Не поклоняется молве
И думы тягостной не носит
В своей нетрезвой голове.

С утра до вечера ему
Не скучно — даже одному:
Не занятый газетной скукой,
Сидя с вином, не знает он,
Как царь, политик близорукой,
Или осмеян, иль смешон.

Пускай святой триумвират
Европу судит невпопад,
Пускай в Испании воюют
За гордой вольности права —
Виновных дел не критикуют
Его невинные слова.

Вином и весел и счастлив,
Он — для одних восторгов жив.
И меж его и царской долей
Не много разницы найдем:
Царь почивает на престоле,
А он — забывшись — под столом

8

Налей и мне, товарищ мой,
И я, как ты, студент лихой,
Я пью вино не заикаясь,
И верен Вакху мой обет:
Пройду беспечно через свет,
От хмеля радости качаясь.

Свобода, песни и вино —
Вот что на радость нам дано,
Вот наша троица святая!
Любовь — но что любовь? Она
Без Вакха слишком холодна,
А с Вакхом слишком удалая.

Вчера я знал с Лилетой рай,
Сегодня та и тот — прощай,
Она другого полюбила;
Но я не раб любви моей,
Налейте мой стакан полней!
Не за твое здоровье, Лила!

А то ли Бахус, о друзья,
Он усладитель бытия,
Он никогда не изменяет:
Вчера, сегодня, завтра — наш!
Любите звон веселых чаш:
Он глас печали заглушает!

9

От сердца дружные с вином,
Мы вольно, весело живем:
Указов царских не читаем,
Права студентские поем,
Права людские твердо знаем;
И, жадны радости земной,
Мы ей — и телом и душой!

Когда рогатая луна
На тверди пасмурной видна,—
Обнявши деву молодую,
Лежим — и чувствует она
Студента бодрость удалую.
И, суеверие людей,
Не ожидай от нас мощей!

Наш ум свободен; и когда
Как не гремит карет езда
И молчаливо пешеходы
Глядят, как вечера звезда
Сребрит стихающие воды,—
Бродя по городу гурьбой,
Поем и вольность и покой!

От сердца дружные с вином,
Мы шумно, весело живем,
Добро и славу обожаем,

Чинов мы ищем не ползком,
О том, что будет, не мечтаем;
Но, радость верную любя,
Пока мы живы — для себя!

10

ГИМН

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную,
Боже, подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей,
Боже, храни!
Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
Боже, храни!
Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже, спасай!
Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим
Ты не мешай!

Август — начало сентября 1823

26. Н. Д. КИСЕЛЕВУ

В стране, где я забыл мирские наслажденья,
Где улыбается мне дева песнопенья,
Где немец поселил свой просвещенный вкус,
Где поп и государь не оковали муз;
Где вовсе не видать позора чести русской,
Где доктор и студент обедают закуской,
Желудок приучив за книгами говеть;
Где часто, не любя всегда благоговеть
Перед законами железа и державы,
Младый воспитанник науки и забавы,
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность и покой, которыми живет,—
Ты первый подал мне приятельскую руку,
Внимал моих стихов студенческому звуку,
Делил со мной мечты надежды золотой
И в просвещении мне был пример живой.
Ты удивил меня: ты и богат и знатен,
А вовсе не дурак, не подл и не развратен!
Порода — первый чин в отечестве твоем —
Тебе позволила б остаться и глупцом:
Она дала тебе вельможеское право
По-царски век прожить, не занимаясь славой,
На лоне роскоши для одного себя;
Или, занятия державных полюбя,
Стеснивши юный стан ливреею тирана,
Ходить и действовать по звуку барабана,
И мыслить, как велит, рассудка не спросясь,
Иль невеликий царь, или великий князь,
Которым у людей отеческого края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат,
Блистать и мишурой воинственных наград
И, даже азбуки не зная просвещенья,
Потом принять бразды верховного правленья,
Которых на Руси, как почтовы́х коней,
Скорее тем дают, кто чаще бьет людей.
Но ты, не веруя неправедному праву,
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что одни б достоинства должны
Давать не только скиптр, но самые чины,

Что некогда наук животворящий гений —
Отец народных благ и царских огорчений —
Поставит, разумом обезоружив трон,
Под наши небеса свой истинный закон...

Мы вместе, милый мой, о родине судили,
Царя и русское правительство бранили,—
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вот — тебя судьба зовет на путь иной,
И скоро будут мне, в тиши уединенья,
Отрадою одни былые наслажденья.
Дай руку! Да тебе на поприще сует
Не встретится удар обыкновенных бед!

А я — останусь здесь, и в тишине свободной
Научится летать мой гений благородный,
Научится богов высоким языком
Презрительно шутить над знатью и царем:
Не уважающий дурачеств и в короне,
Он, верно, их найдет близ трона и на троне!

Пускай пугливого тиранства приговор
Готовит мне в удел изгнания позор
За смелые стихи, внушенные поэту
Делами низкими и вредными полсвету,—
Я не унижуся нерабскою душой
Перед могущею — но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умеет презирать неправые гоненья,—
И все усилия цензуры и попов
Не сильны истребить возвышенных стихов.
Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустые
И будто создала благая длань творца
Народа тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Для нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

2 октября 1823

27. ПЕСНЬ БАЯНА

Люблю смотреть на месяц ясный,
Когда встает он из-за гор;
Но мне милее светлый взор
Сияны резвой и прекрасной.

Порой пленяют слух Баяна
Живые песни соловья;
Но веселей душа моя,
Когда поет моя Сияна.

Люблю, как, песнь мою внимая,
Боец хватает свой булат;
Но струны слаще говорят
С тобой, красавица младая!

Люблю на шумном сборе стана
Приветы ратных и вождей;
Но я счастливее царей,
Коль улыбнется мне Сияна.

10 октября 1823

28

Моя богиня молодая
Законам света не верна,
И часто говорит она,
Чтó умолчала бы другая;
А это в наши времена,
Как вам известно, против моды:
Певцу, и особливо мне,
Восторгов пламенной свободы
Любить не должно б и во сне,
А я свой век позабываю
И даже в русские стихи
Рукой небрежною вмещаю
Мечты, ведущие не к раю,
И вольнодумные грехи.
Что делать? Гордыми очами
Поэт не смотрит никогда
С горы божественной туда,
Где быть... но догадайтесь сами!

Клянусь вам славой и стихами,
Что много, много мог бы я
С моею музою счастливой
И перед вами не ленивой,
Как перед ней рука моя,
Вам принести усердной дани
На сих листках воспоминаний.
Вас похвалить не мудрено,
Но похвалы за похвалами
Всё будут то же и одно,
Какими б ни было стихами;
А это наскучает вам
(Так слышал я и знаю сам).
Притом: написанное выше
Велит мне изъясняться тише,
Чтоб за болтливость укорять
Мою поэзию не стали.
И мне... позволите ль сказать?
Мне хочется, чтоб вы не знали,
Чтó я хотел вам написать.

22 октября 1823

29—32. ⟨*ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ*⟩

1

Милостивая государыня Анна Сергеевна!

Обедать я у вас готов —
Да дело в том, что нездоров:
Я болен болью головной,
Сижу, хожу как сам не свой,
Я дома скучен, как монах,
И уверяю, что в гостях
Я буду вчетверо скучней:
Теперь мой разум — без мыслéй,
Глаза всё на землю глядят,
Язык молчит, хоть и не рад,
И даже громкие слова
Расслышать я могу едва.
Причина этому ясна
И для меня весьма важна:

Теперь я телом и душой
Неинтересный и плохой.
Итак, меня простите вы,
Что по причине головы
Я не могу вас посетить.
Вас слушать, с вами говорить
Мне очень весело всегда —
Да не гожуся никуда,
А в состоянии таком
Кто ходит в ваш приятный дом?
И не подумайте, что лгу:
Я точно доказать могу
Всю справедливость этих слов.
Притом вам скажет Киселев
(Он будет к вам — так быть должно,—
Я это угадал давно),
Что видел сам, как у меня
Уж голова болит три дня;
Но если скажет Киселев,
Что я сегодня уж здоров,
Вы не поверьте — это ложь:
Я и сегодня, право, то ж,
Что был вчера. Итак... итак —
Я не могу никак, никак
Быть сотоварищем ему.
Мне это больно самому,
Но что же делать? У судьбы
Нет либералов: все рабы.

Ваш покорнейший
Н. Языков

9 сентября 1823

2

13 октября 1823

Скучает воин — без войны,
Скучает дева — без наряда,
Супруг счастливый — без жены
И государь — без вахт-парада.

А я, презритель суеты,
Питомец музы, что скучаю?
Веселой нет со мной мечты,
И вдохновенье забываю.

Как без души — без табаку
Студент, его любитель верный,
За часом час едва влеку
С моей тоской нелицемерной.

Как часто, в грустной тишине,
Хожу в карман рукой несмелой:
Там пусто, пусто — как в стране,
Где пламя брани пролетело.

Бывало, с трубки дым летит,
Свиваясь кольцами густыми,
И муза пылкая дарит
Меня стихами золотыми.

Но всё прошло — и всё не так!
Восторги — были сон приятный.
Ох! не призвать мне, о табак,
Твоей отрады ароматной!

Сижу один — и вслух дышу,
Собой и всеми недоволен,
Я не читаю, не пишу,
Вполне здоровый, будто болен.

Так, вечно жадная забав,
Давно прошедшая Леила
Сидит печально, потеряв
Свои румяна и белила.

Ничто ее не веселит,
Не милы пышные наряды,
И взор потупленный блестит
Слезами горькими досады.

3

Милостивая государыня Анна Сергеевна!

Вы извините, что я вас
Своею просьбой беспокою.
И признаюсь: на этот раз
Я недоволен сам собою.
Но делать нечего: судьбою
Теперь мне дан такой указ.
Притом я сам обеспокоен:
Во мне восторг почти погас,
Мой ум чувствительно расстроен,
И задичился мой Пегас,
Я ничего не сочиняю,
Я даже писем не пишу —
И потому-то вас прошу,
Могу сказать — вас умоляю
Поэта искренность простить
И сострадательной рукою
Мои финансы оживить,
Давно рассеянные мною.
Я знаю: деньги — суета;
И для неложного монаха
Они едва ль дороже праха,
Душа не ими занята;
Но человеку в здешнем мире
Они так нужны, как в трактире,
Где в долг не любят никого.
Я ж человек — итак, желаю,
Но вы уж знаете чего,—
И, уповая, умолкаю.

Ваш покорнейший слуга
Н. Языков

2 ноября 1823

4

Милостивая государыня Анна Сергеевна!

Благословенному царю
Не так за ленту благодарен
Ее не стоящий боярин:
Я вас душой благодарю.

Вы мне веселость оживили,
Моей мечты прогнали мрак
И вновь поэту возвратили
Свободу, музу и табак.
Была пора — я помню живо:
Свеча задумчиво горит,
Сижу с тоскою молчаливой,
Гляжу к земле, перо лежит,
Лишь изредка возьму бумагу,
Означу месяц, день,— но вдруг
Я вспомню денежный недуг,
И на ладонь главою лягу,
И томно очи затворю...
Не вы ли мне возможность дали
Укоротить мои печали?
Благодарю, благодарю!

Н. Я.

11 ноября 1823

33. ПЕСНЬ БАЯНА

Война, война! прощай, Сияна!
Бойцы шумят, бойцы идут;
Они товарища Баяна
В страну далекую зовут.

Туда, где бранные пожары
Дунайски волны озарят,
Где смертоносные удары
О шлемы греков зазвенят.

С врагом сражаяся, как деды,
Рукой и сердцем славянин,
Я наши стану петь победы
И смелость князя и дружин.

И твой Баян, пируя славу,
Под медью лат дыша тобой,
Сам повторю я Святославу,
Что пел Сияне молодой.

Промчится буря боевая,
Войдет в ножны́ булат бойца —
И дева, сердцем оживая,
Обнимет верного певца.

11 ноября 1823

34. К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,
Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстате.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

2 декабря 1823

35. УСЛАД

Не стонет дол от топота коней,
Не брызжет кровь от русского удара:
По берегу Дуная, близ огней
Лежат бойцы — смирители болгара;
Там юноша, соратник их мечей,
Исполненный божественного дара,
Пленяет слух дружины удалой
Военных струн волшебною игрой.

Баян поет могучих праотцов,
Их смелый нрав, их бурные сраженья,
И силу рук, не знающих оков,
И быстроту их пламенного мщенья.
Как звук щита, и ратным, и вождям
Отрадна песнь любимца вдохновенья:
Их взор горит, их мысль блуждает там,
Где билась рать отважного Олега,
Где Игорев булат торжествовал —
И гордый грек бледнел и трепетал,
Послыша гром славянского набега.

Баян воспел минувших лет дела:
Баян умолк,— но рать еще внимает.
Так плаватель, когда ночная мгла
Лазурь небес и море застилает,
Еще глядит на сумрачный закат,
Где скрылося великое светило;
Так сладостно расставшемуся с милой
Издалека еще взирать назад!
Луна плывет в спокойных небесах;
Молчит Дунай, чернеет лес дремучий,
И тень его, как тень широкой тучи,
Мрачна лежит на стихнувших водах.

ПЕСНЬ БАЯНА

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу:
Он жаждет битвы роковой.
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Несносен отдых Святославу!

Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?
Наш князь убийственно разит.
Цимиский! крепок ли твой щит?
Не тонки ль кованые латы?

Дружине борзых дай коней;
Не то — мечи ее нагонят,
И не ускачет от мечей.
Дружине борзых дай коней;
Не то мечи ее нагонят.

Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне:
Удар наш меток и тяжел.
Ты рать обширную привел;
Не много нас, но мы славяне.

О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы,
Проснися, ужас боевой!
О ночь, о ночь, лети стрелой!
Поля, откройтесь для победы!

Но кто, певец, любви не воспевал?
Какой баян, плененный красотою,
Мечты бойца с прекрасною мечтою
О родине и милой не сливал?

Двойной огонь в душе певца младого,
Когда поет он деву и войну,—
Так две струи Дуная голубого
Блестят живей, сливаяся в одну.

ПЕСНЬ БАЯНА

Бойцы садятся на коней,
Баяна дева обнимает:
Она молчит, она вздыхает,
И слезы градом из очей.

«Прощай, прощай! Иду на битву —
Люби меня, моя краса!
Молись — услышат небеса
Твою невинную молитву!

Щита, врученного тобой,
Булат врага не перерубит;
Тебя певец твой не разлюбит
И не изменится душой».

Они расстались. Пыль густая
Поля покрыла, как туман.
Враги! вам полно ждать славян!
Вам полно спать, брега Дуная!

Взошла денница; вспыхнул бой;
Дрожит широкая долина.
О грек! страшна твоя судьбина:
Ты не воротишься домой!

Валятся всадники и кони,
Булат дробится о булат —
И пал ужасный сопостат
При шуме яростной погони!

Баян отцам не изменил
На поле гибели и чести:
Могучий враг ударом мести
Его щита не сокрушил.

Гордыня сильного смирилась;
Ему не праздновать войны...
И сталь победная в ножны
По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
Баяна дева обнимает,
Отрадно грудь ее вздыхает,
И девы радость ожила.

Не сталь в груди Услада трепетала,
Не дикий огнь сверкал в его очах:
Он знал любовь; душа его питала
Ее восторг, ее безвестный страх.

Он твой, он твой, красавица Сияна!
Ты помнишь ли его златые дни,
Когда лесов отеческих в тени
Ласкала ты влюбленного баяна?
Ты помнишь ли, как, бросив меч и щит,
Презрев войны высокие награды,
Он пел твои божественные взгляды
И красоту застенчивых ланит?
Ты помнишь ли, как, песнь его внимая,
Молчала ты? — Но как любовь молчит?
То, свеж и чист, как роза молодая,
Твое лицо румянец оживлял;
То вспыхивал твой взор, то угасал,
Как в облаке зарница золотая.
Баян Услад любви не изменял:
С чужих полей, где рыщет ужас битвы,
К тебе его надежды и мечты
И за тебя сердечные молитвы;
Он всюду твой! А ты — верна ли ты?

Первая половина декабря 1823

36. ЭЛЕГИЯ

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда в моем кармане?
Теперь Христово рождество
И веселятся христиане;
А я один, я чужд всего,
Что мне надежды обещали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!

Туда, туда, к Петрову граду
Я полетел бы: мне мила
Страна, где первую награду
Мне муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Без денег, радости людей,
Здесь не дадут мне подорожной,
А на дороге лошадей.

Так ратник в поле боевом
Свою судьбину проклинает,
Когда разбитое врагом
Копье последнее бросает:
Его руке не взять венца,
Ему не славиться войною,
Он смотрит вдаль — и взор бойца
Сверкает первою слезою.

24 декабря 1823

37. ПЛАТОНИЗМ

Закон: влюбляться лишь душой,
Друзья, мне вовсе непонятен;
Пусть говорят: наш век развратен,—
Да не мечта ли век златой?

Нет сил у твари поднебесной
Для платонической любви:
Кто ангел — тот по ней живи,
Затем что ангел — бестелесный!

Души восторги — в мире снов,
Но есть восторги и для тела,
И мы оставим ли без дела
Дары догадливых богов?

Одной мечты и мудрым мало:
Мне сказывал археолог,
Что у Платона . . . . . .
. . . .

Когда один, в ночной тиши,
Сей баловень воображенья
Писал систему наслажденья
Для человеческой души.

Души восторги — в мире снов,
Но есть восторги и для тела,
И мы оставим ли без дела
Дары догадливых богов?

1823 ?

38

От света светлость происходит;
А ныне светлость производит
Такая тела часть, куда и свет не входит.

1823 или 1824

39. ГОНКИ

Сколь⟨ко⟩ Бютингов с Минервой,
И Диан, и Антиоп,
Сколько жен, сколько ... ,
А хозяин — первый.

1823 или 1824

40. Н. Д. КИСЕЛЕВУ
К НОВОМУ, 1824 ГОДУ

Посланник будущих веков!
Не жди веселого привета
И ободрительных стихов
От огорченного поэта.
Душе унылой не сладка
Тебя встречающая радость:
Что ты принес мне? Гадость, гадость!
. . . .

Снося горячие недуги,
Один, безмолвен и угрюм,
Я порчу сонные досуги
Тяжелой мрачностию дум;
Она прошла, пора златая,
Когда был здрав и весел я
И пела муза молодая
. . .

И мне дождаться ли возврата
Телесной бодрости моей?
Погибну ль жертвою б.....
Под кровом чуждого пената?
Еще мне рано увядать:
Приди ж скорей, былая радость!
Поэту страшно потерять
Свою пленительную младость!

Конец 1823 или начало января 1824

41. ЗИМА ПРИШЛА

Как рада де́вица-краса
Зимы веселому приходу,
Как ей любезны небеса
За их замерзнувшую воду!
С какою радостью она,
Сквозь потемневшего окна,
Глядит на снежную погоду!
И вдруг жива и весела
Бежит к своей подруге бальной
И говорит ей триумфально:
«Зима пришла! зима пришла!»

Воспитанник лесной Дианы,
Душою радуясь, глядит,
Как помертвелые поляны
Зима роскошно серебрит;
Порою осени унылой
Ходить с ружьем совсем не мило:
И льется дождь, и ветр шумит,
Но выпал снег, прощай, терпенье!
Его охота ожила,
И говорит он в восхищенье:
«Зима пришла! зима пришла!»

Казны служитель не безвинный
Как рая зимней ждет поры:
Плохой барыш с продажи винной
Весной и в летние жары:
Крестьяне заняты работой;
Он зрит с печальною зевотой
Цереры добрые дары;
Но вот зима — и непрестанно
Торговля ездить начала,
И он кричит, восторгом пьяный:
«Зима пришла! зима пришла!»

Питомцу музы не отрада
И пылкой музе не сладка
Зимы суровая прохлада:
В лесу мороз, стоит река,
Повсюду мрачное молчанье —
И где ж певцу очарованье,
Восторг и мирты для венка?

Он взглянет нá землю — пустыня,
На небо взглянет — небо спит;
Но если юноше велит
Душой и разумом богиня
Прославить зимние дела —
В поэте радость оживает
И, вдохновенный, восклицает:
«Зима пришла! зима пришла!»

Декабрь 1823 — январь 1824

42. ЭЛЕГИЯ

Скажи, воротишься ли ты,
Моя пленительная радость?
Ужель моя погаснет младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не ведал я страданий,
Еще я жизнь не разлюбил;
Был чист огонь моих желаний...
И он ли небо оскорбил?

Не укорял бы я судьбины,
Я ждал бы смерти в тишине;
Но трепещу: ужасны мне
Забвенья черные пучины!

Дары поэзии святой!
Ужель вы были сновиденье?
Ты, жажда чести вековой,
И ты, к высокому стремленье?

2 января 1824

43. ЭЛЕГИЯ

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувших дней воспоминанье.

Прошел, прошел их милый сон,
Но всё душа за ним стремится
И ждет: быть может, снова он
Хотя однажды ей приснится...

Так путник в ранние часы,
Застигнут ужасами бури,
С надеждой смотрит на красы
Где-где светлеющей лазури!

2 января 1824

44. ЕЩЕ ЭЛЕГИЯ

Как скучно мне: с утра до ночи
Лежу и думаю, когда
Моя окончится беда,
Мои яснее будут очи.
Бывало, пылкая мечта
Ко мне веселая летала
И жизни тихой красота
Мою надежду чаровала.
Бывало, позднею порой
Прекрасный ангел песнопений
В тиши беседовал со мной
И ободрял мой юный гений.
Но быстро, быстро пронеслось
Мое веселье золотое:
Теперь что вздумаю — пустое,
Теперь стихи мои — хоть брось!
Но всё пройдет, как сновиденье:
Я буду счастлив и здоров,
И вновь святое вдохновенье
Проснется для моих стихов.

Такие чувствует печали
Богач, которого казну
Его завистники украли:
Он грустно помнит старину;
Но мысль надежная сверкает
В его печальной голове,

И он — в Управу посылает
Сказать о важном воровстве;
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнет, как мечта,—
И благовидно улыбнутся
Уже спокойные уста.

5 января 1824

45. ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

24 января 1824

46. МУЗА

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила,
Ее бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.

Февраль 1824

47. СЛАВА БОГУ

О, слава богу, слава богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия:
Не занят светом и молвою,
Я знаю тихие мечты,
И не поклонник красоты,
И не обманут красотою!

Февраль 1824

48. Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Скажи, как жить мне без тебя?
Чем врачеваться мне от скуки?
Любя немецкие науки
И немцев вовсе не любя,
Кому, собою недовольный,
Поверю я мои стихи,
Мечты души небогомольной
И запрещенные грехи?
В стране, где юность странным жаром
Невольной вольности кипит,
Где жизнь идет, а не летит,
Где любят в долг, дарят не даром,
Где редки русские умы,
Где редки искры вдохновенья,
Где царь и глупость — две чумы —
Еще не портят просвещенья,—
Любили вместе мы делить
Веселой младости досуги
И страсть правительство бранить
За всероссийские недуги.
Мелькали быстро дни мои:
Я знал не купленное счастье
В раю мечтательной любви
И в идеальном сладострастье;
Но я предвижу, милый мой,
Чтó скоро сбудется со мной.
Живя одним воспоминаньем,
Я лучших дней не призову,—

И отягчит мою главу
Тоска с несбыточным желаньем.
Мои свободные мечты
И песни музы горделивой
Заменит мне покой сонливый,
И жизни глупой суеты
Меня прельстят утехой лживой,—
И прочь прекрасное! Но ты —
Свидетель милой наготы
Моей поэзии шутливой...
Пускай тебе сии мечты
В веселый час представят живо
Лихие шалости любви...
О! вспомни вольного собрата
И важной дланью дипломата
Моих стихов не изорви!

18 февраля 1824

49. К ...

Твоя прелестная стыдливость,
Твой простодушный разговор,
И чувств младенческая живость,
И гибкий стан, и светлый взор —
Они прельстят питомца света,
Ему весь рай твоей любви,
Но горделивого поэта
В твои объятья не зови!

Напрасно, пылкий и свободный,
Душой невинный, он желал
В тебе найти свой идеал
И чувство гордости народной.
Ищи неславного венка —
Ты не достойна вдохновений,
Простая жажда наслаждений
Жрецу изящного — низка.

22 февраля 1824

50. МЕЧТА

Когда петух
Неугомонный,
Природы сонной
Певец и друг,
Пленял просонки
Младой чухонки —
Вчера я встал,
Смотрели очи,
Как звезды ночи,
На мой журнал;
Вблизи чернила
И тишина!
Меня манила
К мечтам она.
С улыбкой долгой
Перо я взял
И час летал
Над тихой Волгой.
Она текла...
Ах, как мила!
Очарованье
Моих очей!
В стекле зыбей
Зари сиянье,
Как в небесах;
Струи дрожали,
Они играли
В ее лучах...
Вдали дубравы
По берегам;
И память славы —
Не нашим дням —
Ряды курганов
Из мглы туманов
Вставали там;
Питомец света
Не любит их;
Но для поэта,
Для дум живых —
Их вид старинный,
Их славный прах...

Что за картины
В моих мечтах!
Тоскливей ночи,
Как день мила,
Потупя очи,
Идет... пришла
И тихо села
Там на курган
И вдаль смотрела:
Вдали туман,
Река яснела...
И в тишине
Девица пела...
И слышно мне!
Она вздыхала,
Порой слеза
В глазах сияла...
Что за глаза!
Они прекрасны,
Как полдень ясный,
Или закат:
И голубые,
И неземные,
И говорят!
А голос нежный
Весь дол прибрежный
Очаровал;
Он призывал
Бойца и брата,
Который пал
От сопостата...
И я вздыхал!
Душа стремилась
Туда, туда...
И мне явилась
Красы беда...
«Когда же встанет,—
Подумал я,—
Страна моя!
И местью грянет
Тиранам в страх?
Они гуляют
На сих полях

И забывают
О небесах:
Где меч для кары?
Он славен был,
Кто ж притупил
Его удары?»
Так говорил
Язык сердечный;
И вам, конечно,
Мечта — ясна:
Сии тираны —
Моголов ханы,
И старина!
Но всё молчало...
Конец мечтам,
Однако ж вам
Их будет мало,
И вот начало
Другим стихам:

Ужасен глас военной непогоды
Питомцу нег и деве молодой;
Но мил тому, кто любит край родной,
И доблести возвышенной свободы,
И красоту награды роковой:
Как острый меч, героя взгляд сверкает,
Восторгами живыми грудь кипит,
Когда война знамена развевает
И грозное оружие гремит.

Уже взошла денница золотая
Над берегом широкого Дуная.
Яснеет лес, проснулся соловей,
И песнь его то звучно раздается
По зеркалу серебряных зыбей,
То, тихая и сладостная, льется
В дубравной мгле, как шепчущий ручей,
Но скоро ты умолкнешь, сладкогласный!
Тебе не петь и завтрашнего дня!
Здесь будет бой и долгий и ужасный
При заревах военного огня;
Ты улетишь, как, зашумев листами,
Пойдет пожар трескучий по ветвям
И черный дым огромными столбами
Поднимется к высоким небесам!

Так я в поэме начинаю
Вторую песню, где должна
Случиться страшная война,
Где многих, многих убиваю.
И признаюсь, хотелось мне
Вам сообщить и продолженье,—
Но в петербургской стороне
Меня пугает осужденье!
Итак, пускай в уединенье
Лежат стихи мои; они
Имеют даже и терпенье:
Для них счастливейшие дни
Придут едва ли прежде мая.
Дай бог чтоб и тогда пришли!
А ждет надежда золотая
Чего-то белого вдали.

20 марта 1824

51. ЛИВОНИЯ

Не встанешь ты из векового праха,
Ты не блеснешь под знаменем креста,
Тяжелый меч наследников Рорбаха,
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

Но тишина постыдного забвенья
Не всё, не всё у славы отняла:
И черные дела опустошенья,
И доблести возвышенной дела...
Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэтова чела!

Рукою лет разбитые громады,
Где бранная воспитывалась честь,
Где торжество не ведало пощады
И грозную разгорячало месть,—

Несмелый внук ливонца удалого
Глядит на ваш красноречивый прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в бессмысленных очах!

Таков ли взор любимца вдохновенья,
В душе его такая ль тишина,
Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Он зрит в мечтах минувшие века;
Душа кипит; горят, яснеют взгляды...
И падает к струнам его рука.

2 апреля 1824

52. К ***

Кому достанется она,
Нерукотворная Мария?
Она для неги рождена:
Глаза, как небо, голубые,
И мягкость розовых ланит,
И всё — готовое для счастья —
К ней соблазнительно манит
Живую жажду сладострастья!
Блажен, кто первый обоймет
Ее красы на ложе ночи,
Ее прижмет, еще прижмет
И, задрожав, закроет очи!

3 апреля 1824

53

Les vers sont en effet la musique de l'âme!
Voltaire [1]

Когда в моем уединенье
Не существует ни гроша,
Грустит мое воображенье
И то же делает душа;

---

[1] Действительно, стихи — музыка души! *Вольтер* (фр.).— *Ред.*

Когда у господа — финансов
Я умилительно прошу
И ни студенческих романсов,
Ни важных песен не пишу,
Сии минуты роковые,
В их безотрадной тишине,
Напоминают часто мне
Кармана радости былые,
И вдохновение, и вас;
Я не забыл, как мой Пегас,
Слуга живой и неизменный,
Необходимости служил —
И мне отраду приносил
От доброты незаслуженной!
О! сильно чувствует поэт!
В душе, лишь гению послушной,
Притворства нет, и лести нет,
И нет надежды малодушной.
Неблагодарность все века
Открыто славилася в мире
И в одеянье бедняка,
И в императорской порфире,—
И свет таков, каков он был.
Но в длинных летописях света
Скажите: кто же находил
Неблагодарного поэта?

Один, с поникшей головой,
В моем приюте одиноком
Сижу в молчании глубоком
И в светлый час, и в час ночной —
Мечты чуть живы, не играют,
И часто с утра до утра
По Дерпту целому летают
Искать бумажного добра —
И ничего не обретают!
Без денег с немцами — беда:
Они приятны для досугов,
Но их приятность никогда
Не лечит денежных недугов!
Но вы, которые ко мне —
За что, не знаю — благосклонны...
У вас мой дух неугомонный,
Как на родимой стороне,

Отраду чистую находит;
Не к вам ли, скучная порой,
С непринужденною тоской
Моя поэзия приходит?
О, будьте духу моему
Благотворителем, как были,—
И то, и то, и то ему
Простите — если не простили!

3 апреля 1824

54. ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но всё победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня, спрямилось, как буря, завыло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Всё пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана,—
То грозная рать победителя хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
То, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
То схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» — взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не всё ли погибло в крови и в огне?

Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвую руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана,—
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьем..
И пало геройство под силой Батыя.

Редеет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братий,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий

11 апреля 1824

55. ОСТРОВОК

Далеко, далеко
Красив, одинок
На Волге широкой
Лежит островок —
Туда я летаю
На крыльях мечты;
Я помню, я знаю
Его красоты:
Тропинки извивы
Под сводами ивы,
Где слышно «ку-ку»,
Ведут к озерку.
Там берег песчаный...
На нем пред водой
И стол деревянный
С дерновой софой,

И темные сени
Старинных дерёв —
Прибежище лени,
Мечтательных снов.
Налево — беседка,
Как радость, мила:
Природа-кокетка
Ее убрала
И розой, и маком,
И свежей травой,
Прохладой и мраком,
А ночью — луной.
Туда, как ложится
На Волгу покой
И небо глядится
В утихших водах,
Приходит... садится
С тоскою в очах
И в сердце с тоскою
Девица-краса;
Глядит в небеса,
Чуть-чуть головою
Склонясь на ладонь,—
И взоры прекрасной
То нежны и ясны,
Как божий огонь,
То мрачны и томны,
Как вечер худой,
Безлунный и темный,
Иль сумрак лесной.
Когда же рассветом
Горят небеса
И с птичкой-поэтом
Проснутся леса,
Росистой тропинкой
Девица спешит
С прелестной корзинкой,
Где книга лежит,
В беседку... Вот села,
Тиха и бледна,
А всё не без дела:
Читает она —
Поэта Светланы,
Вольтера, Парни...

А Скотта романы —
Ей праздник они.
Она отмечает
Идей красоты
И после — в листы
Альбома включает,—
Так сушит цветы
Цветов обожатель.
О, счастлив писатель
В руках красоты!
Далеко, далеко
Красив, одинок
Лежит островок.
Когда же, о боги!
Поэт и студент
Для дальной дороги
Получит патент?
Когда он, веселый,
Узрит не в мечтах
Знакомые селы
При светлых водах?
Когда он похвалит
Таинственный рок?
Когда он причалит
Свой легкий челнок
Под тенью прохладной
Туда, к островку,
И, с думой отрадной
Взглянув на реку,
«О радость! — воскликнет.—
Я здесь, я живу!»
И снова привыкнет
Там жить наяву?

16 марта — 14 апреля 1824

56. ОТЪЕЗД

Прощай, краса чужого края,
Прощайте, немцы и друзья:
Уже лечу в телеге я,
Часы мечтой перегоняя!

Со мной дорожное перо,
Со мною книжка путевая;
Моя богиня молодая
В ней пишет худо и добро:
Коней чухонских охуждает,
Бранит смотрителей дурных
И анекдоты вымышляет,
Не очень лестные для них.
Но если памятник победы
Напомнит славные века —
Вдруг, благородна и пылка,
Она поет, как бились деды,
Как била русская рука
Или чухну, иль поляка...
Тогда девица вдохновенья
Живым огнем воображенья
Мои стихи одушевит;
И — дань священного обета —
К вам скоро, скоро полетит
Тетрадь дорожного поэта.

3 июня 1824

57. К П. Н. Д⟨ИРИН⟩У

Еще ты роком не замечен,
Тебе прекрасен божий свет;
Не зная мук, не зная бед,
Ты всем доволен и беспечен;
Твои безоблачные дни,
Как милый сон, мелькают живо;
Да не закатятся они
С порою младости счастливой!
Она пройдет,— но пусть она
Немрачный путь тебе укажет,
Пробудит силы ото сна
И ум для доблести развяжет,
Научит родину любить,
Добро и честь любить душою,
За них беды́ переносить
И не бледнеть перед судьбою.

1824

58. ЭЛЕГИЯ

Зачем божественной хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая
Невнятно, дико ей звучит:
Она, очами не сверкая,
Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,
Поэт ли склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!
Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

1824

59. РАЗБОЙНИКИ

(Отрывок)

Синее влажного ветрила
Над Волгой туча проходила;
Ревела буря; ночь была
В пучине зыбкого стекла;

Порой огонь воспламенялся
Во тьме потопленных небес;
Шумел, трещал прибрежный лес
И, словно Волга, волновался.

«Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!

Не чуя страха средь зыбей,
Душой не слушаясь природы,
Мы бьемся как-то веселей
При диком вое непогоды!

В лесах, в ущельях наши дни
Всегда свободны, беззаботны;
Как туча, сумрачны они,
Зато, как туча, быстролетны!

Гремят и блещут небеса;
Кипит отвага в сердце нашем!
Расправим, други, паруса
И бодро веслами замашем!»

Такая песня раздавалась
На скате волжских берегов,
Где своевольных удальцов
Станица буйная скрывалась.
Заране радуясь душой,
Они сбирались на разбой;
Как пчелы, шумно окружали
Продолговатые ладьи
И на ревущие струи
Их дружно с берега сдвигали.

Могучи духом и рукой,
Закон и казни презирая,
Они пленительного края
Давнишний рушили покой:
Не раз пожары зажигала
В соседних селах их рука;
Не раз бурливая река
Погонь за ними не пускала
И жертвы мести роковой
Непобедимою волной
На дно песчаное бросала.
Многоречивая молва
Об них далеко говорила;
Уму несмелому их сила
Казалась даром волшебства;
Их злочестивые слова,
Их непонятные деянья,
Угрозы, битвы, предсказанья

Пугали старцев и младых;
Им жены с трепетом дивились,
И прослезались, и крестились,
Рассказы слушая о них.

1824

60. ЭЛЕГИЯ

Поэту радости и хмеля,
И мне судил могучий рок
Нравоучительного Леля
Полезный вытвердить урок:
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал;
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять свой ум поворотил;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки.

1824

61. АЛА

(Отрывок)

В стране, любимой небесами,
Где величавая река
Между цветущими брегами
Играет ясными струями;

Там, где в минувшие века
Сражались воины Христовы,
Отважны, буйны и суровы;
Где наш свирепый Иоанн,
Пылая местью кровожадной,
Казнил за Магнуса граждан
Неутомимо, беспощадно;
Где добрый гений старины
Над чистым зеркалом Двины
Хранит доселе как святыню
Остатки каменной стены
И кавалерскую твердыню,—
В дому отцовском, в тишине,
Как цвет эдема расцветала
Очаровательная Ала.—
Меж тем в соседней стороне,
Устами Паткуля, к войне
Свобода смелых вызывала
И удалого короля
Им угнетенная земля
С валов балтийских принимала.
Когда, прославившись мечом,
Он шел с полуночным царем
Изведать силы боевые,
Не зная, дерзкий, как бодра
Железной волею Петра
Преображенная Россия!

Родитель Алы доходил
К пределу жизненной дороги.
Он долго родине служил,
Видал кровавые тревоги,
Бывал решителем побед;
Потом, покинув шумный свет
И безмятежно догорая,
Прекрасен был, как вечер мая,
Закат его почтенных лет.
Но вдруг... и кто не молодеет,
Своим годам кто помнит счет,
Чей дух не крепнет, не смелеет,
Чья длань железа не берет,
И взор отвагой не сверкает,
И грудь восторгом не полна,
Когда знамена развевает

За честь и родину война?
Он вновь надел одежду брани,
Стальную саблю наточил,—
Казалось, старца оживил
Священный жар его желаний;
Он призвал дочь и говорил:
«Уже лишен я прежних сил
Неумолимыми годами;
Прошла пора, как твой отец
Был знаменитейший боец
Между ливонскими бойцами,
Свершал геройские дела,—
Всё старость жадная взяла...
Не всё взяла!.. Еще волнует
Мою хладеющую кровь
К добру и вольности любовь,
Еще отрадно сердце чует
Их благодетельный призыв;
Ему, как юноша, внимаю,
И снова смел, и снова жив
Служить отеческому краю.
Гремите ж, бранные поля,
Пируйте, мужество и мщенье!
Что нам судьбы определенье?
Опять ли силы короля
Подавят милую свободу,
Или торжественно она
Отдаст ливонскому народу
Ее златые времена,—
Победа — смерть ли? Будь что будет
Лишь бы не стыд! Пускай же нас
К мечам, хотя в последний раз,
Глас родины, как неба глас,
От сна позорного пробудит!»
Сказал, и взоры старика
Мятежным пламенем сверкали,
И быстро падала рука
На рукоять военной стали...
Так в туче реется огонь,
Когда с готовыми громами
Она плывет под небесами,
Так, слыша битву, ярый конь
Кипит и топает ногами.

1824

62. ⟨ПРИПИСКА К ОТРЫВКУ «АЛА»⟩

Так незастенчивый для вас
Давно я начал мой рассказ,
Давно мечтою вдохновенной
Его я создал в голове,
Ему длина тетради в две,
Предмет — девица, шум военный,
Любовь и редкости людей;
Наш Петр, гигант между царей,
Один великий, несравненный,
И Карл, венчанный дуралей —
Неугомонный, неизменный,
С бродяжной славою своей.

Высоким даром управляя
По вдохновенью, по уму
И ничему и никому
На поле муз не подражая,
Певец лихих и страшных дел,
Я буду пламенен и смел,
Как наша юность удалая,
И песнь торжественно-живая
Свободна будет и ясна,
Как безмятежная луна,
Как чистый пурпур небосклона,
Стройна, как пальма Ливанона,
И как душа моя — скромна!

Вчера, как грохот колокольный
Спокойный воздух оглашал
В священный час,— не богомольный,
Я долг церковный забывал!
Мечты сменялися мечтами,
Я музу радостную звал
С ее прекрасными дарами —
И не послушалась она!
А я — невольно молчаливый —
Смирил душевные порывы
И сел печально у окна.
Придет пора, и недалеко!
Я для Парнаса оживу,
Я песнью нежной и высокой
Утешу русскую молву;

Вам с умилительным поклоном
Представлю важную тетрадь
Стихов, внушенных Аполлоном,
И стану сердцем ликовать!

1824

63. К⟨АТЕНЬКЕ⟩ М⟨ОЙЕР⟩

Как очаровывает взоры
Востока чистая краса,
Сияя розами Авроры!
Быть может, эти небеса
Не целый день проторжествуют;
Быть может, мрак застигнет их,
И ураганы добушуют
До сводов, вечно голубых!
Но любит тихое мечтанье
В цветы надежду убирать
И неба в утреннем сиянье
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческие годы
Полетом ангела летят:
Твои мечты — мечты свободы,
Твоя свобода — мир отрад;
В твоих понятиях нет рока...
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливого ока
Не обратил он на тебя;
Но будет час, он неизбежен,
Твоим очам откроет он
Сей мир, где разум безнадежен,
Где счастье — сон, беда — не сон.

Пусть веры кроткое сиянье
Тебе осветит жизни путь;
Ее даров очарованье
Покоит страждущую грудь;
Она с надеждою отрадной
Велит без ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпеть, смиряться и любить.

1824

64. ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут,—
И не пробудится Россия!

1824

65—69. *ЭЛЕГИИ*

1

Скажи: когда
С улыбкой страстной,
Мой друг прекрасный,
Мне скажешь «да»?
Я жду, я таю,
Мечтаю днем,
Во сне мечтаю —
И всё об том!
Вчера приснилась
Ты, Лила, мне —
И в тишине
Расположилась...
. . . .
Но вдруг отрадный
Исчезнул сон;
И, страстно жадный,
Разгорячен,
Я пробудился,
Лилету звал:
Не возвратился
Мой идеал!
Зевнув протяжно,
Я снова лег,
. . . . .
. . . . .
Душа поэта
Давно твоя;

Дождусь ли я
Любви ответа?
Что мне мечты? —
Мечты — не ты!
Когда ж, Лилета?..

2

Ах, как мила
Моя Лилета!
Она пришла,
Полуодета,
И начала
Ласкать поэта
. . . .
Любви награда,
О жизни рай —
Мне через край
Лилась отрада!
И замерла
Душа поэта...
Ах, как мила
Моя Лилета!

3

Ее очей
Огонь и живость,
Ее грудей
Полустыдливость,
И жар ланит,
И ножки малость —
Всё к ней манит
Амура шалость.
О бог любви!
Благослови
Ее желанья;
Всю ночь она,
Без упованья,
Грустит одна.
Надзор суровый
Ее мертвит,

И нездорово
Девица спит.
Амур! отраду
Ей дать спеши:
В ночной тиши
Ты затуши
Ее лампаду,
Окно открой,
И безопасно
Пусть молодой,
И сладострастный,
И телом твой
Войдет к прекрасной.
Пускай она,
Пылка, жадна,
Дрожит и бьется
На ложе сна,
И пусть проснется
Утомлена.

4

Что слышу я?
Мне изменила
Душа моя,
Младая Лила;
Она вчера
К попу ходила
И прогостила
Там до утра.
Наш поп, я знаю,
Не слишком свят
И, верно, рад
Земному раю.
Воображаю,
Как он ласкал
Мою Лилету
. . . . .

О сын Кириды,
Мой Саваоф!
Твои обиды
Тошней стихов
«Тилемахиды».

Что делать мне?
Теперь без Лилы
Теряю силы
Наедине;
Томлюсь во сне
Любви мечтами.
В моих глазах
Тоска и страх,—
А под глазами
Как в небесах!..

5

Звонят к обедне —
Пойду ли я?
Мне святцы — бредни,
А ектенья —
Галиматья,
И для поэта
Она всегда
Скучна, как Лета
И господа
Большого света.
. . . . .
И литургия
Мила ли мне,
Когда во сне
Я, как Россия,
Едва живой,
Страдал и бился
И, сам не свой,
В мечтах бранился
С моим царем?
О боже, боже!
С твоим попом
На грешном ложе,
В субботний день,
Вчера грешила
Младая Лила!
Кому ж не лень
Идти молиться
Перед попом,
Который днем
И в рай годится,

А вечерком
Чужим живится?
Нет! пусть звонят:
Не приманят
Меня к обедне:
Там служит поп —
. . . .
Мне святцы — бредни
И ектенья —
Галиматья!

Между 1823 и 1825

70. РОМАНС

Что делал с Евою Адам,
Когда ему на вызов милый
. . . .
Вчера я был в гостях у Лилы.

Была вечерняя пора;
Меня девица приласкала;
Ее рука в моей лежала.
«Какая жаркая пора!»

Что было после, о друзья!
Вы, верно, сами отгадали,
Коль с райской цели бытия
Покров завистливый снимали.

Попы твердят: «Любовь — мечта!»
Не то питомцы Эпикура:
Им богородица Амура
Любезней матери Христа.

Кому ж душа моя должна
Минутой сладких упоений?
О други, верьте: бог вина
Есть бог и прочих наслаждений.

Оно восторги нам дает,
Оно в нас кровь разгорячает:
Блажен, кто Бахуса встречает,
Когда к прелестнице идет!

Между 1823 и 1825

71. РОМАНС

1

«Зачем изорванный сертук
Ты, милый, надеваешь?»
— «Я на комерс иду, мой друг,
А прочее ты знаешь».

«На небе тучи — посмотри!
Останься лучше дома...»
— «Я пропирую до зари
И не услышу грома».

«Какой-то мудрый говорит:
„О люди, прочь от хмеля!“»
— «Кто наслаждаться не велит,
Тот, верно, пустомеля!»

Студент большую трубку взял
И юную Лилету
Семь раз взасос поцеловал,
Сказав ей: «Жди к рассвету!»

2

Студент идет — шумит гроза
И мрак на лике Феба:
Надвинув шапку на глаза,
Студент не видит неба.

Илья гремучий шестерней
По облакам промчался,
Пожары в небе, дождь рекой!
Студент не испугался.

Ему, как милая звезда,
Огонь вдали сияет;
Студент спешит, студент туда,
Где радость, достигает.

Он сел за стол, в руке стакан,
Он пьет вино, как воду,
Он выпил семь — еще не пьян,
Еще поет свободу.

И долго веселился он.
    Уж свечки догорели;
Заря взошла. Друзьям поклон:
    Пора ему к постели.

3

Но что же делает она,
    Души его супруга?
Ей ночь несносна и длинна
    Без молодого друга.

Она лежит — и снится ей
    Товарищ сладострастный;
. . . .
    . . . .

Но вдруг проснется — и печаль
    Проснется в деве жадной;
Ей времени пустого жаль,
    На друга ей досадно!

И вот пришел ее герой,
    Разделся, помолился —
Он жаждет радости ночной
    И к милой обратился.

Ей поцелуй; она легла
    С улыбкою довольной:
Студента бодрость ей мила
    . . . .

Друзья, пожалуй, мой рассказ
    Зовите небылицей,
Но верьте: пьяный во сто раз
    Бодрее . . . .

Между 1823 и 1825

72. А. С. ПУШКИНУ

Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове,
Не веря ветреной молве,
Я благосклонного привета —
Клянусь парнасским божеством,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и вином
И вдохновенными стихами —
В тиши безвестности не ждал
От сына музы своенравной,
Равно — торжественной и славной
И высшей рока и похвал.
Певец единственной забавы,
Певец вакхических картин,
И ⟨дерпт⟩ских дев, и ⟨дерпт⟩ских вин,
И прозелит журнальной славы,
⟨Как тороватому царю
За чин почетный благодарен
Его не стоящий боярин⟩,
Так я тебя благодарю.
Бог весть, что́ в мире ожидает
Мои стихи, что́ буду я
На темном поле бытия,
Куда неопытность моя
Меня зачем-то порывает;
Но будь что будет — не боюсь;
В бытописаньи русских муз
Меня твое благоволенье
Предаст в другое поколенье,
И сталь плешивого косца,
Всему ужасная, не скосит
Тобой хранимого певца.
Так камень с низменных полей
Носитель Зевсовых огней,
Играя, на гору заносит.

Начало 1825

73. РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостные воды —
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов.

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует,
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода,—
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта,
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

Январь 1825

74. КОРЧМА

Несется тройка удалая,
Бренчат колеса; пыль столбом,
Из-под телеги вылетая,
Бежит за пыльным седоком.
Очам отрадная картина:
Волнуясь жатвой золотой,
Необозримая равнина
Вдали шумит передо мной.
Добро природы благосклонной
Готово — но зачем оно?
Его сберет чухонец сонный
И променяет на вино!
Налево зрелище иное:
Как оживленное стекло,
То млечное, то голубое —
Волнами озеро Чудское
Полгоризонта облегло.
Меня палит несносным жаром.
«Вези в корчму — я пить хочу»,—
Так я извозчику ворчу,
Неоскорбительным ударом
К его притронувшись плечу.
Он понял — плеткою лихою
Коней задумчивых стегнул —
И я отраднее вздохнул
Перед булыжною корчмою.
Вхожу в нее — она полна;
Не милы лица, одеянья
Сего незнатного собранья:
Здесь виден и плохой чухна,
И некрасивая чухонка,
И бедный жид — с ним два жиденка,
И грязная его жена,
И православные солдаты,
И трое нищих, и один —
Знать арендатор, знать богатый —
В сафьянной шляпе господин.
Я пить спросил — рукой немытой
Хозяйка кружку мне дала —
Вода нечистая была:

Душа питья не приняла,
И я с поспешностью сердитой
Корчму покинул и лечу.
Несносный жар! я пить хочу!

1 февраля 1825

75. К А. А. В⟨ОЕЙКОВ⟩ОЙ

На петербургскую дорогу
С надеждой милою смотрю
И путешественников богу
Свои молитвы говорю:
Пускай от холода и вора
Он днем и ночью вас хранит;
Пускай пленительного взора
Лихая вьюга не гневит!
Пускай зима крутые враги
Засыплет бисером своим,
И кони, полные отваги,
По гладким долам снеговым,
Под голубыми небесами,
Быстрей поэтовой мечты,
Служа богине красоты,
Летят с уютными санями...

Клянусь моими божествами:
Я непритворно вас зову!
Уж долго грешными стихами
Я занимал свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Певцу, молящемуся вам,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтам.
Приму с улыбкой ваши узы;
Не буду петь моих проказ:
Я, видя вас,— любимец музы,
Я только трубадур без вас.

Февраль 1825

76. НОВГОРОДСКАЯ ПЕСНЬ
1-я

1170 г.

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море,—
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Не так ли, о други, к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за вольность и честь
Смела, и сильна, и победна?

Смотрите, как пышен, блистателен день!
Как наши играют знамена!
Недаром красуется день,
Недаром играют знамена!

Виднее сражаться при свете небес;
Отважней душа и десница,
Когда перед бодрым полком
Хоругви заветные плещут.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести родной —
Свободы наследного права.

Что вольным соседей завистных вражда
И темные рати Андрея?
К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна!

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море,—
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Между январем и мартом 1825

77. МЕЧЕНОСЕЦ АРАН

(Отрывок)

Не раз, не два Ливония видала,
Как, ратуя за веру христиан,
Могучая рука твоя, Аран!
Из вражьих рук победу вырывала;
Не раз, не два тебя благословлял
Приветный крик воинственного схода,
Когда тобой хвалился воевода
И смелого, как сына, обнимал.

.

Но мнилося — любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войне
Арановой пленительной весне
Назначило уделом провиденье.
Аран! твои ланиты и уста,
Румяные, как пурпуры денницы,
Твоих очей лазурь и быстрота,
Их милый взор, их длинные ресницы,
Твой гибкий стан и черные власы —
Как сладостно, и пламенно, и живо
Мечталися в полночные часы
Красавице надменной и стыдливой
В стране, где ты как радость расцветал,
Где Везер льет серебряные воды;
В стране, где, сын отчизны и свободы,
Возвышенный Арминий побеждал.

Как яркий луч божественного света,
Как мощного воителя стрела,
Как творческий и смелый дух поэта
И горний лет победного орла —
Дни юноши легки и быстротечны,
Когда, пленен высоким и благим,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Он весь дался надеждам золотым,
И новый мир яснеет перед ним,
Для подвигов прекрасных бесконечный!
Так молодость Аранова текла:
Уж полон чувств и бодрых упований,

Он был готов десницею для брани,
Готов душой на славные дела.
Его мечта туда переносила,
Где божий свет крестом преображен;
Где Иордан, Голгофа и Кедрон,
Где высоты́ Ермона и Кармила;
Там юноша, при ратных знаменах,
Наместником Петра благословенных,
Горел, алкал прославиться в боях
Красою дел отважных и священных.
. . . .
. . . .

На синеве безоблачного свода
Светило дня прекрасное горит;
Труба на сбор воителей манит;
Надел броню их старец воевода...
Они стеклись — наточенный булат
Звучит, блестит; геройские воззванья,
Веселые текут из ряда в ряд;
У всех одни надежды и желанья,
Все бранными восторгами кипят!
Закрыв лицо решеткою забральной,
На рукоять поникнув головой,
Один Аран, безмолвный и печальный,
Не веселел, не ликовал душой...
Когда магистр, готовяся на битву,
Сложив шелом пернатый и стальной,
Произносил сердечную молитву
Спасителю и деве пресвятой;
Когда, подняв трепещущие длани
И слезный взор к бессмертным небесам,
Он призывал внимающим полкам
Великую защиту бога брани;
Когда клялся не холодеть в боях,
Блюсти мечом апостолов державу
И возвещать в языческих странах
Всевышнего трисолнечную славу,—
Что чувствовал ты, воин молодой,
Вождя побед глазами озирая,
То яркими, как пламень громовой,
То мрачными, как туча громовая?
. . . .
. . . .

Простертые на бархате полян,
В безмолвии окрестность наблюдая,
Ливонцы ждут прихода христиан;
Они без лат: меч, стрелы и чекан,
Копье и щит — их сбруя боевая...
Блеснула рать знакомая вдали;
Трескучий зык сзывающего рога
Их взволновал: столпились, потекли —
И началась кровавая тревога!

Не облака ль сверкают и гремят,
Не озеро ль Чудское расшумелось?
Не облака сверкают и гремят,
Не озеро Чудское расшумелось —
Враги Христа с Винандовым полком
Сшибаются . . . .
. . . .
. . . .

Там общий бой: толпа толпу теснит,
Пирует смерть, кровь брызжет, сталь звенит.
Тот меч занес и, не свершив удара,
Оцепенел, разрубленный мечом;
Тот в ярости губительного жара
Не слышит ран и рубится с врагом;
Иной копье из тела вырывает
И в судоргах влачится по земле;
Тот навзничь пал — и язва на челе;
Тот, жалостно стоная, издыхает,
Подавленный израненным конем;
Кто смерть зовет, кто битву проклинает:
Обширный ад на поле боевом!

Уж месяц встал блестящий и багряный
Над зеркалом балтийской глубины;
Уж потекли росистые туманы
По берегам лазоревой Двины...
. . . .
. . . .

Бой перестал. Огни в долине стана;
Воители на рыцарских щитах
Несут в шатер полмертвого Арана:
Он весь в крови; мерцание в очах,
И широка запекшаяся рана.

Между январем и мартом 1825

78. К Т⟨ЮТЧЕ⟩ВУ

Каким восторгом ты пылаешь,
Как радостны твои мечты,
Когда подарок красоты
Устами жадными лобзаешь!
Твоя душа озарена
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья,
И возвышается она.
А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называл:
Одну печаль, одну обиду
Мне подарил мой идеал.
Дай руку: с гордостью спокойной
На победителя смотрю
И, стиснув зубы, говорю
Обет, изменницы достойный.

Конец марта или начало апреля 1825

79. ЭЛЕГИЯ

Она меня очаровала,
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просил
И мир души и сердца волю
Как драгоценности хранил.

Любви чарующая сила,
Как искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.

Пускай не мне ее награды;
Она мой рай, моя звезда
В часы вакхической отрады,
В часы покоя и труда.

Я бескорыстно повинуюсь
Порывам страсти молодой
И восхищаюсь и любуюсь
Непобедимою красой.

1 апреля 1825

80. М. Н. Д⟨ИРИНО⟩Й

Счастливый милостью судьбины,
Что я и русский, и поэт,
Несу на ваши именины
Мой поздравительный привет.
Пускай всегда владеют вами
Подруги чистой красоты:
Свобода, радость и мечты
С их непритворными дарами;
Пускай сияют ваши дни,
Как ваши мысли, ваши взоры
Или пленительной Авроры
Живые, свежие огни.

Где б ни был я — клянусь богами,—
В стране родной и неродной,
Любим ли ветреной судьбой
Иль сирота под небесами,
За фолиантом, за пером,
При громах бранного тимпана,
При звуке лиры и стакана,
Заморским полного вином,—
Всегда услужливый мой гений
Напоминать мне будет вас,
И Дерпт, и славу, и Парнас,
И сада Ратсгофского тени.
Вот вам пример: в России — там,
Где величавая природа,
Студент-певец, я жил с полгода;
Моим разборчивым очам
Являлись дивные картины:
Я зрел, как ранние снега
Сребром ложились на вершины
И на широкие луга,
Как Волги пенились пучины,
Как трепетали берега,

Как обнаженные дубравы
Осенний ветер волновал
И в пудре по полю гулял;
Я видел сельские забавы,
Я видел свадьбу, видел свет —
И что же чувствовал поэт?
Полна спасительного гнева,
Моя открытая душа
Была скучна, нехороша,
Как непонятливая дева;
Она молила небеса
Исправить воздух и дорогу,
И, слава богу, слава богу,
Я здесь,— мой рай, моя краса,
Царица вольных наслаждений,
Где ты, богиня песнопений?
Приди! Возвышенный твой дар
Меня наполнит, очарует,
И сердце юношеский жар
К труду прекрасному почует!
Пример не краток: нужды нет.
Я обвиняюсь перед вами,
Что замечтался; но мечтами
Живет и действует поэт,
И дело! В мире с юных лет,
Богатый творческою силой,
Он пламенеет страстью милой,
Душой следит свой идеал —
И вот нашел... не тут-то было!
Любимец музы прозевал,—
Прощай, возвышенное счастье:
Пред ним в обертке божества
Одни бездушные слова,
Одно холодное участье.
Кого ж любить ему? Мечты!
Он ими сердце оживляет
И сладко, гордо забывает
Свой плен и райские черты
Лица и мозга красоты.
Ах, я забылся! От предмета
Куда стихи мои летят?
Простите вашего поэта,
Я, право, прав, а виноват,
Что разболтался невпопад.

Так было б лучше во сто крат
В моем таинственном журнале
Об непонятном идеале
Писать, что здесь говорено.
Но будь как есть, мне всё равно,
Я знаю вашу благосклонность,
Не удивит, не тронет вас
Мой необдуманный рассказ,
Моей мечты неугомонность.
Пора мне кончить мой привет
И скуку вашего терпенья;
Когда в душе чего-то нет,
Когда не сладко наслажденье,
Когда любимая звезда
Для вдохновенного труда
Неверно, пасмурно сияет,
Певцу и труд надоедает
И он без дара пиэрид,
Без пиитической отваги
Повеся голову сидит
И томно смотрит на бумаги.
Довольно! Нет, еще мой гений
Вас просит, кланяяся вам,
Не скоро ждите объяснений
Его загадочным словам;
Настанет время, после мая,
Подробно он расскажет сам,
Какая сила роковая,
Назло Парнасу и уму,
Апрель попортила ему;
Еще он просит: бога ради,
Без Гарпократа никому
Вы не кажите сей тетради.

1 апреля 1825

81

Напрасно я любви Светланы
Надежно, пламенно искал;
Напрасно пьяный [1] и непьяный
Ее хвалил, ее певал.

[1] Быль.

Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
Во мне утихнул жар опасный,
И не кружится голова!
И сердце вольность сохранило,
За холод холодом плачу;
Она res publica,[1] мой милый,
Я с ней бороться не хочу!

Между 1 и 5 апреля 1825

82. НАСТОЯЩЕЕ

6 АПРЕЛЯ 1825

Элегия

Вчера гуляла непогода,
Сегодня то же, что вчера,—
И я от утра до утра
Уныл и мрачен, как природа.
Не то, не то в душе моей,
Что восхитительно и мило,
Что сердце юноше сулило
Для головы и для очей:
Болезнь встревоженного духа
Мне дум высоких не дает,
И, как сибирская пищуха,
Моя поэзия поет.

83. ДЕРПТ

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!
Мне милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье

[1] Общее достояние (лат.).— *Ред.*

И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье.
Мы здесь *творим* свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу!
Приветы вольные, живые
Тебе, любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!

7 апреля 1825

84. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ich kann mich auch verstellen[1]

Ramler

Недолго на́ небе горела
Мне благосклонная звезда,
Моя любовь мне надоела —
Я не влюблюся никогда!
Ну к черту сны воображенья!
Не раз полночною порой
Вы нестерпимые волненья
В душе будили молодой;
Не раз надеждою неясной
Страдал доверчивый певец —
Я зарекаюсь наконец
Служить волшебнице прекрасной;
Я прогоню мою тоску,
Я задушу мой жар безумный
И снова музе вольнодумной
Стихи и сердце обреку.
Уже божественная лира
Почти молчит, почти мертва
Для безответного кумира,
И не кипят ее слова,—
Так после Бахусова пира
Немеют грудь и голова.

7 апреля 1825

[1] И я могу притворяться. *Рамлер* (нем.).— *Ред.*

85. ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мечте таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

8 апреля 1825

86. СОН

Всё негой сладостной объемлет
Царица сумрака и сна —
Зачем душа моя не дремлет,
Зачем тревожится она?
Я сам себя не понимаю:
Чего-то жажду, что-то есть,
В чем сердце я разуверяю,
Чего ему не перенесть.
Опять тоска, опять волненье!
Надолго взор ее очей
Зажег мое воображенье
И погасил в груди моей
К любви давнишнее презренье.

Морфей! Слети на трубадура,
Дай мне спасительную ночь,
И богородицу Амура,
И думы тягостные прочь.

8 апреля 1825

87. МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.
Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам.

12 апреля 1825

88. В АЛЬБОМ Ш. К.

Не часто ль тягостною мукой
За откровенные слова
Души простой и близорукой
Платил мне слепок божества;
Не часто ль после вдохновенья
Отрад возвышенных я ждал,
Заране чуял наслажденья,
Заране сердцем ликовал —
И только знаки отверженья
В глазах красавицы читал?

Любовь, любовь! я помню живо
Счастливый день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались;
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!

Между 10 и 14 апреля 1825

89. ПРОЩАНИЕ С ЭЛЕГИЯМИ

Прощайте, миленькие бредни
И мой почтенный идеал!
Не первый я, не я последний
Вас и творил, и прославлял,
Но первый я вас разгадал.

Мне будет сладко и утешно
В другие годы вас читать,
Мой жар безумный и безгрешный —
Мою любовь воспоминать;
Тогда с улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: господи помилуй!
И тихо книгу затворю.

24 апреля 1825

90. НЕЧТО

> Мудрец — народов просветитель,
> Бывал ли тверд и мудр всегда?
>
> *Карамзин*

Теперь мне лучше: я не брежу
Надеждой темной и пустой,
Я не стремлюсь моей мечтой
За узаконенную ме́жу
В эдем подлунный и чужой.
Во мне уснула жажда неги:
Неумолимый идеал
Меня живил и чаровал —
И я десятка с два элегий,
Ему во славу, написал.
Но тщетны миленькие бредни:
Моя душа огорчена,
Как после горестного сна,
Как после праздничной обедни,
Где речь безумна и длинна!

28 апреля 1825

91—93. *ЭЛЕГИИ*

1

Свободен я; уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подаренных наудачу

В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

2

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ее волненье,
Ее блудящие огни.
Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И в сердце стихнул жар опасный,
И не кружится голова:
Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему,—
Но я не верую надежде,
Но я молюся не ему!

3

Моя камена ей певала,
Но сила взоров красоты
Не мучала, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкого, живого,
Любви не знал я,— так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит,— но холодна!

Апрель 1825

94

Поэт свободен. Что награда
Его высокого труда?
Не милость царственного взгляда,
Не золото и не звезда!

Служа несозданному богу,
Он даст ли нашим божествам
Назначить мету и дорогу
Своим торжественным мечтам?
Он даст ли творческий свой гений
В земные цепи заковать,
Его ль на подвиг вдохновений
Коварной лаской вызывать?

Апрель 1825

95

Не жив поток под сумраком туманов,
Не ярок взгляд заплаканных очей;
Медлительно в безмолвии ночей
С холма на холм порхает стая вранов;
Не скоро сна тревожного мечты
От юноши денница прогоняет;
Не скоро он волшебные черты
И горькие обиды забывает,—
Свободен, быстр, пленителен полет
Часов любви, надеждой окрыленных,
Когда душа кипит, чего-то ждет
И вся полна желаний вдохновенных!

Апрель или начало мая 1825

96

Теперь мне странны и смешны
Любви безумные припадки,
Не утешительны, не сладки
Ее пророчества и сны.
Теперь по опыту я знаю,
Что́ сердца жар, что́ красота,
И с Соломоном восклицаю:
«Всё суета, всё суета!..»

Апрель или начало мая 1825

97. К Г. Д. Е.

Благодарю вас; вы мне дали
Надежды лучшие мои,
Пустые радости любви,
Любви прелестные печали;

Всегда я помнил вас, один среди друзей,
Мечты о вас мне чаровали
Часы бессонницы моей,
Часы трудов и сатурналий,
И редко ль рабствовала вам
Моя богиня молодая,
Всё, что не вы, позабывая
И сладко радуясь цепям?
Но гордость пламенного нрава
Ее достойное взяла:
Опять меня зовет пленительная слава
На вдохновенные дела;
Опять мне душу оживила
К добру, к высокому любовь,
И поэтическая сила
Во мне владычествует вновь.

Увижу родину моих стихотворений,
Увижу Дерпт, там крылья развернет,
Покинет мир сует мой своевольный гений,
И будет смел его полет.

«Поэт свободен, что награда
Его торжественных трудов?
Не милость царственного взгляда,
Не восхищение рабов!
Служа не созданному богу,
Он даст ли *нашим* божествам
Назначить мету и дорогу
Своей душе, своим стихам?»

Я виноват, прошу прощенья!
Быть может, некогда мой глас
Будил холодные сомненья
И мысли скучные для вас.

———

Я сердца вашего не знаю,
Но я надеюсь — так и быть —
Вы мне изволите простить
Мечты, летавшие к языческому раю.
Я притворялся, я желал
Любви кипучей, невозможной,
Ее певал неосторожно,
А сам ее не понимал.

Теперь горжусь моим признаньем,
Теперь возвышен мой обет:
Не занимать души бесславным упованьем,
Не забывать, что я поэт!

Апрель или начало мая 1825

98. В АЛЬБОМ Ш. К.

Доверчивый, простосердечный,
Безумно следуя мечте,
Дается юноша беспечно
В неволю хитрой красоте;
Кипит, ликует, возвышается
Его надежда; перед ним
Мир очарованный является
Безбрежным, ясным и святым.

Он долго рабствует прекрасной,
Он богом идола зовет;
Но сон проходит сладострастный
И в то же сердце не придет!
Счастлив, когда любви волнение
Он своевольно усмирил
И стыд, и гордость, и презрение
Для ней во нраве сохранил.

1 мая 1825

99. ЭПИЛОГ

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листам,
Где сердца радости и муки
Я бескорыстно славил вам,
Где жаром страсти небывалой
Я песни сонные живил,
Когда мне чувств недоставало,
А ум и в ум не приходил,—

Над безобразными строками
Вы бегло вспомните о мне,
Поэте, созданном лишь вами
В непоэтической стране.
Прошу стихи мои улыбкой,
Их не читая, наградить:
В них музы нет, не может быть,
Они написаны ошибкой.

———

Теперь прощайте — бог дороги
Пусть вас покоит и хранит
И лошадей чухонских ноги
Проворным бегом одарит;
Не видя туч, не слыша грома,
Стрелой неситесь по полям
И будьте веселы, как дома,—
А впрочем, как угодно вам!

3 мая 1825

100. ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
Пророк на небо улетал —
Огонь могучий проникал
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крепла, возвышалась,
И вдохновеньем озарялась,
И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
Свое величье познает,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полет;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зреет для чудес...
И миру новые светила —
Дела избранника небес!

Между 10 и 19 мая 1825

101—103. ⟨*ЗАПИСКИ А. С. ДИРИНОЙ*⟩

1

Мне очень жаль, что я сегодня
У вас обедать не могу.
(Как христианин, я не лгу
На случай праздника господня.)
Теперь мне скучная пора:
Я занят письмами большими;
Еще с вчерашнего утра
Сижу задумчиво над ними,
А всё не вижу им конца.
Нельзя ж оставить без ответа
От Киселева письмеца
И от приятелей привета?
Итак — надеюся, что вы
Мне одолжите извиненье
В не очень важном прегрешенье
Не очень важной головы!

Весна 1825

2

Как цвет небесного эфира,
Как безмятежная луна,
Моя поэзия ясна.
Но суете земного мира
Порой покорна и она.
Пускай божественного света
Восторги сладостны уму

Самолюбивого поэта:
Он всё не бог, и всё ему
Нужна подлунная монета —
Удел не славный, не святой!
Но так судьба определила,
И все мы ходим под судьбой.
Вы понимаете, в чем сила!
Благодарю — и бог со мной.

15 мая 1825

3

В последний раз в семестре этом —
Пускай за деньги — так и быть —
Я притворяюся поэтом
И вас могу благодарить:
Не раз, не два вы прогоняли
Мои карманные печали
И тайным подвигом добра
И дух и здравие пера
Певцу-студенту оживляли.
Всё слава богу — мне пора
Скакать дорогой к Петрограду:
Найду там братскую отраду,
Найду поэтов и друзей,—
Но, верьте богу вдохновенья,
Я не забуду здешних дней,
И вашего благотворенья,
И благодарности моей!

9 июня 1825

104

Я обещал — и был готов —
Вам объяснить — слуга покорный —
И тайный смысл моих стихов,
И горе музы непритворной;
Тогда — вы помните когда? —
Надежде юной доверяя,
Я пел: мой рай, моя звезда,—
И не годилась никуда
Моя богиня молодая.
На это скажете вы: да!

Теперь прошли мои припадки,
Как бредни жаркой лихорадки,
Как пир студентов, где шумят,
Где все не видят, не внимают,
И своевольно рассуждают,
И поневоле говорят!
Однако ж, смею вам признаться,
Еще не вовсе я здоров:
Не помню я хороших слов,
Не силен сильно выражаться,
И вам известно: мой предмет
Совсем не кроток — и конечно
Я постыжуся, как поэт,
Потолковать о нем беспечно.
Ум квартирует в голове,
А голова моя недавно
Страдала слишком не забавно;
Итак, пождите благонравно:
Через неделю, через две
(Не очень долгое терпенье!)
Я вам доставлю объясненье
Из Петербурга — всё равно —
Я там исправлюсь понемногу
И не забуду вас, ей-богу!
Не так ли? Так и быть должно.

9 июня 1825

105. МОЙ АПОКАЛИПСИС

Марии Николаевне Дириной

Au nom de Dieu, gardez-vous bien
D'aller publier ma mystère.

Lafontaine [1]

1

Когда любви незнаменитой,
Мятежной, беглой и живой
Я посвящал души открытой
И беспокойство и покой;
Когда надеждою виновной
В часы общественного сна
Невольно мучилась она

[1] Ради бога, не выдавайте моей тайны. *Лафонтен* (фр.).— *Ред.*

И в мир поэзии любовной,
Уединенна и нежна,
Летала с музой многословной;
Когда рогатая луна,
Богиня женских упований,
И ночи мрак, и вздор желаний
Мою нестройную мечту,
Как сон волшебный, чаровали
И пустяками занимали
Младого сердца пустоту,—
Чужим исполненный предметом,
Я обещался вам тогда
Всё объяснить,— но вот беда:
Я, право, не гожуся летом
Для вдохновенного труда.
Теперь свободнее мой гений:
Он рад по-прежнему для вас
Забыть оковы сонной лени,
Увидеть радостный Парнас,
Непринужденными стихами
Вниманье ваше утомлять
И откровенно — перед вами —
Великий пост воспоминать.

2

Пора любовной лихорадки,
Невозвратимая пора!
Еще я помню как вчера
Моей камены беспорядки,
Мои немые вечера,
И цвет прославленной перчатки,
И почерк нежного пера!

3

Ты прав, ты прав, о сын Давида!
Всё суета, всё суета!
Как безрассудна, как пуста
Нам присужденная Киприда!
С каким доверчивым огнем
Красе жеманной и надменной

Мы чувство сильное даем
Души, впервые пробужденной!
Как часто юноша певец
Для ней восторгами играет
И мирты слабости вплетает
В свой олимпический венец!
Она манит поэта взгляды,
Внимает сладостным стихам;
Но где награда за награды
И фимиам за фимиам?
Чужда божественного дара,
Питая чувственным свой ум,
Она ласкает, как фигляра,
Творца могущественных дум.

4

Поэту радости и хмеля...
и т. д.[1]

5

Но где ж она и кто ж она,
Моя прошедшая царица?
Есть знаменитая страна,
Есть знаменитая столица;
На берегу веселых вод,
В дыму торжественных сражений
России всемогущий гений
Ее воздвиг среди болот.
И ныне градом просвещенья
Она по северу слывет,
Торгует, блещет и растет,
Имеет даже наслажденья;
Но только эта сторона
Не пробуждает вдохновенья,
Для душ высоких — не годна,
И там-то место, где *она*,
Душа сего стихотворенья!

---

[1] См. с. 120.— *Ред.*

Моей Камены беспорядки —
Здесь говорится о стихах,
Которых множество мой гений
В минуты сладких заблуждений
Писал на миленьких листах:
Мечты, элегии — безделки,
Они и все — не хороши.
В них мысли — вздор, а чувства мелки
И нет ни вкуса, ни души.
Так поднебесная Венера
За месяц вздохов и тоски
Внушила мне лишь пустяки.
Вот вам отрывок для примера,
Как заблуждался мой Пегас:
«Любовь, любовь, я помню живо
Счастливый день, как в первый раз
Ты сильным пламенем зажглась
В моей груди самолюбивой!
Тогда все чувства бытия
В одно прекрасное сливались;
Они светлели, возвышались,
И гордо радовался я!»
Как это вяло, даже тёмно,
Слова, противные уму,
Язык поэзии наемной
И жар, не годный ни к чему!
Как принужденны и негладки
Четыре первые стиха!
Как их чувствительность плоха,
Как выражения не кратки!
Конец опять не без греха:
В одно прекрасное сливались —
Они светлели, возвышались.
Какая мысль! и что оно
Тут неуместное «одно»?
И как *они* сюда попались?
Тогда все чувства бытия —
Какие, спрашиваю, чувства?
Тут явная галиматья
И без малейшего искусства!
И гордо радовался я —
К чему, зачем такая радость,

И что она, и где она,
В уме иль в сердце? — Здесь видна
Нерассудительная младость
И сумасшедшие мечты
Без нежности и красоты.

Мои немые вечера —
Здесь разумеются часы,
В тиши потерянные мною,
Когда я прихотям красы
Усердно рабствовал душою.
Бывало, месяц золотой
Едва над Эмбахом зажжется,
Иду по улице кривой,
И сердце прыгает и бьется;
Пришел — сажусь, по сторонам
Брожу влюбленными глазами
И односложными словами
Ласкаю любопытству дам.
Дадут огня . . . .

. . . .
. . . .
. . . .[1]

Один из этих вечеров
Вам, верно, памятен доселе:
Он был на Фоминой неделе.
Тогда, задумчив, нездоров,
Я много слушал голосов,
А сам молчал красноречиво,
Смотря на краску потолка.
Глаза тускнели — и лениво
Держала голову рука.
Мечты Камены и Амура
Порой рождалися во мне;
Меж тем в почтенной тишине
Читались сказки Дарленкура.
Я чувствовал, я понимал . . .
. . . .
. . . .
. . . .

---

[1] Точки поставлены самим сочинителем.

И цвет прославленной перчатки —
Перчатка палевого цвета,
Весьма красива и нежна.
С руки прекрасного предмета
Она была подарена
В любви сопернику поэта;
За то обиженным певцом
В посланье гордом и живом
Тогда же мстительно воспета.
Счастливый юноша хранит
Сию прелестную перчатку,
Подарок матери харит,
Души значительную взятку.
Он, верно, глядя на нее,
Воображение свое
Надеждой сладкою ласкает
И в очарованных мечтах
На славных Невских берегах
При свете месяца гуляет.

И почерк нежного пера —
Не знаю как — и может быть,
Мне и не должно, и опасно
Стихами шутки непристрастной
И здесь, и с вами говорить
Об этой истине прекрасной:
Питомцы низменных отрад,
Судьи подсолнечного света
Нередко скромного поэта
За мысли чистые бранят;
Теперь божественная муза
В делах и чувствах невольна,
Как век Священного союза,
Как М. . . . .нова жена.
И посему-то — на молчанье
Решился я переменить
Мое усердное желанье
И этот стих вам объяснить.

Безумно было ожиданье —
Прошу заметить, как правдивы,
Естественны и глубоки,
Как удивительно учтивы
Слова и мысли сей строки!

Безумно было ожиданье! —
Тут много сказано, тут есть
Самостоятельная честь
И благородное признанье
В непоэтических делах,
Стихотвореньях и мечтах.
. . . .
. . . .

Еще заметьте слово: *было.*
Недаром сказано оно:
Им навсегда умерщвлено
Всё, что недавно и давно
Мне сильно голову кружило,
Всё, что поэта научило
Желать, не ведая чего,
И дар священный Аполлона
С холмов возвышенных его
Сводить к подошве Геликона.
Но, слава господу! прошла
Любви могучая тревога;
Огонь дельфического бога
Опять живит мои дела,
Опять спокойна и светла
Моя житейская дорога!

ЭПИЛОГ

Довольно я наговорил,
Довольно ясны объясненья!
Я знаю — в них я погрешил
Против общественного мненья,
Против Кипридиных детей.
Быть может — юношеских дней
Мечты нескрытные, живые
Где-где веселости моей
Внушали мысли удалые.
Я виноват; но знаю — вы
Поэта вашего поймете
И шутку вольной головы
Невинной шуткой назовете.

Между 9 июня и 2 сентября 1825

106. ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блестки золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося брега
Стоят готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь плавучий
Горит на челнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,
Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живит веселым словом
Своих товарищей труды,
Или, путем дугообразным
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

Между 2 и 16 августа 1825

107. ЭЛЕГИЯ

Прощай, красавица моя!
Известен мне любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь тайные ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Я ждал любви и наслаждений,
Я много светлых вдохновений
Означил именем твоим;
Обманут я: иную долю
Мне провидение дает,
Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю...
И я рассею грусть мою,
Мою сердечную неволю:
Я весел снова и пою!

Между 1 и 8 ноября 1825

108. К А. Н. В⟨УЛЬФ⟩У

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То занывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но при очах ее денница —
Обыкновенная звезда.
На взоры страстные, на слезы
Она бесчувственно глядит;
Но пламенны младые розы
Ее застенчивых ланит.
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста,—
Чего ж они не заменяют?

Между 1 и 8 ноября 1825

109. ПОЭТ

«Искать ли славного венца
На поле рабских состязаний,
Тревожа слабые сердца,
Сбирая нищенские дани?
Сия народная хвала,
Сей говор близкого забвенья,
Вознаградит ли музе пенья
Ее священные дела?
Кто их постигнет? Гений вспыхнет —
Толпа любуется на свет,
Шумит, шумит, шумит — затихнет;
И это слава наших лет!»

Так мыслит юноша поэт,
Пока в душе его желанья
Мелькают, темные, как сон,
И твердый глас самосознанья
Не возвестил ему, кто он.
И вдруг, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль не право
Его приветствует молва,—
За независимою славой
Пойдет любимец божества;
В нем гордость смелая проснется:
Свободен, весел, полон сил,
Орел великий встрепенется,
Расширит крылья и взовьется
К бессмертной области светил!

6 ноября 1825

110. К А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Забуду ль вас когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мне песни первые внушили,
Мне светлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу в душе моей
Неизъяснимые, живые

Воспоминанья прошлых дней,
Воспоминанья золотые.
Тогда для вас я призывал,
Для вас любил богиню пенья,
Для вас делами вдохновенья
Я возвеличиться желал;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мне огонь его пылал.
Как волны, высились, мешались,
Играли быстрые мечты;
Как образ волн, их красоты́,
Их рост и силы изменялись —
И был я полон божества,
Могуч восстать до идеала,
И сладкозвучные слова,
Как перлы, память набирала.
Тогда я ждал... но где ж они,
Мои пленительные дни,
Восторгов пламенная сила
И жажда славного труда?
Исчезло всё — меня забыла
Моя высокая звезда.
Взываю к вам: без вдохновений
Мне скучно в поле бытия;
Пускай пробудится мой гений,
Пускай почувствую, кто я!

14 ноября 1825

111. Н. Д. КИСЕЛЕВУ
ОТЧЕТ О...

Я знаю, друг, и в шуме света
Ты помнишь первые дела
И песни русского поэта
При звоне дерптского стекла.
Пора бесценная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!

Пускай известности прекрасной
И дум высоких я не знал;
Зато учился безопасно,
Зато себя не забывал.
Бывало, кожаной монетой
Куплю таинственных отрад —
И романтически с Лилетой
Часы ночные пролетят.

Теперь, как прежде, своенравно
Я жизнь студентскую веду;
Но было время, и недавно! —
Любви неметкой и неславной
Я был в удушливом чаду;
Я рабствовал; я всё оставил
Для безответной красоты;
Простосердечно к ней направил
Мои надежды и мечты;
Я ждал прилежного участья;
Я пел ланиты и уста,
И стан, и тайные места
Моей богини сладострастья;
Мне соблазнительна была
Ее супружеская скромность,
Очей загадочная томность
И ясность белого чела,—
Всё нежило, всё волновало
Мою неопытную кровь,
Всё в юном сердце зажигало
Живую первую любовь.
Ах! сколько влажных сновидений,
Тяжелых вздохов, даже слез,
Алкая полных наслаждений,
В часы полуночных явлений,
Я для надменной перенес!
Я думал страстными стихами
Ее принудить угадать,
Куда горячими мечтами
Приятно мне перелетать.
И что ж? Она не разумела,
Кого любил, кому я пел.
Я мучился, а знаком тела
Ей объяснить не захотел,
Чего душа моя хотела.

Так пронеслися дни поста,
И вольнодумна и свята,
Она усердно причастилась.
Меж тем узнал я, кто она;
Меж тем сердечная война
Во мне помалу усмирилась,
И муза юная моя
Непринужденно отучилась
Мечтать о влаге бытия.
Опять с надеждой горделивой
Гляжу на Шиллеров полет,
Опять и радостно и живо
В моей груди славолюбивой
Огонь поэзии растет.

И признаюся откровенно,
Я сам постигнуть не могу,
Как жар любви ненагражденной
Не превратил меня в брюзгу!
Мои телесные затеи
Отвергла гордая краса,—
А не сержусь на небеса,
А мне все люди — не злодеи;
А романтической тоской
Я не стеснил живую душу
И в честь зазорному Картушу
Не начал песни удалой!

Сия особенность поэта
Некстати нынешним годам,
Когда питомцы бога света
Так мило воспевают нам
Свое невинное мученье,
Так помыкают вдохновенье
И так презрительны к тому,
Что не понятно их уму!
Но как мне быть? На поле славы
Смешаю ль звук моих стихов
С лихими песнями оравы
Всегда отчаянных певцов?
Мне нестерпимы их жеманства,
Их голос буйный и чужой...
Нет, муза вольная со мной!

Прочь жажда славы мелочной
И легкий демон обезьянства!
Спокоен я: мои стихи
Живит не ложная свобода,
Им не закон — чужая мода,
В них нет заемной чепухи
И перевода с перевода;
В них неподдельная природа,
Свое добро, свои грехи!

Теперь довольно, до свиданья!
Тогда, подробней и ясней
Сего нестройного посланья,
Я расскажу тебе деянья
Любви неконченной моей.

29 ноября 1825

112. ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя,— она придет!

Ноябрь или начало декабря 1825

113. ПРИСЯГА

Потупя очи, к небесам
Мою десницу поднимаю,
Стою как вкопанный — и вам
Благоговейно присягаю:
Я, ниженазванный, клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом,
Что я хочу и должен я
На всей дороге бытия
Лишь вам одной повиноваться,
Что будет кровь моя для вас
Во всякий день, во всякий час,
Как повелите, волноваться;
Что ваши милые права,
Самодержавные проказы,
Желанья, прихоти, указы
Мне будут пуще божества,
Святее всякого закона,
И вам живая оборона —
Моя рука и голова.
Когда узнаю стороною,
Что вам на поприще сует
Грозит убыток или вред,
Я охраню и успокою
Мой поэтический предмет.
Когда таинственное дело
Вы мне поверите — я вам
Уберегу его так цело,
Что будет любо небесам
Клянусь и должен: сей присяге
Ни на словах, ни на бумаге
И вообще не изменять,
Но православно и повсюду
Душой и телом помнить буду
Мой долг и вашу благодать;
И так под вашею державой
Я дни подда́нства проведу,
Что даже Страшному суду,
Не перепуганный и правый,
Ответы умные найду.

10 декабря 1825

114. ВИДЕНИЕ

Вчера, как сумраки по небу
Туманный вечер расстилал,
Я в тишине молился Фебу,
Я вдохновенье призывал;
Уже душой, ему покорной,
Неукротимый, животворный
Его огонь овладевал;
Мечты кипели, разгорались,
Росли, блистали и сливались,
И видел я — мой идеал:
Чело, и очи, и ланиты,
Уста, и локоны, и грудь,
И стан божественной хариты
Непринужденно, как-нибудь
Одеждой легкой перевитый.
Как мил и жив мой идеал!
Я млел, я таял, я стыдился,
Я задыхался и дрожал
И, утомленный,— пробудился!

Первая половина декабря 1825

115. А. Н. ВУЛЬФУ

Мой брат по вольности и хмелю!
С тобой согласен я: годна
В усладу пламенному Лелю
Твоя Мария Дирина.
Порой горят ее ланиты,
Порой цветут ее уста,
И грудь роскошна и чиста,
И томен взор полузакрытый!
В ней много жизни и огня;
В игре заманчивого танца
Она пленяет и меня,
И белобрысого лифляндца;
Она чувствительна, добра
И знает бога песнопений;
Ей не годится и для тени
Вся молодая немчура.
Всё хорошо, мой друг, но то ли
Моя красавица? Она —

Завоевательница воли
И для поэтов создана!
Она меня обворожила:
Какая сладость на устах,
Какая царственная сила
В ее блистательных очах!
Она мне всё. Ее творенья —
Мои живые вдохновенья,
Мой пламень в сердце и стихах.
И я ль один, ездок Пегаса,
Скачу и жду ее наград?
Разнобоярщина Парнаса
Ее поет наперехват —
И тайный Глинка, и Евгений,
И много всяческих имен...
О! слава богу! я влюблен
В звезду любви и вдохновений!

16 декабря 1825

116. ИЗВИНЕНЬЕ

Я не исполнил обещанья:
Не всё и плохо написал;
Но я прекрасного желал,
Но я имею оправданья
Во глубине моей души,
Они довольно хороши.
Я жажду славы и свободы,
А что пророчат мне мечты?
Предвижу царство пустоты
И прозаические годы...
Во имя бога и природы,
Не веря сердцу и уму,
Уже сбегаются народы
К позолоченному ярму;
Награда вам — и корм и ласки,
А служба скромная легка:
Не беспокоить седока
И верно слушаться указки!
Жестоки наши времена,
На троне глупость боевая!
Прощай, поэзия святая,
И здравствуй, рабства тишина!

20 декабря 1825

Увы! я убежден решительно и верно,
Что ты не для меня прекрасна и мила:
Для тела моего ты велика чрезмерно,
А для души моей ты несколько мала.

1825

118. ЭЛЕГИЯ

Мечты любви — мечты пустые!
Я верно знаю их; оне
Не раз победы удалые
И рай предсказывали мне.
Я пел ее и ждал чего-то,
Стихам внимала красота,
И отвечали мне — зевотой
Ее пурпурные уста;
Я произнес любви признанье —
И скучен был наш разговор!
Всё суета! Улыбка, взор —
Прекрасно ваше предвещанье,
Но вы, почтеннейшие,— вздор!
Мечты любви — не стоят горя:
Прельстят, обманут хуже сна.
И что любовь? Одна волна
Большого жизненного моря!

Конец 1825 или начало 1826

119. ДУМА

Одну минуту, много две,
Любви живые упованья
Кипят, ликуют в голове
Богоподобного созданья:
Разгоряченная мечта
Прогонит сон души усталой,
Напомнит время и места,
Где нас ласкала красота,
Где небывалое бывало.
Но сей чувствительный собор
Надежд, восторгов и загадок

Заносит в душу беспорядок
Или меняющийся вздор,
Хоть сам пленителен и сладок,
Хоть сам блестит, как метеор.

Конец 1825 или начало 1826

120. К Ш⟨ЕПЕЛЕ⟩ВУ

Ты мой приятель задушевный:
Мы поэтически живем,
Мы вольно учимся и пьем,
Мы рассуждаем ежедневно
Об идеальном и благом;
Однако ж дело не о том!
Скажи: кого порою ночи
Твои приветствуют мечты,
Чьи возмутительные очи
Звездами называешь ты?
«Она мила, она далеко,
Она изменит!»— так не раз
Тебя встревожит сердца глас
В часы печали одинокой.
Откройся мне! Как ты, мой друг,
Любви я знаю самовластье,
Пусть охладит мое участье
Твой соблазнительный недуг;
Знакомый с девами и светом,
Тебя утешу я вполне
Иль романтическим советом,
Или посланьем о вине!

13 февраля 1826

121. ВТОРАЯ ПРИСЯГА

Когда, печальная от страха,
Моляся господу-отцу,
Россия шапку Мономаха
Давала князю-удальцу,
И, в тишине красноречивой,
Всё, кроме женщин и детей,
Клялось хранить благочестиво
Самодержавие царей,—

Тогда, отчизне подражая,
Моя богиня молодая,
Тоской невольною мила,
Беспечна к собственному благу,
Простосердечную присягу
Своей звезде произнесла.
Во мне проснулась жажда неги,
Я стал задумчив, я мечтал,
И нежным именем элегий
Я прозу сердца называл.
Мне было скучно: бог зевоты
Мне заменил и бога сна,
И бога светлого вина,
И духа гордые полеты,
И то, и то. Я был готов
Восстановить моих богов.
Что вдохновенье, что свобода,
В часы неволи помнил я.
Но скромность милая моя,
Но заразительная мода
Присягу рабства исполнять
И лень, сотрудница поэтов,
Меня успели задержать
В границах низменных предметов;
И я — неявный либерал —
Моей торжественной присяге
Ни на словах, ни на бумаге,
И вообще не изменял.

Когда ж к ушам россиянина
Дошла разительная весть,
Что непонятная судьбина
Не допустила Константина
С седла на царство пересесть;
Когда, не много рассуждая,
Сената русского собор
Царем поставил Николая,
А прежняя присяга — вздор,—
Благоговейно подражаю
Престола верному столбу:
Я радостно мою судьбу
Другой харите поверяю,

В душе чувствительной об ней
Молюсь всевидящему богу —
И на житейскую дорогу
Смотрю гораздо веселей.

14 февраля 1826

122. К А. Н. В⟨УЛЬФ⟩У

Мой друг, учи меня рубиться:
Быть может, некогда и мне,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная к войне.
Питомец скромных наслаждений,
Доселе в мире ведал я
Одни безделки бытия:
Приволье Бахуса и лени,
Утехи вялой тишины,
Амура приторную сладость,
Да усыпительную радость,
Да незаманчивые сны.
Теперь служу иному чувству,
Пылаю жаждою иной:
Учи ж меня, товарищ мой,
Головоломному искусству!

27 февраля 1826

123. М. Н. Д⟨ИРИН⟩ОЙ

Не в первый раз мой добрый гений
Кидает суетную лень,
Словами дара песнопений
Спеша приветствовать ваш день;
Не в первый раз восторгом блещет
Сей дар, покорствующий вам,
И сердце сладостно трепещет,
Кипучим тесное мечтам:
Всегда вы мило принимали
Мои приветы — и живей,
Смелее, краше ликовали
Надежды юности моей!

И ныне, вами пробужденный,
Я вам по-прежнему несу
Мою любовь, мою красу —
Стихи камены откровенной.
Но что же петь моим стихам
На праздник вашего рожденья?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам?..
И воссылаю к небесам
Благочестивые моленья.
Желать ли, да украсит вас
И ум, и прелесть, и наука;
Да вас пленяет сладость звука
И стихотворческий Парнас;
Да процветают ваши годы
Под кровом милой тишины,
Как мир божественной свободы,
Как поле радостной весны?
И я желаю, но едва ли
Я не наскучу небесам,
Моля, чтоб вам они послали
Уже дарованное вам.

Конец марта или 1 апреля 1826

124. ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забуду никогда
Мои студенческие годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатного труда!
В стране умеренным блаженной,
Вдали блистательных невежд,
Они питали жар священный
Моих желаний и надежд.
Здесь муза песен полюбила
Мои словесные дела;
Здесь духа творческая сила
Во мне мужала и росла.
И слава ей! Не ласки света,
Не взор любви, не блеск наград,
Какими светского поэта
Князья и жены их дарят,—

Мечты могучие живили
Певца чувствительную грудь,
И мне яснел высокий путь
Для поэтических усилий.

Но помню я: была пора,
Я обожал уста и очи,
Чего-то ждал с утра до ночи,
О чем-то бредил до утра,
И, страсти веруя залетной,
Впервые лаком до похвал,
Я мой талант словоохотный
Чужим причудам посвящал.
Стихов гармония и сила
Пленяла душу красоты;
Казалось мне — она любила
Мои весенние цветы.
Разнообразные надежды
Я расточительно питал,
Я их в мишурные одежды
И по-заморски одевал.
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бред,
Где громким словом идеала
Знаменовал ее поэт.
Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моим стихам,
Когда мечты мои служили
Обыкновенным божествам?
Твоя ли действовала воля,
Тобой ли полон был певец,
Когда с общественного поля
Он набирал себе венец?

Теперь не то,— я славлю бога!
Она прошла и не придет,
Пора томительных забот,
Моя сердечная тревога.
Как нечто странное, об ней
Хранится в памяти моей
Нравоучительная повесть,—
Она в стихах и не мала;
Но поэтическая совесть
Ее безумством назвала.

И правда, верю, я некстати
Дары-таланты расточал;
Да, впрочем, ea tempestate [1]
Я был влюблен — и так не знал,
Что бредил я, когда писал...
И говорю: любви обеты,
Любви надежды и мечты
Или живые пустоцветы,
Или поддельные цветы!

24 апреля 1826

125. ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зе́ркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей

Твои надежды; но умчится
Очаровательный их сон;
Зови его — не внемлет он
И сердцу снова не приснится

2 мая 1826

126. К Ш⟨ЕПЕЛЕВ⟩У

В делах вина и просвещенья,
В делах Амура мой Орест,
Прощай! Защите провиденья
Я поручаю твой отъезд.

[1] В ту пору (лат.) — *Ред.*

В России, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни.
Туда с тобою два поклона
Я посылаю, вот они:
Один Москве перводержавной —
Она поэзии мила;
В ней слава Руси благонравной
И прозябала, и цвела;
Другой поклон иного рода —
Куда?.. Ты можешь угадать,
Кому работала полгода
Моей камены благодать;
Кем, незлопамятный, доселе
Я восхищаюсь и горжусь;
О ком три раза на неделе
Святому образу молюсь;
Чья победительная сила
Давно, и въяве и во сне,
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мне.
Ты помнишь, друг, ее певали
Мои элегии: она
Мила, как ангел, но едва ли
Так непритворна и скромна.
Ее чело, ее ланиты,
Ее власы, ее уста
И очи — словно у хариты,
Всё хорошо, всё красота...
Ей поклонись, скажи два слова
И мне в усладу напиши,
Как поживает, как здорова
Сия звезда моей души?

15 мая 1826

127. ЭПИЛОГ

Смотрю умильными глазами
На эти скромные листы,
Где я небрежными стихами
Вам рисовал мои мечты,
Мне драгоценные когда-то.

Когда-то милые, оне
С моей надеждою крылатой
В одной живали стороне.
В те дни — светла, как житель рая,
Сильна, как мысли божества,
Свежа, как роза молодая,
Как песня вольности жива,
Любовь свободно покоряла
Все силы сердца моего,
И, ей подвластная, его
Восторги муза воспевала.
Они прошли, как сон! И вновь
Ни словом ласковым, ни взором
Не подружит меня со вздором
Моя почтенная любовь.
Ее вы знаете. Едва ли
Опять во мне... Сии листы
Хранят, как выше мы сказали,
Мои давнишние мечты.
Они, я знаю, недостойны
Воспоминания: порой
Неясны; дышат суетой,
И многословны, и нестройны.
И говорят о старине,
И часто бредят... Не читайте,
Забудьте их — и обо мне
Не по стихам воспоминайте!

29 мая 1826

128. К Т⟨АТАРИНО⟩ВУ

Хвалю тебя, мой спутник новый,
На чистом поприще наук!
Славян могущественных внук,
Немецкой вольности в оковы
Ты не отдашь свободных рук.
Не наш удел — ее порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнию мы живы,
Мы славой славимся иной!

Светлее, выше нам дорога!
Не верь же чуждому уму,
Не призывай чужого бога,
Живи и пей по своему!

4 августа 1826

129. П. Н. ШЕПЕЛЕВУ

Счастли́в, кому дала природа
Непоэтическую грудь,
Кто совершает как-нибудь
Труды земного перехода;
Мирским довольствуется он!
Слегка печаль его печалит,
Полувлюблен — когда влюблен,
Он вечно рад — и бога хвалит!
Ты, друг, иначе сотворен:
Через долину испытанья
Твоя дорога; с юных дней
Душе недремлющей твоей
Знакомы жгучие желанья;
Ты любишь сильно. Знаю я,
Тобою избранная дева
Мила, как радостная Ева
При первом блеске бытия;
Еще в ней ясны выраженья
Великой мысли божества,
Взор полон свежестью творенья,
В устах гармония жива!
И что ж? О друг, какое чувство
Во мне кипит и бесит кровь,
Когда возьмется за любовь
Мое священное искусство?
Мне странно: что я ни начну
На этой области Парнаса —
Всегда летучего Пегаса
С дороги в сторону сверну;
Играю, вольничаю, тешусь,
И вдруг направо перевешусь
И знаменитую жену
Стихом за ... ущипну!

И здесь готовил я сравненье
Назло красавице моей —
Да нет: твое воображенье
Не терпит шалостей,— бог с ней!
Постигнут холодом измены,
И я, как ты, мой милый друг,
Люблю глаза моей Елены,
Люблю мой пагубный недуг.
Мы оба пламенны доныне,
В нас верны мысли и мечты:
Так на лазоревой пучине,
Под океаном темноты,
Пловца порою путеводит
Звезда пустынная,— она
Вдали чуть-чуть ему видна,
А он очей с нее не сводит.

6 августа 1826

130

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые,—
Рылеев умер, как злодей!—
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

7 августа 1826

131. А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы — ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз,—

Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного! забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе!
И славой прадедов горжусь!
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья,—
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений [1]
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою!

16 августа 1826

132. ВИЛЕНСКОМУ

Не робко пей, товарищ мой!
Так наши прадеды пивали,
В боях, за чашей круговой
Они и немцев побеждали.
Счастли́в, кто верует в вино
Сердечно, слепо и надежно!

---

[1] Аспидная доска, на которой стихи пишу.

Как утешительно, как нежно,
Как упоительно оно!
Что краше, слаще наслажденья,
Когда играет голова,
Отважны, пламенны движенья,
Отважны, пламенны слова?
Так ум кипит в гражданской смуте,
Так жажда вольности пылка.
О! рай тому, кто pro virtute [1]
Достоин Вакхова венка!

16 августа 1826

133. К П. А. ОС⟨ИПОВО⟩Й

Аминь, аминь! Глаголю вам:
Те дни мне милы и священны,
Когда по Сороти брегам,
То своенравный, то смиренный,
Бродил я вольно там и там;
Когда вся живость наслаждений
Во славу граций и вина,
Свежа, роскошна, как весна,
Чиста, как звуки вдохновений,
Как лента радуги ясна,
Во мне могучая кипела,—
И я, счастливец, забывал:
Реку, где Разин воевал,
Поля родимого предела,
Симбирск, и кровных, и друзей,
И всё, что нравилось когда-то
Моей фантазии крылатой,
Душе неопытной моей.
И та, кого моим светилом
И божеством я называл,
Кому в восторге нежно-милом
Стихи и сердце отдавал;
Та красота, едва земная,
Та знаменитая жена,
Многоученая, святая,

[1] За доблесть (лат.).—*Ред.*

Которой наши времена
Сияют радостнее рая;
Та, для кого не раз, не два
Моя порочилась молва;
Та красота, которой много
Российский жертвовал Парнас,
Когда туманною дорогой
Брела поэзия у нас,
Та благосклонная... вот чудо!
Под вашим небом и во сне
Она не грезилася мне,
И вообще я помнил худо
О достопамятной весне...
Так луч денницы прогоняет
Пары с проснувшихся полян;
Так возмутительный стакан
Мечты и мысли возвышает.
Благословенная пора!
Она жива мне, как вчера.
Бывало, звезды тихой ночи
Глядятся в зеркале пруда..
Как чаровались мне тогда
Душа и сердце, слух и очи!
Самодовольные, во мне
Надежды пылкие вставали,
Играли весело оне,
И в даль ни разу не летали
Надежды лучшие мои!
А дом, а сад густо-зеленый,
Пруды и Сороти студеной
Гостеприимные струи!
А вид на долы и на горы
И сень прибережной горы!
А мост, а пышные дары
Помоны, Бахуса и Флоры!
А вольномыслящий поэт,
Наследник мудрости Вольтера!
Ни тени скуки, ни сует,
И с полным жаром юных лет
В свободу сладостная вера!
Всё это радует меня,
Всё мне пленительно доныне,
Здесь, где на жизненной пучине
Нет ни ветрила, ни огня.

О! я молюсь, мой добрый гений!
Да вновь увижу те края,
Где всё достойно песнопений,
Где вечный праздник бытия!

25 августа 1826

134. К В⟨УЛЬФ⟩У, Т⟨ЮТЧЕВ⟩У И Ш⟨ЕПЕЛЕВ⟩У

Нам было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья
И целый мир позабывали!
Те дни летели, как стрела,
Могучим кинутая луком;
Они звучали ярким звуком
Разгульных песен и стекла;
Как искры брызжущие стали
На поединке роковом,
Как очи, светлые вином,
Они пленительно блистали.

В те дни, мила, явилась мне
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
К браннолюбивой старине:
На вечи Новграда и Пскова,
На шум народных мятежей,
В походы воинства Христова
Противу северных князей;
В те дни, мечтательно-счастливый,
Искал я взглядов красоты,
Ей посвящал я горделиво
Моей поэзии цветы.

Вы помните беседы наши,
Как мы, бывало, за столом
Роскошно нежимся втроем,
И быстро чокаются чаши,
И пьем, и спорим, и поем?
Тогда, восторжен, перед вами
Чью душу я боготворил,
Чье имя я произносил
Благоуханными устами?

Она — мой ангел. Где ж она?
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаем жизни бремя;
Теперь не праздничаем мы,—
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем поутру с петухами:
Минувших лет во глубине
Следим великие державы,
Дела их в мире и войне,
Их образованность, их нравы,
Их управление, уставы,
Волненья бурные умов,
Торговлю, силу и богов,
Причины бед, причины славы.
Мы по науке мудрецов
Свободно хвалим, порицаем,
Не любим, любим и порой
Скрижали древности седой
О настоящем вопрошаем.
Работа здравая! На ней
Душа прямится, крепнет воля,
И наша собственная доля
Определяется видней!

Так мы готовимся, о други,
На достохвальные заслуги
Великой родине своей!
Нам поле светлое открыто
Для дум и подвигов благих:
Желаний полны мы живых;
В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся; покажи
В листах чужих бытописаний
Ряд благороднейших деяний!
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани,
Но в них является везде
Народ и смелый и могучий,
Неукротимый во вражде,
В любви и твердый и кипучий.
Так с той годины, как царям
Покорна северная сила,

Веков по льдяным ступеням
Россия бодро восходила;
И днесь красуется она
Добром и честию военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?

О! разучись моя рука
Владеть струнами вдохновений,
Не удостойся я венка
В прекрасном храме песнопений,
Холодный ветер суеты
Надуй и мчи мои ветрила
Под океаном темноты
По ходу бледного светила,
Когда умалится во мне
Сей неба дар благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь к родимой стороне!

Во прах, надежды мелочные
И дел и мыслей мишура!
У нас надежды золотые
Сердца насытить молодые
Делами чести и добра!
Что им обычная тревога
В известном море бытия?
Во имя родины и бога
Они исполнятся, друзья!
Ладьи, гонимые ветрами,
Безвестны гибнут средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя широкими крылами,
Ряды бушующих валов
Высокой грудью раздвигает
И в край родимый прилетает
С богатством дальних берегов!

27 августа 1826

135. АДЕЛАИДЕ

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

12 сентября 1826

136. К В⟨ИН⟩Ю

Невольный гость Петрова града,
Несчастный друг веселых мест,
Где мы кистями винограда
Разукрашаем жизни крест;
Где так роскошно, так свободно,
Надеждой сладостной горя,
Мы веселились всенародно
Во здравье нового царя,
И праздник наш странноприимный,
Шумя, по городу гулял;
Стекло звенело, пелись гимны,
Тимпан торжественный бряцал!
Прощай! Когда рука судьбины
Благоволит перед тобой
Стакан поставить пуншево́й
Иль утешительные вины
И вспомнишь юности лихой
Красноречивые картины,—
Как мы пивали,— пей до дна,
Пируй по-нашему на диво...
И вновь пленительно и живо
Тебе привидится она!

Октябрь 1826

137. ТРИГОРСКОЕ

Посвящается П А Осиповой

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густыя,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зе́ркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой,—
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмная стоит;

На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой,—
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,
Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Всё, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;

Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам взывали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная тень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и хо́лмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.

Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства,
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум, изящно просвещенный;
В часы, как сладостные там
Дары Эвтерпы нас пленяли,
Как пéрсты легкие мелькали
По очарованным ладам,—
С них звуки стройно подымались,

И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сеней леса над водами
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют хóлмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листах темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз тяжелый и скрыпучий,
Усталым движимый конем,
Считая бревна колесом,
Переступает мост плавучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей,—
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон, грозно-тихие, слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,

Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.
Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец по тучам бурным
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным,—
Всё видно: цепь далеких гор
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и брега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрей
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты́
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Всё, чем меня ласкала ты.

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухом полей!
Как утешительно поэту
От мира хладной суеты,

Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом,
Слабеют силы бытия,—
В прекрасный мир, в сады природы
Себя, свободного, укрыть
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

Осень 1826

138. К П⟨ЕЛЬЦЕ⟩РУ

Свободны, млады, в цвете сил,
Мы весело, мы шумно жили;
Нас Бахус пламенный любил,
Нас девы хищные любили;
В обгон летели наши дни,
Светились ярко наши ночи...
Так в туче реются огни,
Так блещут радостные очи!
И где ж она, товарищ мой,
Сия волшебная година;
Где наши песни, наши вина
И праздник жизни удалой?
Всё миновалось!.. На разлуку,
Задумчив, тих, твоей руке
Мою протягиваю руку;
Предвижу сон, предвижу скуку
В моем пустынном уголке,
Где мы, надежд могучих полны,
Пивали сладость бытия
И где вчера еще, как волны,
Шумели бурные друзья.
Но, милый мой, пройдет ненастье:
Когда-нибудь и где-нибудь,
Хотя на миг, земное счастье
Украсит жизненный наш путь;
Я обниму тебя, как брата,
Под кровом доброго пената

С твоим сольется мой досуг;
Тогда, мой друг, тогда, мой друг,
Последний грош ребром поставлю,
Упьюсь во имя прошлых дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

23 декабря 1826

139. ОЛЕГ

Не лес завывает, не волны кипят
Под сильным крылом непогоды,—
То люди выходят из киевских врат:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
На берег днепровский, в долину спешат,
Могильным общественным пиром
Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли — и широко бойцов и граждан
Толпы́ обступили густыя
То место, где черный восстанет курган,
Да Вещего помнит Россия;
Где князь бездыханный, в доспехах златых,
Лежал средь зеленого луга
И бурный товарищ трудов боевых —
Конь белый — стоял изукрашен и тих
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,
Отцом опочившего звали;
Горючие слезы текли из очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопил и стенал
Народ, покрывавший долину;
Но вот на средине булат засверкал,
И бранному в честь властелину
Конь белый, булатом сраженный, упал
Без жизни к ногам своему господину.
Всё стихло... руками бойцов и граждан
Подвинулись глыбы земныя...
И вон на долине огромный курган,
Да Вещего помнит Россия!

Волнуясь, могилу народ окружал,
Как волны морские несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он в память Олегу его выпивал;
И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинув доспех боевой,
Свершить на могиле потешную драку
Воители строятся в строй;
Могучи, отваги исполнены жаром,
От разных выходят сторон,
Сошлися — и бьются... удар за ударом,
Ударом удар отражен!
Сверкают их очи; десницы высокой
И ловок и меток размах;
Увертливы станом и грудью широкой
И тверды бойцы на ногах!
Расходятся, сходятся... сшибка другая —
И пала одна сторона!
И громко народ зашумел, повторяя
Счастливых бойцов имена.

Тут с поприща боя их речью приветной
Князь Игорь к себе подзывал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он сам его бодрым борцам подавал;
И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Вдруг,— словно мятеж усмиряется шумный
И чинно дорогу дает,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идет,—
Толпы́ расступились, и стал среди схода
С гуслями в руках славянин.

Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!

Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги, под грохотом вод,
По высям днепровского брега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил,
И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!

Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отзывался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал;
И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

1826

140. ВЕЧЕР

Прохладен воздух был; в стекле спокойных вод
Звездами убранный лазурный неба свод
Светился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврам долины благовонной;
Над берегом, в тени раскидистых ветвей,
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

Тогда между кустов, как призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дева молодая
Бродили вдоль реки; казалося, для них
Сей вечер нежился, так сладостен и тих;
Для них лучами звезд играла вод равнина,
Для них туманами окрестная долина
Скрывалась,— и в тени раскидистых ветвей
И трелил, и вздыхал, и щелкал соловей.

1826

141. СОМНЕНИЕ

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;
Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар,—
Я молчалив, я не согласен,
Я берегу небесный дар...
Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствуя, кто я,
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навык бытия?
Сей мир поэзии обычной —
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничный,
Как рай, лежит передо мной!

1826

Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!
Одно, и жгучее, желанье,
Одна, и тяжкая, мечта —
Безумных дней воспоминанье,
Краса великого поста —
Меня тревожит непощадно...
Склонивши на руку главу,
Богиню песен я зову,
Хочу писать — и всё нескладно!
В моей тоске едва-едва
Я помню мысли и слова,
Какими, пламенный, когда-то
Я оживлял стихи мои —
Дары надежды тороватой —
Гремушки ветреной любви.
Любовь покинул я; но в душу
Не возвращается покой:
Опять бывалого я трушу,
И пустяки — передо мной!
Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей;
Как утомительны и сонны
Часы бессонницы моей!

1826?

143. К МУЗЕ

Мой ангел милый и прекрасный,
Богиня мужественных дум!
Ты занимала сладострастно,
Ты нежила мой юный ум.
Служа тебе, тобою полный,
Не видел я, не слышал я,
Как на пучине бытия
Росли, текли, шумели волны.
Ты мне открыла в тишине
Великий мир уединенья,

Благообразные ко мне
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоим величьем величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, как слава...
И весело мои мечты,
Тобой водимые, играли;
Тебе стихи мои звучали,
Живые, светлые, как ты.
Так разноцветными огнями
Блестит речная глубина,
Когда, торжественно мирна,
В одежде, убранной звездами,
По поднебесью ночь идет
И смотрится в лазури вод.

Январь 1827

144. ПЕСНЯ

Всему человечеству
Заздравный стакан,
Два полных — отечеству
И славе славян,
Свободе божественной,
Лелеющей нас,
Кругом и торжественно
По троице в раз!

Поэзии сладостной,
И миру наук,
И буйности радостной,
И удали рук,
Труду и безделию,
Любви пировать,
Вину и веселию
Четыре да пять!

Очам возмутительным
И персям живым,
Красоткам чувствительным,
Красоткам лихим,

С природою пылкою,
С дешевой красой,
Последней бутылкою —
И всё из одной!

Кружится, склоняется
Моя голова,
Но дух возвышается,
Но громки слова!
Восторгами пьяными
Разнежился я.
Стучите стаканами
И пойте, друзья!

Январь или февраль 1827

145. К ВУЛЬФУ

Теперь я в Камби, милый мой!
Для поэтических занятий,
Для жизни дельной и простой
Покинул я хмельных собратий
И цепь неволи городской.
Брожу, задумчивости полный,—
И лес шумит над головой,
И светлые играют волны,
И жатвы блещут предо мной!
Здесь муза — нежная подруга
Уединенного досуга —
Под мой отшельнический кров
В прохладе вечера приходит:
Легко потоки дум и слов
Струятся в образы стихов;
Не слышен скорый бег часов —
И луч востока нас находит
В раздолье сладостных трудов!
Здесь миловидная, как роза,
Моя поэзия цветет:
Ей не мешает мир забот,
Ни лень друзей, ни жизни проза,
И ревностно готовлюсь я
В тиши беспечного житья
Самостоятельно и смело
Свершить возвышенное дело;

Хотя нередко, милый мой,
Раздумья гордого порой,
Мне говорит богиня слова:
«Себя изведай и смирись!
Взгляни, как Федоров Борис
Срамит Бориса Годунова!»
Но что? Кипит душа моя
И жаждет чести Геликона,
И «жребий брошен» молвлю я —
И бух на воды Рубикона!

Между 17 и 19 апреля 1827

146. К В⟨УЛЬФ⟩У

Поверь, товарищ, сладко мне
О мирной думать стороне,
Где я, разгульный и свободный,
Заветным преданный мечтам,
Бродил реки голубоводной
По величавым берегам...
Мне всё пленительно в Тригорском,
Всё свято: Пушкин, ты да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия!..
Туда, туда, туда! Но свету
В цари поставлен гневный рок,
Равно досаден и жесток
И не поэту, и поэту —
И он-то шутит надо мной.
Но будь утешен ты, герой,
Питайся медом ожиданий,
Придет пора моих желаний,
Осуществится милый сон:
Покину дерптского пената,
Возвеселюся, как Сион,
И обниму тебя, как брата.

Между 17 и 19 апреля 1827

147. К П. А. ОСИПОВОЙ

Благодарю вас за цветы:
Они священны мне; порою
На них задумчиво покою
Мои любимые мечты.
Они пленительно и живо
Те дни напоминают мне,
Когда на воле, в тишине,
С моей каменою ленивой,
Я своенравно отдыхал
Вдали удушливого света
И вдохновенного поэта
К груди кипучей прижимал!
И ныне, с грустью безутешной
Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад
Свободы милой и безгрешной.
И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной;
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гёте, и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тиши
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Оселок сердца и души;
И всё божественное лето,
Которое из рода в род,
Как драгоценность, перейдет,
Зане Языковым воспето!
Златые дни! златые дни!
Взываю к вам и где ж они?
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует

Мне утомляет ум и очи,
А пользы нет и славы нет!
Скучаю горько, и едва ли
К поре, ко времени, пройдут
Мои учебные печали
И прозаический мой труд.
Но, что бы ни было, оставлю
Незанимательную травлю
За дичью суетных наук —
И, друг природы, лени друг,—
Беспечной жизнью позабавлю
Давно ожиданный досуг.
Итак, вперед! молюся богу,
Да он меня благословит,
Во имя Феба и харит,
На православную дорогу;
Да мой обрадованный взор
Увидит вновь, восторга полный,
Верхи и скаты ваших гор,
И темный сад, и дом, и волны!

1 мая 1827

148. КАТЕНЬКЕ МОЙЕР

Благословенны те мгновенья,
Когда, в виду грядущих лет,
Пред фимиамом вдохновенья
Священнодействует поэт:
Как мысль о небе, величавы,
Торжественны его слова;
Их принимают крылья славы,
Им изумляется молва!
Но и тогда, как он играет
Своим возвышенным умом,
Он преисполнен, он сияет
Его хранящим божеством,
И часто даром прорицанья —
Творящей прихоти сыны —
Его небрежные созданья,
Его мечты одарены.

Быстрее, легче сновиденья
Пройдут твои младые дни,
Но благодетельно: они,
Служа богине просвещенья,
Игривый ум твой разовьют
И сердца с чувством безмятежным,
Как яркий звук со звуком нежным,
В одну гармонию сольют.

Тебя полюбят мир и счастье;
Не возмутят груди твоей
Порывы буйные страстей,
Не охладит ее бесстрастье;
Прекрасна будет жизнь твоя:
Светла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытия.

15 мая 1827

149. К НЯНЕ А. С. П⟨УШКИН⟩А

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как, сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки,
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре камены,—
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!

Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летали беззаботно!

17 мая 1827

150. К А. М. ЯЗЫКОВУ

Теперь, когда пророчественный дар
Чуждается моих уединенных лар,
Когда чудесный мир мечтательных созданий
На многотрудные затеи мудрований
О ходе царств земных, о суете сует,
На скуку поминать событья наших лет,
Работать для молвы и почести неславной
Я тихо променял, поэт несвоенравный,—
Мои желания отрадные летят
К твоей обители, мой задушевный брат!
Любезный мы́слитель и цензор благодатный
Моих парнасских дел и жизни коловратной.

Так я досадую на самого себя,
Что, рано вольности прохладу полюбя
И рано пред судом обычая крамольным,
Я приучил свой ум к де́ятельности вольной,
К трудам поэзии. Она же — знаешь ты —
Богиня, милая убранством простоты,
Богиня странных дум и жизни самобытной;
Она не блестками заслуги челобитной,
Не звоном золота, не бренною молвой
Нас вызывает в путь свободный и святой.
И юноша, кого небес благословенье
Избрало совершить ее богослуженье,
Всю свежесть, весь огонь, весь пыл души своей,
Все силы бытия он обрекает ей.
Зато от ранних лет замеченному славой,
Ему даровано властительное право
Пред гордостью царей не уклонять чела
И проповедовать великие дела.

Удел божественный! Но свет неугомонный,
Неверный судия и часто беззаконный,
В бессмертных доблестях на поприще камен
Он видит не добро, а суету и тлен.

Я знаю, может быть, усердием напрасным
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Самолюбивая пылает грудь моя,
И славного венка не удостоюсь я.
Но что бы ни было, когда успех недальный
Меня вознаградит наградою похвальной
За прозу моего почтенного труда
И возвратит певца на родину — тогда,
Пленительные дни! Душой и телом вольный,
Не стану я носить ни шляпы трехугольной,
Ни грубого ярма приличий городских,
По милости богинь-хранительниц моих:
Природу, и любовь, и тишину златую
Я славословием стихов ознаменую,
И, светозарные, благословят оне
Мои сказания о русской старине.

Я жду, пройдет оно, томительное время,
Чужбину и забот однообразных бремя
Оставлю скоро я. Родительский пенат
Соединит меня с тобою, милый брат;
Там безопасные часы уединенья
Мы станем украшать богатством просвещенья
И сладострастием возвышенных трудов;
Ни вялой праздности, ни скуки, ни долгов!
Тогда в поэзии свободу мы возвысим.
Там бодро выполню — счастлив и независим —
И замыслы моей фантазии младой,
Теперь до лучших лет покинутые мной,
И дружеский совет премудрости врачебной:
Беречься Бахуса и неги непотребной.
Мне улыбнется жизнь, и вечный скороход
Ее, прекрасную, покойно понесет.

Май 1827

151. К****

Во имя Руси, милый брат,
Твою главу благословляю;
Из края немцев, гор и стад
Ты возвращен родному краю.
Позор событий наших лет,
Великих сплетней и сует
Тебя недолго позабавил;
Ты их презрел, ты их оставил
И на добро, на божий свет
Живые помыслы направил.

Любезный гражданин Москвы,
Теперь ни славы заграничной,
Ни россказней молвы столичной,
Ни государственной молвы
Не слушаешь; отцовским ларам
Твои часы поручены;
Ты пьешь приволье тишины,
Подобно счастливым боярам
Веселонравной старины;
На свежих розах Гименея,
В чело, и очи, и в уста,
То замирая, то краснея,
Тебя лобзает красота...
Кипят, пылают наслажденья,
Их негу верность бережет,
И быстро вечный скороход
Уносит легкие мгновенья!

А я, гуляющий поэт
У врат святилища науки,
Брожу и жду, пройдут иль нет
Мои томительные скуки?
Блеснет ли вновь передо мной
Звезда любви и вдохновений,
И жажда славы песнопений
В груди забьется молодой,
И благозвучными стихами
Означу сладостные дни?
Напрасно, дни бегут за днями,
И в Лету падают они.

Она прошла, пора златая,
Восторгов пламенных пора;
Владеют мной тщета мирская,
И лень, и грусть, и немчура!

Теперь святому провиденью
Я говорю одну мольбу:
Да не предаст оно забвенью
Мою грядущую судьбу;
Да возвратит мне мир свободы,
Мечты и песни прошлых дней,
Поля, холмы и непогоды
И небо родины моей.
Тогда, надеждами богатый,
Спеша от лени и забот,
Я посещу твои палаты
На бреге москворецких вод;
Красноречивые рассказы
Про жизнь альпийских пастухов,
Про горы выше облаков
И про любовные проказы
В виду потоков, скал и льдов
Часы летучего досуга
Нам очаруют в тишине;
Моя веселая подруга,
Камена, улыбнется мне,
И песнью лиры вдохновенной
Тебе радушно воспою
Утехи жизни просвещенной
И долю мирную твою.

Июнь 1827

152. НОЧЬ

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!

Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да, улелеянный тобой,
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдет,
И снова дум его полет
Подымет божеская сила!

15 августа 1827

153. РУЧЕЙ

Под склоном сетчатых ветвей
Чрез груды камней и корней
Играют, скачут, силы полны,
Твои серебряные волны;
Светло и пышно луч дневной,
Скользя на грани водяные,
На быстрине твоей живой
Дробится в искры огневые.

Лежу — дерев нагорных тень
Мою задумчивую лень
Своей прохладой осеняет;
В вершинах леса, там и там,
По шепотливым их листам
Мгновенный шорох пробегает —
И смолкнет вдруг, и вдруг сильней
Зашевелится мрак ветвей,
И лес пробудится дремучий,
И в чаще ходит шум глухой —
Здесь и тогда, ручей гремучий,
Твой говор слышен волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мне
Мечта яснеет золотая
О незабвенной стороне...
Бегите, дни, как эти воды,
Бегите, дни, быстрей, быстрей,
Да вновь священный луч свободы
В душе заискрится моей!

Лето 1827

154. К ТИХВИНСКОМУ

Любимец музы и науки!
Оставь на время пыльный град
Сует, профессоров и скуки
И прозаических отрад;
От горя жизни коловратной,
От беспокойного труда,
От груды книг уйди сюда,
Где воссияла благодатно
Моей поэзии звезда:
Здесь дремлют темные дубравы
По скатам горных берегов,
Здесь ярко месяц величавый
Играет в зеркале прудов;
Здесь ночь таинственная мирно
Проходит в ясности эфирной;
Здесь пышен солнечный восход
Над благовонными полями,
Над мраком леса, над горами
И над лазурью светлых вод;
Здесь полдня жаркою порою
Мою усталость я покою
На лоне девственных дриад,
И дерева шумят, шумят,
Шумят над вольной головою;
Или по долам и горам
Влачу беспечно там и там
Поэта гордую свободу,
Мечтаю в сладкой тишине
О православной старине,
О музе песен, о вине
И пью железистую воду!

Лето 1827

155. НА СКАМЕЙКЕ
(В КАМБИ)

Служи тоске уединенной,
Любви младенческой мечтам,
Поэта неге вдохновенной
И мирно спорящим друзьям.

Когда ж изменница Аглая...
Переломись — пускай она
Язык прикусит, дева злая,
И встанет мертвенно-бледна!

Первая половина сентября 1827

156. К П. А. ОСИПОВОЙ

Плоды воспетого мной сада,
Благословенные плоды,—
Они души моей отрада,
Как славы светлая награда,
Как вдохновенные труды.
Прекрасных ряд воспоминаний
Они возобновляют мне,
И волны прежних упований
Встают в сердечной глубине!
Скучаю здесь; моя камена
Оковы умственного плена
Еще носить осуждена;
Мне жизнь горька и холодна,
Как вялый стих, как Мельпомена
Ростовцева иль Княжнина;
С утра до вечера я занят
Мирским и тягостным трудом.
И бог поэтов не помянет
Его во царствии своем.
И долго сонному забвенью
Мой не потухнет фимиам;
Но я покорен провиденью
И жду чего?.. Не знаю сам...
Я утешаюсь горделиво
Мечтой, что в вашей стороне
Самостоятельное живо
Воспоминанье обо мне.

И благодарен вам душою
За ваш подарок, и в ответ,
Из края скуки и сует,
Вы благосклонною рукою
Мои убогие дары
Примите: пару книжек модных
Произведений ежегодных
Словоохотной немчуры.
Мои ж стихи да будут знаком,
Что скоро и легко для вас
Мой пробуждается Парнас
И что поэт Языков лаком
Везде, всегда воспоминать
Свой рай и вашу благодать.

8 декабря 1827

157. ЭЛЕГИЯ

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты?
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирялись молодой?

Далёко ты, но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе.
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица — луна.

1827

158. КУДЕСНИК

На месте священном, где с дедовских дней,
Счастливый правами свободы,
Народ Ярославов, на воле своей,
Себе избирает и ставит князей,
Полкам назначает походы
И жалует миром соседей-врагов.—
Толпятся: кудесник явился из Чуди...
К нему-то с далеких и ближних концов
Стеклись любопытные люди.
И старец кудесник, с соблазном в устах,
В толпу из толпы переходит;
Народу о черных крылатых духах,
О многих и страшных своих чудесах
Твердит и руками разводит;
Святителей, церковь и святость мощей,
Христа и пречистую деву поносит;
Он сделает чудо — и добрых людей
На чудо пожаловать просит.
Он сладко, хитро празднословит и лжет,
Смущает умы и морочит:
Уж он-то потешит великий народ,
Уж он-то, кудесник, чрез Волхов пойдет
Водой — и ноги́ не замочит.
Вот вышел епископ Феодор с крестом
К народу — народ от него отступился;
Лишь князь со своим правоверным полком
К святому кресту приложился.

И вдруг к соблазнителю твердой стопой
Подходит он, грозен и пылок:
«Кудесник! скажи мне, что будет с тобой?»
Замялся кудесник и — сам он не свой,
И жмется и чешет затылок.
«Я сделаю чудо».— «Безумный старик,
Солгал ты!» — и княжеской дланью своею
Он поднял топор свой тяжелый — и вмиг
Чело раздвоил чародею.

1827

159. ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним хо́лмы, помним долы,
Наши церкви, наши села
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.
Но с надеждою чудесной
Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива, и славна!

1827

160. К А. Н. В⟨УЛЬФ⟩У

Помнишь ли, мой друг застольный,
Как в лесу, порою тьмы,
Праздник молодости вольной
Вместе праздновали мы?
Мы лежали, хмеля по́лны;
Возле нас горел костер;
Выли огненные волны
И кипели; братский хор
Песни пел; мы любовались
На товарищей,— они
Веселы́е разбегались
И скакали чрез огни!
В нас торжественно бурлила
Чародейственная сила
Первой, девственной любви,—
Мы друг другу объясняли
Сердца тайные печали
И желания свои.

Помнишь ли, как, нежно-пылки,
В честь Воейковой потом
Пили, били мы бутылки
У пруда, перед костром?

Так я жил во время оно,
Здесь, в немецкой стороне,
Рассудительной, ученой
И когда-то милой мне;
А теперь тоске да лени
Хладнокровно предаю
Утро светлых вдохновений,
Юность добрую мою:
Не шумят мои досуги,
Не торопится мой труд...
И порой, как в мой приют
Загулявшиеся други
Ненароком забредут,
Молодцов любезных шайка
Станет в круг, середь двора,
Нашу праздность тешит свайка...
Православная игра!
Тяжкий гвоздь, стойком и плотно,
Бьет в кольцо; кольцо бренчит;
Вешний вечер беззаботно
И невидимо летит...
Поздно... Молча круг удалый
Разойдется ради сна...
Помнишь ты? Ну, то ль бывало
Прежде, в наши времена!

23 апреля 1828

161

Ты прав, мой брат: давно пора
Проститься мне с ученым краем,
Где мы ленимся да зеваем,
Где веселится немчура!
Я помню, здесь надежда славы
Меня пророком назвала,
Мне буйной младости забавы
Во блеск живой и величавый
Она волшебно облекла;

Мая 27. 1828. Дерпт

Ты правъ, мой другъ, давно пора
Проститься мнѣ съ ученымъ прахомъ,
Гдѣ я явился до [redacted] званія,
Гдѣ веселится Ятчура!
Я помню, здѣсь надежда славы
Меня пророкомъ назвала,
Мнѣ бурной младости забавы,
Во блескѣ дивной и величавы,
Она волшебно обвела;
Здѣсь мнѣ томительно святила
Любовь — звѣзда прекрасныхъ дней —
И поэтическая сила
Огнемъ могущественнымъ била
Изъ глубины души моей!
И гдѣжъ она и все былое?
Теперь, въ томительномъ покоѣ
Текутъ мои иные дни:
Несносно-тяжки мнѣ они —
Сіи подарки скуки смутной,

Здесь мне пленительно светила
Любовь, звезда счастливых дней,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
И где ж она и всё былое?
Теперь в томительном покое
Текут мои немые дни;
Несносно-тяжки мне они —
Сии подарки жизни шумной,
Летучей, пьяной, удалой,
Высокоумной, полоумной,
Вольнолюбивой и пустой!
Сии широкие досуги,
Где празднословящие други,
Нещадные, как божий гнев,
Кипят и губят, *яко пруги,*
Трудов возвышенных посев!
Досадно мне! Теперь напрасно
Даюсь чарующим мечтам;
Они кружатся несогласно,
Им недоступен вечный храм
Моей владычицы прекрасной,—
Так точно, в зимние часы,
Младой студент, окутан ромом,
Вотще кочует перед домом
Недосягаемой красы!

Но — всё проходит, всё проходит!
Блажен божественный поэт:
Ему в науку мир сует
Разнообразный колобродит!
Надеюсь, жду: мою главу
Покинет лени сон печальный,
И снова жизнью достохвальной
Для музы песен оживу!

Конец апреля или май 1828

162. А. Н. В⟨УЛЬФ⟩У

...au moindre revers funeste
Le masque tombe, l'homme reste
Et le héros s'évanouit! [1]

Не называй меня поэтом!
Что было — было, милый мой,
Теперь спасительным обетом
Хочу проститься я с молвой,
С моей каменой молодой,
С бутылкой, чаркой, «Телеграфом»,
С Р. А., канастером, вакштафом
И просвещенной суетой;
Хочу в моем Киммерионе,
В святой семейственной глуши,
Найти счастливый мир души
Родного дружества на лоне!
Не веришь? Знай же: твой певец
Теперь совсем преобразован,
Простыл, смирен, разочарован,
Всему конец, всему конец!

Я помню, милый мой, когда-то
Мы веселились заодно,
Любили жизни тороватой
Прохлады, песни и вино;
Я помню, пламенной душою
Ты восхищался, как тогда
Воссиявала надо мною
Надежд возвышенных звезда;
Как, рано славою замечен,
В раздолье вольного житья,
Гулял, студенчески беспечен,
И с лирой мужествовал я!
Ты поверял мои желанья,
Путеводил моей мечты
Первоначальные созданья,
Мою любовь лелеял ты...
Но где ж она, восторгов сладость,
Моя звезда, печаль и радость,
Мой светлый ангел чистоты?

---

[1] ...но только наступит несчастье, спадает маска, человек остается, но исчезает герой! (фр.).— *Ред.*

Предмет поэтов самохвальных,
Благопрославленная мной,
Она теперь, товарищ мой,
Одна, одна в пределах дальных,
Мила афинскою красой...
Прошел, прошел мой сон приятный!
«А мир стихов?» Но мир стихов,
Как всё земное, коловратный,
Наскучил мне и нездоров!
Его покину я подавно,
Недаром прежний доброхот
Моей богини своенравной
Середь Москвы перводержавной
Меня бранил во весь народ
И возгласил правдиво-смело,
Что муза юности моей
Скучна, блудлива: то и дело
Поет вино, табак, друзей;
Свое, чужое повторяет;
Разнообразна лишь в словах
И мерной прозой восклицает
О выписных профессорах!
Помилуй бог, его я трушу!
Отворотил он навсегда
От вдохновенного труда
Мою заносчивую душу!
Дерзну ли снова я играть
Богов священными дарами?
Кто осенит меня хвалами?
Стихи — куда мне их девать?
Везде им горькая судьбина!
Теперь ведь будут тяжелы
Они заплечью „Славянина“
И крыльям „Северной пчелы“.
«Что ж? В Белокаменную с богом!»
— «В „Московский вестник“?» — «Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, горд, аристократ,
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом».
— «Ну в „Афеней“?» — «Что „Афеней“?
Журнал мудрено-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
„Благонамеренный“ московский».

Что ж делать мне, товарищ мой?
Итак — в пустыню удаляюсь,
В проказах жизни удалой
Я сознаюсь, сердечно каюсь,
Не возвращуся к ним. И вот
Моей надежды перемена,
Моей судьбы переворот!
Прощай же, русская камена,
И здравствуй, милая моя!
Расти, цвети! Желаю я:
Да буйный дух высокомерья
Твоих поклонников бежит;
Да благо родины острит
Их здравосмыслящие перья;
Да утвердишь ты правый суд;
Да с Норда, Юга и Востока,
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут;
Да сядешь ты с величьем мирным
На свой могущественный трон —
И будет красен твой виссон
Разнообразием всемирным!!!

Конец мая или начало июня 1828

163. А. Н. СТ⟨ЕПАНОВ⟩У

Прощай надолго, милый мой;
Да провидением хранимый,
Ты возвратишься невредимый
На пользу родине святой!
Да жар возвышенных желаний
В тебе мужает и растет
Среди классических работ
На светлом поприще познаний!
Да там, откуда с давних пор
Надежд питомцы дорогие,
России книжники младые,
Вывозят ей лишь тлен и вздор,
Туман шального мудрованья,
Глухую спесь, немилость к нам
И знаменитые прозванья
Своих учителей,— да там,
В стране наук правдиво-гордой,

Служа каменам и добру,
Не окрестится в немчуру
Твой дух деятельный и твердый,
Но, жадный творческих трудов,
Но полный силы своенравной,
Сберет сокровища веков
И посвятит их православно
Богам родимых берегов!
Прощай! Когда-то наша младость
Цвела роскошно, милый мой;
Гуляли мы рука с рукой,
Учились вместе, жизни сладость
Мы пили чашею одной.
И что ж? Как призрак сладострастья,
Пора безоблачного счастья,
Всегда любимая душой,
Исчезла вмиг; но ты с собой
Возьмешь под небеса чужие
Воспоминанья золотые
Про мир возвышенных сует,
Про наслажденья удалые,
Про шум и песни прошлых лет.
И в час раздумья и досуга
Мечта волшебною рукой,
Как наяву, перед тобой
В картине пестрой и живой
Поставит недруга и друга;
Тебя восторги обоймут,
И взор филолога угрюмый
Развеселится ясной думой —
И закипит ученый труд!

Лето 1828

164. А. Н. В⟨УЛЬФ⟩У

Прощай! Неси на поле чести
Отваги юношеской жар,
Сердечный глас вражды и мести
И неизбежный твой удар!
За Русь, товарищ, за свободу
Геллады пламенных сынов,
На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты, си́лен и суров!

Блажен, кто, гневом упоенный,
Гулял на празднике мечей
И вырвал дланью вдохновенной
Победу родине своей.
Светла кончина боевая;
Блажен, кто очи затворил,
Последним взором провожая
Побег и казнь противных сил!
Уже зарделась величаво
Высоких подвигов заря,
Шумят суворовскою славой
Знамена русского царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнят наши торжества
Пожар Чесмы, чугун Кагула
И Руси грозные права!

Дай руку мне; во дни былые,
В кругу внимательных друзей,
Я воспевал пиры лихие
Кипучей младости твоей,—
Я стану петь твои победы,
Восторгом весел огневым,
И бурной юности беседы
Наполню именем твоим!

Сентябрь 1828

165. ДЕВА НОЧИ

Как эта ночь, стыдлив и томен
Очаровательный твой взор;
Как эта ночь, прелестно темен
С тобою нежный разговор;
Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Как пламенны твои уста!
Как безгранично сладострастна
Твоих объятий полнота!

Но успокойся, дева ночи!
Спусти завистливый покров,
Сокрой твои уста и очи
И злато вьющихся власов:

Не на твоей груди перловой
Моя воздремлет голова,
Не ты внушишь мне жизни новой
Родные чувства и слова.

Там, там, где пышный ток Родана,
В виду заоблачных вершин,
Сребром выходит из Лемана
На гладь шелкóвую долин...
Туда, сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надежд и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

Смотри: стою перед тобою!
Вдруг освежилась грудь моя;
Торжествен, радостен душою,
И смел, и горд, и светел я!
Прекрасна ты, о дева ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать в твоей любви!

Сентябрь 1828

166. БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ

Иные дни — иное дело!
Бывало, помнишь ты, барон,
Самонадеянно и смело
Я посещал наш Геликон:
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно верил ей,
И поэтическая сила
Огнем могущественным била
Из глубины души моей!
А ныне? — Миру вдохновений
Далеко-недоступен я:
На лоне скуки, сна и лени
Томится молодость моя!
Моей камены сын ослушный,
Я чужд возвышенных трудов,
Пугаюсь их — и равнодушно
Гляжу на поприще стихов.

Блажен, кто им не соблазнялся!
Блажен, кто от его сует,
Его опасностей и бед
Ушел в себя — и там остался!..
Завидна славы благодать,
Привет завиден многолюдный!
Но часто ль сей наградой чудной
Ласкают нас? И то сказать —
Непроходимо-беспокойно
Служенье Фебу в наши дни:
В раздольи буйной толкотни
Кричат, бранятся непристойно
Жрецы поэзии святой.
Так точно праздничной порой
Кипит торговля площадна́я;
Так говорливо вторит ей
Разноголосица живая
Старух, индеек и гусей!
Туда ль душе честолюбивой
Нести плоды священных дум?
Да увлекут они счастливо
Простонародный крик и шум!
А ты, прихвостница талантов
И повивальница стихов,
Толпа словесных дур и франтов,
Нецензурованных глупцов,—
Не ты ль на подвиг православный
Поэта-юношу зовешь
И вдруг рукой самоуправной
Его же ставишь на правеж?
Не ты ль в судью и господина
Даешь Парнасу кой-кого,
И долго, долго твой детина,
Прищурясь, смотрит на него?

Вот так-то ныне область Феба
Мне представляется, барон.
Ты мирно скажешь: «Это сон,
Дар испытующего неба;
Он легким лётом пролетит!
Так иногда в жару недуга
Страдалец сердится на друга
И задушевного бранит!»

Ну так, барон. Поэтов богу
Поставь усердную свечу,
Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова песнью сладкогласной
Я возвещу, что я поэт,—
И оправдается прекрасно
Мне вдохновенный твой привет!

Сентябрь или октябрь 1828

167

Вот вам Наумов — мой предтеча
На сладком поприще езды:
Своим желаньям не переча,
Не оскорбив своей звезды,
Покинул он наук труды
И шум студенческого веча.
Он счастлив: полон чувств живых,
Поклонится селу родному,
Отцов хранительному дому;
Увидит братьев и родных,
Прижмет их к сердцу молодому,
Увидит свадебных пиров
Великолепную картину,
Благословит свою судьбину
И будет нравственно здоров!
А вы, которых ожиданье
Давно, давно, давным-давно
На мой приезд устремлено,—
Он обо мне воспоминанье
Прекрасно вам возобновит!
Опишет жизнь мою плохую,
Без вдохновений, без харит,
Однообразную, пустую,
Где-где благую, часто злую,
И всё, чем я, ослушный сын
Моей возвышенной камены,
Томлюсь, беспечен и один,
Без цели, действий и причин
И не надеясь перемены!
Смотрите ж, слушайте его
С душевной радостью и лаской:

Не утаит он ничего,
Не оклевещет никого
И не представит были сказкой!
Пленителен, завиден мне
Его удел: свои рассказы
Про жизнь в разгуле и вине,
Про молодецкие проказы
Распространит в родной стране!
Мои ж надежды — что оне?..

20 ноября 1828

168. РАЗВАЛИНЫ

Ночь; тихи небеса; с восточного их края
Луна, красивый блеск на землю рассыпая,
В пучине воздуха лазурной восстает;
Безмолвен горный лес; чуть льются зыби вод;
Вон там, господствуя над брегом и холмами,
Две башни и стена с высокими зубцами —
Остатки подвигов могучей старины —
Как снег белеются, луной озарены;
Далеко, голых скал чрез каменны ступени
Сошли на свежий луг пробитые их тени,
И тёмны, как молва давно минувших дней,
Лежат пред новыми жилищами людей.
Вон ряд обломков! Там на вышины́ крутые
Отчаянно толпы́ взбегали боевые,
И гибли!.. Радостный приют моей мечты,
Чернокудрявая красавица, где ты?
Приди; на этот холм, ветвями осененный,
Воссядем; твой певец, младый и вдохновенный,
Поведаю тебе сказанья старины
Про гордых витязей свободы и войны;
И сладостны, как шум таинственный дубравы,
Звучны, как говор волн пустынных, песни славы
Польются... Ясная улыбка оживит
Твои уста и жар на пурпуре ланит,
Светло заискрятся божественные очи;
Приди!.. Но я один; спокойно царство ночи;
Высоко шар луны серебряной встает;
Безмолвен гордый лес; чуть льются зыби вод.

1828

169. ОТЪЕЗД

Недолго мне под этим небом,
По здешним долам и горам
Скитаться, брошенному Фебом
Тоске и скуке и друзьям!
Теперь священные желанья
Законно царствуют во мне;
Но я, в сердечной глубине,
Возьму с собой воспоминанья
О сей немецкой стороне.
Здесь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находил,
Играл избытком юных сил
И воспевал любовь и радость.
Как сновиденье день за днем
И ночь за ночью пролетали...
. . . .
. . . .
Вон лес и дремлющие воды,
И луг прибрежный, и кругом
Старинных лип густые своды,
И яркий месяц над прудом.
Туда, веселые, бывало,
Ватаги вольницы удалой
Сходились, дружным торжеством
Знаменовать свой день великой:
Кипели звуки песни дикой,
Стекло сшибалось со стеклом,
Костер бурлил и разливался,
И лес угрюмый пробуждался,
Хмельным испуганный огнем!
Вон площадь: там, пышна, явилась
Ученых юношей гульба,
Когда в порфиру облачилась
России новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свистал пронзительный гобой;
Под лад их бурный и живой
На удивленной мостовой
Вертелись пляски круговые;
Подобно лону гневных вод
Пир волновался громогласный,
И любознательный народ

Смотрел с улыбкой сладострастной,
Как Бахус потчевал прекрасный
Свой разгулявшийся приход.

О юность, юность! сон летучий,
Роскошно светлая пора!
Приволье радости могучей,
Свободы, шума и добра!..
Мои товарищи и други!
Где вы, мне милые всегда?
Как наслаждаетесь? Куда
Перенесли свои досуги?

Я помню вас. Тебя, герой
Любви, рапиры и бутылки,
Самонадеянный и пылкий
В потехах неги молодой!
С твоим прекрасным идеалом
Тебя Киприда не свела;
Полна любви, чиста была
Твоя душа, но в теле малом
Она, великая, жила!
Теперь волшебницу иную
Боготворишь беспечно ты,
На жизнь решительно пустую
Ты променял свои мечты
Про славу, Русь и дев Ирана!
И где ж? В Козельске наконец
Блуждаешь, дружбы и стакана
И сладкой вольности беглец!..
. . . .
. . . .
И ты!.. Тебя благословляю,
Мой добрый друг, воспетый мной,
Лихой гусар, родному краю
Слуга мечом и головой.
Христолюбивого поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай!

А ты, страдалец скуки томной,
Невольник здешнего житья,
Ты, изленившийся, как я,
Как я, свободно-бездипломный!

Люблю тебя, проказник мой,
В тиши поющего ночной;
Люблю на празднике за ромом,
В раздумье, в пламенных мечтах,
В ученых спорах и трудах,
С мечом, цевницею и ломом.
Что медлишь ты? Спасайся, брат!
Не здесь твое предназначенье;
Уже нам вреден чуждый град
И задушает вдохновенье.
Покинь стаканов хмель и стук!
Беги, ищи иной судьбины!
Но да цветут они, мой друг,
Сии ливонские Афины!
Не здесь ли некогда, мила,
Нас юность резвая ласкала,
И наша дружба возросла,
И грудь живая возмужала
На правоверные дела!
О, будь же вам благодаренье,
Вы, коих знанья, вкус и ум
Блюли порядок наших дум,
В нас водворяли просвещенье!
Всем вам! Тебе ж, κατ' ἐξοχήν,[1]
Наставник наш, хвала и слава,
Душой воспитанник камен,
А телом ровня Болеслава,
Муж государственных наук!
Не удалося мне с тобою
Прощальный праздновать досуг
Вином и песнью круговою!
Там, там, где шумно облегли
Эстонский град морские волны,
В песчаном береге, вдали
Твоей отеческой земли,
Твой прах покоится безмолвный;
Но я как благо лучших дней
Тебя доныне вспоминаю
И здесь, с богинею моей,
Тебе, учитель, воздвигаю
Нерукотворный мавзолей!..

[1] По преимуществу (древнегреч.).— *Ред.*

. . . .
. . . .
Так вот мои воспоминанья,
Без торгу купленные мной!
Святого полный популанья,
С преобразившейся душой,
Бегу надолго в край родной,
Спасаю божьи дарованья.
Там, вольный родины певец,
Я просветлею жизнью новой
И гордо брошу мой лавровый,
Вином обрызганный венец!

Январь или начало февраля 1829

170. ПЕСНЯ

Пусть свободны и легки
Мчатся юности досуги!
Пейте, братья, пейте, други,
Удалые бурсаки!

В честь учености спесивой,
И тяжелой и пустой,
Сидя мирной чередой,
Пейте шрамовское пиво.

Вся беседа гордо встань:
Бурсе нашей знаменитой
Слава! Лейте пунш сердитый
В богатырскую гортань!

⟨За разгульную красотку,
За свободу наших дней!⟩
Улыбнись, бурсак, и пей
Сокрушительную водку.

Други-братья! вот оно —
Волхов, Тибр и Иппокрена:
В нем огонь, и шум, и пена —
Благодатное вино!

И струи его живыя
В честь красавицы своей
Всякий прямо в сердце лей,
И да здравствует София!

2 марта 1829

171. ПЕСНЯ

Когда умру, смиренно совершите
По мне обряд печальный и святой,
И мне стихов надгробных не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит, студенчески-шумна,—

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте о имени моем.

Всё тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

22 марта 1829

172. ПЕСНЯ

Дороже почестей и злата
Цени свободу бурсака!
Не бойся вражьего булата,
Отважно стой и мсти за брата
И презирай клеветника!

Люби трудов благую сладость,
Науки, песни и вино;
Одной красавице — всю младость:
С ней мрак и свет, печаль и радость,
Уста и сердце заодно!

Но бодро кинь сей мир прекрасный,
Когда зовет родимый край:
За Русь святую в бой ужасный,
Под меч судьбины самовластной
Иди и живо умирай!

Цвети же, Русь! Добро и слава
Тебе, отчизне бурсака!
Будь честью первая держава,
Всегда грозна и величава,
И просвещенна, и крепка!

23 марта 1829

173. ПЕСНЯ

Разгульна, светла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствует М⟨арья⟩ П⟨етровна⟩,
И ножка, и ручка ея!

Как розы денницы живые,
Как ранние снеги полей —
Ланиты ее молодые
И девственный бархат грудей.

Как звезды задумчивой ночи,
Как вешняя песнь соловья —
Ее восхитительны очи
И сладостен голос ея.

Блажен, кто, роскошно мечтая,
Зовет ее девой своей;
Блаженней избранников рая
Студент, полюбившийся ей!

23 марта 1829

174. ПЕСНЯ

Я жду тебя, когда вечерней мглою
Спокойные темнеют небеса,
Луна встает за дальнею горою,
Молчат холмы, долины и леса —
Я жду тебя, Зефир!

В тот час, одна, таинственно блуждая
По царству мглы, безмолвия и сна,
Тиха, как дух, красавица младая
Является близ моего окна —
Я жду тебя, Зефир!

Ты обойми прохладой вешней ночи
Ее чело, с него покров отвей
И мне открой задумчивые очи,
Уста и грудь красавицы моей —
Я жду тебя, Зефир!

Оглянется — и милым взглядом встретит
Любви ее преследующий взгляд,
И мрак души надежда мне осветит,
И вновь мои восторги закипят —
Я жду тебя, Зефир!

9 мая 1829

175. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

В последний раз приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди вас;
Сей говор чаш — свободной дружбы глас —
Сей крик и шум — разлив души бурсацкой —
Приветствуют меня в последний раз.

Заутро день засветится мне новый;
Свежо вздохнет младая грудь моя;
Веселыми очами встречу я
Родимые долины и дубровы...
Где ж вы, мои разгульные друзья!

Могучий бог ведет меня далече
От вас, моих сограждан-бурсаков!

Найду ли где поэзию трудов,
Наш дивный быт и пламенное вече
Живую жизнь и мысли без оков?

О! будь же вам звездою путеводной,
Друзья мои, свобода юных лет.
Да радостно, средь удалых бесед,
Она хранит ваш дух своенародный
И сумрачный вам озаряет свет.

А мне, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про вас и Дерпт, про милые места,
Где я гулял, младой и вдохновенный,
И с вами пел: всё миг и суета!

10 мая 1829

176. А. В. Т⟨ИХВИНСКОМ⟩У

Как знать, куда моя дорога
На тайном поприще земли?
Навечно ль душу мне зажгли
Огни дельфического бога?
Пройдут ли с младостью певца
И сила чувств, и жажда славы,
Иль покорят меня уставы
Жены хромого кузнеца?
Иль рок дела мои прославит,
Меня спокойно переправит
Чрез волны жизненных забот,
И в искушенье не введет,
И от лукавого избавит?—
Что будет — будет! Но клянусь
Тем вечным промыслом, тем богом,
Который правит нашу Русь
И помогает ей во многом:
В стране, где нравственно добра,
Всему покорна, всем довольна,
Живет, мила и бескрамольна,
И процветает немчура;
В стране, где богу просвещенья
Благословенный государь

Для православного служенья
Поставил пламенный алтарь,—
Здесь благодетельные годы
Сияли юности моей,
Здесь я нашел дары свободы,
Богиню песен и друзей;
Здесь поэтическое пьянство
Да мир могущественных дум
Мне заменяли света шум,
Любви восторги и жеманство!
Найду ль богов моих, когда
Сию страну и вас покину
И незнакомая звезда
Определит мою судьбину?
Но я душой не изменюсь:
Священны мне всегда и всюду
Науки, вольность, ум и Русь,—
Итак, я вас не позабуду!

Между январем и маем 1829

177. К⟨АРОЛИН⟩Е К⟨АРЛОВН⟩Е Я⟨НИШ⟩

В былые дни от музы песнопений
В кругу друзей я смело принимал
Игривых снов, веселых вдохновений
Живительный и сладостный фиал.

Тогда, не знав боязни осуждений
И прелести взыскательных похвал,
Сын вольных дум и ясных впечатлений,
Мой гордый стих торжественно стоял.

Здесь, окружен великих именами,
Он трепетен, падущий перед вами.
Так, с торжища сует возведена
Пред клиросы молебного чертога,
Душа дрожит, таинственно полна
Присутствием созвавшего их бога!

Май или июнь 1829

178

Украйны, некогда свободной
И поэтически живой,
Цевницы хитрою игрой
Вы предаете дух народный;
Как дивен новый ваш рассказ,
Как просты древние напевы!
Но в наши дни поймут ли вас
Украйны юноши и девы?
Так, не к пленительным мечтам
Меня будили вы, и втайне
Хотя завидовал я вам,
Но не завидовал Украйне!

1 июня 1829

179. ЭЛЕГИЯ

Тот не поэт, в ком не пробудит
Восторгов нежных, снов и мук
Твоих речей волшебный звук;
Тот не поэт, кто не забудет
Судьбы и вольности своей,
Всех дум, и смелых и надменных,
Постигнут искрой сих очей,
Победоносных, вдохновенных!
Блажен, кто грудью молодой,
Кто сладострастными устами...
Но ты смеешься над мольбами,
Воспламененными тобой;
Ты прерываешь грозным взглядом
Сердечный юноши привет,—
И полон мужеством и хладом
Ему нежданный твой ответ.

1829

180. ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,—
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

1829

181. ЭЛЕГИЯ

Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь —
И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
Сапфирами твоих возвышенных очей,
И пурпуром ланит, и золотом кудрей,
И перлами зубов, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подруг и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, как в тишине благословеньем ночи
Смежаются твои лазоревые очи,
Как тайные мечты не дремлют — и любовь
Воспламеняет их и гасит вновь и вновь?
Я знаю: это он, младый и чернобровый,
Прекрасный девственник, надменный и суровый;
Им соблазнилась ты. Он манием руки

Смиряет конские разбеги и прыжки;
Он метко боевым булатом управляет,
И в час, как хладными лучами осыпает
Полночная луна недвижимый залив,
Он, смелые стопы железом окрилив,
Один, на звонком льду, меж сонными брегами,
Летает с края в край проворными кругами.
О нем мечтаешь ты; твой небезгрешный сон
То нежно скрашен им, то жарко возмущен:
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух — медленно уста твои целуют!

1829

182. ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА

Кипят и блещут фински волны
Перед могилою твоей;
Широким пологом над ней
Склонили сосны, мрака полны,
Печальный шум своих ветвей,—

Так жизнь пленительным волненьем
В тебе кипела молодом;
Так ты блистал своим умом,
И самобытным просвещеньем,
И поэтическим огнем.

Но рано, рано годы злые
Тебя настигнули толпой
И темны стали над тобой,
Как эти сосны гробовые,
Угрюмой движимы грозой.

Цепями нужд обремененный,
Без друга, в горе и слезах
Погиб ты... При чужих водах
Лежит, безгласный и забвенный,
Многострадальческий твой прах.

О! мне ль забыть тебя! Как сына,
Любил ты отрока меня;
Ты предузнал, кто буду я
И чтó прекрасного судьбина
Мне даст на подвиг бытия!

Твои радушные заботы
Живое чувство красоты
Во мне питали; нежно ты
Лелеял первые полеты
Едва проснувшейся мечты.

Лета прошли. Не камню предал
Ты семена благих трудов:
Для светлой жизни я готов,
Я сердцем пламенным уведал
Музы́ку мыслей и стихов!

Прими ж привет мой благодарный
За много, много красных дней,
Блестящих в памяти моей,
Как образ месяца янтарный
В стекле играющих зыбей!

1829

183. ЭЛЕГИЯ

Язык души красноречивый,
Восторга пламенный полет,
Стихов и мыслей переливы
И силу их — она поймет;
Но велика ль ее награда
За вдохновение любви...
Порой два-три небесных взгляда,
И то при вас, друзья мои!

1829

184. А. И.

Влюблен я, дева-красота!
В твой разговор, живый и страстный,
В твой голос ангельски-прекрасный,
В твои румяные уста!

Дай мне тобой налюбоваться,
Твоих наслушаться речей,
Упиться песнию твоей,
Твоим дыханьем надышаться!

1829

185. К А. Д. В—У

Пред вашими глазами
Стоит приятель мой,
Смотрите, вот какой:
Опрысканный духами,
Причесан мастерски,
Немного вас пониже,
Одетый как в Париже
И смотрит сквозь очки;
С учтивостью парадной
Играет шляпой он —
И головой помадной
Вам от меня поклон.
Глаза его сверкают
Блистательным огнем
И с гордостью взирают,
Показывая в нем
Писателя-поэта;
Он духом — либерал,
Ногами он — для света,
А головой — журнал.
Он славу здесь большую
Достал своим пером,
Его рекомендую
И вас прошу об нем:
Примите как родного
(Он дед мне по стихам,
Писателя дурного
Я не послал бы к вам).
Он свет и женщин знает,
Из секты остряков,—
Итак, имеет средства
На балах ваших быть,
И дам и дев кокетства
Вниманье заслужить.
Прошу вас — отведите
Его в дворянский круг,
Ласкайте и любите:
Он мой судья и друг;
Надеюсь, что, конечно,
Он в вас меня найдет,
И с радостью сердечной
Благодарю вперед.

1820-е годы

186. К А. А. Р—У

Письма сего податель —
Давнишний мой приятель;
Прошу его принять
Как моего собрата
Под тихий кров пената,
Любить и обласкать.
Он служит на Парнасе
Судьею русских муз,
Имеет тонкий вкус
И боек на Пегасе;
Как автор недурной
В журналах он известен,
Пленяет остротой,
И слог его прелестен;
Измайлова журнал,
К падению готовый,
Он славно поддержал
И в свой венок лавровый
Ввязал листок дубовый —
Знак мужества и сил.
С мужчинами он важен,
В собраньи дам — он мил,
В кругу девиц — отважен;
Остер, как Аруэт,
Учен, как пиэриды,
И с юношеских лет
Усердный жрец Киприды;
Но, впрочем, как поэт,
Любовию небесной
Он любит пол прелестный;
Неумолимый враг
Безумцу Эпикуру,
Он в пафосе монах
И жертвует Амуру
Не страстию мирской,
Не пылкостью нахальной,
Но тихою мечтой
Души сентиментальной.

Итак, любезный мой!
Прошу его привета;
В толпу большого света

Его введите: он
Здесь дам интересует,
Как ангел вальсирует,
В мазурке — Аполлон
И, верно, очарует
Собою ваших дам.
Поверите ль? Я сам,
Как вместе с ним учился,
Его лихим ногам,
Завидуя, дивился
И от души сердился,
Зачем не дал мне бог
Таких чудесных ног.

Надеюсь я, что вами
Доволен будет он
И с честию введен
В тот храм, где жрец вы сами,
То есть в симбирский свет,—
Тогда, клянусь богами,
Хвалебными стихами
Давнишний ваш поэт
В послании пространном
Поклон отправит вам
И в сердце постоянном
Воскурит фимиам
Отеческим богам.

1820-е годы

187. ЭЛЕГИЯ

Мне ль позабыть огонь и живость
Твоих лазоревых очей,
Златистый шелк твоих кудрей
И беззаботную игривость
Души лирической твоей?

Всегда красой воспоминаний,
Предметом грусти, сладких снов
И гармонических стихов
Мне будет жар твоих лобзаний
И странный смысл прощальных слов.

Но я поэт — благоговею
Пред этим именем святым,
Пусть буду век тобой любим,
Пусть я зову тебя своею,
Ты назови меня своим!

⟨1830⟩

188. А. Н. Т⟨АТАРИНОВ⟩У

Здорово, брат! Поставь сюда две чаши;
Наполним их и вместе вознесем
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!
В моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мне ль разлюбить безоблачные дни
Отважных дум, разгульных вдохновений,
Живых трудов и просвещенной лени?
Волшебные, зачем прошли они?

Так — за него, за этот мир прекрасный!
Всё, чем судьба возвышена моя,
Что в ней земным оковам не подвластно,
Всё чистое, святое бытия,
Чем радостно пылают мысли юны,
Чем движутся божественные струны,
Всё, чем живет и действует поэт,—
Моей душе явил он, светозарный...
И здесь, его питомец благодарный,
Творю ему заздравный мой привет!

Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляет нас;
Будь радостен, ему в воспоминанье,
Меня с тобой соединивший час —
И, яркими увенчана мечтами,
Та райская надежда перед нами
Заблещет вновь — и вновь поверим ей,
Что для всего земного перехода
Нам станет чувств, которые свобода
В нас развила по милости своей.
Таков булат в браннолюбивой длани —
Несокрушим, однажды закален!

Свершилися плоды моих желаний,
Сбылся души благословенный сон!
И вот они, места мои родные...
Кругом леса и горы меловые;
По скатам их разбросано село;
Вон божий храм, и барский дом, и нивы,
Луга, реки подгорные извивы
И двух прудов спокойное стекло.

Где ж вы, мои товарищи и други?
По-прежнему ль увеселяют вас
И тихий труд, и шумные досуги,
И родины красноречивый глас?
Наш лучший друг, пирует ли он с вами,
Он, видевший учеными глазами
Златой Иран, и патриарха гор,
И над его священной головою,
Ночных светил блистающий красою,
Торжественный, лазоревый шатер?

Дай руку, брат! в виду страны родимой
Мы повторим отрадный свой обет
Еще узреть тот край, всегда любимый,
Привольное гульбище юных лет,
Рассадник чувств и помыслов высоких!
Обнимем вновь своих друзей далеких,
Их в бурную беседу соберем —
И чокнутся приветственные чаши
За Дерпт, и муз, и наслажденья наши,
Свободные, кипевшие вином!

30 января 1830

189. ХОР, ПЕТЫЙ В МОСКОВСКОМ БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ ПО СЛУЧАЮ ПРЕКРАЩЕНИЯ ХОЛЕРЫ В МОСКВЕ

Велик господь! Земля и неба своды —
Свершители судеб его святых!
Благословен, когда казнит народы,
Благословен, когда спасает их.

Пославший нам годину искушенья
Не до конца рабов своих карал,—
Нам воссиял желанный день спасенья,
День милости господней воссиял.

Велик господь! К нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звон!
Ему хвалу играйте песен звуки!
Велик господь! И свят его закон!

Февраль 1830

190. К А. Н. Т⟨АТАРИНОВ⟩У

Не вспоминай мне, бога ради,
Веселых юности годов
И не развертывай тетради
Моих студенческих стихов!
Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мне дано
Той жизни мило-забубенной
Изведать крепкое вино!
Успех трудов и песнопенье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;
Тогда мои пленяла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одетая в черты
Богинь божественной Геллады.
Как гордо радовался я!
Как вдохновенно сердце билось!
А ныне!.. Всё переменилось,
Жизнь и поэзия моя! —
Гляжу печальными глазами
На вялый ход мне новых дней
И славлю смертными стихами
Красавиц родины моей!
Не так ли сын богатырей,
Им изменивший богохульно,
Недужен телом и душой,
Из чаши прадеда разгульной
Пьет охладительный настой?

Между январем и мартом 1830

191. ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена,—
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от брега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло...
Тщетно! Бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;
Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно гибели послушный,
У́брал он свое весло;
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена,—
То стеклянная стена
О скалы́ раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Первая половина 1830

192

Вам нравится обычай амазонской,
Наполнив грудь отвагою мужской,
Коня смирять надежною рукой
И бойко по полям носиться прытью конской.

Предвижу я — придет веселый час,
Как вы, пустив бразды наудалую,
Обгоните подругу молодую
И утомите взор, преследующий вас;

Как сладостно, усталы от ристанья,
Умерив ход послушного коня,
Вы будете мерцающего дня
Прохладные в себя вдыхать благоуханья.

О да хранят властители небес
Вас, едущих в раздолье думы тихой,
Вас, по долам рисующихся лихо,
Вас, гордо скачущих с утеса на утес!

И этот хлыст — симво́л самодержавья —
Примите вы,— пускай его удар
Дает коню ретивый бег и жар
И разом ставит их в границы благонравья!

8 августа 1830

193. ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ XIV

Кому, о господи! доступны
Твои Сионски высоты́?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи целомудренны мечты;
Кто дел своих ценою злата
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал;
Но верой в бога укреплялся,
Но сердцем чистым и живым
Ему со страхом поклонялся,
С любовью плакал перед ним!

И свят, о боже, твой избранник!
Мечом ли руку ополчит?
Велений господа посланник,
Он исполина сокрушит!
В венце ли он — его народы
Возлюбят правду; весь и град

Взыграют радостью свободы,
И нивы златом закипят!
Возьмет ли арфу — дивной силой
Дух преисполнится его
И, как орел ширококрылый,
Взлетит до неба твоего!

3 сентября 1830

194. ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXXXVI

В дни плена, полные печали,
На Вавилонских берегах,
Среди врагов мы восседали
В молчанье горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».

Нет! Свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
И не даем на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь, струны сладкогласны,
Разбейся, звонкий мой тимпан!

Окаменей, язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой закон,
Напомяни сынам Эдома
День, опозоривший Сион,

Когда они в весельи диком
Убийства, шумные вином,
Нас оглушали грозным криком:
«Всё истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!

Кто в дом тирана меч и пламень
И гибель грозную внесет!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьет!

1830

195. НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. П⟨УШКИН⟩А

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветиных времен,—

Нас, полных юности и вольных,
Там было трое: два певца
И он, краса ночей застольных,
Кипевший силами бойца;
Он, после кинувший забавы,
Себе избравший ратный путь
И освятивший в поле славы
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечинёный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;

Диван под образом в углу
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! взял свое токай,
Шумней удалая пирушка.
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Ты расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало! Слава богу,
Земля вертѝтся. У людей
Всё коловратно; понемногу
Всё мудрене́й и мудрене́й.

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.

Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

1830

196. РАССВЕТ

Не полон наш разгул, не кончен пир ночной:
Не всех нас обошел звук песни круговой,
Не всем поднесены приветственные чаши!
Смелей и радостней заблещут взоры наши,
Смелей и радостней воспламенится ум,
Шумнее закипят избытком чувств и дум
И разбушуются живые наши речи.
Но вот, златого дня воздушные предтечи,
Краснеют облаков прозрачные струи,—
Покинем шум сует, товарищи мои!
Прервем бренчанье чаш и песни удалые!

Туда, где небеса просторней голубые
И солнечный восход пышнее из-за гор
Над скатами лесов и купами озер,
Туда, на высь холма! Там утренней прохлады
В живительных волнах омоем наши взгляды,
Горячие уста и груди освежим.
Пойдем, товарищи! Оттоле мы узрим,
Как с розовым лицом, с веселыми очами,
Перед широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и негой убрана,
Красуется земля, восставшая от сна.

1830

197. ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она
Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный — журчит и замирает,
Как он кипит — веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,
Крути́шь главой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На чистое живое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

25 марта 1831

198. ЭЛЕГИЯ

Т. Д.

Блажен, кто мог на ложе ночи
Тебя руками обогнуть;
Челом в чело, очами в очи,
Уста в уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепет
Лобзаньем пылким прерывал
И смуглых персей дикий трепет
То усыплял, то пробуждал!..
Но тот блаженней, дева ночи,
Кто в упоении любви
Глядит на огненные очи,
На брови дивные твои,
На свежесть уст твоих пурпурных,
На черноту младых кудрей,
Забыв и жар восторгов бурных,
И силы юности своей!

26 марта 1831

199. ПЕРСТЕНЬ

Т⟨атьян⟩е Д⟨митриевн⟩е

Да! как святыню берегу я
Сей перстень, данный мне тобой
За жар и силу поцелуя,
Тебя сливавшего со мной;
В тот час (забудь меня камена,
Когда его забуду я!),
Как, на твои склонясь колена,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мне и пела,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо в очи мне глядела
Очами, полными огня;
Но что ж? Так пылко, так глубоко,
Так вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангел черноокой,
Одну тебя, одну тебя,—
Один ли я твой взор умильный
К себе привлек? На мне ль одном

Твои объятия так сильно
Живым свиваются кольцом?
Ах, нет! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мне тобой,
Воспоминанье поцелуя,
Тебя сливавшего со мной!

26 марта 1831

200. И. В. КИРЕЕВСКОМУ

Молод ты! Ну что, что молод?
Размышленьем и трудом
Твой талант уж перемолот
И просеян: сила в нем!
Ты для мерзкого нахала,
И жида, и пришлеца,
И для пылкого глупца,
И невежды-самохвала,
И огромного враля,—
Остротой его заквасишь,
Да наукою подкрасишь,
И задашь им киселя!

Сентябрь 1831

201. Е. А. С⟨ВЕРБЕЕВ⟩ОЙ

Мысль неразгульного поэта
Является божественно-стройна,
В живые образы одета,
Святым огнем озарена.
Счастли́в, кто силен ей предаться,
Тот, чья душа спокойна и чиста,
Да в ней вполне изобразятся
Ее гармония, и свет, и чистота.
Так вы блистательно-прекрасны...
А что мой стих? Питомец буйных лет
И проповедник разногласный
Мирских соблазнов и сует!
Доныне пьяными мечтами
Студент кипеть не перестал —
И странны были бы пред вами
Вакхический напев и хмель его похвал.

Но, чужд святому вдохновенью,
Он ведает, где небо на земле;
Но место есть благоговенью
На удалом его челе,
И, полн таинственной отрады,
Усердно вам приносит он
Свои потупленные взгляды,
Смутившуюся речь и робкий свой поклон.

Октябрь или ноябрь 1831

202

Поэт, вхожу я горделиво
В твой достопамятный альбом;
В нем становлюсь красноречиво:
Тепло и весело мне в нем!
И вот тебе привет заздравный
На много лет, ночей и дней!
Живи и действуй православно
Во славу родины своей:
Ты взор и ум трудолюбивый
В дела минувшие вперишь,
И пересмотришь их архивы,
И старину разговоришь,
И дашь нам вести не чужие
И думы верные об ней:
Да чисто русская Россия
Пред нами явится видней!
Иди, трудись — и дай мне руку!
Не в том вся жизнь и честь моя,
Что проповедую науку
Свободно-шумного житья
И сильно-пьяного веселья —
Ученье младости былой.
Близка пора: мечты похмелья
Моей камены удалой
Пройдут; на новую дорогу
Она свой глас перенесет
И гимн отеческому богу
Благоговейно запоет,

И древность русскую, быть может,
Начнет она провозглашать.
Тогда — не правда ль? — мне поможет
Твоей приязни благодать!

21 ноября 1831

203. М. А. МАКСИМОВИЧУ

Свобода странно воспитала
Мою поэзию: она
Ее пристрастно поливала
Струями славного вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прямила — и порой
Благоуханными устами
С нее сдувала прах земной.
Я благодарен горделиво
Ей за радушные труды;
И сам я вижу — и не диво,
Что пьяны вызрели плоды.

29 ноября 1831

204. ПОЖАР

А. П⟨етерсону⟩

Ты помнишь ли, как мы на празднике ночном,
Уже веселые и шумные вином,
Уже певучие и светлые, кругами
Сидели у стола, построенного нами?
Уже в торжественный и дружеский наш хор
Порой заносчивый врывался разговор;
Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко над столом состукивались чаши
И, разом кинуты всей силою плеча,
Скакали по полу, дробяся и бренча;
Восторг, приветы, спор, и крик, и рукожатья!
Разгуливались мы, товарищи и братья!
Вдруг — осветило нас; тревожные встаем:
Так, это не заря. Восток не там! Идем.
Картина пышная и грозная пред нами:
Под громоносными ночными облаками,

Полнеба заревом багровым обхватив,
Шумел и выл огня блистательный разлив.
В тот час, дрожащая на резком ветре ночи,
Она, красавица — лазоревые очи,—
Чье имя уж давно, по стогнам и садам,
В припевах удалых сопутствовало нам,—
Глядела, как, ее светлицу охраняя,
Друг другу хладную волну передавая,
Усердно юноши работали. В тот час
Могущество любви познал я в первый раз.
Как быстро все мои надежды закипели!
Как весело мечты взвились и полетели,
Младые, вольные, бог ведает куда!

О, будь пленительна и радостна всегда
Та, чей небесный взор меня во дни былые
Соблазнами любви очаровал впервые!
Как прежде, будь ясна лазурь ее очей!
Как прежде, белизну возвышенных грудей
Струями, локоны, златыми осыпайте!
Ланиты и уста, цветите и пылайте!
Пусть девственник ее полюбит молодой,
Цветущий здравием, и силой, и красой,—
И нежная падет могучему в объятья,
И всех забудет нас, товарищи и братья!..

1831

205. ПЕСНЯ

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой;
Он сладостно беседовал с друзьями;
Он красоту боготворил душой;
Он воспевал счастливыми стихами
Харит, вино, и дружбу, и покой.

Блажен, кто знал разумное веселье!
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто с музами делил свое безделье,
Кому любви прохладные уста
Свевали с вежд недолгое похмелье,
И с ним — его довольная мечта!

И в честь ему на будущие лета
Не худо бы сей учредить обряд:
Порою звезд и месячного света
Мы сходимся в благоуханный сад
И там поем любимый гимн поэта,
И до утра фиалы прозвенят!

Пусть видит мир, как наших поминают,
Как иногда свирели звук простой
Да скромный хмель и мирт переживают
Победный гром и памятник златой,
И многие, уж заодно, познают,
Что называть мирскою суетой.

1831

206. ИМ

Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в разгульном хоре звуков,
Целы, счастливы, они
Будут жить у дальних внуков,
Прославляя наши дни:
Там на юношеском пире
Слово молвится подчас
В похвалу и гордой лире,
Веселившейся о вас,—
И при громе восклицаний
В честь увенчанных имен,
Сбереженных без прозваний
Умной людскостью времен,
Кстати вместе возгласится
Имя доброе мое
И поэту наградится
Всё подлунное житье!

1831

207. БЕССОННИЦА

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна,
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.

Ты ль, приют восторгам нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей!

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,
Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

1831

208. К⟨АРОЛИН⟩Е К⟨АРЛОВН⟩Е ЯНИШ

Вы, чьей душе во цвете лучших лет
Небесные знакомы откровенья,
Всё, чем высок полет воображенья,
    Чем горд и пламенен поэт,—

И два венка, один другого краше,
На голове свилися молодой,
Зеленый лавр поэзии чужой
    И бриллианты музы вашей!

Вы силою волшебной дум своих
Прекрасную торжественность мне дали,
Вы на златых струнах переиграли
    Простые звуки струн моих.

И снова мне и ярче воссияла
Минувших дней счастливая звезда,
И жаждою священною труда
    Живее грудь затрепетала.

Я чувствую: завиден жребий мой,
Есть и во мне благословенье бога,
И праведна житейская дорога,
    Беспечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску мира,
Не слушаю слепой его молвы:
Я выше их... Да здравствуйте же вы
    И ваша творческая лира!

1831

209. И. В. К⟨ИРЕЕВСКОМУ⟩

Щеки нежно пурпу́ровы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы
Пряди легкие кудрей;
Взор приветливо сияет,
Разговорчивы уста;
В ней красуется, играет
Юной жизни полнота!
Но ее на ложе ночи,
Мой товарищ, не зови!
Не целуй в лазурны очи
Поцелуями любви:
В них огонь очарований
Носит дева-красота;
Упоительных лобзаний
Не впивай в свои уста:
Ими негу в сердце вдует,
Мглу на разум наведет,
Зацелует, околдует
И далеко унесет!

1831

210. НА СМЕРТЬ БАР. А. А. ДЕЛЬВИГА

Там, где, картинно обгибая
Брега, одетые в гранит,
Нева, как небо голубая,
Широководная шумит,
Жил-был поэт. В соблазны мира
Не увлеклась душа его;
Шелом и царская порфира
Пред ним сияли — он кумира
Не замечал ни одного:
Свободомыслящая лира
Ничем не жертвовала им,
Звуча наитием святым.

Любовь он пел: его напевы
Блистали стройностью живой,
Как резвый стан и перси девы,
Олимпа чашницы младой.
Он пел вино: простой и ясный
Стихи восторг одушевлял;
Они звенели сладкогласно,
Как в шуме вольницы прекрасной
Фиал, целующий фиал;
И девы русские пристрастно
Их повторяют — и поэт
Счастли́в на много, много лет.

Таков он был, хранимый Фебом,
Душой и лирой древний грек.
Тогда гулял под чуждым небом
Студент и русский человек;
Там быстро жизнь его младая,
Разнообразна и светла,
Лилась; там дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своим пророком назвала
И, на добро благословляя,
Цветущим хмелем убрала
Веселость гордого чела.

Ей гимны пел он. Громки были!
На берег царственной Невы

Не раз, не два их приносили
Уста кочующей молвы.
И там поэт чистосердечно
Их гимном здравствовал своим.
Уж нет его. Главой беспечной
От шума жизни скоротечной,
Из мира, где всё прах и дым,
В мир лучший, в лоно жизни вечной
Он перелег; но лиры звон
Нам навсегда оставил он.

Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.
Я счастлив ими! Вдохновенья
Уж стали жизнию моей!
Прими сей глас благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Из милой памяти людей
Уйдут в несносный мрак забвенья
Все, все!.. Но лучшее, одно
Да не погибнет: вот оно!

1831

211. АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Ты, мной воспетая давно,
Еще в те дни, как пел я радость
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино,—
Тебе привет мой издалеча,
От москворецких берегов
Туда, где звонких звоном веча
Моих пугалась ты стихов;
Где странно юность мной играла,
Где в одинокий мой приют
То заходил бессонный труд,
То ночь с гремушкой забегала!

Пестро, неправильно я жил!
Там всё, чем бог добра и света
Благословляет многи лета
Тот край, всё: бодрость чувств и сил,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шум, праздность, лень — я слил
В одну торжественную чашу,
И пил да пел... Я долго пил!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангел рая!
Тебя, звезду мою, найдет
Поэта вестник расторопный,
Мой бойкий ямб четверостопный,
Мой говорливый скороход;
Тебе он скажет весть благую.
Да, я покинул наконец
Пиры, беспечность кочевую,
Я, голосистый их певец!
Святых восторгов просит лира —
Она чужда тех буйных лет
И вновь из прелести сует
Не сотворит себе кумира!

Я здесь! — Да здравствует Москва!
Вот небеса мои родные!
Здесь наша матушка-Россия
Семисотлетняя жива!
Здесь всё бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Всё, всё!.. Да здравствует Москва!

Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и башен,
Бойниц, соборов и палат!
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины,
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!

Сюда! на дело песнопений,
Поэты наши! Для стихов
В Москве ищите русских слов,
Своенародных вдохновений!

Как много мне судьба дала!
Денницей ярко-пурпуро́вой
Как ясно, тихо жизни новой
Она восток мне убрала!
Не пьян полет моих желаний;
Свобода сердца весела.
И стихотворческие длани
К струнам — и лира ожила!

Мой чернобровый ангел рая!
Моли судьбу, да всеблагая
Не отнимает у меня:
Ни одиночества дневного,
Ни одиночества ночного,
Ни дум дея́тельного дня,
Ни тихих снов ленивой ночи!
И скромной песнию любви
Я воспою лазурны очи,
Ланиты свежие твои,
Уста саха́рны, груди полны,
И белизну твоих грудей,
И черных девственных кудрей
На ней блистающие волны!

Твоя мольба всегда верна;
И мой обет — он совершится!
Мечта любовью раскипится,
И в звуки выльется она!
И будут звуки те прекрасны,
И будет сладость их нежна,
Как сон пленительный и ясный,
Тебя поднявший с ложа сна.

1831

212. ВОСПОМИНАНИЕ ОБ А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Ее уж нет, но рай воспоминаний
Священных мне оставила она:
Вон чуждый брег и мирный храм познаний,
Каменами любимая страна;
Там, смелый гость свободы просвещенной,
Певец вина, и дружбы, и прохлад,
Настроил я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный лад —
И вторились напевы удалые
При говоре фиалов круговых!
Там грудь моя наполнилась впервые
Волненьем чувств заветных и живых
И трепетом, томительным и страстным,
Божественной и сладостной любви.
Я счастлив был: мелькали дни мои
Летучим сном, заманчивым и ясным.

А вы, певца внимательные други,
Товарищи, как думаете вы?
Для вас я пел немецкие досуги,
Спесивый хмель ученой головы
И праздник тот, шумящий ежегодно,
Там у пруда, на бархате лугов,
Где обогнул залив голубоводный
Зеленый скат лесистых берегов?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефир весны струил ночную тень,
Костер пылал — мы долго пировали
И, бурные, приветствовали день!
Товарищи! не правда ли, на пире
Не рознил вам лирический поэт?
А этот пир не наобум воспет,
И вы моей порадовались лире!

Нет, не для вас! — Она меня хвалила,
Ей нравились: разгульный мой венок,
И младости заносчивая сила,
И пламенных восторгов кипяток;
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преследовала их;
Когда она веселыми устами
Мой сча́стливый произносила стих —

Торжественна, полна очарованья,
Свежа,— и где была душа моя!
О! прочь мои грядущие созданья,
О! горе мне, когда забуду я
Огонь ее приветливого взора,
И на челе избыток стройных дум,
И сладкий звук речей, и светлый ум
В лиющемся кристалле разговора.

Ее уж нет! Всё было в ней прекрасно!
И тайна в ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистые дела;
Он чувствовал: возвышенные блага
Есть на земле! Есть целый мир труда,
И в нем надежд и помыслов отвага,
И бытие привольное всегда!
Блажен, кого любовь ее ласкала,
Кто пел ее под небом лучших лет...
Она всего поэта понимала —
И горд, и тих, и трепетен, поэт
Ей приносил свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались в хор созвучные слова:
Как фимиам, горело вдохновенье!

1831

213. КОНЬ

Жадно, весело он дышит
Свежим воздухом полей:
Сизый пар кипит и пышет
Из пылающих ноздрей.
Полон сил, удал на воле,
Громким голосом заржал,
Встрепенулся конь — и в поле
Бурноногий поскакал!
Скачет, блещущий глазами,
Дико голову склонил;
Вдоль по ветру он волнами
Черну гриву распустил.

Сам как ветер: круть ли встанет
На пути? Отважный прянет —
И на ней уж! Ляжет ров
И поток клубится? — Мигом
Он широким перепрыгом
Через них — и был таков!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избытком сил!
Ненадолго волны гривы
Вдоль по ветру ты пустил!
Ненадолго жизнь и воля
Разом бурному даны,
И холодный воздух поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковые,—
Скоро, скоро под замок!
Тешь копыта удалые,
Свой могучий бег и скок!

Снова в дело, конь ретивый!
В сбруе легкой и красивой,
И блистающий седлом,
И бренчащий поводами,
Стройно-верными шагами
Ты пойдешь под седоком.

1831

214. ЭЛЕГИЯ

Ночь безлунная звезда́ми
Убирала синий свод;
Тихи были зыби вод;
Под зелеными кустами
Сладко, дева-красота,
Я сжимал тебя руками;
Я горячими устами
Целовал тебя в уста;
Страстным жаром подымались
Перси полные твои;
Разлетаясь, развивались
Черных локонов струи;

Закрывала, открывала
Ты лазурь своих очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая к моей.

Под ночными небесами
Сладко, дева-красота,
Я горячими устами
Целовал тебя в уста...
Небесам благодаренье!
Здравствуй, дева-красота!
То играло сновиденье,
Бестелесная мечта!

1831

215. ПОЭТ

Радушно рабствует поэту
Животворящая мечта:
Его любовному привету
Не веруй, дева-красота!
Раздумье лени или скуки,
Пустую смесь обычных снов
Он рядит в сладостные звуки,
В музы́ку мыслей и стихов;
А ты, мой чистый ангел рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Их гармоническую ложь;
Поверишь слепо чувствам ясным,
И сердца трепетом прекрасным
Сердечный голос ты поймешь;
Как мило взор его смиренный
Дичится взора твоего!
Кипят, тобою вдохновенны,
Восторги нежные его!

Уже давно под небесами
Ночная тень и тишина,—
Не спишь, красавица! мечтами
Ты беспокойными полна:
Чуть видны блестки огневые
Твоих лазоревых очей,

Блуждают кудри золотые
По скатам девственных грудей,
Ланиты рдеют пурпуро́вы,
Упали жаркие покровы
С младого стана и колен...
Вот день! — и бледная ты встала...
Ты не спала, ты всё мечтала...
А он, таинственник камен?
Им не играли грезы ночи,
И бодр и свеж проснулся он
И про любовь и черны очи
Уже выдумывает сон.

1831

216. С. С. ТЕПЛОВОЙ

Я знаю вас: младые ваши лета
Счастливою звездой озарены;
Вы любите великий мир поэта
    И гармонические сны;

Вам весело им вовсе предаваться,
Их обновлять роскошней и полней
И медленно и долго забываться
    В обманах памяти своей;

Вы знаете, как в хоры сладкогласны
Созвучные сливаются слова,
И чем они могучи и прекрасны,
    И чем поэзия жива;

Умеете вы мыслию своею
Чужую мысль далеко увлекать
И, праведно господствуя над нею,
    Ее смирять и возвышать;

Я знаю вас; но этими стихами
Приносится вам жертва не моя;
Я чувствую, смутился б я пред вами:
    Душой и сердцем робок я;

Но пламенно я музу обожаю,
Доступен мне возвышенный Парнас,
И наизусть лишь то вам повторяю,
Что говорится там про вас.

1831

217. МЕЧТАНИЯ

Поэта пламенных созданий
Не бойся, дева; сила их
Не отучнит твоих желаний
И не понизит дум твоих.
Когда в воздушные соблазны
И безграничные мечты,
В тот мир, всегда разнообразный
И полный свежей красоты,
Тебя, из тягостного мира
Телесных мыслей и забот,
Его пророческая лира
На крыльях звуков унесет,
Ты беззаботно предавайся
Очарованью твоему,
Им сладострастно упивайся
И гордо радуйся ему:
В тот час, как ты вполне забылась
Сим творческим, высоким сном,
Ты в божество преобразилась,
Живешь небесным бытием!

1831

218. ВИНО

Голосистая, живая
Чародейка молодая,
Удалая красота,
Как вино, вольнолюбива,
Как вино, она игрива
И блистательно чиста;
Как вино, ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,

Всю тоску она отгонит
И меня на ложе склонит
Беззаботной головой;
Сладки песни распевает
О былых, веселых днях,
И стихи мои читает,
И блестит в моих очах.

1831

219. ПОЭТУ

Когда с тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно им твоя трепещет грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебе на подвиг всё готово,
В чем на земле небесный явен дар,
Могучей мысли свет и жар
И огнедышащее слово,—

Иди ты в мир — да слышит он пророка,
Но в мире будь величествен и свят:
Не лобызай саха́рных уст порока
И не проси и не бери наград.
Приветно ли сияет багряница?
Ужасен ли венчанный произвол?
Невинен будь, как голубица,
Смел и отважен, как орел!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся с гремящих струн твоих;
В тех звуках раб свои́ забудет муки,
И царь Саул заслуша́ется их;
И жизнию торжественно-высокой
Ты процветешь — и будет век светло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Но если ты похвал и наслаждений
Исполнился желанием земным,—
Не собирай богатых приношений
На жертвенник пред господом твоим:

Он на тебя немилосердно взглянет,
Не примет жертв лукавых; дым и гром
Размечут их — и жрец отпрянет,
Дрожащий страхом и стыдом!

1831

220. КУБОК

Восхитительно играет
Драгоценное вино!
Снежной пеною вскипает,
Златом искрится оно!
Услаждающая влага
Оживит тебя всего:
Вспыхнут радость и отвага
Блеском взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляет голова,
И, как волны за волнами,
Из души польются сами
Вдохновенные слова;
Строен, пышен мир житейской
Развернется пред тобой...
Много силы чародейской
В этой влаге золотой!

И любовь развеселяет
Человека, и она
Животворно в нем играет,
Столь же сладостно-сильна:
В дни прекрасного расцвета
Поэтических забот
Ей деятельность поэта
Дани дивные несет;
Молодое сердце бьется,
То притихнет и дрожит,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнет, взовьется
И куда-то улетит!
И послушно имя девы
Станет в лики звучных слов,
И сроднятся с ним напевы
Вечнопамятных стихов!

Дева-радость, величайся
Редкой славою любви,
Настоящему вверяйся
И мгновения лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствует поэт!
Кубок взял: душе угодны
Этот образ, этот цвет;
Сел и налил; их ласкает
Взором, словом и рукой;
Сразу кубок выпивает
И высоко подымает,
И над буйной головой
Держит. Речь его струится
Безмятежно весела,
А в руке еще таится
Жребий бренного стекла!

1831

221. КАМБИ

Там, где внизу горы извивистый ручей
Бежит и пенится меж грудами корней;
Где горных берегов с песчаного уступа
Склонилася к нему берез и елей купа
И зыбким пологом, широким и густым,
Многоветвистая раскинулась над ним;
Там, в те часы, когда притихнут лес и воды,
Когда на ясные лазоревые своды
Серебряным шаро́м покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нежна,
Оденет берега в свой сумрак сладострастный,
И юноша пойдет к любовнице прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья миг,
Неся ей бурный жар объятий молодых,
Горячие уста и огненные очи,—
Там, в безмятежное, святое царство ночи,
Похитивший себя у множества сует,
У братий и вина, у праздничных бесед,
У шума вольницы и лени просвещенной,
Я, полон сладких дум, бродил, уединенный;
Там часто я вверял безмолвию лесов
Гармонию тобой настроенных стихов,

Тобой, красавица, хранительный мой гений,
Светило ясных дней, приволье вдохновений!
Ты первая меня поэтом назвала:
Как сильно грудь моя твой голос поняла,
Твой голос творческий,— младые силы встали,
Преобразился я, и очи засверкали!..
Но юные лета — прелестный, дивный сон,
Мой быстрый сон — прошли. Пред новый небосклон
Я перенес права студентского досуга;
Могу, сжимая длань товарища и друга,
Восторгом оживить беспечное чело —
И разом светлую надежду наголо!
Могу возобновлять пиры мои ночные...
Придут, усядутся гуляки удалые,
Вино заискрится в стакане круговом,
Беседа запоет, веселая вином...
Но та минувших лет божественная доля,
Та радость и печаль, та вольность и неволя,
Чем сердце и кипит и стынет вновь и вновь,
Ликует, нежится, беснуется — любовь
Не даст мне прежних дум и чистых наслаждений.
Благословляю ж вас, развесистые тени,
Вас, мирны берега подгорного ручья,
Где, под звездой любви, поэзия моя
В уединении счастливом развивалась,
Дышала свежестью, цвела и красовалась;
Тебя, кем полон сей признательный мой глас,
Вы, добрые мои,— благословляю вас!

1831

222. ПЛОВЕЦ

Воют волны, скачут волны!
Под тяжелым плеском волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
И расталкивает волны,
И скользит по склонам волн!

Их, порывами вздувая,
Буря гонит ряд на ряд;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумят,

Друг на друга набегая,
Отшибаяся назад!

Но глядите: перед нами,
Вдоль по темным облакам,
Разноцветными зарями
Отливаясь там и там,
Золотыми полосами
День и небо светят нам.

Пронесися, мрак ненастный!
Воссияй, лазурный свод!
Разверни свой день прекрасный
Надо всем простором вод:
Смолкнут бездны громогласны,
Их волнение падет!

Блещут волны, плещут волны!
Под стеклянным брызгом волн
Прям стоит наш парус полный,
Быстро мчится легкий челн,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонам волн!

1831

223. УТРО

Пурпуро́во-золотое
На лазурный неба свод
Солнце в царственном покое
Лучезарно восстает;
Ночь сняла свои туманы
С пробудившейся земли;
Блеском утренним поляны,
Лес и хо́лмы расцвели.
Чу! как ярко и проворно,
Вон за этою рекой,
Повторяет отзыв горный
Звук волынки полевой!
Чу! скрыпят уж воротами,
Выезжая из села,
И дробится над водами
Плеск рыбачьего весла.

Ранний свет луча дневного
Озарил мой тайный путь;
Сладко воздуха лесного
Холод мне струится в грудь:
Молодая трепетала,
Новым пламенем полна,
Нежно, быстро замирала —
Утомилася она!
Скоро ль в царственном покое
За далекий синий лес
Пурпуро́во-золотое
Солнце скатится с небес?
Серебристыми лучами
Изукрасит их луна,
И в селе, и над водами
Снова тень и тишина!

1831

224. СТАНСЫ

В час, как деву молодую
Я зову на ложе сна
И ночному поцелую
Не противится она,
Грусть нежданного сомненья
Вдруг находит на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественного дня.

Он сияет, день прекрасный,
В блеске розовых лучей;
В сенях леса сладкогласный
Свищет песню соловей;
Резвым плеском льются воды,
И цветут ковры долин...
То любовница природы,
То красавица годин.

О! счастли́в, чья грудь младая
Силой чувств еще полна;
Жизнь ведет его, играя,
Как влюбленная, нежна;

И, веселая, ласкает,
И, пристрастная к нему,
И дари́т, и обещает
Всё красавцу своему!

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на земле;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мгле.
О! друзья, что наша младость?
Чарка славного вина;
А забывчивая радость
Сразу пьет ее до дна!

1831

225. НА СМЕРТЬ А. Н. Т⟨ЮТЧЕВ⟩А

Огнем и силой дум прекрасных
Сверкал возвышенный твой взор;
Избытком чувств живых и ясных
Твой волновался разговор;
Грудь вдохновенно трепетала,
Надеждой славы горяча,
И смелость гордо поднимала
Твои могучие плеча!
Потухли огненные очи,
Умолкли вещие уста,
Недвижно сердце; вечной ночи
Тебя закрыла темнота.
Прощай, товарищ! Были годы,
Ты чашу сладкую пивал;
В садах науки и свободы
Ты поэтически гулял;
Там создал ты, славолюбивый,
Там воспитал, направил ты
Свои кипучие порывы,
Свои широкие мечты.
И в дальний шум иного мира
Тебя на громкие дела
Моя восторженная лира
Благословляла и звала;
Ее приветственному звуку
Как суеверно ты внимал,

Как жарко дружескую руку
Своею схватывал и жал!
Под сенью сладостного света,
Красуясь дивною красой,
В твоих очах грядущи лета
Веселой мчались чередой;
В их утомительном обмане
Ты ясно жребий свой читал,
Им надмевался — и заране
Торжествовал и ликовал.
Пришли — и вот твоя могила!
Крылатых мыслей быстрота,
Надежды, молодость и сила —
Всё тлен, и миг, и суета!

1831

226. ВАСИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЕЛАГИНУ

Светло блестит на глади неба ясной
Живая ткань лазури и огня,
Симвóл души, проснувшейся прекрасно,
Заря безоблачного дня;
Так ты мечту мне сладкую внушаешь;
Пленителен, завиден твой удел —
Среди наук ты гордо возмужаешь
Для стройных дум и светлых дел;
От ранних лет полюбишь наслажденья,
Привольные и добрые всегда:
Деятельный покой уединенья
И независимость труда;
Младая грудь надежно укрепится
Волненьем чувств свободных и святых,
И весело, высоко разгорится
Отвага помыслов твоих,
И, гражданин торжественного мира,
Где не слышна земная суета,
Где ни оков, ни злата, ни кумира,
Душа открыта и чиста;
Где в тишине растут ее созданья,
Которым нет простора меж людей,—
Ты совершишь заветные желанья
Счастливой юности твоей.

О! вспомни ты в те сладостные лета,
Что я твою судьбу предугадал,
И слепо верь в пророчества поэта
И в правоту его похвал!

1831

227. А. П. ЕЛАГИНОЙ (ПРИ ПОДНЕСЕНИИ ЕЙ СВОЕГО ПОРТРЕТА)

Таков я был в минувши лета
В той знаменитой стороне,
Где развивалися во мне
Две добродетели поэта:
Хмель и свобода. Слава им!
Их чудотворной благодати,
Их вдохновеньям удалым
Обязан я житьем лихим
Среди товарищей и братий,
И неподкупностью трудов,
И независимостью лени,
И чистым буйством помышлений,
И молодечеством стихов.

Как шум и звон пирушки вольной,
Как про любовь счастливый сон,
Волшебный шум, волшебный звон,
Сон упоительно-раздольный,—
Моя беспечная весна
Промчалась. Чувствую и знаю:
Не целомудренна она
Была — и радостно встречаю
Мои другие времена!
Но святы мне лета былые!
Доселе блещут силой их
Мои восторги веселы́е,
Звучит заносчивый мой стих...
И вот на память и храненье,
В виду России и Москвы —
Я вам дарю изображенье
Моей студентской головы!

Конец февраля — 1 марта 1832

228. Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалыя,
Они мне милы, святы мне,—
Твои, которого Россия,
В свои годины роковыя,
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,
Где безмятежные живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой,
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней;
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

17 апреля 1832

229. Е. А. Т⟨ИМАШЕВО⟩Й

Молодая ученица
Беззаботного житья,
Буйных праздников певица,
Муза резвая моя,
Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вам:
Это дар ее заздравный
Вашей музе благонравной,
Вашим сладостным стихам!

Прелесть ваших песнопений
В неземное бытие,
В рай чистейших вдохновений
Заманила вновь ее.
Этот мир восторгов дивных,
Тихих, тайных, заунывных,
Независимо живой,
Вами пламенно воспетый,
Мир, где нежатся поэты,
Недовольные землей.

И она его знавала
Там, под небом прошлых дней,
И она его певала
Ради братий и друзей,
Громко ей рукоплескавших,
Ей радушно поверявших
Чувства юные свои,
Томны сны и сладки муки
Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этот мир полней и краше,
Чем житейский, но его
Утопил я в шумной чаше
Просвещенья моего!
И в раздольи наших оргий
Молодецкие восторги
Муза резвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братского житья!

С той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобум,
Словно прежде не знавала
Скромных чувств и лучших дум...
Прелесть ваших песнопений
Жажду чистых вдохновений
Пробудила снова в ней —
И красавице удалой
На гульбище грустно стало:
Жаль невинности своей!

1832

230. К . . .

Милы очи ваши ясны
И огнем души полны,
Вы божественно прекрасны,
Вы умно просвещены;
Всеобъемлющего Гёте
Понимаете вполне,
А не в пору вы цветете
В этой бедной стороне.
Ни ко вздохам вещей груди,
Ни к словам разумных уст
Нечувствительны здесь люди —
Человек здесь груб и пуст:
Много вам тоски и скуки.
Дай же бог вам долго жить —
Мир умнеет: наши внуки
Будут вас боготворить.

Между 1829 и 1833

231

Вы скоро и легко меня очаровали,
Не посмотрели вы на то, что я поэт,
И самовластно все мечты мои смешали
В одну мечту, в один любовный бред!
И много брежу я: с утра до самой ночи
Я полон вами; вы даруете мне сны.
Мне дивный образ ваш сверкает прямо в очи
В серебряном мерцании луны.

Цветущий младостью, прелестный, светлоокий,
С улыбкой на устах и сладостном челе,
Как мил он мне тогда, как действует глубоко
На сердце в тихой, лунной полумгле!
Томленье нежное на сердце он наводит,
И пробуждает он полночную мечту,
И перед ним она шалит и колобродит,
Так и летит на вашу красоту —
И что ж? Весь этот рай желаний сладострастных,
И треволнение, и жар души моей
Вы сделали одной улыбкой уст прекрасных
И мигом черных, пламенных очей!

Между 1829 и 1833

232. К ***

Живые, нежные приветы,
Великолепные мечты
Приносят юноши-поэты
Вам, совершенство красоты!
Их песни звучны и прекрасны,
Сердца их пылки,— но увы!
Ни вдохновенья сладострастны,
Ни бред влюбленной головы
Не милы вам! Иного мира
Жизнь и поэзию любя,
Вы им доступного кумира
Не сотворили из себя.
Они должны стоять пред вами
Безмолвны, тихи, смущены
И бестелесными мечтами,
Как страхом божиим, полны!

Между 1829 и 1833

233

На праздник ваш принес я два привета,
Две похвалы хранящим вас богам.
Во славу муз младые ваши лета
Обречены возвышенным трудам.

Я чувствую прекрасный долг поэта.
Гордяся им, я посвящаю вам
Игривый звук заздравного сонета,
Моей души усердный фимиам.

Краса и честь Москвы первопрестольной,
Вам юноши своей станицы вольной
Державную вручили булаву;

И весело мне перед вашим саном
Склонить свою казацкую главу,
Вскруженную любезным атаманом!

Между 1829 и 1833

234

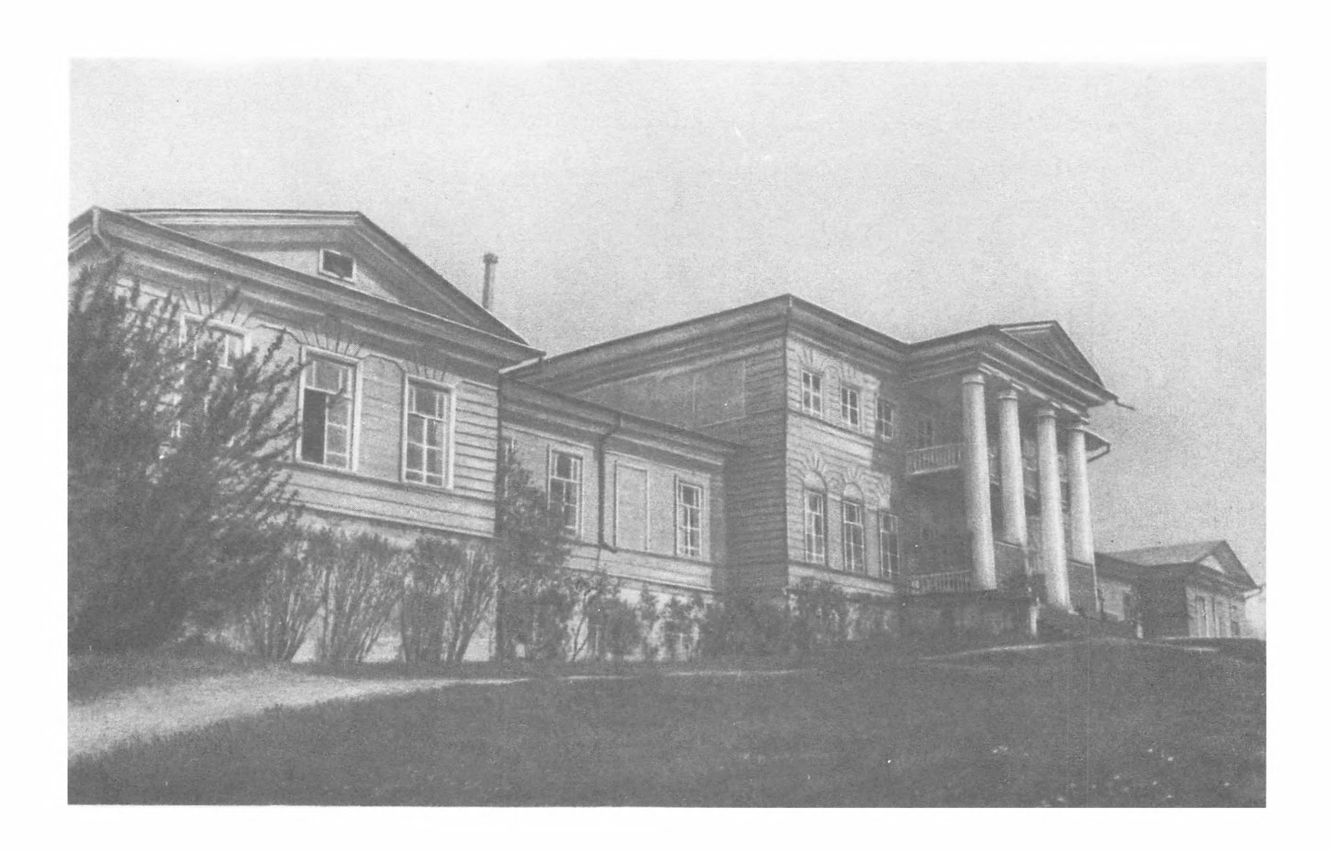
Увенчанный и пристыженный вами,
Благодарить не нахожу я слов;
Скажу одно: меж царскими венцами
Не видано прекраснейших венцов!
Пусть лаврами украшен я не буду,
Пусть сей венец поэту в шутку дан,
Но — ваш казак — я вечно не забуду,
Как пошутил со мной мой атаман.

Между 1829 и 1833

235. АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВУЛЬФУ

Прошли младые наши годы!
Ты, проповедник и герой
Академической свободы,
И я — давно мы жребий свой,
Немецки-шумный и живой,
Переменили на иной:
Тебя звала надежда славы
Под гром войны, в поля кровавы;
И вдруг оставил ты меня,
Ученый быт, беседы наши,
Застольны песни, пенны чаши —
И вспрянул гордо на коня!

А я — студенческому миру
Сказав задумчиво: прощай,
Я перенес разгульну лиру
На Русь, в отечественный край —
И там, в Москве первопрестольной,
Питомец жизни своевольной,
Беспечно-ветреный поэт,
Терялся я в толпе сует,
Чужд вдохновенных наслаждений
И поэтических забот,
Да пил бездействия и лени
Снотворно действующий мед.
Но вот хвала и слава богу!
На православную дорогу
Я вышел: мил мне божий свет!
Прими ж привет, страна родная,
Моя прекрасная, святая,
Глубокий, полный мой привет!
Отныне вся моя судьбина
Тебе! Люби же и ласкай
И береги меня, как сына,
А, как раба, не угнетай!
Даруй певцу приют смиренный
В виду отеческих лесов,
Жить самобытно, неизменно
Для дум заветных и стихов!
Крепка нескованная дума,
Блестящ и звонок вольный стих!
Здесь не слыхать градского шума,
Здесь не видать сует градских;
И в сей глуши, всегда спокойной,
К большим трудам и к жизни стройной
Легко мне душу приучить;
Легко навечно разлюбить
Уста и очи дев-красавиц,
Приветы гордых молодиц,
И песни пламенных певиц,
И пляски пламенных плясавиц!
Поклон вам, прежние мои...
Пляшите, пойте, процветайте,
Великолепно оживляйте
Ночные шалости любви!
Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, и мне пора

Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!
Мой друг! поздравь же ты меня
С восходом сча́стливого дня,
С давно желанной мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..

Вот так-то мы остепенились!
Но сладко вспомнить нам подчас
Почтенный град, где мы учились,
Где мы привольно веселились,
Где мы любили в первый раз...
Возьми ж, ему в воспоминанье,
Вот это пестрое собранье
Моих рифмованных проказ:
Тут, как вино в хрустальной чаше,
Знаток, насквозь увидишь ты
Все думы, чувства и мечты,
Игру и блеск свободы нашей —
Красу минувшего житья!
Храни стихи мои, как я
Храню фуражку удалую
С моей студентской головы
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, увы! —
Когда-то милой мне, когда-то
На вешнем воздухе полей
В тени ракитовых ветвей...
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!

15 мая 1833

236. АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ ФУКС

Завиден жребий ваш: от обольщений света,
От суетных забав, бездушных дел и слов
На волю вы ушли — в священный мир поэта,
В мир гармонических трудов.

Божественным огнем красноречив и ясен
Пленительный ваш взор, трепещет ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасен
Открытый жизненный ваш путь!

Всегда цветущие мечты и наслажденья,
Свободу и покой дарует вам Парнас.
Примите ж мой привет,— я ваши песнопенья
Люблю: я понимаю вас.

Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волнение надежд и помыслов живых,
И страстные стихи, и говор их унылый,
И бога, движущего их!

1834

237. ДМИТРИЮ ПЕТРОВИЧУ ОЗНОБИШИНУ

Где ты странствуешь? Где ныне
Мой поэт и полиглот
Поверяет длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На брегу бесславных вод,
Где растительно живет
Человек, где и в помине
Нет возвышенных забот!

Или кони резвоноги
Мчат тебя с твоей судьбой
В дождь осенний, в тьме ночной
По извилинам дороги,
Нелюдимой и лесной?
Иль на отдых миговóй
Входишь ты под кров убогий
И гражданственность с тобой?

Вот салфеткой иностранной
Стол накрыт. Блестят на нем
Ярким златом и сребром
Чашки. Чай благоуханный
Льется светлым янтарем,
И сидишь ты за столом,
Утомленный и туманный,
В забытьи глухонемом!

Ночь прошла. Смотри: алеет
Озарившийся восток!
Ты проснулся, путь далек!
На лице тебе уж веет
Ранний утра холодок;
Скоро скачешь ты, и в срок
На почтовый двор поспеет
Мой деятельный ездок!

О! когда на жизнь иную
Променяешь ты, поэт,
Эту порчу юных лет,
Эту сволочь деловую
Прозаических сует?
Бога нашего тут нет!
Брось ее! Да золотую
Лиру вновь услышит свет!

1834

238. ЕЛЕНЕ НИКОЛАЕВНЕ МАНДРЫКИНОЙ

В младой груди моей о вас воспоминанья
Сохранно буду я беречь!
Навечно милы мне: живая ваша речь
И ваши томные мечтанья,
Ваш благосклонный взор, сверкающий умом,
И ваше пенье. Что за звуки!
То тихи и нежны, как жалкий вздох разлуки
И мысль о счастии былом,
То упоительны, торжественны, игривы,
Как мед любви, сладчайший мед!
Как юношеских дум возвышенный полет
И детской радости порывы!
Могучи звуки те волшебные! Они
Меня отрадно чаровали
И, умиленного, разнеженного, мчали
В иную жизнь, в иные дни,
В те дни, когда, еще душой и сердцем юный,
Доверчив, пылок и поэт,
Я пел любовь и шум студенческих бесед,
И стройны, громки были струны!
Давно прошли те дни восторгов и потех;
Но помню живо их доныне,

Как странник молодой, застигнутый пустыней
И бурей, помнит свой ночлег
В гостинице, где он негаданно-нежданно
Нашел красавиц и друзей
И с ними пировал до утренних лучей
Привольно, весело и пьяно!
Я не забуду вас, я благодарен вам;
Красуйтесь, пойте и блистайте,
И будьте счастливы, и много пробуждайте
Сердец к пленительным мечтам.

1834

239. ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил:
Не ошибся он в дитяти,
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездами.
Ты геройски добыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин, смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это Фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися еле живы
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,

Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

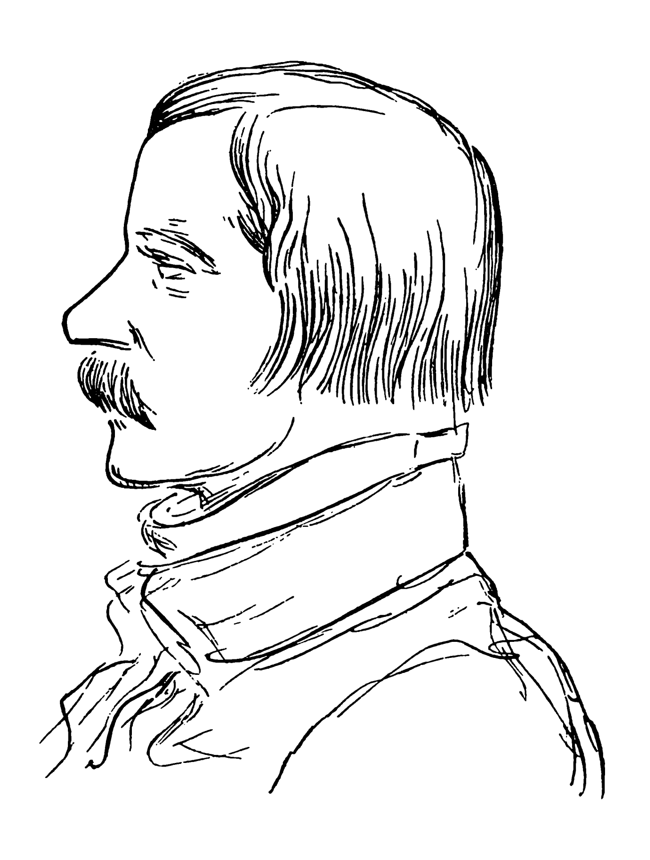
Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

Август 1835

240. ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КИРЕЕВСКОМУ

Где б ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь? Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?
Ты должен знать, каков теперешний мой день?
По-прежнему ль его одолевает лень,
И вял он и сердит, влачащийся уныло?
Иль радостен и свеж, блистает бодрой силой,
Подобно жениху, идущему на брак?
Отпел я молодость и бросил кое-как
Потехи жизни той шумливой, беззаботной,
Удáлой, ветреной, хмельной и быстролетной.

П. В. Киреевский

Бог с ними! Лучшего теперь добился я:
Уединенного и мирного житья!
Передо мной моя наследная картина:
Вот горы, подле них широкая долина
И речка, сад, пруды, поля, дорога, лес
И бледная лазурь отеческих небес!
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света!

Моя поэзия — хвала и слава ей! —
Когда-то гордая свободою своей,
Когда-то резвая, гулявшая небрежно
И загулявшаясь едва не безнадежно,
Теперь уже не та, теперь она тиха:
Не буйная мечта, не резкий звон стиха
И не заносчивость и удаль выраженья
Ей нравятся — о нет! пиры и песнопенья,
Какие некогда любила всей душой,
Теперь несносны ей, степенно-молодой,
И, жизнь спокойную гульбе предпочитая,
Смиренно-мудрая и дельно-занятая,
Она готовится явить в ученый свет
Не сотни две стихов во славу юных лет,
Произведение таланта миговое —
Элегию, сонет,— а что-нибудь большое!
И то сказать: ужель судьбой присуждено
Ей весь свой век хвалить и прославлять вино
И шалости любви нескромной? Два предмета,
Не спорю, милые,— да что в них? Солнце лета,
Лучами ранними гоня ночную тень,
Находит весело проснувшимся мой день;
Живу, со мною мир великий, чуждый скуки,
Неистощимые сокровища науки,
Запасы чистого привольного труда
И мыслей творческих, не тяжких никогда!
Как сладостно душе свободно-одинокой
Героя своего обдумывать! Глубоко,
Решительно в него влюбленная, она
Цветет, гордится им, им дышит, им полна;
Везде ему черты родные собирает;
Как нежно, пламенно, как искренно желает,
Да выйдет он, ее любимец, пред людей
В достоинстве своем и в красоте своей,

Таков, как должен быть он весь душой и телом,
И ростом и лицом; тот самый словом, делом,
Осанкой, поступью, и с тем копьем в руке,
И в том же панцире, и в том же шишаке!

Короток мой обед; нехитрых сельских брашен
Здоровой прелестью мой скромный стол украшен
И не качается от пьяного вина;
Не долог, не спесив мой отдых, тень одна,
И тень стигийская, бывалой крепкой лени.
Я просыпаюся для тех же упражнений,
Иль, предан легкому раздумью и мечтам,
Гуляю наобум по долам и горам.

Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далеких берегах
Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спешишь в Карлсбад — здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять,
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен, и мил, и одинак всегда?

О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мои края и в мой приют благословенный?
Со мною ждут тебя свобода и покой —
Две добродетели судьбы моей простой,—
Уединение, ленивки пуховые,
Халат, рабочий стол и книги выписные.
Ты здесь найдешь пруды, болота и леса,
Ружье и умного охотничьего пса.
Здесь благодатное убежище поэта
От пошлости градской и треволнений света:
Мы будем чувствовать, и мыслить, и мечтать,
Былые, светлые надежды пробуждать,
И, обновленные еще живей и краше,
Они воспламенят воображенье наше,
И снова будет мир пленительный готов
Для розысков твоих и для моих стихов!

1835

241. К . . .

Вами некогда плененный,
В упоении любви,
Приносил я вам смиренно
Песни скромные мои.
Я поэт ваш неизменный,
Я доселе помню вас:
Ваши перси молодые,
Ваши кудри шелковы́е,
Помню прелесть ваших глаз,
Черных, огненных и жгучих,
И на розовых устах
Стройность помыслов могучих
В гармонических стихах.
Вы тогда владели нами,
Пылких юношей толпой;
Вы живыми их сердцами,
Их послушною судьбой,
Словно верными рабами,
Забавлялись наобум!
Сколько вам надежд прекрасных,
Чистых, свежих, сладострастных,
Сколько смелых, гордых дум
Не-поэтом и поэтом
Посвящалось! Их тогда
Все равно холодным светом
Осыпала их звезда!

О! примите ж ненадменно
Мой теперешний привет,
Дар души уединенной,
Пережившей свой расцвет,
Но когда-то вдохновенной
Вами.— Вольного житья
Полюбил я мир широкий,
Где, мой ангел светлоокий,
Дева-муза вся моя.
Неземные наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будет мне спасенья
Вне его и без нее!
Мы поэты, в юны годы
Беззаботно мы живем,

Чересчур своей свободы
Упиваяся вином;
Таковы уж от природы
Все поэты.— Но куда
Нам главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей,
Чистой, ясной? Будь всегда
Вам хранима небесами
Эта жизни красота:
Перед вами и за вами
Всё иное суета!

1835

242. МОЛИТВА

Моей лампады одинокой
Не потушай, светило дня!
Пускай продлится сон глубокой
И ночь глухая вкруг меня!
Моей молитвенной лампады
При догорающем огне
Позволь еще забыться мне,
Позволь еще вкусить отрады
Молиться богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшение мое!

Да жизни мирной и надежной
Он даст ей счастье на земле:
И в сердце пламень безмятежный,
И ясность мысли на челе!
И даст ей верного супруга,
Младого, чистого душой,
И с ним семейственный покой,
И в нем приветливого друга;
И даст почтительных детей,
Здоровых, умных и красивых,
И дочерей благочестивых,
И веледушных сыновей!

Но ты взошло. Сияньем чистым
Ты озарило небеса,
И блещет пурпуром златистым
Их величавая краса;
И воды пышно заструились,
Играя отблеском небес,
И свежих звуков полон лес;
Поля и холмы пробудились!
О! будь вся жизнь ее светла,
Как этот свод лазури ясной,
Высокий, тихий и прекрасный,
Живая господу хвала!

1835

243

Я помню: был весел и шумен мой день
С утра до зарницы другого...
И было мне вдоволь разгульных гостей,
Им вдоволь вина золотого.

Беседа была своевольна: она
То тихим лилась разговором,
То новую песню, сложéнную мной,
Гремела торжественным хором.

И песня пропета во здравье мое,
Высоко возглáс подымался,
И хлопали пробки, и звонко и в лад
С бокалом бокал целовался!

А ныне... О, где же вы, братья-друзья?
Нам годы иные настали —
Надолго, навечно разрознили нас
Великие русские дали.

Один я, но что же? Вот книги мои,
Вот милое небо родное —
И смело могу в одинокий бокал
Я пенить вино золотое.

Кипит, и шумит, и сверкает оно:
Так молодость наша удала...
Вот стихло, и вновь безмятежно, светло
И равно с краями бокала.

Да здравствует то же, чем полон я был
В мои молодецкие лета;
Чем ныне я счастлив, и весел, и горд,—
Да здравствует вольность поэта!

Здесь бодр и спокоен любезный мой труд,
Его берегут и голубят
Мой правильный день, моя скромная ночь;
Смиренность его они любят.

Здесь жизнь мне легка! И мой тихий приют
Я доброю славой прославлю,
И разом глотаю вино — и на стол
Бокал опрокинутый ставлю.

Между 1834 и 1836

244. ЕВГЕНИЮ АБРАМОВИЧУ БАРАТЫНСКОМУ

Покинул лиру ты. В обычном шуме света
Тебе не до нее. Я помню этот шум,
Я знаю этот шум. Он вреден для поэта:
Снотворно действует на ум!

Счастлив, кто убежал от светских наслаждений,
От городских забав, превратностей и смут
Далёко в тишь и глушь, в приволье вдохновений,
В душеспасительный приют.

Беги же ты в свои родимые долины,
На свежие луга поемных берегов,
Под тень густых ветвей, где трели соловьины
И лепетание ручьев!

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадут твоей душе и бодрость и простор,
И вдохновением, как было в прежни лета,
Светло заискрится твой взор.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая
И снова запоет о жизни и любви,
И звуки полетят, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, друг и брат! Судьбу твою решила
Поэзия. О, будь же верен ей всегда!
Она одна тебе прибежище и сила,
Она твой крест, твоя звезда!

И что же на земле и сладостней и краше?
Дай руку мне! Восстань с возвышенным челом
И ради наших муз и ради дружбы нашей
Явись на поприще твоем!

Явись и торжествуй — и славою своею
Обрадуй вновь Парнас и оживи меня!
Да новый хор певцов исчезнет перед нею,
Как снег перед лицом огня!

3 или 4 марта 1836

245. ЯЗЫКОВОЙ НАТАЛЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Прошла суровая година вьюг и бурь,
Над пробудившейся землею,
Полна теплом и тишиною,
Сияет вешняя лазурь.
Ее растаяны лучами,
Сбежали с гор на дол глубокие снега;
Ручей, усиленный водами,
Сверкает и кипит гремучими волнами
И пеной плещет в берега.

И скоро холм и дол в свои ковры зелены
Роскошно уберет царица красных дней,
И в лиственной тени засвищет соловей,
И сладкогласный и влюбленный.
Как хороша весна! Как я люблю ее
Здесь, в стороне моей родимой,
Где льется мирно и незримо
Мое привольное житье;

Где я могу таким покоем наслаждаться,
Какого я не знал нигде и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Перед светильником труда;
Где, озарен его сияньем величавым,
Поникнув на руку безоблачным челом,
Я миру чужд, и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем;
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!
И вас зову сюда — под мой наследный кров,
Уединением богатый,
В простор и тишь, на злачны скаты
Моих березовых садов,
В лес и поляны за дорогой,
И к речке, шепчущей под сумраком ракит,
И к зыбким берегам, где аист красноногой
Беспечно бродит, цел и сыт;
Зову на светлый пруд, туда, где тень густую
Склонил к водам нагорный сад,
Туда — и на мостки, и в лодку удалую,
И весла дружно загремят!
Я вас сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить мед свободного и мирного житья,
Закатом солнца любоваться
И засыпать под трели соловья.

25 марта 1836

246. ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЧУ ШЕПЕЛЕВУ

Он прищурился спесиво,
Он глядит через плечо;
Аргамак его ретивый
Разыгрался горячо,
Чует всадникову волю
И, могуч и резвоног,
Мчится с ним по чисту полю:
То-то топот, то-то скок!

Это твой скакун удалый,
Это ты, когда-то мой
Собеседник запоздалый

Там, у жизни молодой,
На приволье просвещенья!..
Ты оставил мирных муз
И войнские ученья
Полюбил, крутя свой ус.

И досуга полкового
В сизых, дымных облаках
Потонув, ты чужд былого,
Пребывающий в мечтах
Про великие награды
Бога копий и мечей;
А потехи, и прохлады,
И надежды юных дней,

Книжный быт и Нины милой
Взоры, полные любви,—
Всё, что прежде кипятило
Чувства свежие твои,
Ты забыл. А юность наша,
Хороша была она,—
Хороша была, как чаша
Искрометного вина!

Резвый блеск ее и сладость —
И хвала за то судьбе!—
Я воспел друзьям на радость,
В украшение себе,
И, гульливые бывало,
Чтят поэта своего!..
Где ж они? Одних не стало,
А другим не до него!

Я ж и ныне, муз поклонник,
Помню молодость мою
И тебе, мой милый конник,
Братски руку подаю!
Будь ты смел перед врагами,
Дорог родине своей
И геройскими делами
Возрастай и просветлей.

1836

Александръ
Языков

247. ДЕВЯТОЕ МАЯ

То ли дело, как, бывало,
В Дерпте шумно, разудало
Отправлял я этот день!
Русских нас там было много,
Жили мы тогда не строго,
Собрались мы в сад под тень,
На лугу кружком сидели:
Уж мы пили, уж мы пели!
В удовольствии хмельном
Сам стихи мои читал я,
И читанье запивал я
Сокрушительным питьем;
И друзья меня ласкали:
Мне они рукоплескали,
И за здравие мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитые жжёнкой,—
Бесподобное житье!

Где ж я ныне? Как жестоко,
Как внезапно, одиноко
От моих счастливых дней
Унесен я в страны дальни,
Путешественник печальный,
Не великий Одиссей!
Рейн увижу! Старец славный,
Он — Дунаю брат державный,
Он студентам доброхот:
На своих конях нерьяных,
На своих волнах стеклянных
Он меня перевезет
В сад веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградников своих;
Там остатки величавы
Веры, мужества и славы
Воевателей былых;
Там в тиши, в виду их дерзких
Стен и башен кавалерских,
Племя смирное цветет,
И, поэт из стран далеких,
С вод глубоких и широких,

С вод великих, с волжских вод,
Я тебе, многовенчанный
Старец Рейн, венок нежданный
Из стихов моих совью!
И для гостя дорогого
Из ведра заповедно́го
Рюмку синюю твою
Вековым вином нальешь ты,
И поэту поднесешь ты;
Помню я: в твоем вине
Много жизни, много силы;
Но увы мне, старец милый,
Пить его уже не мне!

Начало мая 1839
Висбаден

248. ПЛОВЕЦ

Еще разыгрывались воды,
Не подымался белый вал,
И гром летящей непогоды
Лишь на краю небес, чуть видном, рокотал;

А он, пловец, он был далёко
На синеве стеклянных волн,
И день сиял еще высоко,
А в пристань уж вбегал его послушный челн

До разгремевшегося грома,
До бури вод, желанный брег
Увидел он, и вкусит дома
Родной веселый пир и сладостный ночлег

Хвала ему! Он отплыл рано.
Когда дремали небеса
И в море блеск луны багряной
Еще дрожал, уж он готовил паруса.

И поднял их он, бодр и светел,
Когда едва проснулся день
И в третий раз пропевший петел
К работе приглашал заспавшуюся лень.

Конец мая или июнь 1839

249. К СТИХАМ МОИМ

Небо знойно, воздух мутен,
Горный ключ чуть-чуть журчит,
Сад тенистый бесприютен —
Не шелохнет и молчит.

Попечитель винограда,
Летний жар ко мне суров;
Он противен мне измлада,
Он, томящий до упада,
Рыжий враг моих стихов.

Ну-те, братцы, вольно, смело,
Собирайся, рать моя!
Нам давно пора за дело!
Ну, проворнее, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется в мерный строй,
И выходит стих не ёмкой,
Стих растянутый, не громкой,
Сонный, слабый и плохой!

Право, лучше знаменитый
Наш мороз: хоть он порой
И стучится к нам сердито,
Но тогда камин со мной.

Мне тепло и горя мало,
Хорошо душе тогда:
В стих слова идут не вяло,
Строен, крепок он удало
И способен хоть куда.

Конец мая или июнь 1839
Теодорсгалле

250. ЭЛЕГИЯ

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;

Сад безлюден, смолкли птицы,
Дерева дождем шумят,—
Две красавицы девицы,
Две певуньи, две сестрицы,
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,
Удовольственно и томно
Любовался их игрой,
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жару, он здоров
Мне, в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

Конец мая или июнь 1839
Теодорсгалле

251. КРЕЙЦНАХСКИЕ СОЛОВАРНИ

Предо мной скалы́ и горы!
Тесно сковывает взоры
Высь подоблачных громад!
Вот на солнечном их скате
Жарко нежится в халате
Полосатом виноград!
Вот густая сень акаций,
Для больных мужчин и граций,
Сад с целебным ручейком!
Два сарая под горами,
Длинны, черны, с шатунами,
С иксионским колесом!
Скучный вид! Вот где я ныне!
В щели гор, в глухой лощине,
На лекарственных водах!
Жду от них себе помоги!
Сбился я с моей дороги
Сильно, к немцам, за Крейцнах.

Конец мая или июнь 1839
Теодорсгалле — Крейцнах

252. ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены;
Меж ними тесный дол — и царство тишины,
Однообразие в глуши уединенья;
Градские суеты, градские наслажденья
Здесь редко видятся и слышатся: порой
Пройдет с курантами потешник площадной,
Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,
И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
Ведя полдюжины голодных обезьян.
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густых ветвей общественного сада
Мелькает легкая, летучая, как тень,
Красавица.— Светла и весела, как день,
Она живительно бодрит и поднимает
Мой падающий дух, она воспламеняет
Во мне желание писать стихи ей в честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:

Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
И, чу! поет она; серебряные трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манят, зовут меня волшебно в мир иной,
В мои былые дни,— и нега в грудь мне льется,
И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется!..

3 июня 1839
Теодорсгалле

253. ЭЛЕГИЯ

Толпа ли девочек крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспешая,
Шумит по улице; иль добрый наш сосед,
Окончив чтение сегодняшних газет,
Уже глядит в окно и тихо созерцает,
Как близ него кузнец подковы подшивает
Корове иль ослу; иль пара дюжих псов
Тележку, полную капусты иль бобов,
Тащи́т по мостовой, работая всей силой;
Служанка ль, красота, развившаяся мило,
Склонилась над ведром, готова мыть крыльцо,
А холод между тем румянит ей лицо,
А ветреный зефир заигрывает с нею,
Теребит с плеч платок и раскрывает шею,
Прельщенный пышностью живых лилей и роз;
Повозник ли, бичом пощелкивая, воз
Высокий, громоздко́й и длинный-передлинный,
Где несколько семей под крышкою холстинной,
Разнобоярщина из многих стран и мест,
Нашли себе весьма удобный переезд,
Свой полновесный воз к гостинице подводит,
И сам почтенный Диц встречать его выходит,
И «Золотой Сарай» хлопочет и звонит;
Иль вдруг вся улица народом закипит:
Торжественно идет музы́ка боевая,
За ней гражданский полк, воинственно ступая,
В великолепии, в порядке строевом
Красуется, неся ганавский огнь и гром:
Защита вечных прав, полезное явленье.

Торопится ль в наш дом на страстное сиденье
Прелестница, франтя нарядом щегольским,
И новым зонтиком, и платьем голубым,
Та белотелая и сладостная Дора...
Взойдет ли ясная осенняя Аврора,
Или туманный день, печален и сердит,
И снегом и дождем в окно мое стучит,—
И что б ни делалось передо мною — муки
Одни и те ж со мной; возьму ли книгу в руки,
Берусь ли за перо — всегда со мной тоска:
Пора же мне домой... Россия далека!
И трудно мне дышать, и сердце замирает;
Но никогда меня тоска не угнетает
Так сокрушительно, так грубо, как в тот час,
Когда вечерний луч давно уже погас,
Когда всё спит, когда одни мои лишь очи
Не спят, лишенные благословенной ночи.

Конец июня — сентябрь 1839
Ганау, «Золотой Сарай»

254. НИЦЦА ПРИМОРСКАЯ

Теперь, когда у нас, природный, старый друг
Морозов и снегов и голосистых вьюг,
Господствует зима, когда суровый холод
К нам в домы просится и стукает, как молот,
В их стены мерзлые, когда у нас земля
Сном богатырским спит и блеском хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вековые,—
Здесь нет снегов и бурь, здесь ярко-голубые
И по-весеннему сияют небеса;
Лимонные сады, оливные леса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавр, и пышная агава
Открыто нежатся при шуме вод морских:
Благословенный край! Отрада для больных!
Зимовье, праведно хвалимое врачами!
И много здесь гостей! Их целыми семьями
Сюда из дальних стран сгоняет аквилон;
Здесь и российский князь, здесь и немецкий фон,
И áнглийский милорд, их жены, дети, слуги
Проводят мирные приморские досуги

На теплом берегу, на ясном свете дня;
Житье здесь хоть куда для самого меня!
Здесь есть и для меня три сладостные блага:
Уединенный сад, вид моря и малага.

10 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

255. БУРЯ

Громадные тучи нависли широко
Над морем и скрыли блистательный день.
И в синюю бездну спустилась глубоко
И в ней улеглася тяжелая тень;
Но бездна морская уже негодует,
Ей хочется света, и ропщет она,
И скоро, могучая, встанет, грозна,
Пространно и громко она забушует.

Великую силу уже подымая,
Полки она строит из водных громад,
И вал-великан, головою качая,
Становится в ряд, и ряды говорят;
И вот, свои смуглые лица нахмуря
И белые гребни колебля, они
Идут. В черных тучах блеснули огни,
И гром загудел. Начинается буря.

15 декабря 1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

256. МОРСКАЯ ТОНЯ

Море ясно, море блещет;
Но уже, то здесь, то там,
Тень налетная трепещет,
Пробегая по зыбям;
Вдруг поднимутся и хлынут
Темны водные струи,
И высоко волны вскинут
Гребни белые свои;
Буря будет, тучи грянут,
И пучина заревет.

Рыбаки проворно тянут
Невод на берег из вод.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало им за тяжкий труд?
Много ты в своем просторе
Водишь рыб и всяких чуд;
Много камней самоцветных,
Жемчугов и янтарей,
Драгоценностей несметных,
Соблазняющих людей,
В роковой твоей пучине
Бережет скупое дно,—
Что ж ты, дало ль, море сине,
Рыбакам хоть на вино?
Невод вытащен. Немного
Обитателей морских.
От сокровищ бездны строгой
Нет подарков дорогих!
Вот лежит, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой
С костоломными зубами;
Вот огромный блин морской,
Красноносый, красногубый,
С отвратительным хвостом;
Да скатавшегося в клубы
На раздолье волновом
Воза с два морского сору,
И один морской паук;
А тащили, словно гору,
А трудились сотни рук!
Море стихло, море ясно;
В хрустале его живом
Разыгрался день прекрасный
Златом, пурпуром, огнем;
Видом моря любоваться
Собралась толпа гостей;
Ей мешают наслаждаться
Рыбаки: бегут за ней
И канючат, денег просят —
Беднякам из бездны вод
Сети длинные выносят
Непитательный доход!

17 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

257. МАЛАГА

В мои былые дни, в дни юности счастливой,
Вино шипучее я пил,
И вкус, и блеск его, и хмель его игривый,
Друзья, немало я хвалил;
Сверкало золотом, кипело пеной белой
Нас развивавшее питье,
Воспламенялось и кипело
Воображение мое;
Надежды и мечты, свободные, живые,
Летали весело, легко,
И заносилися, прекрасно-молодые,
Они далёко, высоко!
Шум, песни, крик и звон в прелестный гул
сливались,
Студентский пир порядком шел,
И чаши об пол разбивались,
Разгульный теша произвол!

Остепеняют нас и учат нас заметно
Лета и бремя бытия:
Так ныне буйный хмель струи золотоцветной
Не веселит меня, друзья,
Ни кипяток ее, ни блеск ее мгновенный;
Так ныне мне уже милей
Напиток смирный и беспенный,
Вино густое, как елей,
И черное, как смоль, как очи девы горной,
И мягко-сладкое, как мед;
Милей мне тихий пир и разговор неспорный,
Речей и мыслей плавный ход;
Милей почтительно ласкаемая чаша,
Чем песни, крик, и звон, и шум.
Друзья, странна мне юность наша:
У ней всё было наобум!

17 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

258. КОРАБЛЬ

Люблю смотреть на сине море
В тот час, как с края в край на волновом просторе
Гроза рокочет и ревет,
А победитель волн, громов и непогод,
И смел и горд своею славой,
Корабль в даль бурных вод уходит величаво!

18 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

259. УНДИНА

Когда невесело осенний день взойдет
И хмурится; когда и дождик ливмя льет,
И снег летит, как пух, и окна залепляет;
Когда камин уже гудит и озаряет
Янтарным пламенем смиренный твой приют,
И у тебя тепло; а твой любимый труд,
От скуки и тоски заступник твой надежный,
А тихая мечта, милее девы нежной
Привыкшая тебя ласкать и утешать,
Уединения краса и благодать,
Чуждаются тебя; бездейственно и сонно
Идет за часом час, и ты неугомонно
Кручинишься,— тогда будь дома и один,
Стола не уставляй богатством рейнских вин
И жженки из вина, из сахару да рому
Ты не вари: с нее бывает много грому;
И не зови твоих товарищей-друзей
Пображничать с тобой до утренних лучей:
Друзья, они придут и шумно запируют,
Состукнут чаши в лад, тебя наименуют
И песню запоют во славу лучших лет;
Развеселишься ты, а может быть, и нет:
Случалося, что хмель усиливал кручину!
Их не зови; читай Жуковского «Ундину»:
Она тебя займет и освежит, ты в ней
Отраду верную найдешь себе скорей...
Ты будешь полон сил и тишины высокой,
Каких не даст тебе ни твой разгул широкой,
Ни песня юности, ни чаш заздравный звон,
И был твой грустный день как быстролетный сон!

26 декабря 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

260. МАЯК

Меж морем и небом, на горной вершине,
Отважно поставлен бросать по водам
Отрадный, спасительный свет кораблям,
Застигнутым ночью на бурной пучине,

Ты волю благую достойно творишь:
Встает ли свирепое море волнами,
Волнами хватая тебя, как руками,
Обрушить тебя в глубину: ты стоишь!

И небо в тебя, светоносного, мещет
Свой гром, раздробляющий горы,— ты цел;
Он, словно как пыль, по тебе пролетел,
И бурное море тебе рукоплещет!

Декабрь 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

261. ИОГАННИСБЕРГ

Из гор, которыми картинный рейнский край
Гордится праведно, пленительный, как рай,
Которых имена далёко и далёко
По свету славятся, честимые высоко,
И радуют сердца, и движут разговор
На северных пирах,— одна из этих гор,
Не то чтоб целостью громадных стен и башен
Старинных верх ее поныне был украшен,
Не то чтоб рыцарей, гнездившихся на ней,
История была древнее и полней,
Была прекраснее воинская их слава,—
Одна из этих гор, она по Рейну справа,
Вдали от берегов, но с волн его видна,
Иванова гора, достойно почтена
Всех выше славою: на ней растет и зреет
Вино первейшее; пред тем вином бледнеет
Краса всех прочих вин, как звезды пред луной.
О! дивное вино! Струею золотой
Оно бежит в стакан, не пенно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмеляет нас, и нежит, так сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,

Что старец, о делах минувших рассуждая,
Воспламеняется, как радость молодая,
Припомнив день и час, когда он пил его
В кругу друзей, порой разгула своего,
Там, там, у рейнских вод, под липою зеленой...
Такая благодать, что внук его ученый
Желал бы на свои студентские пиры,
Хоть изредка, вина с Ивановой горы.

Декабрь 1839
Ницца, предместье Мраморного креста

262. ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ ПРИМОРСКИЕ АЛЬПЫ

Я много претерпел и победил невзгод,
И страхов, и досад, когда от Комских вод
До Средиземных вод мы странствовали, строгой
Судьбой гонимые: окольною дорогой,
По горным высотам, в осенний хлад и мрак,
Местами как-нибудь, местами кое-как
Тащили мулы нас, и тощи и не рьяны;
То вредоносные миланские туманы
И долгие дожди, которыми Турин
Тогда печалился, и грязь его долин,
Недавно выплывших из бури наводненья;
То ветер с сыростью и скудость отопленья;
В гостиницах, где блеск, и пышность, и простор
Хрусталь, и серебро, и мрамор, и фарфор,
И стены в зеркалах, глазам большая нега!
А нет лишь прелести осеннего ночлега:
Продрогшим странникам нет милого тепла;
То пиемонтская пронзительная мгла,
И вдруг, нежданная под небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пение и сладостно подчас
Нам, людям северным, баюкавшее нас,
Нас встретила в горах, летая, распевая,
И славно по горам гуляла удалая!
Всё угнетало нас. Но берег! День встает!
Италиянский день! Открытый неба свод
Лазурью, золотом и пурпурами блещет,
И море светлое колышется и плещет!

Декабрь 1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

263. ГАСТУНА

Так вот она, моя желанная Гастуна.
Издревле славная, Gastuna tantum una,[1]
Чудесной силою целительных ключей!
Великий Парацельс, мудрейший из врачей,
Глубокомысленный таинственник природы,
Уже исследовал живые эти воды;
Он хвалит их и сам предписывал больным,
И вновь они цвели здоровьем молодым!
Великий человек! Хвала его не втуне:
Доныне многие находят лишь в Гастуне
Восстановление своих упадших сил.
И я из дальних стран к ее ключам спешил,
В предел подоблачный, на этот воздух горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный!..

Декабрь 1839
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

264. КАРОЛИНЕ КАРЛОВНЕ ПАВЛОВОЙ

Забыли вы меня! Я сам же виноват:
Где я теперь, зачем меня взяла чужбина?
Где я перебывал? Вот он, Мариенбад,
Ганау, старый Диц, его тенистый сад;
Вот рейнских берегов красивая картина,
Крейцнах, и черные сараи, и гофрат,
Полковник, колесо, Амалия и Пина!
Вот край подоблачный! Громады гор и скал,
Чудесные мосты, роскошные дороги,
Гастуна славная, куда я так желал...
Вот Зальцбург, и Тироль, и Альпов выси строги,
Их вечный лед и с них лиющийся кристалл,
Кричат орлы и скачут козероги,
И ветер осени качает темный лес!
Вот и Ломбардия! Веселые долины,
Румяный виноград, каштаны и раины,
Лазурь и пурпуры полуденных небес!
Великолепные палаты и столбницы
Над ясным зеркалом потоков и озер!

---

[1] Единственная из всех Гастуна (лат.).— *Ред.*

Часовни странные, пугающие взор,
Канюки и калек и нищих вереницы,
Ватага южных ведьм, красавицы девицы...
Вдали концы швейцарских гор!
Вот Комо! Берега с прозрачными домами!
Вот площадь и фигляр, махающий руками!
И пристань, озеро, и в чистоте зыбей
Колеблются цвета расписанных ладей
И белых парусов играющие плески;
На площади народ гульливый и живой,
Италии народ певучий, удалой,
И деревянные тедески!
Вот пасмурный Милан с поникшей головой,
Турин и Пиемонт гористый! Вот Савона!
Отважный путь лежит над бездной, на тычке!
И вот он, островок, чуть видный вдалеке,
Как облачко на крае небосклона,
Не важный на морях, но важный на реке
Времен, где он горит звездой Наполеона!
Вот Ницца — вот где я! Вот город и залив,
Приморские сады лимонов и олив,
И светлый ряд домов с заезжими гостями,
И воздух сладостный, как мед!
О, много, много стран в мой длинный, черный год
Я видел скучными глазами!
Скитаюсь по водам целебным и — увы! —
Еще пью чашу вод! Горька мне эта чаша!
Тоска меня томит! Дождусь ли я Москвы?
Когда узнаю я, что делаете вы?
Как распевает муза ваша?
Какой венок теперь на ней?
Теперь, когда она, родная нам, гуляет
Среди московских муз и царственно сияет!
Она, любезная начальница моей!

15 февраля 1840
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

265. ГРАФУ ВЛАДИМИРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ СОЛЛОГУБУ

Тебя — ты мне родня по месту воспитанья
Моих стихов, моей судьбы,
По летам юности, годины процветанья
Работ ученых и гульбы,

Студентских праздников, студентских песнопений
И романтических одежд,
Годины светлых дум, веселых вдохновений,
Желаний гордых и надежд,
Ты, добрый молодец, себя не погубивший
В столице, на бою сует,
Свободною душой почтенно сохранивший
И жар, и доблесть юных лет,
И крепкую любовь к отеческому краю,
И громозвучный наш язык,—
Тебя приветствую, тебя благословляю,
Тебя, счастливый ученик
Той жизни сладостной, которую стихами
Я горячо провозглашал,
Пленявшийся ее блестящими дарами
И лестью дружеских похвал;
Приветствую тебя, под знаменем камены,
На много, много славных дел!
Люби ее всегда, не жди от ней измены,
Ее любовью тверд и смел!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не верь ни браням, ни хвалам
Продажных голосов, в их споры не мешайся,
В их непристойный крик и гам,
Но, чувствуя себя, судьбы своей высокой
Не забывая никогда,
Но, тих и величав, проникнутый глубоко
Святыней чистого труда,
Будь сам себе судьей, суди себя сурово...
И паче всякого греха
Беги ты лени: в ней слабеют ум и слово,
Полет мечты и звон стиха;
Ты будь неутомим! Когда на Русь святую,
Когда в чужбине я свою
Неугомонную тоску перетоскую
И чашу горькую допью,
В Симбирск я возвращусь, в мое уединенье,
В покой родимого гнезда,
На благодатное, привольное сиденье,
Здоров и радостен,— тогда
Меня ты посетишь в моем приюте милом;
Тогда камин, домашний друг
Моих парнасских дел, янтарным, ярким пылом
Осветит мирный наш досуг,

И мы, по способу певца «Вильгельма Телля»,
Составим славное питье
И будем бражничать и вместе, полны хмеля,
Помянем дерптское житье
И наши прошлые, лирические лета;
Потом давай твоих стихов
И прозы, всё читай! Я слушаю поэта,
До ночи слушать я готов
Тебя; в созданиях души твоей прекрасной,
В картинах верных и живых,
В гармонии стиха с игрою мысли ясной
И вдохновениях твоих
Легко, восторженно забудусь я с тобою...
Часы летят, давно погас
Камин, давно мой пунш простыл передо мною,
И вот денница занялась!..

16 марта 1840
Ницца приморская, предместье Мраморного креста

266. МОРСКОЕ КУПАНЬЕ

Из бездны морской белоглавая встала
Волна, и лучами прекрасного дня
Блестит, подвижна́я громада кристалла,
И тихо, качаясь, идет на меня.
Вот, словно в раздумьи, она отступила,
Вот берег она под себя покатила,
И выше сама поднялась, и падет;
И громом, и пеной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружит, и бросает, и душит, и бьет,
И стихла. Мне любо. Из грома, из пены
И холода — легок и свеж выхожу,
Живее мои выпрямляются члены,
Вольнее дышу, веселее гляжу
На берег, на горы, на светлое море.
Мне чудится, словно прошло мое горе,
И юность такая ж, как прежде была,
Во мне встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распевать, красоваться готова
Свободно, беспечно — резва, удала.

17 июня 1840
Ницца, предместье Мраморного креста

267. К РЕЙНУ

Я видел, как бегут твои зелены волны:
Они, при вешнем свете дня,
Играя и шумя, летучим блеском полны,
Качали ласково меня;
Я видел яркие, роскошные картины:
Твои изгибы, твой простор,
Твои веселые каштаны, и раины,
И виноград по склонам гор,
И горы, и на них высокие могилы
Твоих былых богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувших дней!
Я волжанин: тебе приветы Волги нашей
Принес я. Слышал ты об ней?
Велик, прекрасен ты! Но Волга больше, краше,
Великолепнее, пышней,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не так, не так она бурлит,
Когда поднимется погодка верховая
И белый вал заговорит!
А какова она, шумящих волн громада,
Весной, как с выси берегов
Через ее разлив не перекинешь взгляда,
Чрез море вод и островов!
По царству и река!.. Тебе привет заздравный
Ее, властительницы вод,
Обширных русских вод, простершей ход свой славный,
Всегда торжественный свой ход,
Между холмов, и гор, и долов многоплодных
До темных Каспия зыбей!
Приветы и ее притоков благородных,
Ее подручниц и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелеет тысячи судов,
Идущих пестрыми, красивыми толпами
Под звучным пением пловцов;
Тебе привет Оки поемистой, дубравной,
В раздолье муромских песков
Текущей царственно, блистательно и плавно
В виду почтенных берегов,—
И храмы древние с лучистыми главами
Глядятся в ясны глубины,

И тихий благовест несется над водами,
Заветный голос старины! —
Суры-красавицы, задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов;
Свияги пажитной, игривой и бессонной,
Среди хозяйственных забот,
Любя́щей стук колес, и плеск неугомонный,
И гул работающих вод;
Тебе привет из стран Биармии далекой,
Привет царицы хладных рек,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобег,
Под кликами орлов свои валы седые
Катя в кремнистых берегах,
Несет железо, лес и горы соляные
На исполинских ладиях;
Привет Самары, чье течение живое
Не слышно в говоре гостей,
Ссыпающих в суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привет проворного, лихого Черемшана,
И двух Иргизов луговых,
И тихоструйного, привольного Сызрана,
И всех и бо́льших и меньши́х,
Несметных данников и данниц величавой,
Державной северной реки,
Приветы я принес тебе!.. Теки со славой,
Князь многих рек, светло теки!
Блистай, красуйся, Рейн! Да ни грозы военной,
Ни песен радостных врага
Не слышишь вечно ты; да мир благословенный
Твои покоит берега!
Да сладостно, на них мечтая и гуляя,
В тени раскидистых ветвей,
Целуются любовь и юность удалая
При звоне синих хрусталей!

1 августа 1840
Гаштейн

268. АЛЬПИЙСКАЯ ПЕСНЯ

(На голос: «Мальбрук в поход поехал...»)

Из тишины глубокой
Родимого села
Судьба меня жестоко
На Альпы занесла,

Где шаткие дороги
Прилеплены к горам
И скачут козероги
По горным крутизнам,

Где лес шумит дремучий
Высоко близ небес
И сумрачные тучи
Цепляются за лес,

Где ярко на вершинах
Блистает вечный снег
И вторится в долинах
Ручьев гремучий бег.

И вот она, Гастуна,
Куда стремился я,
Gastuna tantum una,[1]
Желанная моя!

Плохое новоселье,
Домов и хижин ряд...
Над бездною в ущелье
Они так и висят!

И, словно зверь свирепый,
Река меж них ревет,
Бегущая в вертепы
С подоблачных высот.

И шум беспрестанный,
И стон стоит в горах,
И небеса туманны,
И горы в облаках.

Август или сентябрь 1840
Вильдбад-Гаштейн

---

[1] Единственная из всех Гастуна (лат.).— *Ред.*

269. НИЦЦАРКЕ

Если б ты была Юнона,
А любовник твой Зевес,
Сад твой, милая Миньона,
Походил бы не на лес:
В нем не ландыши простые
Осеняла б тень дубов,
А блистательно-живые
Иакинфы золотые —
Драгоценности садов.

15 декабря 1840

270. ВЕЧЕР

Ложатся тени гор на дремлющий залив;
Прибрежные сады лимонов и олив
Пустеют; чуть блестит над морем запад ясный,—
И скоро божий день, веселый и прекрасный,
С огнистым пурпуром и золотом уйдет
Из чистого стекла необозримых вод.

⟨1841⟩

271. АЛЕКСЕЮ АНДРЕЕВИЧУ ЕЛАГИНУ

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни, та година
Достойна-празднична была,
Когда остатки вдохновений
Студентской юности моей
Я допивал в кругу друзей,
В Москве, и, полон песнопений,
Стихом блистая удалым,
Восторжен, выше всякой прозы,
Гулял у вас — и девы-розы
Любили хмель мой, слава им!
А ныне где, каков я ныне?
О! знаю, чувствую: тому
Душецветенью моему,
Той исторической картине
Не повториться никогда;

Но ежели мои печали
Минуют так, как миновали
Мои златые дни, тогда
Грешно бы, право, на досуге
Не помянуть нам за вином
О том гулянии моем,
Как о минувшем, милом друге.
Не так ли? Я почти готов,
Я рад сердечно, я чужбину,
Мою тоску легко покину
И прямо с майнских берегов
В Москву. Вы ждете — еду, еду,
Скачу, лечу, и вот как раз
Я к вам, сажуся подле вас —
И наливай сосед соседу!

Март 1841

272. КАРОЛИНЕ КАРЛОВНЕ ПАВЛОВОЙ

В те дни, когда мечты блистательно и живо
В моей кипели голове
И молодость мою поканчивал гульливо
Я в белокаменной Москве,
У Красных у ворот, в республике, привольной
Науке, сердцу и уму,
И упоениям веселости застольной,
И песнопенью моему;
В те дни, когда мою студенческую славу
Я оправдал при звоне чаш,
В те дни поэт я был, по долгу и по праву,
По преимуществу был ваш;
И воспевал я вас, и вы благоволили
Веселым юноши стихам,
Зане тогда сильны и сладкозвучны были
Мои стихи: спасибо вам!
И нынче я, когда прошло, как сновиденье,
Мое былое, всё сполна,
И мне одна тоска, одно долготерпенье,—
В мои крутые времена
Я вас приветствовал стихами; вы прекрасный
Ответ мне дали, и ответ
Восстановительный! Итак, я не напрасно
Еще гляжу на божий свет:

Еще сияет мне любезно, как бывало,
Благословенная звезда,
Звезда поэзии. О, мне и горя мало!
Мне хорошо, я хоть куда!

Март 1841
Ганау

273. ПЕСНЯ БАЛТИЙСКИМ ВОДАМ

Пою вас, Балтийские воды! вы краше
Других, величайших морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
Свободнее, чище, светлей:
На нем не крутятся огромные льдины,
В щепы расшибая суда,
На нем не блуждают холмы и долины
И горы полярного льда,
В нем нет плотоядных и лютых чудовищ
И мерзостных гадов морских;
Но много прелестных и милых сокровищ:
Привол янтарей золотых
И рыбы вкуснейшей! Балтийские воды,
На вольной лазури своей
Носили вы часто, в старинные годы,
Станицы норманнских ладей;
Слыхали вы песни победные скальда,
И буйные крики войны,
И песню любви удалого Гаральда,
Певца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь из немецкой земли,
Когда, сограждáне ганзейского братства,
И Псков и Новгóрод цвели;
И ныне вы носите грозные флоты:
Нередко, в строю боевом,
Гуляют на вас громовые оплоты
Столицы, созданной Петром,
И тысячи, тьмы расписных пароходов
И всяких торговых судов
С людьми и вещами, всех царств и народов,
Из дальних и ближних краев.
О! вы достославны и в новые годы,
Как прежде; но песню мою,

Похвальную песню, Балтийские воды,
Теперь я за то вам пою,
Что вы в ту годину, когда бушевала
На вас непогода — она
Ужасна, сурова была: подымала
Пучину с далекого дна,
И, силы пучинной и сумрака полны,
Громады живого стекла,
Качаяся, двигались шумные волны,
И бездна меж ними ползла;
И долго те волны бурлили, и строго
Они разбивали суда,
И долго та бездна зияла, и много
Пловцов поглотила,— тогда,
В те страшные дни роковой непогоды,
Почтенно уважили вы
Елагиных: вы их на Невские воды
Примчали, и берег Невы
Счастливо их принял; за то вы мне краше
Всех южных и северных вод
Морских, и за то уважение ваше
Мой стих вам и честь отдает!

20 ноября 1841
Ганау

274. НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье;
Уединение свое
Ты оградил и успокоил
От многочисленных сует
И вредоносных наваждений
Мирских, от праздности и лени,
От празднословящих бесед
Высокой, верною оградой
Любви к труду и тишине;
И своенравно и вполне
Своей работой и прохладой

Ты управляешь, и цветет
Твое житье легко и пышно,
Как милый цвет в тени затишной,
У родника стеклянных вод!
А я по-прежнему в Ганау
Сижу, мне скука и тоска
Среди чужого языка:
И Гальм, и Гейне, и Ленау
Передо мной; усердно их
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идут, как бесталанный стих;

Отрады нет. Одна отрада,
Когда перед моим окном
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада;
Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет, с подскоком, жидконогой,—
И бац да бац на гололедь!
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!
Но ведь томление мое
Пройдет же — и меня чужбина
Отпустит на святую Русь!
О! я, как плаватель, спасенный
От бурь и бездны треволненной,
Счастлив и радостен явлюсь
В Москву, что в пристань. Дай мне руку!
Пора мне дома отдохнуть;
Я перекочкал трудный путь,
Перетерпел тоску и скуку
Тяжелых лет в краю чужом!
Зато смотри: гляжу героем.
Давай же, брат, собща устроим
Себе приют и заживем!

Осень 1841
Ганау

275. ЭЛЕГИЯ

Поденщик, тяжело навьюченный дровами,
Идет по улице. Спокойными глазами
Я на него гляжу: он прежних дум моих
Печальных на душу мне боле не наводит;
А были дни — и век я не забуду их —
Я думал: боже мой, как он счастли́в — он ходит!

12 декабря 1841
Ганау

276. ЭЛЕГИЯ

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный —
То улыбается безоблачно-прекрасный
Спокойно, радостно кончающийся день.

12 декабря 1841

277. ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих страна́х я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

Конец 1841
Швальбах

278. ИЗРЕЧЕНИЕ АЛЕКСЕЯ ДМИТРИЕВИЧА МАРКОВА

Любил он крепкие напитки — и немало
В свободные часы он их употреблял,
Но был всегда здоров и службу исполнял
Добропорядочно,— и дело не стояло
За ним; был духом тверд, глубокомыслен; слов
Не тратил попусту; но речью необильной
Умел он действовать решительно и сильно.

При случае умы своих учеников
Он ею поражал, как громом: так однажды,
Палимый жаждою, он воду пить не стал —
Другой Катон в пустыне! — и сказал,
Поморщившись: «Вода не утоляет жажды».

Июль 1842

279. ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
Что выше окружных, подоблачных гор;
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледя́ных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор; логови́ща лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые хо́лмы, поляны, леса,
И грады, и села внизу под тобою;
А выше тебя — лишь одни небеса!

Июль 1842

280. МОРЕ

Струится и блещет, светло, как хрусталь,
Лазурное море, огнистая даль
Сверкает багрянцем, и ветер шумит
Попутный: легко твой корабль побежит;
Но, кормчий, пускаяся весело в путь,
Смотри ты, надежна ли медная грудь,
Крепки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовые ребра его?
Ведь море лукаво у нас: неравно́
Смутится и вдруг обуяет оно,
И страшною силой с далекого дна
Угрюмая встанет его глубина,
Расходится, будет кипеть, бушевать
Сердито, свирепо — и даст себя знать!

Сентябрь 1842
Венеция

281. ВЕСНА

Великолепный день! На мягкой мураве
Лежу,— ни облачка в небесной синеве!
Цветет зеленый луг; чистейший воздух горный
Прохладой сладостной и негой животворной
Струится в грудь мою,— и полон я весной!
И вот певец ее летает надо мной,
И звуки надо мной веселые летают!
И чувство дивное те звуки напевают
Мне на душу; даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мне, так легко, как будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

Весна 1843
Рим

282. ЭЛЕГИЯ

Ивану Петровичу Постникову

В тени громад снеговершинных,
Суровых, каменных громад
Мне тяжело от дум кручинных:
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес, и постоянно
Пуст, и невесело глядит;
А вон охлопья серой тучи,
Цепляясь за́ лес, там и сям
Ползут, пушисты и тягучи,
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

10 июня 1843
Вильдбад-Гаштейн

283. ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день;
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю,— звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами.
Но и ее уж нет! О! я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

10 июня 1843
Гаштейн

284. ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор —
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор;
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты — туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далеко,
Далеко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

16 июня 1843
Вильдбад-Гаштейн

285. ЭЛЕГИЯ

В Гаштейне общий стол невыразимо худ,
А немец им вполне доволен! Много блюд,
И очень дешево! Он вкуса в них не ищет,
И только будь ему недорога еда:
Он всякой дрянью сыт — и как он рад, когда
С нее же он еще и дрищет!

Июнь 1843

286. КНЯЖНЕ СОФЬЕ ПЕТРОВНЕ ГОЛИЦЫНОЙ

Я слышал, что вы и прекрасны, как роза,
И милы, как роза, утеха полей;
Что жизни подлунной и скука и проза
Чуждаются вас, как полдневных лучей
Чуждается полночь; что так же прекрасны
Вы сердцем, как прелестью вы расцвели,
Что чувства и мысли в вас тихи и ясны,
Как вешнее небо, веселье земли.

Всё это я слышал, и слухом поэта,
От всех, и повсюду, и тысячу раз,
И гордо мои песнопевные лета
Я вспомнил и смело приветствую вас:
О! будьте всегда таковы; процветайте
Спокойно и делайте дело свое:
Земная прелестная роза, вплетайте
Небесные розы в земное житье!

Начало 1844

287. КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ

В те дни, как только что с похмелья,
От шумной юности моей,
От превеликого веселья
Я отдохнуть хотел в виду моих полей,
В тени садов, на лоне дружбы,
В те дни, как, тих и неудал,
Уже чиновник русской службы,

Я родину свою и пел и межевал,
Спокойно, скромно провожая
Мечты гульливой головы,
В те дни стихом из дальня края
Торжественно меня приветствовали вы,
Стихом оттуда, где когда-то
Шла ходко, смело жизнь моя,
Где я гулял молодцевато,
Пил крепкий, сладкий мед студентского житья..
Сердечно мил мне стих ваш бойкой,
Сердечно люб привет мне ваш,
Как мил, бывало, за попойкой
Заздравный крик друзей и звон заздравных чаш
И что ж? Я не дал вам ответа,
Не отозвался стих на стих!
Но, беззаботного поэта,
Меня в те дни уже свирепый рок настиг,
Уж я слабел, я духом падал;
И медицинский факультет
Пилюлю горькую мне задал:
Пить воды за морем! И пил я их пять лет!
Но вот в Москве я, слава богу!
Уже не робко я гляжу
И на парнасскую дорогу,
Пора за дело мне! Вину и кутежу
Уже не стану, как бывало,
Петь вольнодумную хвалу:
Потехи юности удалой
Некстати были б мне: не юному челу
Некстати резвый плющ и роза...
Пора за дело! В добрый путь!
Довольно жизненная проза,
Болезнь, гнела меня и мне теснила грудь,
И мир поэта, мир высокой,
Едва ли мне доступен был
В моей кручине лежебокой,
В глухом бездействии, в упадке чувств и сил.
Теперь я крепче: грусть и скуку
Прочь от себя уже стихом
Я отогнал и подаю вам руку!
Спасибо вам, что вы в томлении моем
Меня и там не покидали,
У немцев; в дальной стороне
Мою тоску вы разгоняли,

Вы утешительно заботились о мне!
Желайте ж вы мне, чтоб я скоро
Стал бодр, как был, чтоб вовсе я
Стал молодцом, и было б скоро
То исцеление... О братья! О друзья!
Ужель дождусь я благодати,
Что смело, весело спрыгну
С моей болезненной кровати,
И гоголем пойду, и песню затяну!

16 апреля 1844

288. ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ

Всевышний граду Константина
Землетрясенье посылал,
И геллеспонтская пучина,
И берег с грудой гор и скал
Дрожали,— и царей палаты,
И храм, и цирк, и гипподром,
И стен градских верхи зубчаты,
И всё поморие кругом.

По всей пространной Византии,
В отверстых храмах, богу сил
Обильно пелися литии,
И дым молитвенных кадил
Клубился; люди, страхом полны,
Текли перед Христов алтарь:
Сенат, синклит, народа волны
И сам благочестивый царь.

Вотще. Их вопли и моленья
Господь во гневе отвергал,
И гул и гром землетрясенья
Не умолкал, не умолкал!
Тогда невидимая сила
С небес на землю низошла
И быстро отрока схватила
И выше облак унесла.

И внял он горнему глаголу
Небесных ликов: свят, свят, свят!

И песню ту принес он долу,
Священным трепетом объят,
И церковь те слова святыя
В свою молитву приняла,
И той молитвой Византия
Себя от гибели спасла.

Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли
Носись душой превыше праха,
И ликам ангельским внемли,
И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,—
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.

18 апреля 1844

289. КАРОЛИНЕ КАРЛОВНЕ ПАВЛОВОЙ

Тогда, когда, жестоко болен
Телесно и жестоко хил
Душевно, я судьбою был
Жить на чужбине приневолен;
Когда под гнетом же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или Гомеровы мольбы,—
И в том моем томленье жестком
Всегда, везде я помнил вас:
На ваш отрадный мне возгла́с
Всегда готовым отголоском
Я отвечал; и самый Рим,
Со всей громадою высоких
Воспоминаний, дум глубоких,
В душе встающих перед ним,
Палаты, храмы и столбницы,
И всё, что ныне говорит
Поэту — мрачно-гордый вид
Самовластительной столицы
Трех поэтических миров
Минувших, и поля пустынны
Кругом ее,— давно-старинный
Упрек сынам ее сынов! —

И самый Рим давал мне волю
Воспоминать об вас; и в нем
Я, вашим счастливым стихом
Любуясь, тягостную долю
Мою нередко забывал.—
Так я ль теперь, когда оставил
Чужбину и уже направил
Мечты туда, где я живал...
Так я ль, когда хвораю мене
И не грущу уже,— теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавице, камене,
Зову ее к себе; когда
Я здесь, в Москве, где так красивы
И так любезно расцвели вы
Для вдохновенного труда —
И расцвели хвалой и славой,—
Где стих ваш ясен, как хрусталь;
Как злато, светел; тверд, как сталь;
Звучит и блещет величаво;
В Москве, где вас, я помню, я
Не раз, не два, и всенародно,
Пел горячо и превосходно!
Певец свободного житья,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вам!
И подобает тем стихам
Хвала моя: в ту пору вами
Моя кружилась голова!
Теперь ли я? — какой же буду
Поэт я, если позабуду
Все ваши милые права
На стихотворные творенья
Мои? — Не будет никогда
Мне столь великого стыда,
Столь многогрешного паденья
Не будет мне. Смотрите: вот
Лишь мало-мальски успокоен
В моем житье, еще расстроен
Толпой болезненных забот
Почти весь день, еще надежде
Почти не смея доверять,
Что буду некогда опять
Таким, каков бывал я прежде,

Когда лишь только что дышу
Вольнее и лишь не сурово
Гляжу на свет,— вот жизни новой
Цветы я вам уж приношу!

18 апреля 1844

290. КАРОЛИНЕ КАРЛОВНЕ ПАВЛОВОЙ

Хвалю я вас за то, что вы
Поете нам, не как иные,
Что вам отечество — Россия,
Вам — славной дочери Москвы!
Что вам дался язык наш чудный,
Метальный, звонкий, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык!
Ведь он не всякому по силам!
А почитательницам милым
Чужесловесных дум и книг
Он недоступен — и не знают
Они его — они болтают
Другим, не русским языком
Свои мечты и впечатленья,—
И нет на них благословенья.
Они у бога нипочем!
Я вас хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы по-нашему поете,
Хоть языки Шенье и Гёте
Послушны вам, как ваш родной.
Я вас хвалю — и рад я буду,
Когда пойдет ходить повсюду
Моя правдивая хвала
За подвиг ваш: во имя ваше
Она действительней и краше
И в свете более смела,
Скорей отыщет грешны души:
Да слышит, кто имеет уши!

21 апреля 1844

291. МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

Благодарю тебя сердечно
За подареньице твое! [1]
Мне с ним раздолье! С ним житье
Поэту! Бойко, быстротечно,
Легко пошли часы мои
С тех пор, как ты меня уважил!
По-стихотворчески я зажил,
Я в духе! Словно как ручьи
С высоких гор на долы злачны
Бегут, игривы и прозрачны,
Бегут, сверкая и звеня
Светлостеклянными струями,
При ясном небе, меж цветами,
Весной,— так точно у меня
Стихи мои проворно, мило
С пера бегут теперь; и вот
Тебе, мой явный доброхот,
Стакан стихов: на, пей! Что было,
Того нельзя же воротить!
Да, брат, теперь мои созданья
Не то, что в пору волнованья
Надежд и мыслей; так и быть!
Они теперь напиток трезвый:
Давным-давно уже в них нет
Игры и силы прежних лет,
Ни мысли пламенной и резвой,
Ни пьяно-буйного стиха.
И не диковинное дело:
Я сам не тот уже, и смело
В том признаюсь: кто без греха?
Но ты, мой добрый и почтенный,
Ты примешь ласковой душой
Напиток, поднесенный мной,
Хоть он бесхмельный и не пенный!

23 апреля 1844

---

[1] Старинную чернилицу.

292. ПОСЛАНИЕ К Ф. И. ИНОЗЕМЦЕВУ

Да сохранит тебя великий русский бог
На много, много лет. Ты сильно мне помог:
Уж ты смирил во мне презлую боль недуга,
Ту боль, которая и славный воздух юга,
И хитрости давно прославленных врачей,
И чашу и купель целительных ключей,
И всё могущество здоровых впечатлений
Изящных стран и мест, и строгость соблюдений
Врачебного житья, и семь предлинных лет
Презрела. Ты прими заздравный мой привет!
Уже я стал не тощ, я и дышу вольнее,
И телом крепче я, и духом я бодрее,
И русская зима безвредно мне прошла!
Хвала тебе, моя сердечная хвала! —
И верь ты мне, ее нимало не смущает,
Что вижу, слышу я, как тявкает, и лает,
И воет на тебя, и съесть тебя готов
Торжественный союз ученых подлецов!
Иди своим путем! Решительно и смело
Иди, не слушай их: возвышенное дело
Наук и совести им чуждо, им чужда
Святая чистота полезного труда,
Святая прямизна деятельности чистой.
Так что тебе вся злость, весь говор голосистый
Твоих врагов! Мой друг, в твоей груди жива
Честь долга твоего, ты чувствуешь права
Прекрасные, права живого просвещенья,
Созревшие в тебе! На все злоухищренья
Продажных, черных душ ты плюй, моя краса,
И выполняй свой долг и делай чудеса!

27 апреля 1844

293. А. П. ЕЛАГИНОЙ

Я знаю, в дни мои былые,
В дни жизни радостной и песен удалых,
Вам нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкий стих;
И знаю я, что вы и ныне,
Когда та жизнь моя давно уже прошла —
О ней же у меня осталось лишь в помине,

Как хороша она была
И, приголубленная вами
И принятая в ваш благословенный круг,
Полна залетными, веселыми мечтами,
Любя студентский свой досуг,—
И ныне вы, как той порою,
Добры, приветливы и ласковы ко мне,
Так я и думаю, надеюсь всей душою,
Так и уверен я вполне,
Что вы и ныне доброхотно
Принос мой примете, и сердцу моему
То будет сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вам подношу и посвящаю
Я новую свою поэзию, цветы
Суровой, сумрачной годины; в них, я знаю,
Нет достодолжной красоты:
Ни бодрой, юношеской силы,
Ни блеска свежести пленительной,— но мне
Они и дороги и несказанно милы;
Но в чужедальной стороне
Волшебно ими оживлялось
Мне одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснее мне казалось
Мое печальное житье.

Весна 1844

294. АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ ХРИПКОВУ

Тебе и похвала и слава подобает!
Ты с первых юношеских лет
Не изменял себе: тебя не соблазняет
Мишурный блеск мирских сует;
Однажды навсегда предавшися глубоко
Одной судьбе, одной любви
Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой.
Ей верен ты, и дни твои
Свободою она украсила, святая
Любовь к искусству, и всегда
Создания твои пленительны, блистая
Живым изяществом труда;
Любуюсь ими я: вот речка меж кустами
Крутой излучиной бежит,

Светло отражены прозрачными струями
Ряды черемух и ракит,
Лиющийся хрусталь едва-едва колышет
Густоветвистую их тень,
Блестит, как золото, тяжелым зноем дышит
Палящий, тихий летний день,
И вот купальницы, вот ясною волною
Игривый обнял водобег
Прелестный юный стан, вот руки над водою
И груди белые как снег,
И черными на них рассыпалась змеями
Великолепная коса!
Вот горы и Кавказ; сияют над горами
Пышнее наших небеса;
Вот груды голых скал, угрюмые теснины,
Где-где кустарник; вот Дарьял
И тот вертеп, куда с заоблачной вершины
Казбека падает обвал!
Вот Терек! Это он летучей пеной блещет,
Несется, дик и силы полн,
Неистово кипит, высоко в берег хлещет;
Несется буря белых волн,
По звонкому руслу́, с глухим, громовым гулом,
Гоня станицу валунов!
Вот хижины, аул, и сад перед аулом,
И купы низменных холмов;
За ними, с края в край, синеяся пустынно,
Идет уныло гладь степей
Под яркий небосклон; курган островершинный
Один возвысился на ней,
Давно безмолвный гроб, воздвигнутый герою,
Вождю исчезнувших племен,
Иль памятник войны, сокрывший под собою
Тьму человеческих имен!
Вот двух безлесных гор обрывы полосаты,
И плющ зеленый по скалам
Взвился́; вот чистый лес и луговые скаты
Горы Ермолова! Вон там,
Бывало, отдыхал муж доблести и боя,
Державший в трепете Кавказ...
Вот быстрая Кубань, волнами скалы роя,
Сердито пенясь и клубясь,
Летит клокочущим, широким водопадом
Между утесов и стремнин!

Вот крепость, домики, поставленные рядом,
И строй чинаров и раин,
Воинский частокол с рогаткой и заставой,
Налево холм и мелкий лес,
А дале царство гор громадою стоглавой
Загородило полнебес,
И в солнечных лучах заоблачные льдины,
Как звезды, светятся над ней,
Порфирного кряжá алмазные вершины,
Короны каменных царей!
Подробно, медленно созданьями твоими
Любуюсь я, всегда я рад
Хвалить их; весело беседовать мне с ними:
Они живут и говорят!
Но полно рисовать тебе Кавказ!.. Еще ли
Тебя он мало занимал?
Покинь, покинь страну обвалов и ущелий,
Ужасных пропастей и скал,
Где кроется разбой кровавый и проворный
В глуши вертепов и теснин...
Иди ты к нам с твоей палитрой животворной,
В страну раздолий и равнин,
Где, величавые изгибы расстилая
Своих могущественных вод,
Привольно, широко красуясь и сияя,
Лазурно-светлая течет
Царица русских рек, течет, ведет с собою
Красивы, пышны берега
И купы островов над зéркальной водою,
Холмы, дубравы и луга...
Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
И верь мне, будут во сто раз
Они еще живей, пленительней и краше,
Чем распрекрасный твой Кавказ.

4 ноября 1844

295. А. В. КИРЕЕВОЙ

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренные мечты

Перед ней. Когда б вы жили
Между греков в древни дни,
Греки б вас боготворили,
Вам построили б они
Беломраморные храмы,
Золотые алтари,
Где б горели фимиамы
От зари и до зари;
Вас и царственная Гера
Невзлюбила б и гнала
Непощадно и Венера
Вам покоя б не дала
За измены и обиды
Олимпийцев и людей...
Нынче Геры и Киприды
Вам не страшны... Но, ей-ей,
Я бы рад краеугольный
Камень храма положить,
И алтарь вам богомольный
Всенародно посвятить,
Где б усердно, непрестанно
Беспокоился я сам,
Соблюдая постоянный
Жаркий, пылкий фимиам.

26 ноября 1844

296. К НЕЙ ЖЕ

Тогда как сердцем мы лелеем
Живые, сладкие мечты
И часто розам, и лилеям,
И незабудкам красоты
Мы поклоняемся и нежно
Их величаем и поем,
Полны любви самонадежной,
Сгорая пламенным огнем;
В те дни желаний легкокрылых,
Восторгов, мыслей и стихов,
Счастливых, радостных и милых,
Когда весь мир нам люб и нов,
Гостеприимен и чудесен,—
В те дни разгара чувств и сил
Я много, много, много песен

Сердечных вам бы посвятил,
Свободно, весело лелея
Живые, пылкие мечты!..
Нет, вы не роза, не лилея,
Вы просто чудо красоты!
Я перед вами на колена
Упал бы, трепетный, немой,
Навек, навек, в оковы плена
Любви глубокой, роковой!
Мои глаза б остановились,
К земле б склонилась голова,
Смешались, замерли б и сбились
Во мне все чувства и слова...
Теперь мои младые лета
Прошли, решительно прошли;
И вы во мне уже поэта
Смиренномудрого нашли:
Теперь, холодный и бесстрастный,
Я вижу только суеты
Везде, во всем. Нет, вы прекрасны.
Вы просто чудо красоты!
Нет! вы всего меня смутили
В тот вечно памятный мне час,
Как на меня вы обратили
Лучи огнистых ваших глаз:
Мои глаза остановились,
К земле склонилась голова,
Смешались, замерли и сбились
Во мне все чувства и слова.

26 ноября 1844

297. ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ

Блажен, кто мудрости высокой
Послушен сердцем и умом,
Кто при лампаде одинокой
И при сиянии дневном
Читает книгу ту святую,
Где явен божеский закон:
Он не пойдет в беседу злую,
На путь греха не ступит он.

Ему не нужен пир разврата;
Он лишний гость на том пиру,
Где брат обманывает брата,
Сестра клевещет на сестру;
Ему не нужен праздник шумный,
Куда не входят стыд и честь,
Где суесловят вольнодумно
Хула, злоречие и лесть.

Блажен!.. Как древо у потока
Прозрачных, чистых, светлых вод
Стоит,— и тень его широка
Прохладу страннику дает,
И зеленеет величаво
Оно, красуяся плодом,
И своевременно и здраво
Растет и зреет плод на нем!

Таков он, муж боголюбивый;
Всегда, во всех его делах
Ему успех, а злочестивый...
Тот не таков; он словно прах!..
Но злочестивый прав не будет,
Он на суде не устоит,
Зане господь не лестно судит
И беззаконного казнит.

29 ноября 1844

298. К НЕНАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внемлите
Простосердечный мой возгла́с!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей-невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;

И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот
Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине, не к благу!
Народный глас — он божий глас,—
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский бог еще велик!

6 декабря 1844

299. ЭЛЕГИЯ

Есть много всяких мук — и много я их знаю;
Но изо всех из них одну я почитаю
Всех горшею: она является тогда
К тебе, как жаждою заветного труда
Ты полон и готов свою мечту иль думу
Осуществить; к тебе, без крику и без шуму,
Та мука входит в дверь — и вот с тобой рядком
Она сидит! Таков был у меня, в моем
Унылом странствии, в чужбине, собеседник —
Поэт несноснейший, поэт и надоедник
Неутомимейший! Бывало, ни Борей
Суровый, и ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злак, ни град, как он ни крупен,
Ни снег и дождь — ничто неймет его: доступен
И люб всегда ему смиренный мой приют.
Он всё препобедит: и вот он тут как тут,
Со мной сидит и мне радушно поверяет
Свои мечты — и мне стихи провозглашает,
Свои стихи, меня вгоняя в жар и в страх:
Он кучу их принес в карманах, и в руках,
И в шляпе. Это всё плоды его сомнений
Да разобманутых надежд и впечатлений,
Летучей младости таинственный запас!
А сам он неуклюж, и рыж, и долговяз,
И немец, и тяжел, как оный камень дикой,
Его же лишь Тидид, муж крепости великой,
Поднять, и потрясти, и устремить возмог
В свирепого врага... таков-то был жесток
Томитель мой! И спас меня от этой муки
Лишь седовласый врач, герой своей науки,
Венчанный славою, восстановитель мой,—
И тут он спас меня, гонимого судьбой.

7 декабря 1844

300. КОНСТАНТИНУ АКСАКОВУ

Ты молодец! В тебе прекрасно
Кипит, бурлит младая кровь,
В тебе возвышенно и ясно
Святая к родине любовь
Пылает. Бойко и почтенно

За Русь и наших ты стоишь;
Об ней поешь ты вдохновенно,
Об ней ты страстно говоришь.
Судьбы великой, жизни славной
На много, много, много дней,
И самобытности державной,
И добродетельных царей,
Могучих силою родною,
Ты ей желаешь. Мил мне ты:
Сияют светлой чистотою
Твои надежды и мечты.
Дай руку мне! Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становит
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой
И кто неметчине лукавой
Передался.— И вслед за ней,
За госпожою величавой,
Идет, блистательный лакей...
А православную царицу
И матерь русских городов
Сменять на пышную блудницу
На вавилонскую готов!
Дай руку мне! Смелей, мужайся,
Святым надеждам и мечтам
Вполне служи, вполне вверяйся,
Но не мирволь своим врагам.

20 декабря 1844

301. К ЧААДАЕВУ

Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап,—
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!

Свое ты всё презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен!

Ты цел еще: тебе доныне
Венки плетет большой наш свет,
Твоей презрительной гордыне
У нас находишь ты привет.

Как не смешно, как не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать

На нас, на всё, что нам священно,
В чем наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаем смиренно;
Твои преступные слова

Мы осыпаем похвалами,
Друг другу их передаем
Страннопримными устами
И небрезгливым языком!

А ты тем выше, тем ты краше;
Тебе угоден этот срам,
Тебе любезно рабство наше.
О горе нам, о горе нам!

25 декабря 1844

302. ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОЛОНСКОМУ

Благодарю тебя за твой подарок милый,
Прими радушный мой привет!
Стихи твои блистают силой
И жаром юношеских лет,
И сладостно звучат, и полны мысли ясной;
О! пой, пленительный певец,
Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивых сердец;

И пой, как соловей поет в затишье сада
Свою весну, свою любовь,
И в пеньи том и вся награда
Ему за пенье вновь и вновь,
И слушают его, и громко раздается,
И гонит сон от ложа дев,
И так и льется, так и льется
Его серебряный напев.

1844

303. ВАРВАРЕ НИКОЛАЕВНЕ АННЕНКОВОЙ

Мне мил прелестный ваш подарок,
Мне мил любезный ваш вопрос!
В те дни, как меж лилей и роз,
Раскидист, свеж, блестящ и ярок,
Цветок веселого житья,
Я полон жизни красовался,
И здесь, в Москве, доразвивался
И довоспитывался,— я
В те дни, златые дни! Быть может,
И стоил этих двух венков,
А ныне... я уж не таков.
Увы! Болезнь крутит и ежит
Меня, и ест меня тоска;
А вы и ныне благосклонны
К тому, чьи песни самозвонны
Давно молчат, чья жизнь горька,
Кого давно уж как поэта
И не приветствует никто!
Лишь вы теперь, и вам за то
Моя хвала и многи лета!
И много, много дай бог вам
Созданий стройных, сладкогласных,
Прекрасных дум, стихов прекрасных
Таких всегда, какие нам
Вы так пленительно дарите;
Да будут вечно, как они,
Счастливы, ясны ваши дни,
И долго, долго вы цветите!

1844

304. А. В. К⟨ИРЕЕВ⟩ОЙ

Я вновь пою вас; мне отрадно,
Мне сладко петь и славить вас:
Я не люблю, я враг нещадный
Тех жен, которые от нас
И православного закона
Своей родительской земли
Под ветротленные знамена
Заморской нехристи ушли,
И Запад ласково их тянет
В свои объятия... но вы,—
Он вас к себе не переманит
Никак,— нет, вы не таковы:
Вы изменить не захотите
Заветным чувствам; вы вполне,
Вы чисто нам принадлежите,
Родной, хорошей стороне,
И сильно бьется сердце ваше
За нас. И тем милее вы,
Великолепнее и краше,
Вы — украшение Москвы!

14 января 1845

305. ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КИРЕЕВСКОМУ

Ты крепкий, праведный стоятель
За Русь и славу праотцов,
Почтенный старец — собиратель
Старинных песен и стихов!
Да будет тих и беспечален,
И полон счастливых забот,
И благодатно достохвален,
И мил тебе твой новый год!
В твоем спасительном приюте
Да процветет ученый труд,
И недоступен всякой смуте
Да будет он; да не войдут
К тебе: ни раб царя Додона,
Ни добросовестный шпион,
Ни проповедник Вавилона,
Ни вредоносный ихневмон,
Ни горделивый и ничтожный

И пошло-чопорный папист,
Ни чужемыслитель безбожный
И ни поганый коммунист;
И да созреет безопасно
Твой честный труд, и принесет
Он плод здоровый и прекрасный,
И будет сладок этот плод
Всему Востоку, всем крещеным;
А немцам, нашим господам,
Богопротивным и мудреным,
И всем иным твоим врагам
Будь он противен; будь им тошно
С него, мути он душу им!
А ты, наш Петр, ты неоплошно
Трудись и будь неутомим!

11 февраля 1845

306. С. П. ШЕВЫРЕВУ

Тебе хвала, и честь, и слава!
В твоих Беседах ожила
Святая Русь — и величава,
И православна, как была:
В них самобытная, родная
Заговорила старина,
Нас к новой жизни подымая
От унижения и сна.

Ты добросовестно и смело
И чистой, пламенной душой
Сознал свое святое дело,
И, возбужденная тобой,
Красноречиво рукоплещет
Тебе великая Москва!
Так пусть же на тебя клевещет
Мирская, глупая молва!

Твои враги... они чужбине
Отцами проданы с пелен;
Русь неугодна их гордыне,
Им чужд и дик родной закон,

Родной язык им непонятен,
Им безответна и смешна
Своя земля, их ум развратен,
И совесть их прокажена.

Так их не слушай — будь спокоен
И не смущайся их молвой,
Науки жрец и правды воин!
Благословится подвиг твой;
Уже он много дум свободных,
И много чувств, и много сил,
Святых, родных, своенародных,
Восстановил и укрепил.

Январь — февраль 1845

307. В АЛЬБОМ

Дороже перлов многоценных
Благочестивая жена!
Чувств непорочных, дум смиренных
И всякой тихости полна.
Она достойно мужа любит,
Живет одною с ним душой,
Она труды его голубит,
Она хранит его покой,
И счастье мужа — ей награда
И похвала,— и любо ей,
Что меж старейшинами града
Он знатен мудростью речей
И что богат он чистой славой
И силен в общине своей;
Она воспитывает здраво
И бережет своих детей:
Она их мирно поучает
Благим и праведным делам,
Святую книгу им читает,
Сама их водит в божий храм;
Она блюдет порядок дома:
Ей мил ее семейный круг,
Мирская праздность незнакома
И чужд бессмысленный досуг.
Не соблазнят ее желаний
Ни шум блистательных пиров,

Ни вихрь полуночных скаканий
И сладки речи плясунов,
Ни говор пусто-величавый
Бездушных, чопорных бесед,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческих сует.
И дом ее боголюбивый
Цветет добром и тишиной,
И дни ее мелькают живо
Прекрасной, светлой чередой;
И никогда их не смущает
Обуревание страстей:
Господь ее благословляет,
И люди радуются ей.

1 мая 1845

308. А. С. ХОМЯКОВУ

Прими ты мой поклон заздравный!
Тебе, возвышенный поэт
И совопросник достославный,
Желаю много, много лет
Стихом и прозой красоваться
И цвесть красою чистых дел!
Враги ж твои да сокрушатся
Все, все — и тот, который смел
В своем неведении глупом,
В разгаре чувств, в кипеньи слов
Провозгласить бездушным трупом
Русь наших умных праотцов.
Несчастный книжник! Он не слышит,
Что эта Русь не умерла,
Что у нее и сердце дышит,
И в жилах кровь еще тепла;
Что, может быть, она очнется
И встанет заново бодра!
О! как любезно встрепенется
Тогда вся наша немчура:
Вся сволочь званых и незваных,
Дрянных, прилипчивых гостей,
И просветителей поганых,
И просвещенных палачей!

Весь этот гнет ума чужого
И этот подлый, гнусный цех,
Союзник беглого портного,—
Все прочь и прочь! Долой их всех!
Очнется, встанет Русь и с бою
Свое заветное возьмет!
Да уничтожатся тобою
И общий наш недоброхот,
Творец бессмыслиц вопиющих,
Он, тот преследователь блох,
Явлений сущих и со-сущих,
Тот юморист-идеолог,
Всегда водя́ный и туманный,
Почтенный сеятель клевет,
Начальник шайки бесталанной;
И он, и весь его совет,
И нечестивый и беспутный,
И вся заморская их гиль,—
Всё пропади, как бред минутный,
Как мерзкий сон, как сор и пыль!

А ты надежно правде следуй,
Востоку пламенно служи,
Своенародность проповедуй
И низлагай успехи лжи!..
И будь всегда ты неизменен,
И дорог общине своей,
И беспощадно дерзновенен
На немцев, ... детей!

1 мая 1845

309. СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРИОГРАФУ Н. М. КАРАМЗИНУ

Посвящаются А. И. Тургеневу

Он *памятник себе воздвиг чудесный, вечный,*
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!

Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещий, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!

Любя отечество душою просвещенной
И славу русскую любя,
Труду высокому обрек он неизменно
Все дни свои, всего себя;
И, полон им одним и с ним позабывая
Призыв блистательных честей,
И множество сует, какими жизнь мирская
Манит к себе, влечет людей
В свои объятия, и силу, и отвагу,
И жажду чистого труда,
И пылкую любовь к отечеству и благу
Мертвит и душит навсегда,—
В тиши работал он, почтенный собеседник
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповедник,
И не наемник новизны!
Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь — и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг — и ясною картиной
В ней обновилась старина.

Вот первые князья с варяжскою дружиной,
И веют наши знамена́
У цареградских стен! Вот Русь преображает
Владимир — солнце древних лет,
И с киевских высот ей царственно сияет
Креста животворящий свет!
Вот Ярослав, вот век усобицы кровавой,
Раздор и трата бодрых сил;
Вот благодушные и смелые Мстиславы,
И Мономах, и Даниил!
Вот страшный божий гнев: по всей земле тревога
И шумны полчища татар;

Им степь широкая как тесная дорога;
Везде война, везде пожар,
И русские князья с поникшими главами
Идут в безбожную Орду!
Вот рыцарство меча с железными полками
И их побоище на льду;
Великий Новгород с своею бурной волей,
И Псков, Новугороду брат;
Москва, святитель Петр и Куликово поле;
Вот уничтоженный Ахмат;
Великий Иоанн, всей Руси повелитель,—
И вот наш *Грозный*, внук его,
Трех мусульманских царств счастливый покоритель —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!
В Москве за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепенея,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя-мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!
Вот сын тирана — царь-смиренник молчаливый,
Молитва, пост и тишина,
И отдохнул народ под властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годунов; вот сам он на престоле;
Но тень из гроба восстает,
И гибнет царь Борис: его не любит боле,
Его не хочет свой народ!
Бродяга царствует, воспитанник латинства,
Он презирает наш закон,
В Кремле он поселил соблазны и бесчинства,
Ночных скаканий шум и звон,
И песни буйные, и струнное гуденье...
Но чу! набат и грозен крик!

И бурно в Кремль идет народное волненье...
Долой венчанный еретик!
Вот Шуйский, мятежи — и самозванец новый,
Клеврет строптивых поляков;
Вот Михаил Скопи́н и братья Ляпуновы!
Вот сотня доблих чернецов,
Противу тьмы врагов громовая твердыня.
В Москве знамена короля...
В плену священный Кремль... поругана святыня.
Мужайся, Русская земля!

Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,
И задушевных дум, текущий величаво
Его пленительный рассказ,
И ясный и живой, как волны голубые
Реки, царицы русских вод,
Между холмов и гор, откуда он впервые
Увидел солнечный восход!
Он будит в нас огонь прекрасный и высокой,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижный в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой,—
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе — и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!
Бессмертен Карамзин! Его бытописанья
Не позабудет русский мир,
И памяти о нем не нужны струн бряцанья,
Не нужен камень иль кумир:
Она без них крепка в отчизне просвещенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

25 октября 1845

310. И. С. АКСАКОВУ

Прекрасны твои песнопенья живые,
И сильны, и чисты, и звонки они,—
Да будут же годы твои молодые
Прекрасны, как ясные вешние дни!
Беги ты далече от шумного света,
Не знай вавилонских работ и забот;
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, как дубравная птица поет
На воле; и если тебя очарует
Красавица роза — не бойся любви;
Пускай она нежит, томит и волнует
Глубоко все юные силы твои:
В груди благородной любовь пробуждает
Высокие чувства — и, ею полна,
Светло, сладкозвучно бежит и сверкает
Сердечного слова живая волна.
Беспечно и смело любви предавайся,
Поэт! И без умолку пой ты об ней
Счастливые песни и весь выпевайся
Красавице розе, певец-соловей!
И бури и грозы чтоб век не взрывали
Тех сеней, где счастье себе ты нашел,
И песням твоим чтобы там не мешали
Ни кошка-цензура, ни критик-осел.

31 октября 1845

311. К БАРОНЕССЕ Е⟨ВПРАКСИИ⟩ Н⟨ИКОЛАЕВНЕ⟩ В⟨РЕВСКОЙ⟩

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда, гуляка вдохновенный
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской
Весь свой разгул души студентской
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально
Вы угощали нас, двоих
Певцов,— и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...

Другой был я, его послушник,
Его избранник, и подручник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!
Какой огонь нам в душу лили
Стаканы жженки ромово́й!
Ее вы сами сочиняли:
Сладка была она, хмельна,
Ее вы сами разливали,
И горячо пилась она!
Стаканы быстро подымались
К веселым юношей устам
И звонко, звонко целовались,
Сто раз звеня приветы вам!
Другой был я — и мной воспета
Та наша славная гульба!
С тех пор прошли уж многи лета,
И гонит вашего поэта
Бесчеловечная судьба...
Но вас я помню постоянно,
Но вы блестите бестуманно
В счастливой памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда меня ласкала радость...
Примите ж ныне мой поклон
За восхитительную сладость
Той жженки пламенной, за звон,
Каким звучали те стаканы
Вам похвалу; за чистый хмель,
Каким в ту пору были пьяны
У вас мы ровно шесть недель;
Поклон за то, что и поныне,
В моей болезненной кручине,
Я верно, живо помню вас,
И взгляд радушный и огнистый
Победоносных ваших глаз,
И ваши кудри золотисты
На пышных склонах белых плеч,
И вашу сладостную речь,
И ваше сладостное пенье
Там у окна, в виду пруда...
Ах, помню, помню и волненье,
Во мне кипевшее тогда...

11 ноября 1845

312. К⟨АРОЛИНЕ⟩ К⟨АРЛОВНЕ⟩ П⟨АВЛО⟩ВОЙ

В достопамятные годы
Милой юности моей
Вы меня, певца свободы
И студентских кутежей,
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои
Разгорались и пылали
Вдохновением любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стих звучал,
Выговаривая ясно
Много, много вам похвал!
Поэтически-живая
Отцвела весна моя,
И дана мне жизнь иная
И тяжелая — но я...
Тот же я: во мне сохранно
Уцелели той поры,
Благодатной, бестуманной,
Драгоценные дары:
Сердца чистая любовность
И во всякий день и час
Достохвальная готовность
Воспевать и славить вас
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Чересчур неблагосклонно
На меня глядите вы —
Потому что за родную
Старину и за своих
На врагов и нехристь злую
Восстает мой русский стих,
Потому что не хочу я
Немчуры и не даюсь
Ей в неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь,—
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Неприязнью небывалой
Беззащитного гоня,
И теперь я ваш глубокой
Почитатель и готов

Вас по-прежнему высоко
Славить множеством стихов.
Я себе не изменяю,
Потому что с юных лет
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тем паче я поэт,
И тем выше, и тем краше
Достославное мое
Песнопенье, что я ваше
Неизменное копье!

28 апреля 1846

313. САМПСОН

А. С. Хомякову

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья Филистимской земли,
Себе на потеху они — и Сампсона
В оковах туда привели,

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любострастный
Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далида и кудри остригла ему,—
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, но смирился,
И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели,— и потеха он им!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смеются над ним.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
Он гибелью вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
Могучи его рамена.

«О, дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Сампсона!» — И крепко схватил он руками
Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
Под грудой развалин утих...

1 мая 1846

314. РОМАНС

Угрюм стоит дремучий лес,
Чернея при луне.
Несется витязь по лесу
На резвом скакуне.

Одет в железо молодец;
С ним верный меч и щит.
Он к девице-красавице
В объятия спешит.

Глаза у ней как звездочки,
Уста у ней как мед,
И — речи, речи сладкие,
Как соловей поет.

И ждет она задумчиво
Мило́го, и грустит.
Гудит дорога звонкая
Под топотом копыт.

Угрюм стоит дремучий лес,
Не дрогнет сонный лист.
Несется витязь по лесу —
И вдруг он слышит свист.

Чего бояться молодцу?
С ним меч его и щит,
И сила богатырская
Ему не изменит.

«Ты, знать, дружок, не пробовал
Встречать меня в бою!
Так выдь! Тебе немедленно
Я череп раскрою!

Не струшу я, кто б ни был ты —
Хоть сам рогатый бес!»
Несется витязь по лесу;
Вот он проехал лес.

И выехал он на поле —
И полем поскакал,
И пусто поле чистое...
А свист не перестал!

За молодцом он гонится,
Такой же, как в лесу:
Не горячись ты, молодец!
Свист... у тебя в носу.

1846

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеят и хранят мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы,
И пылкие умы, и рыцарские нравы...
Ах, молодость моя, зачем она прошла!
И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи; она, прибежище и сила
И первых нежных чувств, и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,
Она — ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясный,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная бога,—
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,
Каким доступны мы, когда в часы ночные
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы, и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий,—
И, словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

1846 ?

СКАЗКИ
ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ
ПОЭМЫ

316. 21 АПРЕЛЯ

Nunc est bibendum: nunc pede libero
Pulsanda tellus...

Hor., lib. I. Car. XXXVII[1]

1

Сидит Людмила под окном,
Часы вечернего досуга
С ней делит старая подруга,
И рассуждают — о пустом:
О жизни будущего века,
О мнимой младости своей,
О воспитании детей,
О прегрешеньях человека
И злой политике чертей.

2

Как сон души благочестивой,
Беседа женская тиха,
Когда без чувства, без греха
Язык болтает неленивый;
Но речи смелые летят,
Они решительны и громки,
Когда от сердца говорят
Ребра Адамова потомки.

---

[1] Теперь давайте пить и вольною ногою
О землю ударять...
Гор., кн. I, песня XXXVII (перевод А. А. Фета).— *Ред.*

3

«Ах боже мой! что вижу я!
Душа пугается моя,
Какими страшными толпами
Идут студенты! И куда?
Ей-богу, вольность им беда
С их удалыми головами.
О! будь я ректор! Я б дала
Поступкам их другую славу;
Их отвращала б ото зла
И не пускала б за заставу...
Смотрите: что у них в руках!
Вино и трубки!!» — так судила,
С душой на стареньких устах,
Религиозная Людмила;
Так непонятлив женский взор,
Так суеверная старуха
Мечтает видеть злого духа,
Глядя на светлый метеор!

4

Идут студенты. Неба своды
Сияют мирною красой:
Богам любезен пир свободы,
И просвещенной и живой!
Сыны ученья и забавы
Небрежно, весело идут;
Вперед! вперед! Вот у заставы,
Где строго что-то берегут
Игрушки мнительной державы.

5

Чу! за границей городской
Гремят студентские напевы:
Их не поет старик плохой,
Их не поют плохие девы;
Но их поэзия мила
Душе чувствительной и вольной,
Как шум веселости застольной,
Как вдохновенные дела.

6

Туда, где Либгарт домовитый
На лоне старческих отрад
Проводит жизненный закат
Своей души незнаменитой,
Где обольстительно шумят
Пруда серебряные воды
И, сладостный певец природы,
В тени раскидистых ветвей
Весенний свищет соловей;
Где, может быть, в минувши годы
Сражались рыцари мечей,
Громили чухон-дикарей,
И, враг тиранства благородный,
Отчизне гордо изменя,
Садился Курбский на коня,
С душой высокой и свободной! —
Туда идут, рука с рукой,
Отважно, громко восклицая,
Студенты длинною толпой;
И с ними Бахус удалой!
И с ними радость удалая!

7

У прохладительной воды,
Пред домом старца-господина,
Есть полукружная долина.
Дерев тенистые ряды —
Ровесники ливонской славы —
Высоки, темны, величавы,
Кругом, как призраки, стоят.
И на лужайке аромат,
И струй веселое плесканье,
И легкий шепот ветерков,
И трепетание листов,
Там всё — душе очарованье
И пища де́вице стихов.

8

Сюда веселость молодая
Пришла на дружественный пир.
О вольность, вольность, ангел рая,
Души возвышенной кумир!
Ты благодетельна, ты гений
Великих дел и вдохновений;
Святая, пылкая! с тобой
Нет в голове предрассуждений
И нет герба над головой.

9

Как милы праздники студентов!
На них приема нет чинам,
Ни принужденных комплиментов,
Ни важных критиков, ни дам;
Там Вакх торжественно смеется,
Язык — не гость и либерал,
Сидишь, стоишь — покуда пьется
И пьешь — покуда не упал.

10

Смотрите: вот сошлися двое!
Бутылки верные в руках,
И видно чувство неземное
В многозначительных очах.
Стекло отрадно зазвенело,
Рука с рукой переплелась,
И в души сладость полилась
Струей шипучей и веселой.
И взоры блещут, как огонь,
Лицо краснеет и пылает,
Бутылки прочь — и упадает
Ладонь горячая в ладонь.
Вот величаво и свободно
Уста слилися: раз, два, три
(Не так целуются цари
В часы их радости негодной!).
Свершив приятельский обряд,
Они с улыбкой упованья
Один другому говорят
Свои фамильные названья.

11

Великолепная картина!
Отрада слуху и очам!
Иной гуляет по холмам
И дружно пьет чужие вина:
В устах невнятные слова,
И руки трепетные машут,
И ноги топают и пляшут,
И без фуражки голова!
Вот он стоит — и взором ищет
Неопустелого стекла,
К нему несется как стрела,
И улыбается, и свищет.

12

Другой, подъемля к небу взгляд,
Свою бутылку допивает,
Ее колеблет и бросает
К жилищу ратсгофских [1] наяд;
Она летит — она упала
На лоно светлого пруда,
И серебристая вода
Запенилась и засверкала.

13

А там, разнеженный вином,
В восторгах неги полусонной,
Усильно борется со сном
И по долине благовонной
Беспечно движется кругом;
Руками томно жестиру́ет,
Привстанет, смотрит на друзей
И полупьяных критикует
В свободной смелости речей.

---

[1] Ратсгоф — место пира, загородный дом.

14

Среди смеющегося луга
Звучат органа голоса,
Для пира новая краса;
Обняв пленительно друг друга,
Студенты в радости живой,
Лихие песни напевая,
Кружатся шумною толпой,
И спотыкаясь и толкая...
Чета несется за четой,
Одна другую нагоняет —
И вот слетелися оне,
И вальс в небрежной толкотне
На землю с криком упадает.

15

Уж догорел прекрасный день
За потемневшими горами;
Уж стелется ночная тень
Над благовонными брегами,
Над чистым зеркалом зыбей
И над шумящими толпами
Развеселившихся друзей;
Светило кроткое ночей
То прячется, то выбегает
Из тонкой сети облачка
И светом трепетным слегка
Леса и долы осребряет.

16

А праздник радости кипит,
Не утомясь, не умолкая;
Туманный берег озаряя,
Костер сверкает и трещит.
И в тишине красноречивой
Не побежденная вином
Толпа стоит перед огнем;
Огонь растет и блещет живо
Над разгоревшимся костром,

И вот багряными струями
Восстал высоко, зашумел;
И дым сгустился, почернел,
Слился огромными клубами
И по дубраве полетел!

17

При громе буйных восклицаний
Студенты скачут чрез огонь,—
Так прыгает ученый конь,
Так прыгают младые лани
Через пучину, через ров;
Одежда гнется, загораясь,
И с треском локоны власов,
То развиваясь, то свиваясь,
Во мраке дымчатых столбов
Блестят, как огненное знамя,
На беззаботных головах.
Один промчался через пламя,
Другой запнулся в головнях —
Готов упасть — он упадает,
Но встал и вышел из огней —
И хохот радостных друзей
С улыбкой гордою внимает.

18

И вот иная красота!
Дары забавы благородной!
Рукой отважной и свободной
С плеча нетвердого снята,
Чернея в зареве багровом,
Одежда легкая летит —
Падет, и сумрачным покровом
Костер удержан и покрыт,
Огонь редеет, утихает,
И вдруг сильней, ожесточен,
Ее обхватывает он,
Ее вертит и разрывает.

19

Но полночи угрюмой сон
Лежит по стихнувшим долинам;
Конец студенческим картинам.
Питомец вольности живой,
Питомец радости высокой
Спешит задумчиво домой
И на кровати одинокой
Вкушает сладостный покой.

———

Суета сует и всяческая суета!

Соломон.

9 мая 1824
Дерпт

317. СКАЗКА О ПАСТУХЕ И ДИКОМ ВЕПРЕ

Дм. Ник. Свербееву

Дай напишу я сказку! Нынче мода
На этот род поэзии у нас.
И грех ли взять у своего народа
Полузабытый небольшой рассказ?
Нельзя ль его немного поисправить
И сделать ловким, милым; как-нибудь
Обстричь, переодеть, переобуть
И на Парнас торжественно поставить?
Грех не велик, да не велик и труд!
Но ведь поэт быть должен человеком
Несвоенравным, чтоб не рознить с веком:
Он так же пой, как прочие поют!
Не то его накажут справедливо:
Подобно сфинксу, век пожрет его;
Зачем, дескать, беспутник горделивый,
Не разгадал он духа моего! —
И вечное, тяжелое забвенье...
Уф! не хочу! Скорее соглашусь
Не пить вина, в котором вдохновенье,

И не влюбляться.— Я хочу, чтоб Русь,
Святая Русь, мои стихи читала
И сберегла на много, много лет;
Чтобы сама история сказала,
Что я презнаменитейший поэт.

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда
Царей и царств, и гром, и крик военный,
И рушатся престолы, города;
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей,
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей.
Ну, милая! гуляй же, будь как дома,
Свободна будь, не бойся никого;
От критики не будет нам погрома:
Народность ей приятнее всего!
Когда-то мы недурно воспевали
Прелестниц, дружбу, молодость; давно
Те дни прошли; но в этом нет печали,
И это нас тревожить не должно!
Где жизнь, там и поэзия! Не так ли?
Таков закон природы. Мы найдем
Что петь нам: силы наши не иссякли,
И, право, мы едва ли упадем,
Какую бы ни выбрали дорогу;
Робеть не надо — главное же в том,
Чтоб знать себя — и бодро понемногу
Вперед, вперед! — Теперь же и начнем.

Жил-был король; предание забыло
Об имени и прозвище его;
Имел он дочь. Владение же было
Лесистое у короля того.
Король был человек миролюбивый,
И долго жил в своей глуши лесной
И весело, и тихо, и счастливо,
И был доволен этакой судьбой;
Но вот беда: неведомо откуда
Вдруг проявился дикий вепрь, и стал
Шалить в лесах, и много делал худа;
Проезжих и прохожих пожирал,
Безлюдели торговые дороги,

Всё вздорожало; противу него
Король тогда же принял меры строги,
Но не было в них пользы ничего:
Вотще в лесах зык рога раздавался,
И лаял пес, и бухало ружье;
Свирепый зверь, казалось, посмевался
Придворным ловчим, продолжал свое,
И наконец встревожил он ужасно
Всё королевство; даже в городах,
На площадях, на улицах опасно;
Повсюду плач, уныние и страх.
Вот, чтоб окончить вепревы проказы
И чтоб людей осмелить на него,
Король послал окружные указы
Во все места владенья своего
И объявил: что, кто вепря́ погубит,
Тому счастливцу даст он дочь свою
В замужество — коро́левну Илию,
Кто б ни был он, а зятя сам полюбит,
Как сына. Королевна же была,
Как говорят поэты, диво мира:
Кровь с молоком, румяна и бела,
У ней глаза — два светлые сапфира,
Улыбка слаще меда и вина,
Чело как радость, груди молодые
И полные, и кудри золотые,
И сверх того красавица умна.
В нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали кто своей звездой,
Кто идеалом, девой неземной,
Все вообще — прекрасной королевной.
Отец ее лелеял и хранил
И жениха ей выжидал такого
Царевича, красавца молодого,
Чтоб он ее вполне достоин был.
Но королевству гибелью грозил
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указ, каким в своей большой печали
Король судьбу дочернину решил.

Указ его усердно принят был:
Со всех сторон стрелки и собачеи
Пустилися на дикого вепря́:
Яснеет ли, темнеет ли заря,

И днем и ночью хлопают фузеи,
Собаки лают и рога ревут;
Ловцы кричат, и свищут, и храбрятся,
Крутят усы, атукают, бранятся,
И хвастают, и ерофеич пьют;
А нет им счастья.— Месяц гарцевали
В отъезжем поле, здесь и тут и там,
Лугов и нив довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домам —
Опохмеляться. Вепрь не унимался.
Но вот судьба: шел по лесу пастух,
И невзначай с тем зверем повстречался;
Сначала он весьма перепугался
И побежал от зверя во весь дух;
«Но ведь мой бег не то, что бег звериный!» —
Подумал он и поскорее взлез
На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалося небес
И виноград пурпурными кистями
Зелены ветви пышно обвивал.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, и крепкий ствол дрожал.
Пастух смутился: «Ежели подроет
Он дерево, что делать мне тогда?»
И пастуха мысль эта беспокоит:
С ним лишь топор, а с топором куда
Против вепря́! Постой же. Ухитрился
Пастух, и начал спелы ветви рвать,
И с дерева на зверя их бросать,
И ждал, что́ будет? Что же? Соблазнился
Свирепый зверь — стал кушать виноград,
И столько он покушал винограду,
Что с ног свалился, пьяный до упаду,
Да и заснул.— Пастух сердечно рад,
И мигом он оправился от страха
И с дерева на землю соскочил,
Занес топор и с одного размаха
Он шеищу вепрю́ перерубил.
И в тот же день он во дворец явился
И притащил убитого вепря́
С собой. Король победе удивился
И пастуха ласкал, благодаря
За подвиг. С ним разделался правдиво,
Не отперся от слова своего,

И дочь свою он выдал за него,
И молодые зажили счастливо.
Старик был нежен к зятю своему
И королевство отказал ему.

Готова сказка! Весел я, спокоен.
Иди же в свет, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоин
Его похвал и что бессмертен я.
Я совершил нешуточное дело,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и полениться смело,
И на Парнасе долго ни гу-гу!

1835

318. ЖАР-ПТИЦА

Драматическая сказка

1

Царь Выслав и Министр его.
Министр держит блюдо с яблоками.

Царь Выслав

Вот яблоки так яблоки, на славу!
Могу сказать, что лучшие плоды
На всей земле, единственные. Чудо!
Цвет как янтарь иль золото. Как чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляет в них
Свои лучи. А вкус! Не то что сахар
Иль мед,— гораздо тоньше, выше: он
Похож на ту разымчивую сладость,
Которая струится в душу, если,
Прильнув устами к розовым устам
Любовницы прелестно-молодой,
Закроешь взор — и тихо, тихо, тихо
Из милых уст в себя впиваешь негу:
То пламенный и звонкий поцелуй,
То медленный и томный вздох. Так точно.

(Кушает яблоко.)

Поверишь ли, что иногда бывает
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдруг и позабудусь,
И полетят и полетят мечты!
И кровь во мне играет: целый час
Сижу недвижно с яблоком в руке
И на него смотрю неравнодушно,
А сам не ем вкуснейшего плода!
Прекрасный плод! И мне какая слава,
Какая слава подданным моим,
Что у меня в саду такая сладость
Растет и зреет! Только у меня!
Зато уж как я радуюсь, когда
Приходит лето и пора... Однако ж
Мне кажется — и вот уже дня с два,
Как замечаю то же — прежде больше
Ты приносил мне яблоков. Не так ли?
Ведь так?

Министр

Их было больше, государь!

Царь Выслав

Их было больше! Отчего ж теперь?..
Куда ж они деваются? Послушай:
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кроме царя, во всей моей державе
Не должен есть их, что никто никак
Не должен сметь подумать, что он может
Их есть. Так я постановил законом.
Куда ж ты их деваешь? Говори...

Министр

Прости меня, великий государь!
Я виноват...

Царь Выслав

Какой же ты министр!..
И хорошо ты служишь мне, когда
Ты не радеешь именно о том,
Что мне всего милее!

Министр

Государь!
Сыздетства я привык служить царю
Всегда, везде: под черной ризой ночи
И при дневном сиянии небес,
В блистательных чертогах богача
И в сумрачной лачуге селянина,
На сходбище народном и в глуши,
Всегда, везде умел я царску волю
Решительно и грозно совершать
Во всех ее оттенках и видах;
И службою моею не гнушались
Мои цари великие. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дед твоего величества, всегда
Мне жаловал знатнейшие чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андрон,
Не отвергал советов...

Царь Выслав

Знаю, знаю!
Да не об том я спрашивал тебя:
Я не люблю речей окольных, длинных;
Мне говори и коротко, и прямо,
А в сторону от дела не виляй.

Министр

Я виноват, что не дерзнул доселе
Открыть тебе великую беду,
Тяжелое общественное горе:
В твой царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует,
И прилетает кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выслав

Поймать Жар-Птицу! Что это за птица?

Министр

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю
Восточному, а перья золотые,
И блещут ярко...

Царь Выслав

Все-таки поймать!

Министр

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на деле.
Твои рабы усердные, Жар-Птицу
Уж мы давным-давно подстерегаем!
Устроены засады, караулы
И оклики; отряд дружины царской
Дозором ходит; наконец, я сам
Не раз уже ходил ее ловить,
И всё напрасно!

Царь Выслав

Стало быть, она
Огромная, из рода редких птиц
Времен предысторических?

Министр

Она
Величиной с большого петуха
Иль много что с павлина. Но у ней
Глаза и перья блещут и горят
Невыносимо ярко. Лишь она
Усядется на яблони и вдруг
Раскинет свой великолепный хвост —
Он закипит лучами, словно солнце;
Тогда в саду не ночь, а чудный день,
И так светло, что ничего не видно!
А между тем всё это от нее ж,
И тишина, такая тишина,
И нежная и сладкая, что самый
Крепчайший сторож соблазнится: ляжет
На дерн, кулак подложит под висок,
Заснет и спит до позднего обеда!

Царь Выслав

Так как же быть? Диковинная птица!
Зови сюда царевичей! Они
Помогут мне подумать, рассудить,
Что делать нам.

Министр уходит.

2

Царь Выслав один.

Царь Выслав

Что делать с этой птицей?
Таков вопрос!

(Ходит по комнате.)

Ужасно я встревожен!
А говорят, что царствовать легко!
Согласен я: оно легко, покуда
Нет важных дел, но лишь пришли они,
Так не легко, а нестерпимо трудно!
Вот, например, теперешнее наше!
Хоть самого Сократа посади
На мой престол; по случаю Жар-Птицы
И сам Сократ задумается: как
Поймать ее, когда никак нельзя
Поймать ее? Да, надобно признаться:
Есть на земле пречудные дела,
Столь хитрые, мудреные, что в них
Разумнейший, великий человек,—
Ну человек такой, чтобы природа
Могла сказать об нем: «Вот человек!» —
И глуп и мал, как мой последний раб.

3

Царь Выслав и царевичи.

Царь Выслав

Любезные царевичи мои!
В наш царский сад повадилась Жар-Птица
И яблоки заветные ворует
И прилетает кажду ночь. Так я
Хочу теперь подумать вместе с вами,
Что делать с ней? А так ее оставить
Нельзя: она дотла опустошит
Наш сад. Да мне, царю, и неприлично
Давать себя в обиду всякой дряни!
Скажите же, царевичи мои,
Как поступить мне с нею? Ты сначала
Подай совет, мой старший сын, Димитрий!

Димитрий-царевич

Я думаю, что надобно сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла к тому царю отправить —
Сказать ему, что ваша-де Жар-Птица
Повадилась летать в наш царский сад
И яблоки ворует дорогие;
Так мы по дружбе с вами просим вас
Унять ту птицу; мы-де не желаем,
Чтоб вечный мир, который...

Царь Выслав

Ты, Василий?

Василий-царевич

Я думаю так точно, слово в слово,
Как говорит мой старший брат: сперва
Наверное разведать, чья она;
Потом посла...

Царь Выслав

А ты, Иван-царевич?

Иван-царевич

Я думаю, что нечего тут думать!
Поймать ее — и в шляпе дело!

Царь Выслав

Как же
Поймать ее? Вот в том-то и задача!
Давно об ней хлопочут: караул,
Засада, часть дружины, вообще
Против нее ловительные меры
Уж приняты, но всё напрасно.

Иван-царевич

Что же,
Нам прикажи: мы сыновья твои,
Тебя мы любим больше, чем твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочие ловительные меры,
Авось поймаем!

Царь Выслав

Да и в самом деле!
Совет разумный! Я с тобой согласен,
Иван-царевич! Знаю это слово:
«Авось! Авось!» О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто в нем одном
Заключены великие дела
И вечная блистательная слава!
Так точно ель, что крепкими корнями
Ухватится за землю, и под тень
Раскидистых, густых своих ветвей
Укроет дол, и гордою вершиной
Уйдет в лазурь небесную, таится
В одном летучем семечке!.. Авось
Удастся вам, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу! Бесполезно мешкать
В таких делах. Я вам повелеваю,
Вам всем троим, царевичи, ходите
В наш царский сад, по брату кажду ночь,
Ловить ее: сначала ты, Димитрий,
Потом Василий, наконец Иван.
Иван-царевич, подойди ко мне,
Дай мне тебя расцеловать, мой милый,
Любимый сын: ты освежил меня
Своим советом. Весело мне видеть,
Что у тебя отважная душа.
Расти, мой сын, ты будешь богатырь!

4

Царевичи Димитрий и Василий.

Димитрий-царевич

Ты правду мне сказал, любезный брат,
Нам не видать ее. Не нашим силам
Устаивать против такого сна,
К которому во время караула
Так и влечет и клонит человека:
Шелко́вый луг, весенняя прохлада,
И тишина заповедно́го сада,
И сладкая, безмесячная ночь.

Василий-царевич

Волшебный сон! Лишь только я уселся
Под яблонью и бодро начал думать,
Как не заснуть мне в эту ночь, меня
Вдруг обняла, откуда ни возьмись,
Такая лень решительно и сладко,
Как резвая прелестница, что я
Почти упал, и, право, уж не помню,
Как я заснул.

Димитрий-царевич

Всё это ничего!
Ведь батюшка уверен, что Жар-Птица
Не прилетала обе эти ночи;
Но вот загадка: как нам быть, когда
Иван-царевич...

Василий-царевич

Ты мне странен, брат.
Куда ему! И он проспит, как мы!

Димитрий-царевич

Он очень счастлив. И теперь уже
Его зовут любимым сыном. Мы же...

5

Те же и царь Выслав.

Царь Выслав

Мне, право, жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Вас не виню! Да как вас и винить?
Не прилетала: нечего и делать!
Где взять ее? Посмотрим, что-то скажет
Иван-царевич?

Димитрий-царевич

Может быть, ему
И удалось ее увидеть...

Василий-царевич

Да,
Оно нетрудно, если прилетала...

Димитрий-царевич

И близ него светилася, как солнце.

Царь Выслав

Что пользы в этом, ежели она
И прилетала? Он еще так молод;
Он не сумеет справиться с такой
Чудесной птицей. Верно, оробеет
И ничего не сделает... Да вот он!
А, здравствуй, мой Иван-царевич! как
Ты ночь провел? Что это у тебя?

6

Те же и Иван-царевич.

Иван-царевич

Перо Жар-Птицы.

Царь Выслав

Что ты, в самом деле?
Возможно ли!

Иван-царевич

Я не поймал ее!
Пресильная, пребешеная птица!
Одно перо осталось у меня.

Царь Выслав

А как его достал ты?

Иван-царевич

Очень просто:
Я взлез на яблонь и в густых ветвях
Под самою верхушкой притаился;
Сижу и жду, что будет? Ночь тиха,
Безмесячна, во всем саду ни листик
Не шевельнется; я на яблони сижу.
Вдруг вижу, что-то на краю небес,
Как звездочки, заискрилось; гляжу
В ту сторону; оно растет и будто
Летит, и в самом деле ведь летит!
Всё ближе, ближе, прямо на меня,

И к яблони — и листья зашумели;
Однако ж я ничуть не оробел.
Сидит Жар-Птица, знаю... да как гаркну —
И хвать ее обеими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигом
Ушла из глаз в далекий небосклон,
А у меня в руке перо осталось.

Царь Выслав

(рассматривая перо)

Прекрасное, редчайшее перо!
Как тяжело! Знать, цельнозолотое!
Как тонко, нежно, гибко, что за цвет!
Прекрасное, редчайшее перо!
Хоть на шелом Рогеру! Слава богу!
Любезные царевичи, я рад,
Сердечно рад Жар-Птицыну перу!
Теперь я ожил: я почти уверен,
Что не уйдет она от наших рук.
По-прежнему ходите караулить,
И с нынешней же ночи. Я надеюсь,
Что ты, Димитрий... Ну, Иван-царевич!
А я грешил: я думал, ты... ан нет!
Ты, как герой, ничуть не испугался —
И действовал благоразумно. Славно!

(Целует Ивана-царевича.)

Мой милый сын! Поди, мой друг, к себе
И отдохни! А ты, Димитрий, снова
Приготовляйся к караулу. Я
Хочу подумать, как мне самый лучший,
Приличный ящик сделать иль ковчег
Для этого чудесного пера,
Изящно-драгоценный! Позови

(Василию)

Сюда ко мне дворцовых столяров
И резчиков: я дожидаюсь их!

7

Царь Выслав и царевичи.

Царь Выслав

Итак, Жар-Птица вовсе перестала
Летать к нам в сад, и всё у нас в порядке,
Спокойно, тихо; яблоки растут,
Красуются и зреют безобидно,
И вообще судьба ко мне добра,
Мила со мной, любезна: всё как было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мне хочется? Вчера
После обеда сделалась со мной
Бессонница... и не спал я, и думал
О том о сем, и кое-что обдумал;
Потом я стал мечтать, мои мечты —
В бессонницу они празднолюбивы,—
Мои мечты пестрелись и кипели,
Как ярмарка,— и вдруг одна из них,
Как юношу красавица, нежданно
Блеснувшая в народной толкотне,
Одна из них меня очаровала,
И ей одной я предался вполне,
Как юноша, доверчиво и страстно:
Мне хочется, царевичи мои,
Поймать Жар-Птицу непременно. Ею
Умножу блеск престола моего
И на земле далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вам,
Что награжу весьма великодушно
Того из вас, кто мне ее доставит:
Отдам ему полцарства моего!

Иван-царевич

Не нужно мне полцарства твоего!
А просто так, из удали... я рад
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Молчи, Иван-царевич!
С тобой я буду после говорить.
Вы, старшие царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,

С которыми, как с лучшими друзьями,
Так счастливо привык я разделять
И сладкие и горькие плоды
Верховной власти! Я вас знаю: вы
Для подвигов блестящих и высоких
Созрели; вы учились языкам,
Всемирную историю читали;
Вы бойки нравом, тверды, как железо,
И вспыльчивы, как порох, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоим вам, Димитрий и Василий,
Я предлагаю чрезвычайный труд,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Где б ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мне. Я спрашиваю вас,
Согласны ли вы ехать в дальний путь,
Бог весть куда и в чьи края?

Димитрий и Василий царевичи

Мы рады,
Хоть сей же час.

Царь Выслав

Я это знал, друзья;
Предвидел я, что будет ваш ответ
Решителен, спартански смел и краток.
Вы рады, вы готовы сей же час
Бог весть куда! Так человек, в котором
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дело
Развития божественной души,
Радошен, бодр и светел, он идет
В безвестный путь на подвиг многотрудный.
Благодарю вас, милые мои
Царевичи, сберитесь поскорее,
По-рыцарски — да тотчас и в дорогу
Под утренним сиянием небес,
При веяньи прохладного зефира.
Теперь же вы примите мой совет
Отеческий, напутный. Ах, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда висит
На волоске, чуть держится — тем паче

Когда опасность... будьте осторожны,
Друзья мои, старайтесь не везде
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпением, сноровкою, где можно
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шаг заране, а потом
И действуйте, надеясь на судьбу;
Не мешкайте в дороге, особливо
В гостиницах, в трактирах. Нежных связей
С гульливыми красавицами, братства
С фиглярами, с бродяжными жидами,
С цыганами, гудо́чниками — бойтесь!
Игорных же бесед, и академий,
И сволочи распивочных домов,
Пожалуйста, бегите как чумы;
Велите ваши сабли наточить
Как можно лучше. Я же вам даю,
На всякий случай, пару самострелов
Новейшего устройства: в три минуты
Бьют пятьдесят два раза прямо в цель!
Прехитрые!.. Возьмите по коню
С моей конюшни, ты Кизляр-агу,
Иль Мустафу, а ты, Василий,— Негра!

Димитрий и Василий царевичи уходят.

8

Царь Выслав и Иван-царевич.

Царь Выслав

Мой друг, Иван-царевич! Ты со мной
Останься, мой милый сын, отцу
Единственной утехой и отрадой.
Ты молод: ты не силен перенесть
Опасности и всякие невзгоды
Далекого и трудного пути.
Тебе со мной не будет скучно. Я
Отдам тебе особенную часть
Правления, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
Да что же ты задумался и плачешь?

Иван-царевич

Царь-батюшка! прости мне эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мне досадно,
Что ты меня оставил одного
В презрении. Я чем же хуже братьев?
За что же им широкая дорога
Добыть себе геройских, светлых дел?
А я сиди прикованный к столу...
Позволь и мне отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Никак нельзя, мой милый сын: ты молод.

Иван-царевич

Ах, молод я — вот вся моя вина!
Я младший брат, но разве у меня
Глаза не блещут, сердце не играет,
И кровь кипит не бурно, и рука
Не пламенно хватается за меч
При имени опасности и славы?
Нет! душно мне в чертогах безопасных,
Невыносимо горько: я хочу
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу
Душе разгулу, сердцу впечатлений,
Необычайных, резких, роковых!
О! понимаю, страстно понимаю,
Что говорит мне кровь моя!..

Царь Выслав

Помилуй!
Что ты, мой сын! Ты вышел из себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я,
Сам вижу я, куда тебя влечет
Младой души лирический порыв.
Но выслушай, что я тебе скажу:
Не хочешь ты заняться, так сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь
Смиренного, сидячего труда
И письменных обдумываний — я
Найду тебе работу поживее:
Вот хочешь ли, я поручу тебе
Верховное смотрение за всем;

Ты будешь ездить, будешь замечать,
Где, что и как; ты будешь в хлопотах,
В движении, ты станешь мне изустно
Докладывать...

Иван-царевич

Всё это не по мне!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

А я один останусь, милый сын!
Сам посуди, я человек и смертен,
И я же стар, и немощен, и хил:
Что, ежели скончаюся в то время,
Как нет из вас ни одного при мне?
Кто сбережет общественный порядок,
Наш царский трон, казну? Ты знаешь чернь!
Она всегда глупа и легковерна,
Особенно в решительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвон
Расскажет ей бессмысленную сказку,
В набат ударит, кликнет клич: толпа
Взволнуется кровавой суматохой
И, дикая, неистовая, хлынет
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою республикой, бедами
И гибелью. Тогда соседы наши,
Как ворон крови ждущие раздора
В чужом народе, ото всех сторон,
Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наследие. Тогда
Что будет с вами, сыновья мои?
Где вы себе пристанище найдете?
Так, я страшусь грядущего! Предвижу
Несчастия...

Иван-царевич

Вольно тебе страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава богу,
Не дряхлый старец; немощи твои
Не велики и часто незаметны;
Ты свеж и бодр!

Царь Выслав

Нет, то ли я был прежде!
Ах, молодость, зачем она прошла!

Иван-царевич

Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нельзя, мой сын.

Иван-царевич

Не я ль тебе достал
Ее перо? А братья что поймали?
За что же я останусь? Сделай милость,
Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану
И привезу тебе Жар-Птицу; знаю
И чувствую, что привезу наверно...
Я очень счастлив, я ее поймаю.
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

Нет, не могу!..

Иван-царевич

Так я умру с тоски,
Сойду с ума! В мечту об ней так сильно,
Так пламенно влюбился я! Об ней
Всегда, везде, во сне и наяву
И думаю и брежу день и ночь.

Царь Выслав

Вот то-то же, любезный сын, ты слишком
Горяч, способен чрезвычайно скоро
В мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нередко видим...

Иван-царевич

Как хорошо, как весело нам будет!
Мы для нее на самом видном месте
Построим дом, каких немного в мире:
Пространные, высокие палаты,
С зеркальными окошками, с крыльцом,
Украшенным столбами в два ряда;

А в высоте, над пышною столбницей
Заблещут в ярких, золотых лучах
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая бронзовая повесть
Чудесного ловления Жар-Птицы,
И с надписью: да знает несомненно
Всемирная история, что ты,
В такой-то год правленья твоего,
Соорудил такие-то палаты.
Когда ж они совсем готовы будут...

Царь Выслав

Я думаю, что можно их поставить
В саду, среди лужайки, за прудом.

Иван-царевич

Мы сделаем великолепный праздник,
Пир на весь мир. Народу отовсюду
Тьма-тьмущая, безоблачное небо,
День, дышащий прохладою весны;
Уж будет праздник! Звон колоколов
Всех колоколен мы в единый гул
Торжественный, как в колокол единый,
Огромнейший, гудящий громогласно,
Сольем — и над ликующим народом
Его подымем в небе голубом!
Велим палить из пушек без умолку
И потчевать бесчисленных гостей
Обедом, яствами саха́рными, медами,
Вином и пивом, вдоволь, до упаду;
А вечером — музы́ка роговая,
Катанье, пляски, песни, хороводы,
И блеск, и треск потешного огня!
Пусти меня отыскивать Жар-Птицу!

Царь Выслав

(подумав)

Жаль мне с тобой расстаться, милый сын,
А надобно: иначе мы друг с другом
Никак не сладим. Ты горяч и пылок!
Ну, так и быть, уж поезжай и ты!

Иван-царевич

Что слышу я, царь-батюшка! Я еду,
Я отыщу Жар-Птицу непременно
И привезу ее тебе живую!
Царь-батюшка, прощай же, я недолго...
Не стану медлить, я готов в дорогу,
Сейчас же еду! Скоро мне коня!

(Уходит.)

9

Иван-царевич

(в лесу, едет верхом)

Не весело мне ехать! Этот лес,
Большой, дремучий, мрачный и, как видно,
Принадлежащий царству тишины,
Несносно скучен! Еду третьи сутки,
И много уж проехал, а ни с кем
Не встретился и ничего не видел,
Кроме лесной дороги да небес,
Протянутых, как лента голубая,
Высоко, вдаль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здесь мертвое молчанье
И непробудный сон: в тиши лесной
Не свистнет птичка, леший не аукнет;
Лишь изредка скакун мой удалой
Встряхнет своей нахмурой головой
И забренчит опущенной уздой
Или в кремень стальным копытом стукнет.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищ! Не всегда же
Поедем мы таким дремучим лесом!
Бодрее будь! Надейся несомненно:
Куда-нибудь нас выведет дорога,
Куда-нибудь выходит же она!
Мой добрый конь! повесели меня!
Разбудим лес громоподобным стуком
Твоих копыт, укоротим дорогу
Твоим широким скоком! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина
И резвым ветром бега твоего
Отвей тоску от головы его!

(Скачет.)

Вот этак лучше! Вот уж и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столб стоит, и на столбе слова.
Посмотрим, что имеет он сказать!

(Читает.)

«Ежели кто поедет от сего столба прямо, тот будет голоден и холоден; кто же поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его убит; а кто поедет в левую сторону, тот будет убит, а конь его жив и здоров будет».

Куда ж мне ехать? Прямо от столба?
Я не люблю, я вовсе не способен
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мне коня! Да и себя мне жаль:
Идти пешком... умаешься, устанешь!
Потом лежи и отдыхай, потом
Опять иди и снова отдыхай.
Нет, это скучно, мешкотно; а я
Сказал отцу, что скоро ворочусь
С Жар-Птицею, я должен торопиться.
Куда ж мне ехать? Разве уж налево,
Чтобы меня убили... а мой конь,
Мой верный, добрый конь, надежный мой товарищ,
Остался бы покинутым под верх
Разбойнику? Нет, этого не будет.
Нет! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчеств никаких,
Не верю им: я знаю, врут они.

10

Иван-царевич

(в лесу, сидит)

Чтоб у тебя всегда болели зубы,
Проклятый волк! Ты самый хищный зверь!
Чем я тебя обидел, огорчил,
Что ты зарезал моего коня,
Товарища и друга моего?
Чем виноват он? Голоден ты, что ли?

И мал тебе пространный этот лес
Ловить твою несчастную добычу?
Нет! так уж ты и жаден и свиреп!
Мой добрый конь! Как тешил он меня!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый зверь, что на твоей дороге
Так весело и смело он скакал
И громко топал бурными ногами,
Что растревожил самого тебя
И всё твое зеленое жилище?
Как я устал! А долго ли я шел,
И много ли прошел я? То ли было...
Ах, добрый конь мой, что я без тебя?
Проклятый волк! осиротил меня.

11

Из лесу выходит Серый волк.

Серый волк

Прости меня, Иван-царевич!

Иван-царевич

Что ты?
Прочь от меня, разбойник! Прочь поди!

Серый волк

Мне жаль тебя, Иван-царевич.

Иван-царевич

Поздно
Ты обо мне жалеешь.

Серый волк

Право, жаль.
И знаешь ли? Ведь я почти невинен,
Что твоего коня я растерзал:
Я только был орудием судьбы
И действовал невольно, исполняя
Ее закон, жестоко непреложный.
Ты помнишь, что́ предсказывал тебе
Дорожный столб? Ты выбирал дорогу,
Но будь спокоен: я тебе слуга,

Хочу помочь твоей большой беде,
И помогу: садись-ко на меня
И поезжай на мне куда угодно,
Как на коне на самом удалом.

Иван-царевич

Пожалуй, я от этого не прочь,
Чем мне пешком тащиться. Хорошо!
Будь мне конем. Вот видишь ли в чем дело:
Меня послал царь-батюшка достать
И привезти ему Жар-Птицу: так вези
Меня туда, в то царство, понимаешь?

(Садится верхом на волка.)

Ну, я совсем! Несись во весь опор,
Мой серый конь, мохнатый мой скакун!

12

Серый волк

Приехали! Слезай с меня, мой витязь!
Вот через эту каменную стену
Переберись, а там в саду Жар-Птица.
Давно уж ночь, уснули сторожа;
Иди себе, не бойся их нимало:
Они обыкновенно крепче спят,
Чем прочие хранительные власти.
Да вот тебе совет мой: ты Жар-Птицу
Бери смелей, во сне она смирна,
И вынь ее из клетки золотой,
И унеси, а клетку золотую
Оставь как есть; не тронь ее — она
С механикой, со штукой, от нее
Звонча́тые, чувствительные струны
Проведены к дворцовым караулам;
Они как раз подымут шум и крик,
Тогда тебе не миновать беды!

13

Царь Долмат и Сказочник.

Царь Долмат лежит на кровати, перед ним на полу сидит Сказочник.

Сказочник

Был чудный царь, великий беспримерно;
Задумал он народ свой просветить,
Народ, привыкший в захолустье жить,
Почти бескнижный, очень суеверный
И закоснелый в рабстве. Как с ним быть?
Царь был премудр, и начал он с начала:
Стал самого себя он просвещать —
И благодать господня воссияла
Ему, наук живая благодать.
Но этого казалось не довольно
Тому царю, единому в царях:
Оставил он венец и град престольный,
Пошел узнать в далеких сторонах
Всё нужное для своего народа;
И всё узнал он собственным трудом,
И ко своим пришел, равно знаком
С вожденьем царств и звездным чертежом,
С порядком битв и стрелкой морехода,
С ножом врача, с киркой и долотом!

Царь Долмат

Вот хорошо! Люблю такие сказки,
Спокойные, где творческий талант
Ведет меня к назначенной мете
Прямым путем; и мне тогда легко:
Я следую за ним, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всем, что мне рассказывают; ясно
Соображаю, как и в чем тут дело,
И сказка вся с начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мне и сладко, что я понял
Все хитрости, которые талант
Употребил в ней, свойственно своей
Возвышенной природе создавать
Умно. Меж тем часы едва заметно
Идут, идут — и благотворный сон
Мои зеницы тихо закрывает

И долго, долго в самой сладкой неге
Меня лелеет. Поутру проснусь
Здоров и светел. Тут-то я доволен,
Что слушал сказку; тут-то я вполне
И чувствую и вижу на себе,
Как нужны и приятны человеку
Словесные искусства и талант,
Развившийся в порядке. Продолжай!
Нет, погоди! Я слышу... Так, звонят!
И крик и шум, неу́жели пожар?
Ох! я боюсь пожара как огня!

14

Те же и стража с Иваном-царевичем.

Царь Долмат

Что за тревога? Что за крик и шум?

Начальник стражи

Всё слава богу! По́ймали вора
В твоем саду: хотел унесть Жар-Птицу

Царь Долмат

Сковать его, в тюрьму его скорее!
Судить его шемякинским судом!..
Ко мне его сию ж минуту!..

Вводят Ивана-царевича.

Начальник стражи

Вот он!

Царь Долмат

Кто ты таков?

Иван-царевич

Я сын царя Выслава,
Иван-царевич.

Царь Долмат

Сын царя Выслава...
Адроновича, что ли?

Иван-царевич

Точно так!

Царь Долмат

Послушай, друг мой, как тебе не стыдно
Птиц воровать! Твое ли это дело?
Ведь ты царевич.

Иван-царевич

Я не виноват...
Меня послал царь-батюшка поймать
И привезти ему Жар-Птицу; нам
Она премного сделала вреда:
Изволила повадиться в наш сад
По яблоки заветные и яблонь
Испортила, хоть брось... Меня послал
Царь-батюшка...

Царь Долмат

Так разве ты не мог
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросил бы:
Тогда бы я, приняв в соображенье,
Что твой отец — известный государь,
Что ты — Иван-царевич, сын его,
Решился бы по милости моей
Тебе отдать, пожаловать Жар-Птицу.
Ты поступил иначе. Что ж ты взял?
Тебя ж поймали, привели на суд
Перед царя, и что царю угодно,
Тому и быть с тобою! Я бы мог
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкий твой поступок; я бы мог
Провозгласить торжественно и громко
Во всех газетах, что такой-то
Иван-царевич, сын царя Выслава,
Ворует птиц и пойман, уличен
И прочее; я мог бы сверх того
Еще нанять, положим хоть десяток,
Ученых и бессовестных мужей,
Чтобы они особенные книги
Писали и печатали везде
О том, что ты не годен никуда:
Тебя рассмотрят, разберут, обсудят,

Опишут с головы до ног, и всё,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, всё узнается и будет
Разглашено от Кяхты до Багдада,
От Колы до Помпеева столба!
Потом из тех газет и книг, мой милый,
Ты перейдешь в пословицу, а там
Того и жди, что именем твоим
Бранчивые старухи на торгу
Кидать в мальчишек станут, словно грязью;
Но я не строг, я пощажу тебя
За то, что ты известной царской крови
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирепыми усами
И бородой, а мягким, нежным пухом;
Я пощажу тебя, Иван-царевич,
Когда ты мне дашь слово, что ты мне
Сослужишь службу; я прощу тебя
И сверх того отдам тебе Жар-Птицу,
И ты со мной расстанешься как с другом,
И выедешь из царства моего
В большом почете, как высокий гость,
Как сын царя, с которым я желаю
Вести приязнь и дружбу.

Иван-царевич

Я согласен.
Какая ж это служба?

Царь Долмат

Вот какая:
Есть царь Афрон, и у царя Афрона
Есть превосходный, златогривый конь;
Так ты достань мне этого коня;
А не достанешь — нет тебе пощады!
Согласен ты на это?

Иван-царевич

Я согласен.

Царь Долмат

И слово мне даешь, что непременно
Добудешь златогривого коня
И мне его отдашь?

Иван-царевич

Даю и слово.

Царь Долмат

Итак, прощай же, будь здоров и действуй,
Ты молодец. Прощай, Иван-царевич!

Иван-царевич уходит.

Царь Долмат

Досказывай же сказку: спать пора!

Сказочник

Царь был велик: так нечему дивиться,
Что многие не поняли его
И вздумали за старое вступиться,
За глушь непросвещенья своего,
И заговор составили кровавый
Против царя, который, как отец,
Смирял строптивость грубых их сердец,
Открыл для них дорогу светлой славы
И целый мир возвышенных трудов
Для их ума, любившего дотоле
Бездействие, сидение в неволе,
Завещанной от их же праотцов,—
И заговор составили кровавый...
Но царь другой, тот, коего закон
Выводит день и ночь на небосклон,
Хранит небес порядок величавый,
Кто дал нам жизнь и душу сотворил,—
Тот... подвиги и мысли светозарны
Великого царя благословил...
И замысел не удался коварный;
А между тем . . . .

Царь Долмат

Прекрасная и нравственная сказка!

(Сказочнику.)

Мне кажется, тут можно перервать
Рассказ: тут, верно, будет переход
К чему-нибудь дальнейшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

15

ТРАКТИР

Хозяйка и двое гостей.

Хозяйка сидит у окна за книгой. Гости перестают играть в карты.

1-й

Уф, я устал, я не могу играть!
Сегодня полно! — Битых семь часов
Мы не вставали с места — это слишком!
И вечно я проигрываю! Точно,
Мне на роду написано погибнуть
От рук твоих, любезнейший!

2-й

Сегодня
Тебе несчастье: как же быть, мой друг!
День на день не приходится. Фортуна
Непостоянна, ветрена. Ты помнишь,
Как я тебе проигрывал?

1-й

Да, помню,
И есть чем хвастать! Это капля в море
В сравнении с моими векселями.

2-й

Вольно ж тебе играть на векселя!

1-й

А где мне взять наличных, если нет их!

2-й

Известно где: именье заложи!

1-й

Заложено.

2-й

Продай его.

1-й

Задаром?

2-й

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дам тебе не дешево. Скажи,
Почем ты просишь за душу? Решайся:
На чистоган игра повеселее.

1-й

Да чище ли?

2-й

Ты шутишь очень мило.

1-й

Я не шучу.

2-й

Ну, вот уж и надулся!
Как будто сам ты новичок в игре,
Как будто я сегодня в первый раз
Играл с тобою. Мы давно знакомы,
Мой друг,— ты сам не ангел чистоты
По этой части; перестань сердиться.
Сыграемся хоть завтра же.

1-й

Прибавь
Сегодняшний мой проигрыш к тому,
Что у тебя записано за мною.

2-й

(записывает и показывает ему книжку)

Смотри же сам. Так, кажется?

1-й

Так точно!

(Встает.)

Как я устал, и голова болит!

2-й

(встает и подходит к хозяйке, припевая)

«Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подругой милой».

Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица, что у нее глаза
Чудесные, румянец самый свежий,
Приманчивый, что славно управляет
Она своим трактиром, знает свет,
Всегда одета чисто, новомодно,
И сверх того добра, литературна,
Читала все новейшие романы.

1-й

Я не хочу тебе противоречить,
Хотя и мог бы; я и сам люблю
Прелестную, живую Кунигунду
И чувствую, что я имею честь
Принадлежать к числу людей, к которым
Она весьма нежна и благосклонна.
Я не хочу, а мог бы доказать,
Что красота ее непостоянна,
Что поутру она совсем не то,
Что вечером.

2-й

Неправда!

1-й

Я сужу
По собственным моим соображеньям:
Ей по утрам не должно бы казаться
Своим гостям; она бы несравненно
Сильнее волновала нашу кровь.
Она у нас вечерняя звезда,
А по утрам ей лучше б не всходить
На горизонт: тогда у ней лицо
Не хорошо... болезненного цвета,
Не весело и даже как-то жестко
На взгляд, не сладко; вялые глаза
Не светятся, оттенены жестоко
Лазурными дугами; грудь болит,
И шаткая и вялая походка.
А вечером смотри: какая прелесть!
Пленительна, как молодость, бела,
Румяна, как белила и румяна,
И всякого готова соблазнить.

Хозяйка

Вы очень глупы, и всегда равно —
И поутру и вечером.

2-й

Он проигрался и сердит на всех:
Не обижайся! Это ненадолго!

Входит еще гость.

3-й

А, здравствуйте! — Я вас давно искал,
Желал вас видеть...

1-й

Поздравляю вас
С находкою и вместе с исполненьем
Желания!

3-й

Как шла у вас игра?

1-й

Что нового?

3-й

В газетах ничего.

1-й

А в письмах?

3-й

В письмах то же, что в газетах!
Однако ж есть и новость: говорят,
Что будут к нам, на этой же неделе,
И проживут у нас до белых мух,
Два иностранца — два родные брата
И богачи,— и денег не жалеют;
А странствуют incognito[1]: один
Под именем Мельмота, а другой
Под именем второго Казановы!
Они любезны, милы, мастерски
Танцуют, любят веселиться,
Играют в вист, и по большой!

2-й

А в банк?

[1] Инкогнито (лат.).— *Ред.*

3-й

Об этом я не знаю; но, конечно,
И в банк играют; ездят же они,
Как слышно, для ученых разысканий
О птицах. Впрочем, это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разным государствам
И городам, чтоб деньги рассорить,
А между тем ⟨и⟩ время провести
С приятностию не в сидячей жизни.

(Подходит к Кунигунде.)

Я радуюсь, что вижу вас опять
Здоровыми по-прежнему. Я слышал,
От вашего дворецкого, что вы
Больны не в шутку — верно, простудились?
Позвольте вам заметить, вы себя
Не бережете...

2-й

Я согласен с вами,
Что ей бы не мешало обходиться
С своим здоровьем несколько скромнее,—
Хоть ради нас.

Хозяйка

Я не была больна.

3-й

(к первому, смотря на часы)

Для вас же лучше.— Не пора ли нам
На бал, теперь давно десятый час!

Димитрий и Василий царевичи входят.

Димитрий-царевич

Шампанского и трубку табаку!

Василий-царевич

Шампанского!

(Садится.)

Пора нам отдохнуть —
Жар, ветер, пыль, претряская дорога,

Мосты чуть живы, мерзкий перевоз,
Гора крутая...

3-й

Смею ли спросить,
Вы только что приехали?

Димитрий-царевич

Так точно;
Несносная, смертельная езда!
Особенно где гати...

3-й

Ваша правда.
У нас дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

Димитрий-царевич

Из Дувра.
Мы ездили по западу Европы,
Мы странствуем,— приехали и к вам.

3-й

Какая цель поездок ваших?

Димитрий-царевич

Всё,
Особенно же птицы. Нам бы нужно
Найти одну редчайшую... Да здесь
Едва ли есть такие птицы: здесь
Климáт холодный и сама природа
Весьма обыкновенная.

3-й

У нас
Нет редких птиц: индейки, гуси, галки...

2-й

Дрозды, сороки, воробьи...

1-й

Грачи...

3-й

Тетерева и прочие простые...

Приносят вино и бокалы.

Василий-царевич
(наливая)
Угодно вам шампанского?

3-й

Позвольте
Поздравить вас с приездом!
(К первому и второму)

Господа,
Вас просят пить шампанское!

1-й и 2-й
(пьют)

С приездом!

3-й

Вино недурно. Здешняя хозяйка
Известна тем, что погреб у нее
Отличнейший — все вина выписные!

2-й

И тем еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовут ее.

Василий-царевич

Прекрасное вино!

Хозяйка

Я никогда не подаю дрянного:
Пошлюсь на всех.

3-й

А знаете ли вы,
Любезная, каким из ваших вин
Вы можете похвастать?

Хозяйка

Я не знаю,
Все хороши!

3-й

Какое лучше всех?

Хозяйка

Ей-ей, не знаю. Я не пью вина.

3-й

А я так знаю! Это — ваш рейнвейн,
Такой рейнвейн, что этакого мало
И за границей. Вот так уж вино!

Димитрий-царевич

Подать рейнвейну!

2-й

И зеленых рюмок!

Димитрий-царевич

Скажите мне, здесь весело живут?

3-й

Порядочно: умеют есть и пить;
Съезжаются на балы, на обеды;
Есть много ловких молодых людей,
И здешних и приезжих; есть игра:
Вист, экарте, направо и налево...

Василий-царевич

Всё это мило. Стало быть, у вас
Гражданственность довольно развита!

3-й

Так, в городах, которые побольше,
А в маленьких не очень; да нельзя
И требовать, чтобы так скоро; впрочем,
И там уже заметен шаг вперед:
И там уже трефоль и ерофеич
Успешно вытесняются мадерой,
Полушампанским, ромом; три листа
И горка — вистиком и банчиком; и тоже
Бывают танцы...

Димитрий-царевич

Есть у вас театр?

3-й

Театра нет. Зато к нам приезжают
Заморские фигляры, прыгуны
И оптики.

Приносят вино.

Вот рейнвейн!

(Смотрит на бутылку.)

Тот самый.

Пьют.

Не правда ли, отличное вино?

Димитрий-царевич

Да, хорошо, хотя и молодое!

3-й

К нам не доходит старое вино.

1-й

А молодое здесь недолговечно.

3-й

Да, можно похвалиться, что у нас
Пьют сильно.

Димитрий-царевич

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

3-й

У меня до вас
Покорнейшая просьба.

Димитрий-царевич

Говорите,
Я очень рад...

3-й

Вот вместе с нами — я ручаюсь вам,
Что бал прекрасный,— я вас познакомлю
С хозяином; он добрый старичок,
И хлебосол, и мастер угостить;
Жена его любезна, молода.
Поедемте! Там весело, там будет
Весь город; вы увидите всех наших
Красавиц — есть премилые,— решайтесь!
Все вас полюбят, примут как родных.

Василий-царевич

Нам надобно с дороги отдохнуть.

3-й

Вы после отдохнете — и с дороги
И с балу разом.

Василий-царевич

Я почти согласен.

Димитрий-царевич

И я согласен. Едем, так и быть.
Но пойдем переодеться. Кунигунда!
Нам комнату!..

Димитрий-царевич и Василий-царевич уходят.

3-й

Не слишком наряжайтесь.
Все знают, что вы прямо из коляски.
Приятное знакомство...

1-й

Мне они
Понравились,— особенно вот этот,
Что потчевал шампанским.

2-й

Молодцы!
Как вежливы, какое обхожденье,
Приветливость и ловкость!

3-й

Как умны,
Учены, до́бры, ми́лы!

2-й

Не жеманны,—
Я полюбил их, только что они
Вошли.

3-й

Я также, и тотчас узнал,
Что это люди первого разбора.
Ведь хорошо я сделал...

1-й

Что на бал
Уговорил их? Очень хорошо!

3 - й

Мне хочется, чтобы они у нас
Как можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди,
Богатые; их надобно ласкать,
Умсть ценить их.

1 - й

Это мы сумеем!
Лишь только б нам их заманить в игру;
Сначала помаленьку и прохладно,
А там знай наших!..

2 - й

Мы гостеприимны.

3 - й

Не должно врать...

1 - й

Ты сам остерегайся!
Ты по вранью здесь первый человек!

3 - й

Нет, извините,— вы себя забыли!
Какая скромность!

2 - й

Что вы, господа!
Вы не поссорьтесь! Чу! они идут.

Димитрий-царевич и Василий-царевич приходят

3 - й

(подает им шляпы)

Вот ваши шляпы! Мы на бал приедем
Как следует, не рано и не поздно.

Все уходят.

16

Серый волк один.

Серый волк

Мне нравится мой витязь! Он красавец,
Смел, добродушен, жизненная сила

В нем весело играет и кипит;
В нем лишь одно не ловко, не похвально
И мне прискорбно: он мои советы
Позабывает в самое то время,
Как должен их исполнить. Молод он,
Неосторожен, а беда как тут!
Но это я прощаю. Человек
Всегда таков, покуда сам собой
Не испытал и после не обдумал
Всех случаев опасных и несчастных,
Которые вóзможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,
Что он опять забудет мой наказ:
Он соблазнится золотой уздой,
Возьмет ее и сделает тревогу!

Иван-царевич

Прости меня, мой добрый Серый волк!
Я виноват, опять впросак попался.

Серый волк

Вот молодость! Она воображает,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрелой головы.

Иван-царевич

Я со стены спрыгну́л благополучно,
Всё было тихо, на дворе широком
Покоился крепчайший караул
В объятиях весеннего Морфея;
Я шел, твердя в уме твои слова:
«Не брать узды! не брать узды!», и этак
Добрался до конюшни, и в нее
Вошел, взглянул: а на стене узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Как я тогда смешался, я забыл
И твой приказ... и самого себя,—
Вся в дорогих каменьях, в жемчугах
И золотая, от нее лучи!—
Я протянул к ней руки и лишь начал
Снимать ее с высокого гвоздя,
Вдруг звон, и крик, и страшная тревога!
Меня схватили, молодца, и прямо
На суд, как раз перед царя Афрона;

Царь вспыхнул, расходился и меня
Сердитыми вопросами осыпал.
Я отвечал ему чистосердечно,
Кто я таков и для чего зашел
В его конюшню. Он хоть и смягчился,
Но уж мыл-мыл мне голову! Потом
История, похожая на ту,
Что у меня была с царем Долматом:
И царь Афрон дарует мне прощенье,
Отдаст мне златогривого коня,
Когда ему я службу сослужу.
Вот видишь ты, в чем дело: он влюблен,
И горячо, решительно влюблен
В какую-то прекрасную Елену;
Он сам принадлежит ей и желает,
Чтоб и она ему принадлежала,
Желает страстно, жаждет и кипит!
Так я взялся, дал рыцарское слово
Достать ему предмет его любви.
Не знаешь ли, мой добрый Серый волк,
Скажи ты мне, что это за Елена?

Серый волк

Верх совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,
Что зажигает в сердце молодом
Огонь любви прекрасной и живой.

Иван-царевич

Эге-ге-ге!

Серый волк

Ну, мой Иван-царевич!
Я потружусь, я сослужу тебе
Большую службу, я тебе достану
Прекрасную Елену,— а тебе
Ее похитить самому нельзя,
Поверь ты мне. Садись-ка на меня,
Поедем мы в то царство. Я тебя
Оставлю на дороге одного
Во чистом поле, под зеленым дубом.
Там жди меня, я скоро ворочусь
С прекрасною Еленой и тебе
Отдам ее руками.

Иван-царевич

Добрый Волк!
А мне было хотелось самому...
Да всё равно, я на тебя надеюсь
И буду ждать.

(Садится верхом на Волка.)

Пошел же поскорее!

17

Иван-царевич.

Иван-царевич

(под зеленым дубом)

Светла, чиста небесная лазурь;
Прохладен воздух, долы и холмы
Цветут; стрекочет подмуравный мир;
Журчат ручьи, и свищет соловей.
Прекрасный день! Люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годин,
Своею негой, свежестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
В ней легкие и страстные мечты
И помыслы, и весело они
Играют и летают над землей
В благоуханном воздухе твоем
Под сводом неба ясно-голубым!

А что со мною будет, если Волк
Меня обманет, убежит домой,
А я останусь пеш и одинок...
Здесь, под зеленым дубом? Я не знаю,
Чье это царство и куда идти?
Жду не дождусь; теперь уж третьи сутки
Кончаются с тех пор, как он меня
Покинул здесь. О нет! он добрый малый,
Смел и проворен, служит мне охотой,
Достанет он прекрасную Елену.
Верх совершенства! Стало быть, она
Весьма громка своею красотой,
Когда известна и в глуши лесной!

Я буду Волку вечно благодарен
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь к царю Афрону,
Отдам ему прекрасную Елену,
Возьму золотогривого коня;
Потом отдам коня царю Долмату,
И получу желанную Жар-Птицу,
И с этою блистательной добычей
Домой, домой — и прямо во дворец,
И батюшку на старости утешу!

18

Иван-царевич и Серый волк с Еленой.

Серый волк

Иван-царевич! принимай руками
Прекрасную Елену — вот она!

(Кладет ее на луг, она в беспамятстве.)

Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышит, не глядит, чрезмерно
Испугана, потрясена ужасно:
Я так незапно выхватил ее
Из тишины отеческого сада,
Из круга милых молодых подруг,
Прислужниц, нянек, мамок и так быстро
Скакал с моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная в неге и покое,
Имела право обмереть со страху
И задохнуться на моей спине;
А в прочем я берег ее, слегка
Придерживал зубами, чтоб никак
Не уязвить чувствительного тела.

Иван-царевич
(смотрит на Елену)

Жесток ты, Волк!

Серый волк

Небось, она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!

(Смотря на нее.)

Чудесный, бесподобный идеал!
Изящное слияние живых
Подробностей, оттенков и частей
И сладостных округлостей с живой
И сладостною мыслию всего
Создания в одно очарованье!
Иван-царевич, посмотри сюда:
Как живописно с этого чела
Прелестного упали эти кудри,
Волнистые и мягкие, как шелк,
И черные, как ворон — птица ночи,
На белизну и ясность молодую
Ее лица, на полноту грудей,
Высоких, пышных, царственных грудей!
Что за ресницы! Длинные, густые.
Глаза у ней! Ах, мой Иван-царевич,
Я видел их, я видел этот рай
Живительных желаний и томлений,
Восторгов, нег, отрад, самозабвений,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большие, голубые,
И светятся они таким огнем,
И жгучим и умильным, что я сам...
Я, Серый волк... Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здесь не обидят вашей красоты,
Не бойтесь!

Елена

(смотрит кругом себя)

Что сделалось со мною? Где я?..

Серый волк

Худого с вами ничего; а где вы?
На это я могу вам отвечать
Лишь то, что вы находитесь теперь
За тридевять земель оттуда, где
Вы были дома.

Елена

Я несчастная... Куда
Меня... Так точно, всё это не сон,
Меня разбойники украли, я умру...

Серый волк

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь нас! Такие ли бывают
Разбойники? Вот этот человек,
Вот этот витязь, посмотрите: он
Ни жив ни мертв, стоит, как полоненный,
Глаза потупил, руки опустились;
А отчего? Всё оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И он увидел ваши голубые
Глаза и в вас влюбился всей душой.
А я, кто я? Я добрый серый волк
И нахожуся в должности коня,
А иногда и в должности посланца
У витязя, который перед вами!
Я серый волк и зверь, а не разбойник!

Елена

Зачем же я похищена?

Серый волк

На это
Ответит вам мой витязь. Вы не бойтесь!
Иван-царевич тих и благонравен,
Застенчив даже. Отвечай скорее,
Иван-царевич, не робей, мой витязь!

Иван-царевич

Меня послал царь-батюшка поймать...
Достать ему чудесную Жар-Птицу...
И привезти...

Серый волк

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вам
Одна улыбка!

Елена улыбается.

Вот давно бы так!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

Иван-царевич

А ты как знаешь, что такое мед?

Серый волк

Признаться, понаслышке. У меня
Был некогда приятель задушевный,
Медведь, Кузьма Иваныч, мой земляк;
Окончив курс учения в Сморгонской
Гимназии, он вышел из нее
И странствовал с поводырем и много
Земель различных видел, потешая
Людскую праздность пляскою своей;
Потом в леса родные возвратился,
Сорвавшись с цепи: так он говорил.
Он возвратился, правда, стариком,
Измученным, беззубым; но зато
Преопытным и мудрым, как Уллис.
Так от него-то много я узнал
О меде и о свете вообще.

Иван-царевич

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались в ту минуту,
Как Серый волк похитил вас из саду.

Елена

Смертельно испугалась.

Иван-царевич

Мне досадно,
Мне больно, что усердный мой слуга
Так быстро мчал вас; впрочем, он боялся
Погони и поимки, торопился
Скорей ко мне.

Елена

Прошу вас мне сказать,
Зачем меня так неучтиво, странно
Похитили?

Иван-царевич

Прекрасная Елена!
Я вас не знал, я полагал, что вы
Красавица, каких и я довольно
Видал; бывало, взглянешь на нее —
И вспыхнешь, и пробудятся в тебе
Волнения, восторги и мечты

Телесные и ровно ничего
Духовного: живее сердце, кровь
Живее... Ах, прекрасная Елена!
Ах, вы не то, нет, я увидел вас
Спокойно, равнодушно; я хотел
Полюбоваться вами, посмотреть
Красавицу, которую так славят
Везде и все, а не влюбляться в вас.
И долго, долго я на вас глядел
Бесстрастно и свободно; но потом,
Лишь только вы очнулися и взгляды
Мои впилися в ваши, я не знаю,
Что сделалось со мной! Затрепетал
Я трепетом нечувственным; во мне
Творилось что-то новое; мне было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полон стал невыразимой неги,
Сладчайшей и высокой; полон стал
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземного!
Казалось мне, что бытие мое
Не прежнее, что в бытие иное
Перенесен я, в дивный, чистый мир
Гармонии и света! Я люблю!
Я вас люблю, прекрасная Елена,
Люблю вас каждым помыслом души
И каждым чувством сердца вас люблю;
Всё, чем живу и движусь, чем я мыслю,
Желаю, верю и надеюсь, всё,
Всё это — ваше; вы мой светлый рай,
Моя звезда, мое предназначенье.
Вы мне ответ на роковой вопрос:
Быть иль не быть? Прекрасная Елена!

Серый волк

Иван-царевич! не пора ль тебе
К царю Афрону выменять коня?

Иван-царевич

Поди ты прочь с твоим царем Афроном!
Ты видишь: мне теперь не до него!
Оставь меня!

Серый волк

Ты сердишься, Юпитер...

Иван-царевич

Прекрасная Елена! Я дал слово
Царю Афрону вас ему доставить:
Вот для чего похищены вы были
Вот этим волком. Этот царь Афрон
Ваш давний, постоянный обожатель,
Скажите мне, желаете ли вы
К царю Афрону?

Елена

Я его не знаю...
Он сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

Иван-царевич

Ах! не велите мне вас отдавать
Царю Афрону: он вас не поймет,
Я лучше... Он не силен так любить,
Как я люблю вас. Вы владейте мною:
Я вас введу в отеческий мой дом,
К царю Выславу; он благословит
Мою любовь, я буду счастлив вами,
Я буду вам повиноваться; буду
Все ваши мысли, все слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Приветливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тем, что я ваш, прекрасная Елена!
Согласны вы?

Елена

Я пленница, я жертва
Беспечности придворных сторожей...
О, будь со мной что надобно судьбе!
Я ей во всем смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
К царю Афрону...

Серый волк

Я вас поздравляю,
Прекрасная Елена, с женихом,

Достойным вас по крови, по душе,
По сердцу, летам, ростом и лицом!
Иван-царевич, что же ты молчишь?
Счастливейший из смертных!

Иван-царевич

Добрый Волк!

Чем я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастлив! Это солнце
Любви мое; оно все дни мои
Осветит ясно тихими лучами,
Согреет нежно сладкой теплотой,
И дивною красою изукрасит,
И жизнию прелестной оживит.
Теперь домой! Послушай, милый Волк!
Тебе не будет тяжело везти
Обоих нас? Вези нас легкой рысью!

Серый волк

Нет, мой Иван-царевич, погоди:
Ты позабыл, что надобно тебе
Добыть Жар-Птицу.

Иван-царевич

Как ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдам никак,
Ни за табун коней золотогривых
И ни за что на свете не могу,
Да, не могу!

Серый волк

А рыцарское слово?

Иван-царевич

(задумывается)

Что ты сказал? Ах, правду ты сказал!
Да, я несчастный, вот моя судьба!
Я полюбил... глубоко, вдохновенно,
На весь мой век прекрасную Елену...
И с ней расстаться! И ее отдать!..
Я сам умру! Мне легче умереть,
Чем одному скитаться по земле!

(Плачет.)

Серый волк

Не плачь, Иван-царевич!

Иван-царевич

Ах, мой добрый Волк!
Как мне не плакать? Слезы льются сами;
Мне тяжело, смертельно тяжело...
Я гибну... я лишусь моей Елены!

Елена плачет.

Серый волк

Уж разве мне вступиться в ваше дело,
Прекрасная Елена?

Елена

Добрый Волк!
Спаси его, спаси обоих нас!

Серый волк

Я вам слуга, прекрасная Елена:
Спасу я вас обоих,— успокойтесь!
Садитесь-ка на серого слугу!
Я повезу вас самой нежной рысью,
Прохладно и сохранно в государство
Царя Афрона; там, Иван-царевич,
Найдем мы лес, а в том лесу поляну,
И в той поляне мы одну оставим
Прекрасную Елену ненадолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону
И на своем коне золотогривом
Туда приедешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не более трех суток, убегу
И снова к вам явлюся вам служить.

19

Иван-царевич, Елена и Серый волк. В лесу.

Елена

Любезный Волк! я буду вечно помнить,
Чем я тебе обязана, ты спас
Обоих нас: благодарю тебя!

Серый волк

И есть за что, прекрасная Елена!
Ах, если бы вы видели, как я
Вас представлял перед царем Афроном!
Комедия! Когда Иван-царевич
Покончил с ним дела свои и вышел
Из комнаты, где приняты мы были
Блистательно и радостно и им
Самим и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейных царедворцев,— царь
Махнул рукой, и я осталась с ним
Наедине. Он предложил мне сесть;
Я села на диван под балдахином,
Задумчиво склонилась головой
К высокой спинке, очи и уста
Полузакрыла томным выраженьем
Пленительной усталости, а руки
На бархатных подушках разметала;
Во всей во мне была видна печаль,
Но тихая и нежная печаль,
Подобная тем тонким и прозрачным
И мимолетным вешним облакам,
Которыми скрывает иногда,
Как белой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блеск веселая денница.
Он преспокойно сел против меня
И занимался долго созерцаньем
Моей всесовершенной красоты,
Беспрестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мне
И медленно и мягко рассыпаясь.
Я видела, что я ему мила
И что ему легко и хорошо.
Потом сказал: «Прекрасная Елена!
Простите мне любовь мою; она,
Отверженная... так неутомимо
Гнела мне сердце, так немилосердо
Томила душу, так несносно-душным
Мне сделала путь жизни, что я впал
В уныние, оцепененье чувств,
В разлад идей; я стал угрюм, как ночь
Октябрьская ненастная; ослаб
Душой и телом; только и желал,
Что умереть,— и наконец решился!

Но вдруг случилось!..» Тут он рассказал
Историю, как ты, Иван-царевич,
К нему пришел и как ты обещал
Достать ему предмет его любви
В обмен на златогривого коня.

Иван-царевич

Да, царь Афрон — не промах: он хотел
Взять за коня прекрасную Елену!
Положим, что и дорог этот конь:
Он златогривый... Все-таки он лошадь!

Серый волк

Он говорил мне об высоких чувствах,
Которые возобновились в нем
С тех пор, как я вблизи ему сияю,
Его кумир, звезда и небеса!
И говорил он многословно, жарко,
Игрой души, влюбленной через край,
И пеной удалых словокружений
Кипела и блистала речь его.
Я слушала и слушала, и вдруг
Мне захотелось позабыться сном —
И я зевнула; он заметил это,
И замолчал и потихоньку вышел,
На цыпочках, не смея и дохнуть.

Елена

Он очень мил.

Серый волк

Как всякий человек
В присутствии красавицы, точь-в-точь
Такой, как вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самым крепким сном,
И долго им покоилась и встала,
Пробуждена горячим поцелуем
Полдневного сияния небес.
Тотчас вокруг меня засуетился
Игривый рой прислужниц молодых;
Передо мной наставили уборов
С три короба; во всем богатство, роскошь
И прелесть свежей выдумки и вкус.

Я нарядилась в бездну жемчугу,
В тьму бриллиантов, в пышность и во блеск!
И засияла, солнце красоты,
В окне над садом, а сама запела:

«Лишь только занялась заря,
И солнце взошло вверх, горя,
И осветило земный круг,
Пошла пастушка с стадом в луг
К потоку чистых вод».

Иван-царевич

Тут есть и смысл; а то обыкновенно
Красавицы поют такую гиль,
Что, право, уши вянут.

Серый волк

Царь Афрон
Меня услышал и ко мне явился
С приветствием; поднес мне пук цветов,
Прелестных ботанических растений,
И похвалил мой голос.

Елена

Очень мил!

Иван-царевич

Он человек лет сорока семи.

Серый волк

Обедали мы вместе; он шутил
Довольно остроумно, я смеялась
Так непритворно, что он мне сказал:
«Я рад сердечно, что у вас характер
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавиц заунывных,
Задумчивых, томящихся и слезных!»

Иван-царевич

Он в этом прав, я тоже не люблю...

Серый волк

По вечеру гуляли мы в садах,
И по пруду каталися с пальбой
И песнями, а пруд был освещен
Потешными огнями,— вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

Елена

И всё ему не впрок?

Серый волк

Всё суета!
Назавтра он водил меня смотреть
Различные полезные постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; он сам мне толковал,
Что́, почему и для чего; потом
Спросил меня, что́ более всего
Мне нравится в его хозяйстве? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
«Молоденькие шленские барашки».
Тут царь Афрон задумался, но вдруг
Сжал руку мне и на меня взглянул
Так нежно, так любовно, так глубоко,
Что у меня кровь бросилась в лицо!
Он мне сказал: «Прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливейший мой день,
Когда вполне вы будете моею?
Угодно ли вам завтра?» Я смутилась,
И трепетно и робко отвечала:
«Я не противна...» Мы пришли домой,
И он тотчас ⟨же⟩ отдал приказанье
Готовить праздник: он был вне себя
От радости, что завтра наша свадьба.
День догорал, прекрасен вечер был:
Мне захотелось походить в саду
И по полю,— он отпустил меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужниц, нянек, мамок и других
Чинов придворных, я в саду гуляла
И вышла в поле. Вдалеке чуть видно
Синелся лес, я села на траве
И приказала им сесть; а сама
В то самое мгновенье, как они
На землю опускались, вдруг вскочила
И поминай как звали: прямо в лес!
Там обернулась в свой родимый вид,
И к вам сюда, за тридевять земель,
Скорее ветра прибежал ваш Волк,
По-прежнему готовый вам служить.

Иван-царевич

Вот молодец! Знай наших! Каково!

Елена

Мне жаль царя Афрона.

Серый волк

Ничего!
Утешится и, верно, перестанет
Вас обожать; сам виноват: зачем
Влюбляется заочно...

Иван-царевич

Милый Волк!
Мне полюбился златогривый конь.
Не можешь ли ты сделать, ухитриться,
Чтобы и он остался у меня?
Ведь ты волшебный...

Серый волк

Я люблю тебя,
Иван-царевич, я готов на всё
Тебе в угоду: буду златогривым
Конем. Ты за меня возьмешь Жар-Птицу;
Я убегу ⟨и⟩ от царя Долмата,
И вновь тебе твой добрый Серый волк.

20

Иван-царевич, Елена и Серый волк.

Серый волк

Да, царь Долмат не удалой наездник,
Не молодец; лишь я прибавил бегу,
И вздыбился, и бурно поскакал,
Он оробел, он задрожал, как лист,
Поводья бросил, вскрикнул: «Помогите!»
И бух с меня на землю — я и рад,
Что с ним легко разделался,— и мигом
К вам прибежал. Он ездит очень плохо,
Ему некстати златогривый конь!
Вот здесь мы остановимся: ты помнишь,
Иван-царевич, здесь, на этом месте,
Я встретился с тобою в первый раз,
Здесь растерзал я твоего коня

И вот теперь до этого же места
Довез тебя. Теперь есть у тебя
Ретивый конь; Жар-Птицу ты достал
И сверх того достал себе невесту
Прекрасную. На этом самом месте
Расстанемся. Прощай, Иван-царевич!
Мой витязь добрый, будь счастлив во всех
Твоих делах. Прекрасная Елена!
Живите с ним любовно, не слабейте
В желании принадлежать ему,
Как золоту блеск золота, весне
Весенняя прохлада, лету летний
Жар и огню *сияние денное;*
Единственно и крепко будьте вы
Всегда здоровы, радостны; цветите,
Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливого Ивана-
Царевича. А мне теперь позвольте
Оставить вас: и мне пора домой,
В мои родные горы и вертепы,
В затишные поляны и леса.
Иван-царевич! я тебе служил
Усердно; вам, прекрасная Елена,
Служил усердно: весело мне было
Вам угождать; недолги и легки
Казались мне большие перебеги
И трудности, какие ради вас
Переносил я; вы меня ласкали,
Мне верили, вы называли волка
Своим слугою милым и любезным!
Я отслужил вам, я не нужен вам,
Я не могу туда, где вы живете.
Прости меня, Иван-царевич! Если
Я огорчил тебя когда-нибудь,
Неволею иль волей огорчил,
Прости меня и позабудь о том.
А ежели я был тебе полезен
Моею службою — ах, Иван-царевич,
Не поминай же лихом ты меня.
Прошу тебя, когда тебе случится
Быть на охоте и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку,—
Останови их, не вели им гнаться

За ним, пусть он бежит в свой лес
И поживет еще на белом свете.
Прощай, Иван-царевич, добрый мой,
Прощайте...

(Убегает.)

Иван-царевич

Он разжалобил меня,
До слез меня разжалобил,— мой верный
Слуга, какого мне уж не найти...
Я им доволен.

(Плачет.)

Мы домой поедем;
Здесь недалёко. То-то будет рад
Царь-батюшка. Он выйдет на крыльцо
Встречать меня, он обоймет меня
И сам заплачет сладкими слезами
Живейшего восторга. Я скажу:
«Царь-батюшка! я вам привез Жар-Птицу,
И с клеткою, а вот моя невеста,
Прекрасная Елена! Полюбите
Ее, она прекрасна и душой!
А этот конь — он златогривый конь —
Большая редкость! Он весьма хорош
Вам в беговые дрожки, он недурен,
А резвоног и крепок, добрый конь!»
Ах милая Елена! мой отец
Тебя полюбит — я любимый сын
Его,— и я с тобою буду жить
Так весело, так счастливо, что диво.
И что за сад у моего отца!
И яблоки единственные в мире!

21

Иван-царевич убитый, Елена, Димитрий-царевич и Василий-царевич.

Димитрий-царевич

Так не ушла же ты от наших рук,
Прекрасная, чудесная Жар-Птица!
И с клеткою! И златогривый конь,
И сверх того и эта прелесть. Кто ты,
Несчастная, без друга и в лесу?

Да полно плакать. Как тебя зовут?
Скажи скорее; а не то, ты знаешь,
Ты видела, что мы шутить не любим.
Ну, кто же ты?

Елена

Прекрасная Елена!

Димитрий-царевич

Прекрасная Елена! Слышишь, брат?
Прекрасная Елена! Вот она!

Василий-царевич

Та самая Елена, о которой
Молва кричит во все свои уста,
Что на земле нет ровно ничего
Подобного ей красотою.

Димитрий-царевич

Ты ли
Та самая? Скорее отвечай,
Не бойся!

Елена

Я прекрасная Елена.

Василий-царевич

(смотрит на нее)

Так как же быть: кому из нас обоих,
Любезный брат, принадлежит она?

Димитрий-царевич

Я старший; разумеется, что мне.

Василий-царевич

Нет, я тебе ее не уступлю;
Она и мне понравилась, и я
С тобою ровен правом на нее.
И то сказать, на что тебе Елену:
Ведь ты влюблен.

Димитрий-царевич

Пожалуйста, не ври.
В кого же я влюблен?

Василий-царевич

А в Кунигунду?

Димитрий-царевич

Неправда.

Василий-царевич

Как неправда? Ты при мне
Ей изъяснялся в пламенной любви,
Нелицемерной, верной, домогильной
И даже замогильной, и потом
Мне говорил, ну, помнишь, поутру?

Димитрий-царевич

Я изъяснялся в пламенной любви
Трактирщице, любезной Кунигунде,
Я говорил... Но я тогда был пьян,
Жестоко пьян, с похмелья после бала
И той проклятой ночи, как меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не верить пуншевым парам.

Василий-царевич

Так жеребий,— пускай же нас рассудит
Сама судьба!

Димитрий-царевич

Пожалуй!

Василий-царевич

Вот сейчас.

(Делает жеребьи.)

Димитрий-царевич

А ты послушай, милая, ни слова
Не смей промолвить обо всем, что здесь
Ты видела и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что если хоть во сне
Ты... Я тебе вот этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смей и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбе.

Василий-царевич

Вот жеребьи. Сначала
Метнем на резвый.

Димитрий-царевич

(вынимает)

Резвый мой!

Василий-царевич

Так точно!
Теперь вот эти: конь или Елена?

Димитрий-царевич

(вынимает)

Нет счастья мне! Мне златогривый конь!

Василий-царевич

Вот то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:
Я на тебе женюся непременно,
И станем жить да поживать. Теперь
Пора домой!

Димитрий-царевич

Ты помни же, Елена...

Уезжают.

22

Царь Выслав, Димитрий-царевич, Василий-царевич и Елена обедают.

Царь Выслав

Я этому не верю: невозможно,
Чтоб человек, который с юных лет
До старости любил уединенье
И тишину ученого труда,
Бежал разврата, жил благочестиво,
Возвышенный и дельный человек,
Вдруг сделался гулякой, чертоплясом,
Мерзавцем, волокитой. Я никак
Не верю: есть в природе переходы,
А этаких отчаянных скачков
Не может быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете... Что вы
Так пасмурны? Уж вы здоровы ли?

Димитрий-царевич

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася в нашей стороне,
Не осмотрелась; ей у нас всё внове,
Всё будто бы чужое. Сверх того,
Скажу тебе всю правду, мы ее
Похитили так смело и внезапно,
Так быстро торопились от погони
И чтоб скорей обрадовать тебя
Жар-Птицей,— что прекрасная Елена
Устала с перепугу и со спеху.
Дай срок: она привыкнет с нами жить,
И нас полюбит всех до одного,
И расцветет, и будет весела!
Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро к нам привыкнете?

Елена

Не знаю.

Василий-царевич

И больше всех полюбите меня?

Елена

Не знаю я.

Василий-царевич

Ведь вы моя невеста!

Царь Выслав

А где-то он, мой друг Иван-царевич?

Василий-царевич

Мы ничего не слышали об нем,
Хотя везде справлялись.

Димитрий-царевич

Где-нибудь
Теряет время, ищет вам Жар-Птицу,
Которая находится у вас!

Василий-царевич

Знать, он заехал чересчур далеко
Иль заплутался.

Димитрий-царевич

Иль сидит в плену.
Да, признаюсь! я очень удивился,
Царь-батюшка, когда узнал от вас,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жар-Птицу; он дитя!
Ну мало ли, что может с ним случиться.
Мы, например, мы, кажется, не дети,
И мы не раз спасались от беды
Лишь случаем. Большие переезды,
Вертепы, горы, дикие леса,
Наполненные лютыми зверями,
И кое-где разбойники — не шутка!

Царь Выслав

Ты прав, мой сын: не должно было мне
Пускать его. Да мне же и хотелось,
Чтоб он остался утешать меня;
Я всячески доказывал ему,
Что молод он, что этот подвиг труден,
Опасен, что мне нужно при себе
Иметь всегда хоть одного из вас;
Я говорил, что мало ли что может
Вдруг сделаться. Он плакал, горячился,
Упрашивал меня, мне представлял
Свои причины, мысли и надежды
Так жалобно и страстно, что я сам
Разнежился и отпустил его.
Ах, жив ли ты, мой друг Иван-царевич!

(Плачет.)

Елена плачет.

Димитрий-царевич

Царь-батюшка! смотрите, как она
Вас полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена

Я не могу не плакать!

Димитрий-царевич

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой... совет!
Не плачьте же — вот выпейте вина!

Входит Иван-царевич, Елена бросается ему на шею.

Елена

Иван-царевич! Мой Иван-царевич!

Царь Выслав

Мой милый сын, ты жив и цел, мой сын!
А мы было... Прекрасная Елена!
Что это значит? Где же вы его?..

Елена

Он мой жених, мой милый и сердечный,
Иван-царевич. Он достал для вас
Жар-Птицу, златогривого коня
И для себя невесту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

Василий-царевич

(на коленях)

Царь-батюшка, прости нас,
Мы виноваты! Брат Иван-царевич!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себе твое добро,
Твои злодеи...

Димитрий-царевич

Зависть нас смутила.

Царь Выслав

Я ровно ничего не понимаю!
Они тебя убили, милый сын,
Так как же ты живой к нам воротился?

Иван-царевич

Я в самом деле был убит; они,
Царь-батюшка, зарезали меня
И мертвого покинули в лесу.

Димитрий и Василий царевичи

Иван-царевич, добрый, милый брат!
Иван-царевич! будь великодушен!

Иван-царевич

Я был бы съеден хищными зверями
И птицами; но, знать, судьбе угодно,
Чтобы не то случилось. Серый волк,
Волшебный Волк, приятель мой, который

Мне чрезвычайно много услужил
В моих делах (я всем ему обязан),
Нечаянно зашел в тот самый лес,
Узнал меня и, сжалясь надо мною,
Стал думать, как помочь моей беде!
Стал думать; вот увидел он, что ворон
И с ним два вороненка прилетели
Поесть меня. Он спрятался за куст,
И только что они на мне уселись
И начали свой голод утолять —
Он прыг из-за куста на вороненка,
Схватил его и хочет растерзать!
Тогда взмолился Волку старый ворон,
Чтоб не губил он детища его.
«Послушай же ты, Ворон Воронович! —
Сказал ему мой добрый Волк.— Слетай
За тридевять земель и поскорее
Мне принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, так будешь ты без сына;
А принесешь, я отпущу его
И целым и здоровым».— «Принесу»,—
Сказал ему проворно старый ворон,
И полетел, и воротился к волку
На третьи сутки, и принес ему
Два пузырька с лекарством. Серый волк
Взял их, а вороненка разорвал,
И части спрыснул мертвою водою,
И вороненок сросся от лекарства;
Тут спрыснул он его живой водою,
И вороненок ожил, встрепенулся
И улетел. Волк за меня принялся:
Он вылечил меня от смерти, рассказал
Мне это приключенье и довез
Меня домой до городской стены.

Царь Выслав

Теперь я понял. Ах они злодеи!
Братоубийцы!..

Василий-царевич

Брат, Иван-царевич,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите нас!

Царь Выслав

Прочь от меня!

Василий-царевич

Не будем
Впредь никогда, исправимся, полюбим
Всех вас. Ах, будьте милосерды,
Простите нас, прекрасная Елена!

Иван-царевич

Я вас прощаю, встаньте!

Елена

Я прощаю!

Димитрий-царевич

Царь-батюшка, ужели ты один...

Царь Выслав

Ты слишком добр, Иван-царевич. Встаньте!

Димитрий-царевич и Василий-царевич

(встают и обнимают брата)

Дай нам обнять тебя, любезный брат,
Забудь великодушно.

Иван-царевич

Всё забуду!
И станем жить, как братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невеста!

Елена

Ты мой жених, моя любовь и радость,
Мой нежный друг!

Димитрий-царевич и Василий-царевич

(с бокалами в руках)

Да здравствуют Иван-
Царевич и прекрасная Елена!

Иван-царевич

(берет бокал)

Да здравствуют царь-батюшка и вы,
Со мною помирившиеся братья!

Царь Выслав

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково друг с другом,
Бесхитростно — и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иван-царевич, видел я Жар-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной с павлина! Золотые
И радужные перья! А глаза
Как две звезды Востока! Для нее
Мы выстроим высокие палаты
С зеркальными окошками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десяток яблоков заветных! Это птица!
Особенно мне нравится у ней
Хвост! Вот так хвост! Величественный хвост!
Раскидистый и разными лучами
Сияющий...

Иван-царевич

Да здравствует Жар-Птица!

Между 1836 и 1838

319. СЕРЖАНТ СУРМИН

Быль

Был у меня приятель, мой сосед,
Старик почти семидесяти лет,
Старик, каких весьма немного ныне,
Здоровый; он давно уж заплатил
Свой долг отчизне: в гвардии служил
Еще при матушке Екатерине;
При Павле он с Суворовым ходил
Противу галлов. Мой сосед любил
Поговорить, и говорил прекрасно,
О прошлом веке, жарко, даже страстно!
Ко мне в деревню по воскресным дням
Он приезжал, не скучно было нам!

Я вообще выслушиваю жадно
Изустные преданья, в них у нас
Для будущей истории запас,
И мой сосед рассказывал так складно,
Что хоть куда! Один его рассказ
Я повторю стихами, как сумею,
Употребляя в нем прозопопею.
«Вот то-то же! Вы спорите всегда!
В наш век ничуть не хуже люди были!
И что бы вы об нем ни говорили,
А жить нетрудно было нам тогда!
Согласен я, что чересчур любили
Роскошничать и денег не щадили
Тогдашние большие господа!
Зато они гораздо проще были,
Они добрее, мягче были к нам,
Неименитым, маленьким чинам;
В наш век вельможа важный и почтенный
Был неприступен, крут между вельмож,
А с прочими был тих обыкновенно
И миловал полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ее грехов, а ради исправленья!
У нас в полку служил сержантом сын
Какого-то степного дворянина,
Саратовской губернии, Сурмин.
Я знал его, собой он был картина:
Высок и статен, боек и умен,
И не буян, и всем хорош был он;
Лишь та беда, что молодец дружился
Со всякой дрянью, неразборчив был
По этой части; только и ходил
Что на картеж, и к банку пристрастился
Он всей душой и службу позабыл!
И день и ночь, бывало, с игроками,
Как бы прирос к зеленому столу,
Растрепан, безобразен, весь в мелу,
Угрюмый, сонный, с красными глазами!
Мы думали, погибнет наш Сурмин!
А каково отцу, когда он знает,
Как сын живет и время убивает!
Еще гвардеец! Он срамит свой чин!
Однажды он, поутру, занимался
Игрою в банк, вдруг стук шагов раздался,

И шасть курьер: «Кто здесь сержант Сурмин?»
Он боек был, однако же смешался:
«Меня... я...» — «Вы? К светлейшему сейчас
Пожалуйте! Со мною же! Есть дело!»
К Потемкину? Не сон ли? Вот-те раз!
Что ж, так и быть! Сурмин поехал смело
К светлейшему. Роскошных комнат ряд
Сержант проходит; мраморные залы,
Как царские, убранствами блестят,
Полны гостей: вельможи, генералы,
В звездах и лентах, в красных, голубых,
Стоят и ждут! Сержанта мимо их
Ведет лакей учтивый и проворный,
И в кабинет: «Сюда-с, прошу покорно,
Светлейший здесь, сюда!» Сурмин вошел
И видит: сам Потемкин на кровати
Сидит в пунцовом бархатном халате,
Пьет кофе; возле приготовлен стол
И карты. Князь было взглянул сурово,
Но вдруг сказал: «Ах, это ты! Здорово,
Сурмин! Ты в банк играешь?» — «Точно так,
Играю, ваша светлость, почему же
И не играть? — ответствовал смельчак.—
Мне от того на свете жить не хуже!»
— «Садись! играй со мной, да не робей!»
Потемкин стал метать. Они играли
И горячо и долго; перестали,
И выиграл сержант пятьсот рублей.
Князь отдал деньги. На другой день тоже
Сурмин был позван к первому вельможе,
Играл с ним в банк, и выиграл опять,
Так и потом история тянулась;
Он рад ее хоть вечно продолжать:
Ему Фортуна сладко улыбнулась!
Ему житье! — Еще и то сказать:
Когда Сурмин по комнатам проходит
Из кабинета князя, как герой,
Сановники кругом его толпой:
Тот руку жмет ему, другой заводит
С ним разговор, и стал Сурмин знаком
Со знатью, стал на балы, маскерады
Он ездить; там ему все рады,
И все его ласкают, он в большом
Ходу в кругу высоком; раздружился

Со сволочью, стал книги покупать
И об чинах, о будущем мечтать,
Процвел душой, совсем переменился!
Стал ездить он в один семейный дом,
Понравился красавице, влюбился
И, верно, скоро будет женихом —
Она согласна!.. Целый город знает,
Что сватовство на лад уже пошло,
А между тем Потемкин продолжает
Играть с ним в банк. Однажды повезло
Светлейшему, и стал он бить жестоко
За картой карту, бить, и бить, и бить;
Тому бы перестать, перегодить
Хоть до другого утра, нет, далеко!
Что будет, будет! Пан или пропал!
Сержант еще играет — проиграл
Еще, и много, денег недостало;
Он проиграл часы и перстень — мало!
Еще играет, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочего, и вот беднее Ира
Сурмин, увы! Спустил всё догола!
Тут князь сказал: «Я больше не играю!
А ты разденься, мне отдай свой долг,
Да и ступай домой». Сурмин примолк,
Глаза потупил. Я воображаю
Его досаду, страх и стыд! Хорош
Он вылетит теперь из кабинета
Потемкина, как раз в толпу вельмож!
И что об нем молва большого света
И там, и там — везде заговорит?
Он счастье знал и вдруг неосторожно
Всё потерял! Оно, как призрак ложный,
Исчезло, сам он навсегда убит
И для чинов, и для невесты милой,
И для всего, чем сердце полно было.
Беда, беда и только! Князь сердит,
И пристает, и требует ужасно:
Сурмин чуть жив, так и дрожит несчастный!
Весь побледнел, и слезы в два ручья!
«Ах, ваша светлость! Ах, не будьте строги!
Помилуйте! Приходит смерть моя!
Помилуйте!» И повалился в ноги
Светлейшему. «Ну, полно же, вставай! —

Сказал Потемкин.— Я твой долг забуду,
Прощу тебе, ты мне лишь слово дай
Не браться век за карты!» — «Век не буду,
Клянусь вам, ваша светлость, никогда
Играть не буду в карты!» Побожился,
И с той поры он бросил навсегда
Картежные беседы, он женился
Превыгодно и службу продолжал;
Украшенный чинами, орденами,
В отставку вышел. Тут он рассказал,
Уж бригадир, какими он судьбами
Исправился и человеком стал:
Он молод был, связался с подлецами,
И в шайке их он вовсе бы пропал...
Отец услышал про его несчастье,
И написал письмо чрез одного
Старинного знакомца своего
К светлейшему, прося принять участье
В житье-бытье заблудшего сынка,—
И князь исполнил просьбу старика!»

1839
Ницца, предместье Мраморного креста

320. ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА

Скачков, Власьев, Хворов, Дрянской, Пронской.

Все навеселе в разных градусах.

Скачков

Уж пить так пить. Держаться середины
Я не могу: оно и мудрено
Здесь, например, когда такие вины
Нам предстоят, как вот мое вино!
Кипучее, разгульное, живое,
И светлое, и светло-золотое!
Люблю его и пью его давно,
Как верный друг ему не изменяя
С младенчества. Ах, юность удалая!
Друзья мои, зачем она прошла!
А хороша, как хороша была!
Пора надежд, восторгов и желаний!..
Да, господа, хочу я предложить
Один закон для наших заседаний —

Закон равéнства: поровну всем пить,
Чтоб не было различных состояний
В кругу друзей и были б все равно...
Согласны вы?

(Пьет.)

Прекрасное вино!

Хворов

Согласны.

Дрянской

Я согласен, утверждаю,
Закон премудрый!

Скачков

Я провозглашаю
Торжественно, теперь же укрепим
И навсегда...

Пронской

Нет, нет, мы не хотим,
Мы отрицаем.

Власьев

Думаем иначе;
Я докажу, что этакий закон,
Закон равéнства, вреден и смешон
Всегда, везде, в кругу друзей тем паче.
Где всякий дома, всякому должно
Быть весело.

Дрянской

И всякий пей свободно,
Как, и когда, и что ему угодно —
Вот наш закон!

Скачков

(пьет вино)

Вкуснейшее вино!
Я им доволен: утешений много
В нем нахожу, им освежаюсь я.
Друзья мои! Идя земной дорогой,
Мы охаем под ношей бытия,

Мы устаем, трудяся до упаду;
Так нам, ей-ей, отрадно иногда
Освободить плеча из-под труда
Жестокого, прилечь под тень, в прохладу,
И скушать две-три кисти винограду!

Хворов

Ты говоришь, Скачков, как бы поэт...
Мысль не нова, а выражена мило.

Скачков

Я не поэт, однако ж время было,
Я писывал то песню, то сонет
Красавице; я предавался мрачно
Своей любви и гордо воспевал
Тоску, луну и всё...

Хворов

Ты подражал...

Скачков

Кому это?

Хворов

И подражал удачно
Кубенскому, который в свой черед
Сам подражал, сам корчил он Виктóра
Гюго.

Скачков

Ты прав. Я избегаю спора:
Вы, критики, несноснейший народ!
А впрочем, как бы вы ни рассуждали,
Кубенской был решительно поэт,
Каких еще не много мы видали;
Умен, учен и, двадцати трех лет,
Он понял жизнь, на мир глядел глубоко,
Великое и доброе постиг,
Трудолюбив, прочел он груды книг,
Знал языки; стоял бы он высоко
В словесности. Ах, братцы, жаль его!
Нежданная, ужасная утрата!
Мы все его любили так, как брата,
Как гения, поэта своего!

И вдруг он умер. Помню очень ясно,
Как вместе мы встречали Новый год,
Все вместе у Кубенского. Прекрасный
Тогда был пир! И новый настает,
А лучший друг к своим уж не придет!

Хворов

Прилично бы в его поминовенье
Всем по стакану. Выпьем же, друзья!

Пьют.

Скачков

Кубенской был нам честь и прославленье,
Роскошный цвет привольного житья,
Он сочетал в себе познанье света
С ученостью, свободу юных дней
И верный взгляд на жизнь и на людей
С веселостью и пылкостью поэта!
Был чист душой, да встретит радость там...
Хвала ему и мир его костям!

Встают и чокаются.

Власьев

Чтобы у нас об нем воспоминанье
Хранилось свято, сладостное нам!

Дрянской

И каждый год такое ж возлиянье
Свершать по нем.

Хворов

И чаще я готов.

Дрянской

Как молод был и был всегда здоров,
И вдруг он умер!

Хворов

Бренное созданье,
Каков бы ни был человек, наш брат!

Дрянской

И то сказать, он сам же виноват:
Он странен был, зачем он не жил с нами,
У нас, в Москве? Погнался за чинами,
Переменил род жизни и климáт,
Стал день и ночь работать через силу,
И заболел, взял отпуск, и скорей
В тамбовскую деревню, там в могилу,
При помощи уездных лекарей.

Хворов

Не помню кто... нет, помню, точно, Тленской
Мне сказывал, что он письмо читал
И шесть стихов, которые Кубенской
Перед своею смертью написал
Какой-то тетке...

Власьев

Я прошедшим летом
Не раз ему говаривал: зачем
Москву и нас бросаешь ты совсем?
Останься здесь, займись своим предметом;
Перед тобой великий мир души;
Работай в нем на воле, будь поэтом
Возвышенным и драму напиши!
Он пренебрег тогда моим советом;
Он был упрям.

Дрянской

Он Гегеля не знал
И не любил Кузеня...

Скачков

А читал.

Хворов

И вообще был чрезвычайно странен,
Хотел служить...

Скачков

Да, службу знаю я!
Легко сказать. Послушайте, друзья,
Послушай, Пронской, что ты так туманен?

Нахмурился, в себя препогружен,
Исполнен думы, будто сочиняешь
Закон природы... Кстати б ей закон
На новый год. Нет, знаю, ты мечтаешь
Об Оленьке Варлянской...

Пронской

Всё ты знаешь!
И вот ошибся, вовсе не об ней;
И что тебе? Ведь ты не понимаешь
Ее достоинств.

Скачков

Мрак в душе моей:
Звезда любви когда-то мне светила,
Твоя звезда, но только что манила,
И вот не к ней летят мои мечты!

Пронской

Так и должны...

Скачков

О чем же думал ты?
О чем-нибудь общественном и важном?
Скажи, о чем?

Пронской

Я думал... как в наш век
Усовершился, вырос человек,
В своем быту, в развитии отважном
Своих идей какую бездну сил
Природы он себе поработил!
И как легко и верно правит ими
Теперь уже, а что еще вперед,
Что сделает он силами такими,
Когда им даст повсюдный, полный ход?
Лет через сто — какой переворот!
Гражданственность, науки, всё пойдет,
Когда везде железные дороги...

Скачков

Везде они, о милосерды боги!..
А знаешь ли ты, Пронской, что твоя
Звезда, любовь и радость бытия

Прекрасная прочь от тебя склонила
Свое лицо, весь жар лучей своих
К другому...

Власьев

Как, ужели изменила?

Скачков

Почти что так: у ней уж есть жених.

Пронской

Вот вздор! Когда?..

Скачков

А в эти две недели,
Которые так мимо пролетели
В твоей тиши, в сидении твоем
За книгами и письменным столом,
В живительных, несуетных беседах
С главнейшими светилами времен.

Хворов

Я слышал сам.

Дрянской

Везде, на всех обедах
Уж говорят...

Хворов

Жених в нее влюблен
До бешенства.

Дрянской

Вчера мы поздравляли
Варлянскую. Какие серьги, шали
Он ей дарит!

Власьев

А кто ее жених?

Скачков

Он молодец, проворнее других,
Известный-преизвестный Загорецкий.

Власьев

Вот чудеса! Нашла же за кого...

Хворов

А почему ж не выйти за него?
Он человек богатый, прямо светский,
Чиновный, умный, вовсе ей под стать.

Власьев

Другая бы...

Хворов

Как эдак рассуждать!
Согласен я, другая бы, конечно...
Да в наши дни смешно любить беспечно;
Везде расчет.

Дрянской

А может быть, и вкус;
Простительно...

Пронской

Я, право, не сержусь,
А грустно мне. Я предался сердечно,
Я предался вполне моей любви!
Чистейшие желания мои
Сливались в ней. Мои труды, заботы,
Мои печали, радости и сны
И смелых дум свободные полеты —
Все были ей одной посвящены!
А мир мечты светлее, выше, краше,
Отраднее существенности нашей!
Чудесный мир, он мне знаком, друзья.
В него меня, как в небо, уносила
Моей любви таинственная сила,
И где же он? И нет его! Где я?
Кругом меня опять и мрак и холод
Земных сует, опять я праха сын!
Куда иду? Несчастлив и один...

Хворов

Не плачь, мой друг.

Скачков

Ах, братец, как ты молод!
Вот на и пей! Тоска твоя пройдет.
Поверь ты мне, в вине такая ж сила,
Как и в любви; оно ей антидот.
Я сам любил, мне так же изменила
Волшебница, и не твоей чета,
И не в Москве, и чудо-красота,
И немочка, в Германии, на Рейне,
Эмилия; я так же пылок был
И тосковал, но скоро утопил
Огонь любви на месте же, в рейнвейне,
И весел стал, как прежде: вот любовь!

Дрянской

Кубенской прав:
«Не знаю, что любовь?
Стакан вина иль дым священный?
Души припадок вдохновенный
Иль разыгравшаяся кровь?»

Хворов

Не унывай, садись за книги смело,
Пересмотри Гиббона своего:
Ты сделаешь полезнейшее дело,
Ты мастерски переведешь его.

Дрянской

На что Гиббон? Вот есть над чем трудиться.
Он устарел, прошла его пора...

Власьев

Советую покрепче углубиться
В историю России до Петра
И наконец решить вопрос великой.

Скачков

Который окончательно решен.

Власьев

Не для меня.

Скачков

Ах, Власьев, ты умен
И всё читал, а судишь слишком дико.
Пора же нам оставить нашу старь,
Как ветхий, давнолетний календарь,
И перестать напрасно шевыряться
В родной пыли; пора идти вперед
И нам.

Дрянской

Нет, за Европой гнаться
Нам тяжело; мы не такой народ...

Скачков

Прикажешь нам сидеть поджавши руки,
Бессмысленно и мертво ко всему,
Чтó движет всех, чтó делают науки
И там и там. Нет, мы по-твоему́
Давно уже погибли бы со скуки.

Власьев

А согласись, что пища есть уму,
Прекрасная, питательная пища —
Уединяться от живых людей
В священный мрак давно минувших дней,
На тихие, смиренные кладбища
Исчезнувших народов и царей!
Ум творческой способностью своей
Влагает жизнь в могилы молчаливы,
И перед ним они красноречивы,
И перед ним века, за рядом ряд,
Встают, идут и внятно говорят;
Как наяву он видит их и слышит,
Он судит их и величаво пишет
Свой суд, в урок позднейшим временам.

Хворов

И я люблю и занимался сам
Историей, особенно Нибуром;
Я начинал его переводить.

Пронской

Мне кажется, что можно бы сравнить
Великого историка с авгуром:

Историк также должен уходить
От шума и приличий современных
На светлый луг холмов уединенных,
Чтоб наблюдать с свободных их высот
Судьбу веков, их вещий крик и лёт...

Скачков

Ну, полно, брат, я не терплю сравнений.

Дрянской

За что это?

Скачков

Нетрудно их набрать.

Хворов

Сравнения до ложных заключений
Доводят нас, и странно б основать
На них науку или вывод целый.

Дрянской

В поэзии...

Хворов

Тогда другое дело:
Там место им, они там хороши.

Дрянской

Как, например, сравнение души
С огнем лампады...

Хворов

Или жизни нашей
С несвязным сном...

Скачков

А молодости — с чашей
Вина. Друзья! давайте ж пить вино,

(пьет)

Пока еще так чисто и прекрасно
Кипит, блестит и пенится оно!

Власьев

(смотрит в окно)

Луна взошла и сыплет свет свой ясный
На белый снег! Серебряная ночь!

(Задумывается.)

Вы помните: такая же точь-в-точь
Она была, когда мы любовались
На вид Кремля, Кубенской с нами был...

Дрянской

И на своих пегасах.

Власьев

Говорил
Торжественно; мы долго восхищались
Величием и славою Кремля!
И где поэт? Его взяла земля
И не отдаст...

Скачков

Скажи ты мне, мой милый,
Ты, Пронской, полно! Ты опять уныло
Задумался, скажи свой приговор:
Ведь ты читал ту книгу? Мир явлений
Из-за могилы, право, сущий вздор!

Дрянской

Однако же, друзья, и до сих пор
Не решено...

Пронской

Об этом много мнений;
Защитники таких духовидений
Зашли уже чрезмерно далеко,
Предположив решительно возможность...

Дрянской

А для ума почти равно легко
Доказывать неложность их и ложность,
Не испытав на деле.

Хворов

Так, ты прав,
Весьма легко, когда не испытав...

Я думаю: обман воображенья...
Иль выдумка, ведь Кернер сам поэт.

Скачков

Невежество иль сумасшедший бред.

Дрянской

Но ежели достойный уваженья
И всем известный человек с умом,
Правдивости и честности примерной,
Как дядя мой, и человек притом
Ученый и ничуть не суеверный,
Сам Тимофей Петрович Волховской...

Хворов

Всё пустяки!

Пронской

Так что же дядя твой?

Власьев

Послушаем.

Скачков

Пожалуйста, недолго.
Рассказывай! Пора нам новый год
Встречать, не то не встреченный придет...

(Смотрит на часы.)

Одиннадцать.

Дрянской

Мой дядя жил за Волгой,
В деревне; был он вообще любим
Соседами, особенно ж с одним
Ближайшим всех, с майором отставным,
С Курковым был он дружен. Сам почтенный
Майор был очень стар и домосед,
Так дядя мой езжал, обыкновенно
По вечерам, к нему играть в пикет;
Они всегда садились в кабинете
Куркова, где висел большой портрет
Хозяина. Майор был на портрете
И в орденах, и в пуклях, и с косой,
И так похож, так дяде полюбился,
Что наконец он выпросить решился
Его себе в подарок. «Нет, друг мой,—
Сказал майор,— нельзя. Помилуй, что ты?

Такой портрет прекраснейший! Работы
Левицкого, тебе какая стать?
Сам посуди, картина дорогая!»
— «Так дай же мне его хоть срисовать»,—
Сказал мой дядя.— «Это речь другая!
Возьми, срисуй; однако ж уговор,
Чтоб мой портрет через полгода снова
Был дома!» Дядя взял портрет Куркова
И у себя повесил; а майор
Чрез три дни умер, и его картина
Осталась дяде, другу на помин.
И быть бы так, да сделалась причина!
Раз дядя мой был дома и один;
Была уж ночь; лакеи спать ложились,
А он сидел за книгой... Слышит: вдруг
По комнате пронесся шум и стук
Шагов, идут, и двери отворились!
Вошел Курков, к стене приставил стул,
Портрет достал, со всех сторон обдул,
Под мышку взял и с ним проворно вышел.
Не струсил дядя: тут же он вскричал
Людей и дворню, дом весь обыскал:
Нигде никто не видел и не слышал,
Кто взял портрет, и как пропасть он мог?
Тут вспомнили, что в эту ночь был срок
Послать портрет, по силе уговора,
В майорский дом. Мой дядя съездил сам
В село Куркова, в кабинет майора
Вошел: портрет покойника был там
На прежнем месте. Я вас уверяю...
Не верю сам, а дядя...

Скачков

Знаю, знаю,
И сам могу... Пожалуй, и у нас
В семье хранится этакий рассказ,
Еще от деда, также достоверный...

Хворов

Мы слушаем.

Скачков

У бабушки моей
Был человек, слуга ее, лакей,

Старик Мирон; слуга он был примерный,
Любил мести полы, и мел он их всегда
Так смирно, тихо мел, что господа,
Весьма остро, за то его прозвали
Мироном тихим. Умер он. Так что ж!
Теперь таких усердных не найдешь:
Ленивее и хуже люди стали!
В полночный час Мирон и мертвецом
Ходил мести полы в господский дом
И мел, как прежде. Многие видали,
И много раз, и дед мой видел сам,
И бабушка ходила со свечами
В гостиную и наблюдала там,
Как по полу пыль ехала рядами
К дверям сама, а щетки не видать!
Вот вам, друзья, извольте рассуждать!

Хворов

Всё это вздор.

Скачков

А я божиться буду,
Что дед не лгал.

Власьев

Я никакому чуду
Не верю.

Скачков
(садится за стол)

Братцы, новый год встречать
Пора. Друзья, садитесь, начинаю
Желания... Да слушайте ж, друзья,
Садитесь все. Во-первых, я желаю —
Начну с себя,— себе желаю я,
Чтоб я, Скачков, побольше занимался
Делами службы; чтоб любил труды
Полезные; чтоб реже я влюблялся
И реже бы в Армидины сады
Ходил ловить обманчивые взгляды
Сирен; вперед чтоб не был я сердит,
Когда моим товарищам награды,
Места, кресты и всё так и летит;
Чтоб я сидел за важною работой,
А не вертелся в мелочных чинах.

Теперь, мои друзья...

Слышен скрып саней.

Власьев

Подъехал кто-то
К крыльцу... нет, нет...

Хворов

На пегих лошадях.

Скачков

Да слушайте ж! Теперь, друзья, желаю,
Тебе, мой милый Пронской...

Власьев

Нет, сюда
Приехал кто-то.

Скачков

Сядьте, господа,
И слушайте меня, я продолжаю:
Тебе, мой Пронской, на твоем веку
Довольно ты любовных треволнений
Препобедил, тебя твой добрый гений...

Входит Кубенской и обращается к Хворову.

Хворов

Ах, батюшки!
(Вылетая в дверь.)
Артемий, табаку!

Кубенской

Здорово, Пронской! Вот и я с друзьями
Опять...

Все от него отворачиваются в испуге.

Друзья, Скачков!

Скачков

Поди ты! Нет, не я..

Кубенской

Что это вы?.. Что делается с вами?
Помилуйте, послушайте, друзья!

Хворов

(вбегает)

Кубенской жив, он жив!

Кубенской

Смотрите сами,
Вот я, Кубенской, тот же...

Власьев

Здравствуй, друг!

Пронской

Ты не сердись, Кубенской: нам сказали,
Что умер ты, так мы не полагали...

Дрянской

Вольно ж пугать нас. Этакой испуг!

Хворов

Все думали... а ты явился вдруг,
Все думали...

Кубенской

Я болен был опасно,
Отчаянно...

Дрянской

Да можно бы дать знать...

Кубенской

Был при смерти, однако ж умирать
Не умер.

Власьев

(обнимает его)

Друг, ты поступил прекрасно!

Кубенской

Я к вам спешил, и вот всего-то с час,
Как я в Москве. Я приглашаю вас,
Друзья, ко мне: мы встретим, как бывало,
Студенчески и этот новый год,
Разгульно, шумно!

Дрянской

Звонко, разудало!

Хворов

Как следует.

Кубенской

Веселый пир пойдет,
Как прошлый раз.

Власьев

И даже веселее
У мертвеца...

Кубенской

Поедем же скорее!
Пора, друзья.

Власьев

Поедем и пойдем.

Дрянской

Подумаешь, вот слухи...

Хворов

Что ж такое!
Не мы...

Кубенской

В Москве прибавят вечно втрое!

Власьев

Какая ночь!

Пронской

Идем же...

Скачков

И поем:
Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus...[1]

Все подтягивают.

1840
Ницца, предместье Мраморного креста

---

[1] Итак, будем веселиться, пока мы молоды... (лат.).—*Ред.*

321. ЛИПЫ

> И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина.
>
> *Карамзин*

1

На пурпуре ленивки драгоценной
Красноречиво, пышно развалясь,
Князь Петр Ильич Хрулев уединенно
Курил гаванскую сигару. Князь
Глядел сурово, думал беспокойно:
Табачный дым небрежно и нестройно
Из-под усов на воздух он бросал;
Обыкновенно ж он его пускал
Отчетисто, красивыми кружками.
Что ж занимало голову его?
На поприще служенья своего
Блистает он чинами и звезда́ми,
Он и богат, и знатен, и силен,
Чего ж ему, о чем же думал он?
Быть может, он воспоминал тоскливо
Прекрасные, былые дни свои
И молодость, когда он цвел счастливо
Избытком сил, для жизни и любви;
Когда он бойко, славно рисовался
Перед полком; иль негой упивался
В шуму высоких, царственных потех,
Где он имел решительный успех
У первых лиц, где был он несравненно
Умен, и мил, и ловок, и остер,
И привлекал к себе огнистый взор
И сладку речь красавицы надменной.
Быть может, он воспоминал те дни
И думал: «Ах, зачем прошли они!»

Они прошли как сон пустой; а ныне
Куда судьба его перенесла!
Он здесь один, и словно как в пустыне,
И кучами кругом его дела
Прескучные; он толку в них не видит
И знает, что добра из них не выдет;

Тоска ему, невыносимо дик
Его большой бузанский пашалык:
Сама его столица как могила.
Здесь он завял и сердцем и умом
В глуши. Да нет, он думал не о том.
Забота в нем кипела и бродила
Важнейшая: он преисполнен был
Дум глубочайших. Вот он позвонил.

И перед ним, нагнувшись и блистая,
Лакей как тут. «Крумахера ко мне!»
Лакей ушел. Забота вот какая
Смущала князя: в этом Бузане,
Где всё еще и пошло и уныло,
Полезно бы, прекрасно б даже было,
Притом же и не слишком мудрено,
Бульвар устроить! Так и решено.
Покончена работа черновая,
Лишь осенью деревья насадить;
Но вдруг приказ: бульваром поспешить!
И чтобы он к шестнадцатому мая
И непременно весь отделан был.
Об этом князь бумагу получил
За чаем; он задумался над нею:
«Срок очень мал! Всего-то восемь дней!
Так как мне быть, когда же я успею?
Где я возьму такую тьму людей?
Бульвар велик; нет, это слишком скоро!
Стоят жары, теперь садить неспоро,
Деревья будет нужно поливать
Весь день,— да где их столько и набрать?
Лес за семь верст! И лес какой же? Хвойный!
А липы редки в этой стороне,
А нужны липы; что же делать мне?
Ну как тут быть?» Князь думал беспокойно,
И мысли в нем, одна другой черней,
Как волны вод, когда ревет Борей.

Вошел Крумахер. Чинно поклонился.
Князь объяснил ему и прочитал
Бумагу. Тот ничуть не удивился
Разумному приказу и сказал:
«Так надобно, не мешкая, за дело,
И чтоб оно без устали кипело,—

Прикажете, я завтра же начну
Распоряжаться, мигом поверну
Работу к спеху: множество народу
Собьем из подгородных деревень;
Велим ему работать целый день
Вплоть до ночи, возить к деревьям воду,
И для поливки буду высылать
Моих пожарных».— «Трудно лип достать,
Их сотни с две потребно для бульвара»,—
Заметил князь.— «И это ничего:
Нас липы не задержат; сад у Кнара
Весь липовый; достанем у него.
И липы все, как на подбор, прямые
И чистые; ну, именно какие
Нам надобно. Я сам к нему зайду,
И завтра же; есть липы и в саду
Жернова, их мы тоже пересадим
На наш бульвар, и будет он как раз
У нас готов. Могу уверить вас,
Не беспокойтесь: славно дело сладим!»
И князь сказал: «Поди же торопись,
Любезнейший, и всем распорядись».

Ушел Крумахер. Князь легко и плотно
Поужинал, потом на ложе сна
Лег и заснул, как отрок беззаботный.

Какая ночь: весенняя луна
То, ясная и яркая, сияет
В лазурном небе; то она мелькает
В летучих и струистых облаках,
Как белый лебедь, спящий на волнах.
Какая ночь! Река то вдруг заблещет,
И лунный свет в стекле ее живом
Рассыплется огнем и серебром;
То вдруг она померкнет и трепещет,
Задернута налетным облачком.
Земля уснула будто райским сном.

Вот лунный свет прекрасной вешней ночи
И в спальне князя весело блестит,
Его целуя и в уста и в очи;
Сон видит князь: с министром он сидит
И объясняет складно и подробно,
Как было трудно, вовсе неудобно,

В такую пору, только в восемь дней,
Бульвар устроить: и согнать людей,
И лип найти, и подвозить к ним воду,
Песок возить, укатывать катком;
Но он таки поставил на своем
И, так сказать, преодолел природу.
Бульвар готов, а прежде тут была
Пустая площадь и трава росла!

И видит князь, как он министра водит
По дивному созданью своему:
Министр доволен, весело он ходит,
Всё хорошо, всё нравится ему,
Всё сделано отлично, превосходно,
Как надобно, и князя всенародно
Он тут же и не раз благодарит,
И князь в восторге. Он едва стоит;
Он очарован ласковым воззреньем
Вельможных глаз на слабый, малый плод
Его трудов, усилий и хлопот;
Он поражен приливом и волненьем
Сладчайших чувств; он ими поглощен —
И три разá он видит тот же сон.

2

Аптекарь Кнар, с своей женой Алиной
И кучею детей, спокойно жил.
Его семьи счастливою картиной
Все любовались; он жену любил
Сердечно, и такою ж отвечала
Она ему любовью; управляла
Хозяйством восхитительно; была
Добра, умна, чувствительна, мила.
Его жена любила так же нежно
И постоянно липовый свой сад,
Приют своих семейственных отрад.
Она об нем заботилась прилежно,
И процветал Алинин сад, предмет
Ее живой заботы многих лет.

Она его в наследство получила
От матери покойной и сама,
Еще при ней, деревья в нем садила

Не просто,— нет, она была весьма
Замысловата: при сажаньи сада
Не только что прогулка иль прохлада
Приятная была у ней в виду;
Нет, ей хотелось, чтоб в ее саду
Произрастал, красиво зеленея,
Альбом родных и милых ей людей,
Чтоб легкий шум густых его ветвей,
При месячном сияньи тихо вея,
Напоминал ей сладко, вновь и вновь,
Ее семью, и дружбу, и любовь.

И эту мысль она осуществила
Прекрасно. Вот Адам Адамыч Бок,
Бандажный мастер; вот его Камилла
Эрнестовна; вот Франц Иваныч Брок,
Сапожник, и жена его Бригита
Богдановна, и дочь их Маргарита,
И муж ее Петр Федорыч Годейн,
Штаб-лекарь; вот Иван Андреич Штейн,
Кондитер и обойщик; вот почтмейстер
И кавалер Крестьян Егорыч Шпук,
Вот Фабиан Мартынович фон Фук
И Александр Вильгельмович фон Клейстер —
Два генерала; вот и две жены
Двух генералов, бывшие княжны
Мстиславские: Елена и Полина,—
Красавицы! А вот семейный мир
Хозяйки: вот ее мама́, Кристина
Егоровна; папа́, аптекарь Шмир,
Иван Иваныч; дядя Карл Иваныч;
Вот муж, аптекарь Николай Богданыч
Кнар; дети: Лиза, Лена, Макс, Андрей,
И прочие... В дни юности своей
Она сама здесь некогда гуляла,
Влюбленная, и томною мечтой
Питалася, беседуя с луной
Задумчиво, и «Вертера» читала.
Здесь вместе с ней жених ее гулял
И в первый раз ее поцеловал.

И с той поры, в тот час, когда сменяет
Шумливый день ночная тишина,
И небосклон румяный потухает
За дальними горами, и луна

Слегка осветит дремлющие сени
Заветных лип, и сетчатые тени
Падут на луг,— Алина здесь блуждать
Любила, и душой перелетать
В минувшее, и чувствовать уныло,
Что сердцу милых многих, многих нет,
Что эта жизнь полна пустых сует,
И веровать, что будет за могилой
Иная жизнь и лучшая, иной
И вечный свет, небесный, неземной!

Так этот сад хозяйке драгоценен.
Прекрасный сад! Он застенен горой
От северного ветра, многотенен
И далеко от пыли городской.
Как живо улыбается Алина,
Когда ее семейная картина
И двое-трое милых ей гостей
В ее саду, в тени его ветвей,
Сидят, пьют кофей, муж спокойно курит
Табак; с ним тихо говорит Конрад
Блехшмидт, портной, его табачный брат;
С мамзелями невинно балагурит
Танцмейстер Кац, а с Минoю фон Флит
Он вечно шутит: как он их смешит!

Был вечер. Кнар, с своей женой Алиной,
Сидел у растворенного окна.
Он занимался важно медициной
И рылся в толстой книге, а жена
Чулок вязала, между тем глядела
На улицу, которая кипела
Народом и телегами, и сам
Крумахер горделиво по толпам
Расхаживал; полиция кричала
И гневалась жестоко на народ.
«Ах боже мой! Крумахер к нам идет!
Что это значит?» — жалобно сказала
Алина и хотела выйти вон;
Но в дверь стучат. Так точно — это он.
И муж ее немедленно смутился,
Насупился и книгу отложил.
Крумахер величаво поклонился
И сел. Сначала он заговорил

О том, что хороша теперь погода.
Обыкновенно в это время года
Бывает грязь и дождик ливмя льет,
Что в городе сгорел свечной завод,
И сильный ветер пособлял пожару,
А затушить не можно было: тут
И заливные трубы не берут;
Потом он ловко перевел к бульвару
Свои слова и наконец довел
Их и до лип, а тут он перешел
И к липам Кнара. Нужно непременно
Их на бульвар, и скоро, перевесть,
Чтоб к сроку был готов он совершенно.
Князь приказать изволил! — Эта весть
Хозяину пришлася не по нраву:
Насилие, неуваженье к праву
Он видел в ней; Алина же чуть-чуть
Не обмерла, не смела и дохнуть;
Но Николай Богданыч прибодрился,
Вскочил со стула, выступил вперед
И объявил, что лип он не дает,
Во что б ни стало. Он разгорячился
И ну твердить: «Где ж правда, где закон?»
Таким ответом крайне удивлен,
Крумахер скоро вышел. Очевидно,
Мирволил он аптекарю, щадил
Его: он с ним нимало не обидно,
Спокойно, даже мягко говорил,
И то сказать — Кнар человек известный,
Почтенный немец, говорят, и честный,
И многими уважен и любим:
Зачем его дразнить или над ним
Ругаться! Пусть живет благополучно.
Но вообще Крумахер был не так
Учтив, был груб и резок на кулак,
И речь его бежала громозвучно,
Как быстроток весенних, буйных вод,
Сердитый, пенный, полный нечистот.

А между тем аптекарь расходился.
Ведь сад — его, принадлежит ему,
Принадлежит по праву. Он решился
Лип не давать никак и никому.

Князь приказал! Князь человек военный,
Однако же, как слышно, просвещенный,
Он этого не сделает. О нет,
Ты лжешь, Крумахер! Завтра же чем свет
Иду сам к князю, смело, откровенно
С ним объяснюсь и липы отстою:
Я защищаю собственность мою!
Я прав и в том уверен несомненно.
И с этой мыслью Кнар пошел ко сну,
Поцеловав чувствительно жену.

3

Бузанский полицмейстер собирался
В объятия Морфея: он курил
Гаванскую сигару, раздевался
Прохладно и квартальным говорил:
Калинкину (Калинкин был вернейший
Его подручник, ревностный, грубейший;
Он мог назваться правою рукой
Крумахера): «Послушай ты, косой,
Похлопочи, чтоб дело сделать с толком:
Ты должен непременно до зари
Управиться; а главное, смотри,
Чтобы всё шло без шума, тихомолком.
Пожалуйста, получше всё уладь!
А ты, Мордва, изволь-ка завтра встать
Пораньше, да к Жернову отправляйся
С рабочими и вырой сотню лип —
И на бульвар вези их; ты старайся,
Чтоб корни были целы и могли б
Они приняться; выбирай прямые
И чистые деревья, молодые
И ровные, рабочих понукай
Как можно чаще,— наш народ лентяй,—
Ступайте же». Крумахер потянулся,
Прилег к подушке, раза два зевнул
Глубоко и приятно — и заснул,
И захрапел. Поутру он проснулся
До петухов. Лазурный неба свод
Был чист и ясен. Солнечный восход
Багряными, златистыми лучами
Блистательно его осиявал;

Багряными, златистыми столбами
Река блистала: ярко в ней играл
Прекрасный день. Вдоль берега туманы
Еще дымились; рощи и поляны
Сверкали переливною росой
И зеленели. Воздух, теплотой
И свежестью весны благоухая,
Был тих и сладок; жаворонок пел,
И благовест над городом гудел,
К заутрени протяжно приглашая
Благочестивый православный люд...
Крумахер встал и глядь: к нему ведут
Купца Жернова. «Это что такое?»
— «Лип не дает, кричит и гонит вон!»
— «Лип не дает! Нет, это, брат, пустое!
Ты лип нам дашь, ты мало, знать, учен:
Буянить вздумал. Ты не уважаешь
Начальников, полиции мешаешь!
Ах ты разбойник! Мы тебя уймем».
(И ну его гордовым чубуком!)
«В тюрьму его! Там будет он смирнее —
В тюрьму его! Да насчитать ему...»
(И отвели несчастного в тюрьму.)
«А ты, Мордва, ты, право, не смелее
Моих индеек, баба, размазня!
Хорош квартальный — ты срамишь меня!
Нет, у меня б Жернов не раскричался,
Не пикнул бы. Иди же ты назад!
Стыдись, братец, кого ты испугался?
Бородачей, купчишки,— плох ты, брат!
И больно плох, и время упускаешь
По пустякам. Иди же и, как знаешь,
Как я велел, всё сделай поскорей,
Да, ради бога, будь ты посмелей!»
Мордва ушел. Работою живою
Давным-давно бульвар уже кипел,
На нем и ряд деревьев зеленел
Посаженных, и тенью их густою
Играл прохладный, вешний ветерок,
И падала роса их на песок.

Дышать прохладой сладостного мая
Пошла Алина; дети вместе с ней.
Кнар собирался к князю, размышляя,

Как он пойдет и просьбою своей
Предохранит свой сад от господина
Крумахера. Вдруг слышит крик; Полина
И Макс бегут, и плачут и кричат:
«Папа́, папа́, иди скорее в сад;
Мама́ больна, в сад воры приходили
И взяли наши липы». Он бежит,
И что ж он видит: замертво лежит
Его Алина. Тот же час пустили
Ей кровь, да кровь едва-едва текла:
Несчастный муж! — Алина умерла!

Бульвар кипит работой. Горделиво
Князь и Крумахер смотрят на него.
И подлинно: всё делается живо.
Помехи нет ни в чем, ни от кого.
Приехали и с липами Жернова,—
Сегодня же и садка вся готова:
Останется лишь разровнять песок
И поливать. Бульвар поспеет в срок,
И даже прежде срока. В самом деле,
Бульвар, еще до срока, в жаркий день
Уже манил гуляющих под тень
Своих ветвей... И не прошло недели,
Как и прелестный, райский князев сон
Сбылся точь-в-точь, каким приснился он.

9 апреля 1846

322. ЧЕТЫРНАДЦАТИСТИШИЕ [1]

Ты правду говоришь, любезнейший барон!
Дрожащий блеск луны, туманный небосклон,
Благоприятная весенняя погода,
Однообразный стук и говор парохода,
И ночь, и вид реки, объятой тихим сном,
Сама Гортензия, блестящая умом
И просвещением, и розы и лилеи
Ее цветущих уст и щек и нежной шеи,
И скромный взгляд ее, как сам заметил ты,
Взгляд, коим развила она в тебе мечты
Живые, пылкие и жажду наслажденья,—
Всё это сильные соблазны увлеченья
Для благородных душ; но что ты ни толкуй,
А страшно дорого: флорин за поцелуй!

16 июня 1843
Гаштейн

---

[1] Ввиду того что текст стихотворения стал известен в процессе производства издания, он публикуется не после стихотворения «Элегия» (№ 283), согласно своей дате, а в конце корпуса книги.— *Ред.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Под нумерацией строк (или строф) указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

Список условных сокращений см. на с. 504—506.

3

загл.
ВЕ

ПЕСНЬ РОГНЕРА

10—15
НЛ, ВЕ

Когда, победивши и хлад и пучины,
Мы вышли на берег Гензинской долины
И вызвали сильных на спор боевой;
Мы бились жестоко и жадные мщенья
Враги к нам летели толпа за толпой;
Их кровью намокла равнина сраженья.

5

загл.
НЛ

К Я. М. А., ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ ЕМУ СТИХОВ МОИХ

5—8
НЛ, списки ПД

Тобою жизни обученный,
Младой питомец тишины,
Я пел на лире вдохновенной
Мои пророческие сны.

12

5—8
НЛ

Но если праведным судьбам
Убогий сердца дар приятен,
Чем драгоценней фимиам,
То голос мой Вам будет внятен.

13

после эпиграфов список ЦГАЛИ

Вам, Николаевна Мария,
Я при отъезде обещал
Прислать мой путевой журнал! *
Гораций, кажется, сказал,
Что приключения простые
Писать поэту мудрено;
А я прибавлю: даже скучно.
Мы ехали благополучно,
Но всюду то же и одно
Нам повторялося дорогой.
И я, что было, записал;
Вы извините, что немного,
Что делать? Я не вымышлял.
1823, июня 20 *Н. Я.*

примеч. к ст., отмеченному звездочкой

* Как худо я переписал:
Чернила, перья предурные,
Хоть сам К⟨няжеви⟩ч мне их дал.

15

загл. автограф, списки БЛ и ПД

БАЯН К ВОИНУ

40—42

Где нет рабов — там нет тиранов,
Ужасен наш мучитель был,
Но русский меч его убил.

загл. др. ред. автограф БЛ

ПЕСНЬ БАЯНА

вм. 10—42

Война губительного мщенья?
Давно ли длань твоя слаба?
Давно ль в тебе душа раба?

Когда с толпой отважных братий
Ты грозно кинешься на бой,
Кто сильный сдержит пред тобой
Врагов тьмочисленные рати?
Чей меч удар твой отразит?
Чье копие пробьет твой щит?

Рука отмстителя сильнее
Руки, измученной ярмом,—
Так с неба падающий гром
Подземных грохотов звучнее,
Так щит, сзывающий бойцов,
Гремит ужаснее оков.

И наши предки не узнали,
Как власть тирана тяжела:
Когда отчизна их звала,
Они и жизнь позабывали —
И греки с битвы роковой
Не возвращалися домой.

Возьми ж свой меч, да мщенье, мщенье
Смертельно грянет на татар,
Да им докажет твой удар,
Что за свободу — провиденье!
И что славян геройский дух
В сердцах потомства не потух.

На бой, на бой! — и жар баянов
С народной славой оживет,
И арфа смелых пропоет:
«Где нет рабов — там нет тиранов,
Ужасен наш мучитель был,
Но русский меч его убил!»

20 августа 1823

27

загл. автограф БЛ, список ГПБ (ИОРЯС)

ПЕСНЯ

5—6

Люблю, задумавшись, с кургана
Напевы слушать соловья

35

2-я «Песнь Баяна» 22—24 НЛ

Дробится греческий булат,
И пал ужасный сопостат
При шуме дерзостной погони.

после 2-й «Песни Баяна» список БЛ 1—4

Не сталь в груди Услада трепетала,
Не страшен был огонь его очей —
Услад любил: душа его знавала
Надежды, сны и радость юных дней.

45

5—8 список Гаевского

Под тяжким игом самовластья,
Покорны рабскому ярму,
Сердца не сознают участья,
И ум не верует уму.

5
ПЗ Пред адским игом самовластья

46

3—6
Срв Она прекрасных рук в железы не дала
Векам убийства и разврата.
Они пришли: повсюду смерть и брань,
Всё рушит дерзостная сила.

9 Но с праха тлеющих громад

12 Бессмертный гений вдохновенья.

54

29—36
НЛ О родина, родина! Под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвого руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.
Как море вздымается, как море шумит,
Почуя незапный набег урагана,
Шумят и волнуются ратники хана;
Под топотом конским долина дрожит.

55

вм. 12—20
автограф ГПБ
(ИОРЯС) Ведут к ручейку.
Там столик дубовый
С софою дерновой
Стоит у воды;
В ней рыбки играют,
Играя, мелькают
Туды и сюды.

после 28 Когда же поляны
Оденутся сном
И ночи туманы
Ложатся кругом,
Там Скотта романы
Читает *она*,
Тиха — и одна!

58

6
НЛ, ПЗ,
автограф ПД Возвышенных, изящных дум,

9—10 Как дочь невежества простая,
Она не любит пиерид,

13—16	Слуге сует, слуге забвенья Ее любовь обречена! Но жизнь любимца вдохновенья Поймет и скрасит не она.

60

2—4 *автограф ГПБ* *(ЯА)*	И мне судил всесильный рок Узнать практического Леля Нравоучительный урок.
8	Заманчив был мой идеал!
15	Я на парнасскую дорогу

61

загл. *СЦ*	ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «АЛА»
загл. *авторизованный* *список ПД*	АЛА. ЛИВОНСКАЯ ПОВЕСТЬ
5—8 *СЦ, авторизованный* *список ПД*	Там, где Албертова рука Лишила княжеского права Неосторожного Всеслава; Где после Грозный Иоанн

73

22—24 *автограф* *ЦГАЛИ (ЯА)*	Как славы дедовской лета, И величава, и проста, И благодарна, как свобода.

74

загл. *автограф* *ЦГАЛИ (ЯА)*	ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ Д⟨ЕРПТА⟩ В П⟨ЕТЕР⟩Б⟨У⟩РГ
14—18	Как бесконечное стекло, Прекрасно, чисто и светло, Как своды неба, голубое, Волнами озеро Чудское. Меня палит ужасным жаром.
26—28	Пред обветшалою корчмою. Вхожу в корчму — она полна: Какие лица, одеянья!

77

загл. *НЛ*

ОТРЫВОК ИЗ СТИХОТВОРНОЙ ПОВЕСТИ «МЕЧЕНОСЕЦ»

48—52

Не то ему на подвиг бытия
Назначило отцовское желанье:
Он полетит в Ливонские края
Свершить одно и страшное деянье.

загл. *АСМ, список ПД*

МЕЧЕНОСЕЦ АРАН, Ч. 1

между 8 и 9

Винанд любил и уважал Арана:
Его всегда убийственный удар,
Среди мечей неутомимый жар,
Усердие к законам Ватикана,
Железное презренье к суетам,
Высокий нрав, решительность деяний —
Все красоты воспитанника брани
Казалися магистровым очам
Посланием небесной благодати
Для слабого владения Христа,
Где не смирял враждебных предприятий
Недавний гром крестового щита.

между 48 и 49

Не то ему на подвиг бытия
Назначило отцовское желанье:
Он полетел в Ливонские края
Свершить одно и страшное деянье.
Обманутый любимою мечтой,
Лишен отрад надежды величавой,
Кляня судьбу и перед нею правый,
Он мог разить нещадною рукой,
Он мог нести всю тяготу условий,
Предписанных для рыцарей меча,—
И на него надета епанча,
Где крест и меч, как вылиты из крови,
Являлися на светлой белизне;
Он в них узнал свое знаменованье,
Сокрыл свой род, отчизну и названье
И стал служить магистру и войне!

Задумчивый, угрюмый, молчаливый,
Как часто, длань простерши на кинжал,
Аран души ужасные порывы
Насильственным упорством побеждал.
«Я совершу безжалостное мщенье!
Передо мной родителев кинжал;
Но седины, но доблесть, но смиренье!..» —
Так думал он — и плакал, и дрожал.

между 95 и 96

Сшибаются; воинственные крики,
То слабые, то яростны и дики,
Разносятся на поле боевом,
Ужасный вид! там рыцаря пронзает
Смертельная ливонская стрела:

Его рука на стали замирает,
Холодный пот на бледности чела,
Воитель стих и падает с седла;
Свободный конь бежит между толпами,
Ржет, прядает, могучими ногами
Разит и рвет кровавые тела.

«Не убивай меня, великодушный воин!
Мне подари остаток бытия,
Счастлива мной прекрасная семья,
Я крест приму и буду вас достоин! —
Старик бойцу, спасаяся, кричит.—
Ах, удержи неправедное мщенье.
Не убивай меня! Смотри: бросаю щит,—
Жесток же ты! Постой, еще мгновенье
На небеса, на землю дай взглянуть!»
Не слушает боец освирепелый,
Летит, настиг, и в старческую грудь
Орудие злодейства заскрипело.

между 115 и 116

Бурливый лес, чернея, утихает,
Певец зари, умолкнул соловей,
И ночь свои покровы расстилает,
И тьма легла на поприще мечей.

78

13 автограф ПД (альбом Воейковой)

Дай руку! С гордостью поэта

16

Слова жестокого обета.

80

загл. список ГПБ

М. Н. Д.

между 99 и 100 список ГПБ, альбом Воейковой

Теперь сердечно признаюсь —
Я для Парнаса не гожусь,
И, будь не Ваши именины,
Я промолчал бы, как молчу,
Когда без цели и причины
Распространяться не хочу.

85

ЖИЗНЬ

загл.
автограф ПД

между 8 и 9
НЛ, автограф ПД,
список БЛ

Ему Киприда не отравит
Непобедимой головы
И ниже века не поставит
Его надежд, его молвы.

88

1—4
список ПД

Я видел сон — чудесный сон!
Но с робкой музою моею
Пересказать его не смею:
Уж я таиться приучен!

107

ПРОЩАНЬЕ

загл.
МТ

др. ред.
МТ, автограф ПД

Прощай, прелестница моя!
Он мне знаком, любимец неги,
С кем на дороге бытия
Ты делишь сладкие ночлеги.
Я верил нежностям пустым,
Манил тебя ко храму славы,
Я вдохновенные забавы
Означил именем твоим;
Я счастья ждал: иную долю
Мне провидение дает;
Но... путник свищет и поет,
Идя по сумрачному полю,—
Так я, забыв любовь мою,
Души безумную неволю,
Теперь и весел, и пою.

108

К В — У

загл.
автограф ПД

9—12
МТ,
автограф ПД

За песни страстные, за слезы
Она холодностью дарит;
Но пламенны живые розы
Ее пленительных ланит.

110

загл. *Б*	К А. А.
вм. 3—16	Надежде гордой покорили Мою застенчивую грудь И поэтических усилий Мне вольный указали путь. Как славы светлая награда, Как весть любви, в тяжелый час Мне животворная отрада Воспоминание о вас. Златые дни, когда, внимая Желанью неги и похвал, И ярко — вами пробужденный Во мне — свободный и священный Огонь поэзии пылал...
31—34	Взываю к ней без вдохновений: Мне скучно в поле бытия! Да воскресит она мой гений, Да вновь почувствую, кто я.

114

вм. 16—19 *автограф ГПБ*	Всё видел я — и я вздыхал, Я млел, я таял, я стыдился... Но ты обманешь, идеал! И тихо я перекрестился, И сон пленительный пропал.

122

загл. *автограф ГПБ*	А. Н. ВУЛЬФУ
вм. 10—12 *Б, МВ*	Киприды приторную сладость, Да пробудительные сны, Да усыпительную радость. И что я пел? Любовь, мечты! Я подносил рукой безбожной Цветы поэзии подложной Очам подложной красоты.
между 12 и 13 *автографы* *ПД и ГПБ* *(альбом М. Н. Дириной)*	Я пел виновные мечты, Я посвящал рукой безбожной Дары поэзии подложной Очам подложной красоты.

123

загл.
НА

К М. Н. Д.

др. ред.

Не в первый раз мой добрый гений
Кидает суетную лень,
Словами дара песнопений
Спеша приветствовать ваш день;
Всегда с улыбкой благосклонной
Вы слушали приветный глас
Моей души, нередко сонной,
Но вечно ревностной для вас;
Теперь по-прежнему с поклоном,
Веселый вами, вам несу
Мою любовь, мою красу —
Мой фимиам пред Аполлоном.

Но что же петь моим стихам?
Молить ли руку провиденья,
Да покровительствует вам?
И непритворные моленья
Я воссылаю к небесам.
Желать ли, да украсит вас
И ум, и прелесть, и наука;
Да не встречается вам скука,
Да любят вас — богиня звука
И стихотворческий Парнас?
Да процветают ваши годы
Под сенью мирной тишины,
Как мир божественной свободы,
Как утро сладостной весны?
Желаю, но мои желанья —
Они излишни, вижу я;
И ныне ваши достоянья
Все эти блага бытия.

124

15—17
АСМ

Какими гордого поэта
Неверный шаг лелеять рад.
Мечты летучие живили.

15—16
автограф
ЦГАЛИ

Какими рабского поэта
Цари и жены их дарят.

126

загл.
НА

К Ш—ВУ

1—2

В трудах на жатве просвещенья
За чарой Вакха, мой Орест!

21—24

Чья эротическая сила
Меня и въяве и во сне
Порой мертвила и живила
И ныне царствует во мне?

27—31

Жива как муза, но едва ли
Так непритворна и верна,
Ее чело, ее ланиты,
И грудь, и очи, и уста,
И кудри словно у Хариты.

после ст. 36
НА, автографы

Вот всё, товарищ! дай мне руку,
Не позабудь — скорее к нам!
Да снова мы стихи, науку,
Вино и горе пополам.

134

загл.
автограф ПД,
авторизованный
список ГПБ

ДРУЗЬЯМ

между 20—21

Во мне рождалось вдохновенье;
Возвышен им, я воспитал
Мое спокойное презренье
Ко глазу ветреных похвал;
Я поклялся: молвы приветов
Не слушать в подвиге святом
И по ристалищу поэтов
Промчаться с громом и огнем!

135

др. ред.
автограф
и список ПД

Я твой, я твой, Аделаида!
Тобой узнал я, как сильна,
Как восхитительна Киприда
И как торжественна она!
Ланит и персей жар и нега,
Живые груди, блеск очей
И волны ветренных кудрей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей!
С минуты нашего свиданья
Мои пророческие сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся мне: любви забавы
Я песнью громкой воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою.

А ты, кого душою страстной
Когда-то я боготворил,
Кому поэзии прекрасной
Я звуки первые дарил,—
Прощай! Меня твоя измена
Иными чувствами зажгла:
Теперь вольна моя камена,
И горделива, и смела,
Я отрекаюсь от закона
Твоих очей и томных уст
И отдаю тебя — на хлюст
Учебной роте Геликона.

загл. НА

А—Е

др. ред. 1—4

Как мысли творческой созданья,
Как сладострастная мечта,
Светла, полна очарованья
Твоя девичья красота

БЛ 18—21 ред. ПД

А ты, кого моим светилом
И божеством я познавал,
Кому в восторге нежном, милом
Стихи и сердце посвящал

139

88—90 «Сев. пчела», список ПД

Как шли по стремнинам бушующих вод,
По высям Днепровского брега;
Как в море порывистый ветер носил

94

Как бурно, как смело на бреге чужом

98—101

Как там победитель прибил ко вратам
Свой щит, знаменитый во брани,
И как возвратился к своим племенам
С богатством и славы и дани.

158

31—36 НА

Замялся кудесник, смутился душой,
И жмется, и чешет затылок.
«Я сделаю чудо!» — «Солгал ты, старик!»
И быстро могучей десницей своею
Князь поднял топор свой тяжелый — и в миг
Чело раздвоил чародею.

160

загл. НА

А. Н. В—У

5—22 НА, автограф

Хмеля сладостного полны,
Мы лежали, а вдали

Двух костров живые волны
Разливались и росли;
Мы смотрели ярким оком
На товарищей, они
В состязании высоком,
Буйно-смелы, легким скоком
Пролетали чрез огни!
В нас кипела, в нас бурлила
Чародейственная сила
Дум разгульных, удалых,
Чистых, гордых и святых!
Помнишь ли, как, нежно-пылки,
В честь *божественной* вдвоем
Пили, били мы бутылки
У пруда, перед костром?

40—48

Разговор небрежно-сонный;
Хохот, спор и крик... но вот
На лазурный неба свод,
Светоч мрака благосклонный,
Месяц пышно восстает;
Все уйдут — и я на ложе
Повергаюсь в тишине,
И надежда: завтра то же —
Усладительна ли мне.

171

загл. автограф ЦГАЛИ

ЗАВЕЩАНИЕ

загл. список ПД

КОГДА УМРУ

строфа 2 Денница, автограф ЦГАЛИ, список ПД

Но там, друзья, где смело юность ваша
Красуется могуществом вина;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит, свободна и шумна.

строфа 4

Всё тлен и миг! Блажен, кому судьбою
Свою весну пропировать дано,
Чья грудь полна свободой удалою!
Кто любит жизнь за песни и вино.

175

18—25 НА

Да сладостно, средь удалых бесед,
Она крепит ваш дух своенародный
И сумрачный вам озаряет свет.

А мне всегда отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про вас, друзья, про милые места,
Где я гулял, младой и вдохновенный,
Где с вами пел: всё миг и суета!

181

1—2
НА, список ПД

Ты восхитительна, ты всем обворожаешь!
Как величаво ты и ловко щеголяешь.

15

Он мил твоей душе: он манием руки

18—26

И в дни, как зимний снег долины устилает
И зеркалом блестит недвижимый залив,
Он, легкие стопы железом окрылив,
Один, на звонком льду, меж темными брегами,
Летает с края в край отважными кругами!
О нем мечтаешь ты, твой одинокий сон
Неотразимо им украшен и смущен,
Чело твое горит, и вздохи грудь волнуют,
И воздух сумрачный уста твои целуют.

182

загл.
список ПД

ПОКОЙНОМУ А. Д. М—У

26—30
НА, список ПД

Как сладко мне твои заботы
Питали чувство красоты!
С какою нежностию ты
Лелеял первые полеты
Едва развившейся мечты!

188

загл.
МВ

К АЛ. НИК. ТАТ—ВУ

15—16

Чем действует возвышенный поэт,
Душе моей явил он, светозарный.

21—30

И мнится мне: исполнен вдохновенья
Тебя со мной соединивший час;
О! да хранит десница провиденья
Сады наук, взлелеявшие нас!
Будь нашею отрадою счастливой
Могущество надежды горделивой,
Что станет нам на переход земной
Душевных сил, своих и неизменных,
Веселою свободой пробужденных
На праздниках у младости живой!

191

загл. ЛГ

ПЛОВЕЦ

строфа 3

Мирно гибели послушный,
Прибрал он свое весло,
Он потупил равнодушно
Безмятежное чело,
Сжал крестом усталы длани,
И мелькает малый челн
На краю ужасной грани,
Над громадой скал и волн!

194

загл. МВ

ПСАЛОМ 136-й

строфы 1 и 3

Там, где Евфрата светлы волны
Шумят в отлогих берегах,
Там восседали мы безмолвны,
С слезами скорби на очах.

Мы ль оскверним воспоминанье
О славной родине своей,
Предав врагу на посмеянье
Святые песни наших дней.

210

загл. СЦ

А. А. ДЕЛЬВИГУ

вм. 7—11 СЦ, Изд. 1833

Ни в чем не видел он кумира
Для вдохновенья своего,
И независимая лира
Чужда была страстям земным

217

вм. 13—18 КБ, список ПД

И вся глубоко ты забылась
В очаровании своем.

239

1—4 МН, автограф БЛ

Славы звучной и прекрасной
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов не напрасно
Грудь твою перекрестил.

46—56 Где же вы, незванны гости?
Серебристый русский снег
Покрывает ваши кости,
Ваш погибельный побег;
Долго, знать, запировались
Вы в московских теремах,
Как бежали, как сражались,
Так вы пали — и остались
На холодных пустырях!
Знайте ж крепость нашей силы!
Вы зачем сюда пришли?

257

10—15
СМ
Летели весело, легко,
И залетели, удалые,
Они далеко, высоко!
Шум, песни, спор и крик, и чаши поднимались,
Студентский пир порядком шел,
И чаши чокались и звонко разбивались.

261

14—18
С, М
Ивановой горой зовут ее — она
Почтенней всех других и громче во вселенной.
На ней одной растет напиток драгоценный —
Вино, доступное не многим под луной,—
Вино первейшее. Струею золотой

262

загл.
С
ПЕРЕЕЗД ЧЕРЕЗ АПЕННИНЫ

4—7
Судьбой гонимые. Окольною дорогой,
И в ночи темные, и в сумрачные дни
Глубокой осени тащили нас кони́,
Дрожа от холода, и тощи и не рьяны.

268

загл.
М
ГАСТУНА

13—14
Где вечно на вершинах
Белеет бледный снег,

269

1—4
С
Если б друг твой был Зевес
И была бы ты Юнона,
Сад твой, милая Миньона,
Процветал бы не как лес!

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни Н. М. Языкова стихотворения его (далеко не полностью) были изданы тремя отдельными сборниками: Стихотворения Н. Языкова. Спб., 1833; 56 стихотворений Н. Языкова. М., 1844; Новые стихотворения Н. М. Языкова. М., 1845.

Первая попытка собрать воедино произведения Языкова была сделана уже после его смерти П. Перевлесским при участии брата поэта, А. М. Языкова (Стихотворения Н. М. Языкова. Спб., 1858. Т. 1—2). Сюда вошли не только стихотворения, включавшиеся ранее в сборники Языкова, но и те, которые были рассеяны по журналам и альманахам или вообще не печатались. «Стихотворения» были снабжены биографическим очерком и краткими, главным образом библиографическими, примечаниями. В 1-м томе были собраны критические отзывы о произведениях Языкова. Помимо неполноты, достоинства издания снижает небрежная подготовка текста и грубые ошибки в датировке.

Несколько большей полнотой и исправностью отличается собрание стихотворений Языкова, вышедшее в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина (Стихотворения. Спб., 1898. Т. 1—2), подготовленное А. А. Флоридовым, хотя и оно не охватывает все даже публиковавшиеся в периодических изданиях произведения, не говоря уже о рукописном наследии.

Первое полное собрание и вместе с тем научное издание стихотворений Языкова вышло лишь в советское время под редакцией М. К. Азадовского (Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Academia, 1934). Для этого издания было обследовано большинство журналов и альманахов 1820—1840-х гг., использованы позднейшие публикации и накопленные к этому времени в архивных хранилищах страны рукописные материалы. В книгу вошло 80 стихотворений, не включавшихся ни в одно предшествующее собрание, и 25 ранее не публиковавшихся. В примечания к сборнику вошли сведения библиографического, текстологического, историко-литературного и реального характера.

Хотя М. К. Азадовский при выборе источника текста не всегда обоснованно отдавал предпочтение рукописям, «Полное собрание стихотворений» до сих пор является основополагающим для издания и изучения поэтического наследия Языкова.

В 1948 г., также под редакцией М. К. Азадовского, в Большой серии «Библиотеки поэта» вышло избранное «Собрание стихотворений» (Л., 1948), где были пересмотрены некоторые текстологические решения издания 1934 г., устранен ряд вкравшихся туда неточностей.

В «Собрание стихотворений» было включено пять неизвестных до того стихотворений (четыре — напечатаны впервые).

В 1964 г. вышло второе «Полное собрание стихотворений» поэта (М.; Л., 1964. Б-ка поэта, БС), подготовленное К. К. Бухмейер, в которое были включены еще четыре новых стихотворения Языкова. Для этого издания снова были обследованы журналы и альманахи 1820—1840-х гг. (что позволило выявить несколько первых публикаций); тексты были заново проверены по имеющимся рукописным и печатным источникам.

Настоящее издание стихотворений Языкова не является полным.

По сравнению с изданием 1964 г. в нем отсутствуют самые ранние и слабые опыты поэта, а также наименее интересные стихотворения на случай и ряд эпиграмм (жанр для Языкова случайный, образцы которого нельзя причислить к его удачам); сохранены лишь эпиграммы «От света светлость происходит...» (адресата которой удалось обнаружить) и «Гонки» (текст которых ранее был напечатан неисправно). Из крупных произведений не вошли поэмы «Валдайский узник», «Отрок Вячко» и драматическая сцена «Странный случай». Не включены в издание произведения коллективные и приписываемые Языкову без достаточной аргументации.

Так же как в издании 1964 г., в основу текста положены последние авторские редакции произведений, освобождаемые от посторонних вмешательств (цензуры, редакторских смягчений и т. п.).

Особенностью рукописного наследия Языкова, которую необходимо учитывать при установлении основного источника текста, является большое количество автографов, авторизованных и авторитетных списков одной редакции, отличающихся друг от друга мелкими разночтениями. Это объясняется тем, что Языков, написав стихотворение, тут же вписывал его по памяти в альбомы, сообщал в письмах, давал переписывать или диктовал друзьям. Часто эти автографы и списки датированы, однако считать рукопись, помеченную более поздним числом, последней редакцией текста неверно, принимая во внимание причину появления разночтений.

Рукописное наследие Языкова рассредоточено по разным архивохранилищам. Большая часть рукописей хранится в Ленинграде, в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР и в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В Пушкинском доме хранится архив Языковых (переписка, автографы, списки), там же альбом брата поэта, А. М. Языкова, альбомы А. А. Воейковой, А. Н. Очкина и ряд автографов и списков, находящихся в других собраниях.

В Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина рукописи Языкова находятся главным образом в бумагах и альбоме М. Н. Дириной, в письмах Языкова к А. Н. Вульфу. Отдельные автографы и списки стихотворений имеются в бумагах М. П. Погодина, С. П. Шевырева, в собрании автографов и других фондах.

В Москве наибольшее количество языковских материалов сосредоточено в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в Центральном государственном архиве литературы и искусства. В Библиотеке им. В. И. Ленина находятся бумаги Н. Д. Киселева, архив Елагиных, письма М. П. Погодина и др. Особый интерес представляют бумаги Киселева, содержащие письма Языкова, автографы и списки его стихотворений дерптского периода. Копии с бумаг Киселева, снятые В. И. Шенроком (не вполне точные), хра-

нятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (бумаги П. И. Бартенева). Там же хранятся и другие рукописи Языкова, в частности автографы и списки альбома М. Н. Дириной и коллекции С. А. Рачинского (Татевский архив).

По данным Шенрока и Азадовского, среди бумаг Киселева находится его альбом с автографами и списками стихотворений Языкова, хранившийся у Н. П. Киселева (внучатого племянника Н. Д. Киселева) и переданный затем в Библиотеку им. В. И. Ленина.[1] Однако до настоящего времени обнаружить этот альбом не удалось, хотя все поступившие в Библиотеку им. В. И. Ленина от Н. П. Киселева рукописи в настоящее время разобраны и описаны. Переданная из этого собрания в Пушкинский дом записная книжка Н. Д. Киселева под названием «Альбом Н. Д. Киселева» не содержит языковских текстов. В издании 1934 г. и в издании 1948 г. Азадовский условно называет альбомом Н. Д. Киселева «Альбом и бумаги Н. Д. Киселева». Неясность этого указания затрудняет поиски альбома (материалы, имеющиеся в настоящее время в архиве Н. Д. Киселева, не вполне совпадают с находившимися, по указанию Азадовского, в альбоме Киселева. Возможно, однако, эти несовпадения вызваны тем, что в процессе подготовки текста Азадовский пользовался копиями Шенрока; с подлинными материалами ему удалось ознакомиться уже в то время, когда книга была в печати).

Ввиду этого в настоящем издании ссылки на альбом Н. Д. Киселева сохраняются составителями только в том случае, когда он является единственным источником текста.

При подготовке издания были заново обследованы журналы, газеты, сборники и альманахи 1820—1840-х гг., тексты сверены со всеми известными комментаторам рукописями и печатными источниками. В результате проведенной заново текстологической работы удалось устранить опечатки или неточности, вкравшиеся в предыдущее издание.

Следует отметить, что не все рукописные источники, которые отмечены в издании 1964 г., обнаружены в архивах в настоящее время, поэтому в данной книге указываются лишь те автографы и списки, с которыми удалось ознакомиться составителям.

Произведения Языкова в настоящем собрании расположены в хронологическом порядке. Сказки, драматические сцены, поэмы выделены в особый раздел.

Датировки заново проверены и уточнены по переписке Языкова и его близких. Альбомные даты (под автографом или списком), при отсутствии прямых противопоказаний, принимаются за точные (хотя можно думать, что некоторые из них указывают на время записи в альбом, а не на время написания стихотворения). Датировка издания 1833 г., как правило, неверная (Языков, видимо, сознательно смещал здесь даты, не желая прикрепления целого ряда стихотворений к определенному времени и лицам), принимается во внимание только в случае отсутствия иных данных о времени их написания (в примечаниях датировка издания 1833 г. оговаривается).

Даты первой публикации (или год, не позднее которого написано произведение) заключены в угловые скобки; даты предположительные отмечены вопросительным знаком.

В отличие от изданий 1934 и 1964 гг., заглавия посланий Языкова в настоящем сборнике не унифицируются, т. е. приводятся в той форме,

---

[1] См.: Азадовский М. К. Судьба литературного наследства Н. М. Языкова // «Лит. наследство». М., 1935. Т. 19/21. С. 357.

в какой они даны в источнике текста. В случаях, когда адресат бесспорен, а в источнике текста он указывается сокращенно, в угловых скобках сделаны соответствующие редакторские дополнения (например, «П—ру» — «П⟨ельце⟩ру»).

Как правило, не воспроизводятся в тексте, но оговариваются в примечаниях авторские указания на место написания произведения (в большинстве случаев неверные), имевшиеся в прижизненных сборниках. Исключение делается для стихотворений заграничного периода, в которых эти указания соответствуют действительности и важны для понимания текста.

Каждое примечание начинается со ссылки на первую публикацию, затем, после точки и двойного дефиса, указываются последующие изменения текста, а в конце — источник, по которому печатается текст. Сведения о простых перепечатках не даются. Ссылка только на первую публикацию без дальнейшего указания на источник текста означает, что произведение печатается по первой публикации, так как текст более не перепечатывался или перепечатывался без изменений. Далее приводятся сведения об автографах и имеющихся авторитетных списках, завершает примечание (в нужных случаях) историко-литературный и реальный комментарий. В разделе «Другие редакции и варианты» приводятся лишь наиболее интересные и значительные варианты (иногда другая редакция целиком). Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к этому стихотворению имеется материал в разделе «Другие редакции и варианты».

Подпись Языкова в печатных источниках указывается в случае, если она не совпадает с двумя видами обычной подписи поэта: «Языков», «Н. Языков».

Исправление явных опечаток не оговаривается.

При ссылках на «Языковский архив» страницы указываются лишь в том случае, если не указывается дата письма.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным; сохранены только те индивидуальные и исторические особенности правописания и произношения Языкова, которые имеют произносительное или ритмическое значение.

Пояснение мифологических имен, устаревших и малоупотребительных слов вынесено в словарь.

Список условных сокращений, принятых в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

А. М. Я.— Александр Михайлович Языков, брат поэта.

Альбом Воейковой — альбом А. А. Воейковой (1821—1825 гг.), с автографами и списками стихотворений Языкова (Пушкинский дом).

Альбом А. М. Я.— альбом А. М. Языкова с копиями его рукой и автографами стихотворений Языкова 1822—1846 гг. (Пушкинский дом). В каталог ошибочно включено под названием: «Альбом Н. М. Языкова».

Архив Дириной — бумаги и альбом М. Н. Дириной (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Архив Киселева — бумаги Н. Д. Киселева (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

АСМ-1828 — «Альбом северных муз. Альманах на 1828 г.». Спб., 1828.

Б — «Благонамеренный».

БЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ВЕ — «Вестник Европы».
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Д-1830 и т. д.— «Денница на 1830» и т. д.
Е — «Европеец».
Изд. 1833 — Стихотворения Н. Языкова. Спб., 1833.
Изд. 1844 — 56 стихотворений Н. Языкова. М., 1844.
Изд. 1845 — Языков Н. Новые стихотворения. М., 1845.
Изд. 1858 — Стихотворения Н. М. Языкова/Под ред. П. Перевлесского. Спб., 1858. Т. 1—2.
Изд. 1898 — Стихотворения Н. М. Языкова. Спб.: Изд. А. С. Суворина, 1898. Т. 1—2.
Изд. 1934 — Языков Н. Полное собрание стихотворений/Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л.: Academia, 1934.
Изд. 1948 — Языков Н. Собрание стихотворений/Вступ. статья, ред. и примеч. М. К. Азадовского. Л.: Сов. писатель, 1948. (Б-ка поэта, БС).
Изд. 1964 — Языков Н. Полное собрание стихотворений/Вступ. статья, подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. (Б-ка поэта, БС).
Изд. 1982 — Языков Н. Сочинения/Сост., вступ. статья, примеч. А. А. Карпова. Л.: Худож. лит., 1982.
ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук».
КБ-1833 — «Комета Белы. Альманах на 1833 г.». Спб., 1833.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛН — «Лит. наследство». 1935, т. 19/21.
М — «Москвитянин».
МВ — «Московский вестник».
МН — «Московский наблюдатель».
МС — «Московский литературный и ученый сборник»; МС-1846 (М., 1846); МС-1847 (М., 1847).
МТ — «Московский телеграф».
НА — «Невский альманах»; НА-1826 (на 1826 г. Спб., 1825); НА-1827 (на 1827 г. Спб., 1826); НА-1828 (на 1828 г. Спб., 1827); НА-1829 (на 1829 г. Спб., 1828); НА-1830 (на 1830 г. Спб., 1829); НА-1832 (на 1832 г. Спб., 1832).
НЛ — «Новости литературы».
ОА-1831 — «Одесский альманах на 1831 г.». Одесса, 1831.
ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
ПЗ-1825 — «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым». Спб., 1825.
ПЗ-1859 — «Полярная звезда»: Альм. А. Герцена и Н. Огарева. Лондон, 1859. Кн. 5.
ПСС — Полное собрание сочинений.
РА — «Русский архив».
РБ — «Русский библиофил».
РС — «Русская старина».
С — «Современник».
Сл — «Славянин».
СО — «Сын отечества».

Спб. вед.— «Санкт-Петербургские ведомости».
Спб. вестн.— «Санкт-Петербургский вестник».
Срв — «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды Вольного общества любителей российской словесности»).
СС — Собрание сочинений.
Ст.— стих.
Ст-ние — стихотворение.
СЦ — «Северные цветы»; СЦ-1826 (на 1826 г. Спб., 1826); СЦ-1828 (на 1828 г. Спб., 1827); СЦ-1829 (на 1829 г. Спб., 1828); СЦ-1831 (на 1831 г. Спб., 1830); СЦ-1832 (на 1832 г. Спб., 1831).
Тетрадь 1846 — тетрадь со списками стихотворений Языкова и поэмы «Липы», составленная, по всей вероятности, уже после смерти Языкова для издания 1858 г. Списки (кроме «Лип») изобилуют грубыми описками переписчика.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
ЯА — Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829)/Под ред. и с объяснит. примеч. Е. В. Петухова. Спб., 1913 (Языковский арх. Вып. 1).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Б. 1822, № 2, подпись: ...въ. Датируется по содержанию временем пребывания Языкова в Симбирске (1820—1821). Подражание ст-нию Батюшкова «Мои пенаты» (1811). *Брат* — средний из братьев Языковых, Александр Михайлович (1799—1874), с которым поэт был особенно близок. Учился в Горном кадетском корпусе, служил в Петербурге, в Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя; был широко образован, интересовался философией, литературой, имел связи в литературной среде.

2. НЛ. 1822, № 15. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под загл. «Амплию Николаевичу Очкину», без ст. 8, 39—42, с вар., сверху помета (красным карандашом): «Первый опыт стихов», дата: 1823, Спб. *Очкин* Амплий Николаевич (1791—1865) — петербургский приятель Языковых, с которыми учился в Горном кадетском корпусе его брат, П. Н. Очкин — второстепенный литератор, журналист, одно время — цензор; ему принадлежит анонимная хвалебная рецензия на Изд. 1833 в «Сев. пчеле» (1833, 6 апр.). *Арминиева лира.* Арминий — поэт-изгнанник, герой баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа». *Тобой спасенных дней.* По-видимому, Очкин решительно поддерживал Языкова в его стремлении получить гуманитарное образование.

* **3.** Б. 1823, № 13, под загл. «Песнь Регнера», с вар., подпись: Н. Я...въ. - - НЛ. 1823, № 33, под загл. «Песнь Регнера. (В альбом NN)», с вар., без строфы 3, с посвящ. Воейковой в виде PS, в котором А. Ф. Воейков по ценз. соображениям изменил два последних ст. (см. примеч. 12). - - ВЕ. 1823, № 19, под загл. «Песнь Рогнера», с вар., с тем же PS, с примеч. изд.: «Стихи сии, напечатанные с неисправного списка в дру-

гом журнале, помещаются здесь по желанию г-на Сочинителя», дата после PS: 18 мая 1823, Дерпт. - - Изд. 1833, с подзаг. «(В альбом А. А. Воейковой)», дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. - - Изд. 1844. Автограф ПД — альбом Воейковой, под загл. «Песнь Регнера», с вар. и PS, дата после PS: 18 мая 1823, Дерпт (текст ВЕ). Список — ПД, альбом А. М. Я., под загл. «Песнь Регнера, с посвящ. А. А. Воейковой», с вар. (текст ВЕ). Датируется по письму Языкова к А. М. Я. от 19 нояб. 1822 г.: «К этому письму прилагается небольшая пьеса; я читал историю Дании Маллета и почерпнул оттуда заглавие этим стихам» (ЯА). Дата «18 мая 1823» относится к PS. Переложение саги о датском короле Регнере Лодброке (XI в.), приведенной в книге Г. Маллета «Введение в историю датскую» (Спб., 1785). Во время набега на Англию Регнер был взят в плен и брошен на съедение змеям. Сага — его предсмертная песня. По форме перекликается с «Песней Гаральда Смелого» К. Н. Батюшкова (1816). «В обеих последних войнах,— писал Денис Давыдов Языкову,— стихи ваши (песнь короля Регнера, подаренная мне в Персии Н. Киселевым) возились мною за пазухой как волшебная ладонка, имеющая свойство возвышать душу и умножать бодрость духа и жажду к битвам и славе» (Письмо от 23 апреля 1833 г. // РС. 1884, № 7. С. 134). *Потомок Одина* — здесь: скандинавский воин, викинг.

4. НЛ. 1822, № 26, с вар., дата: 23 ноября 1822, Дерпт. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩.--Изд. 1844. Список — ПД, альбом А. М. Я., без последних двух строф, с вар. Датируется по письму Языкова к А. М. Я. от середины нояб. 1822 г. (между 13 и 19 нояб.). «К этому письму прилагается мое новое стихотворение... Вот что надобно заметить об этом произведении. 1. Заглавие „Моя родина“ кажется ему неприлично; итак, перемени как угодно, ежели bene ⟨хорошо⟩. 2. Не должно разуметь меня самого под этим певцом, ибо нет никакой в этом необходимости; то же самое может отвечать всякий русский стихотворец» (ЯА). Композиция подсказана Языкову ст-нием «Mein Vaterland» (1813) Теодора Кернера (1791—1813), которого Языков в ту пору пытался переводить (ЯА. С. 25, 30). *Альбион* — старинное название Англии. *Арминий* (17 до н. э.— 21 н. э.) — древнегерманский герой, победитель римлян в Тевтобургском лесу. *Туискон* — легендарный родоначальник германских племен; здесь: Германия. *Бард* — Оссиан, легендарный кельтский герой и певец. В 1760—1763 гг. шотландский поэт Джеймс Макферсон написал по фольклорным мотивам и издал под названием «Песни Оссиана» ряд романтических поэм, выдав их за подлинный кельтский эпос. Книга получила широкую известность в мировой литературе. *Вы, страшные грекам* — древнерусские князья, совершавшие походы на Византию: Олег (ум. 912 или 922), Игорь Рюрикович (ум. 945), Святослав Игоревич (ум. 972 или 973), Владимир Святославович (ум. 1015). *Наш Арминий* — возможно, Александр Невский (1220—1263). *Сокрушитель татарских цепей* — Дмитрий Донской (1350—1389), разбивший татар в Куликовской битве (1380). *Победивший врагов и пустыни* — по предположению А. А. Карпова, Иван IV Грозный (1530—1584), покоривший Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства (см. Изд. 1982. С. 393).

* **5.** НЛ. 1822, № 23, под загл. «К Я. М. А., при посвящении ему стихов моих», с эпиграфом: «Faciam ut mei memineris» ⟨Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил⟩ (лат.), с вар. и ценз. заменой в ст. 15: «Любовь к изящному в душе моей зажгла», что сохранилось и в др.

прижизненных публ. - - Печ. по Б. 1822, № 37, подпись: — въ, с восстановлением ст. 15 по спискам ПД (Изд. 1934). В НЛ примеч. ред.: «Сердечно благодарим молодого поэта за сей прекрасный подарок отечественной публике. Предсказываем ему блистательные успехи на поприще словесности». К ст. 32 издатели сделали примеч.: «При Олеге и Владимире Великом», к ст. 36: «При Дмитрии Донском и двух Иоаннах, Великом и Грозном». Списки ПД: один — альбом А. М. Я., под загл. «Посвящение А. М. Я.», с эпиграфом, с вар., дата: 1822, С.П.б.; другой — под загл. «К А. М. Я—ву», с вар., дата: 1823, Спб. *Языков А. М.* — см. примеч. 1. *Гибель греческих полков.* Речь идет о походах русских князей на Византию (см. примеч. 4.). *И первый родины удар* — Куликовская битва. *Казнь ужасная татар* — покорение Казанского и Астраханского ханств (см. примеч. 4).

6. РБ. 1915, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой. *Ученый химик* — В. В. Любарский, горный инженер, соученик Языковых по Горному корпусу. 5 февр. 1823 г. Языков писал А. М. Я.: «Скажи Вас⟨илию⟩ Вас⟨ильевичу⟩, что я варю инбирное пиво с женой Борга» (ЯА). Любарский опубликовал свой рецепт имбирного пива в Срв (1822, № 6. С. 369—370).

7. ЯА, где опубл. по автографу ПД, в письме к А. М. Я. от 23 марта 1823 г. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под загл. «Рок», помета (карандашом) «На смерть М. А. Мойер». По свидетельству А. С. Полякова (запись, вклеенная в экз. первого тома Изд. 1858, хранившийся в библиотеке В. В. Вересаева), которое приводит в Изд. 1934 М. К. Азадовский (с. 713), ст-ние «Рок» было запрещено цензурой в НА на 1830 г., «как заключающее в себе несогласное с началами христианского учения» (Поляков цитировал ценз. мат-лы, хранившиеся в Библиотеке АН СССР). Текст НА имел разночтения. Написано на смерть Марии Андреевны Мойер, урожд. Протасовой (1800—1823), племянницы В. А. Жуковского. Языков познакомился с семьей профессора Дерптского университета, хирурга И. Ф. Мойера, через А. Ф. Воейкова, женатого на сестре Марии Андреевны, и часто бывал в их доме. После смерти ее (19 марта) Языков писал братьям: «Здесь случилось происшествие, неприятное почти целому городу: умерла от родов сестра Воейковой... она была женщина чрезвычайно хорошо образованная и совершенно счастливая... Не правда ли, что этакие случаи заставляют нас думать о том, что почти всегда нами забыто? Я пишу стихи на ее смерть, но, может быть, одни вы будете их видеть и читать: причину этому найдете в их точке зрения» (ЯА, письмо от 21 марта 1823 г.). Посылая «Рок» А. М. Я. 23 марта, Языков добавляет: «Это начало пьесы, которая не должна быть кончена и не будет...» (ЯА).

8. НЛ. 1823, № 12 (ценз. разр. 23 марта 1823 г.), помета: Дерпт. В Изд. 1833 дата: 1823, Д⟨ерпт⟩.

9. НЛ. 1823, № 20 (ценз. разр. 29 мая 1823), помета: Дерпт. - - Изд. 1833, дата: 1823, Д⟨ерпт⟩. В письме к А. М. Я. от 26—28 янв. 1823 г. Языков писал: «Ты просишь описать мерным языком мою обитель: первое, что я буду писать стихами, это будет это» (ЯА). Таким образом, ст-ние датируется периодом между 28 янв. и 29 мая 1823 г. Подражание «Моим пенатам» Батюшкова. *Фебов сын* — поэт. *Снегов полярных сын* — Ломоносов. *Кумир поэта* — Державин. *Сын фантазии чудесной* — Жуковский.

10. РА. 1871, № 7, опубл. В. М. Княжевичем по автографу из его альбома, дата: 11 мая 1823. *Княжевич* Владислав Максимович (1798—1873) — товарищ Языкова по университету, родственник (кузен) М. Н. Дириной (см. примеч. 28), третьестепенный литератор, журналист, впоследствии крупный чиновник Департамента государственного казначейства. В начале 1820-х гг. сотрудничал в «Благонамеренном», «Сыне отечества», вместе с братьями издавал в 1822—1823 гг. «Литературные прибавления к „Сыну отечества“» («Библиотека для чтения»). Языков писал П. М. Языкову 10 апр. 1823 г.: «Может быть, я приеду к вам вместе с Княжевичем, с которым очень близко подружился я: вместе делаем визиты, гуляем и проч., хотя очень редкие и очень редко, но все-таки вместе, он очень добрый человек и довольно образованный» (ЯА). Ст-ние перекликается с «Деревней» Пушкина (см: Изд. 1982. С. 393).

11. РА. 1871, № 7, опубл. В. М. Княжевичем по автографу из его альбома, без загл., ст-нию предшествует обращение: «В...ъ М...ъ», дата: 12 мая 1823. *Простите мне простое «ты».* См. 41-й ст. предыдущего ст-ния.

* 12. НЛ. 1823, № 33, в качестве PS к ст-нию «Песня короля Регнера», с вар. и ценз. заменой ст. 20—21: «Но, музою не вдохновенный, Перед высоким он немел», дата: 18 мая 1823, Дерпт. - - ВЕ. 1823, № 19, как PS, с той же датой. Автограф — ПД, альбом Воейковой, как PS, с той же датой. Списки ПД: один — под загл. «Посвящение А. А. Воейковой „Песни короля Регнера“», дата: 1824, Дерпт; другой — тетрадь 1846, под загл. «К песне Регнера. Приношение. PS». 26 сент. 1823 г. Языков писал братьям: «Воейков перепечатал в своих листках мою „Песню Регнера“ с припискою к его супруге; эта приписка, как он ко мне пишет, им самим очень худо переправлена в конце,— как кажется, по причине слова „божественный“, там бывшего и ныне запрещенного...» (ЯА). Поправка Воейкова внесла противоречие в текст ст-ния (см. выше).

* 13. Б. 1823, №17, под загл. «Отрывки из описания путешествия из Д*** в Р***, сделанного от безделья. (Посвящено М. Н. Д.)», в конце помета: «(Продолжения не было)», без ст. 53—65, 98—99, 314, с вар., с примеч. изд.: «Это, по требованию любезной девицы, молодым поэтом написанное путешествие, не было назначаемо для печати, но сообщено издателю, по усиленной просьбе его, спутником поэта. Ах! если б почаще доставляли для „Благонамеренного“ такие прекрасные стихи!», подпись: Н. Я. - - Печ. по Сл. 1829, № 9/10, с испр. опечатки в ст. 1, нарушающей ритм ст-ния, по Б. Списки ЦГАЛИ: один из них — без загл., с эпиграфами и обращением к М. Н. Дириной, с примеч. и эпилогом, принадлежащими В. М. Княжевичу. Эпиграфы: первый — «Тише едешь, дальше будешь», второй — «Ecrive qui voudra! Chacun à ce métier seul. ⟨Peut⟩ perdre impunément de l'encre et du papier. Boileau!» («Пиши, кто хочет! Каждый в этом ремесле единственный. Можно безнаказанно губить чернила и бумагу. Буало!»). За эпиграфами следует обращение к Дириной, дата: 20 июня 1823; другой список — без эпиграфов и примеч. Датируется июнем или июлем 1823 г., так как неизвестно, до или после обращения к Дириной был создан самый текст путешествия. Эта датировка подтверждается и пометой «Reval» (т. е. Ревель) на автографе из архива Дириной, о котором сообщал Юкельсон («Ист. вестник». 1901, № 10. С. 364); загл. автогра-

фа: «Путешествие на чухонской паре из Дерпта в Ревель, в стихах лирико-романтических, а пуще всего разномерных. Сочинил пребывающий на помочах у дерптских муз, но намеревающийся со временем водить их самих за нос Негуляй Язвиков, а примечаниями пополнил Дилетант Петербургского Парнаса Велиглав Кузинон. Reval, 1823». Языков ездил в Ревель (Таллин) в июне 1823 г. с университетским профессором словесности В. М. Перевощиковым и В. М. Княжевичем (см. примеч. 10). Выехал он 10 июня, а 16-го писал братьям: «Я в Ревеле... Дорога наша досюда была очень и очень скучна: сторона чухонская, изредка где встретишь жилище — и то замаранная корчма, где ни стать, ни сесть, ни пить, ни есть. Мы же ехали на долгих: каждую ночь ночевали и не спали, по причине господ комаров и госпож мошек» (ЯА). Ст-ние пародировало жанр «чувствительного путешествия», распространенный в литературе сентиментализма и ставший в России уже в 1810-е гг. достоянием эпигонов (см., напр., «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова и др.). Жанр усиленно пародировался противниками сентиментализма (А. А. Шаховским, П. А. Вяземским, П. Л. Яковлевым, на страницах журнала А. Е. Измайлова «Благонамеренный»). *Дом.* В Б примеч.: «Так наз. гора в Д⟨ерпте⟩»; имеется в виду Домберг, или Соборная гора (теперь — Тоомяги). *Ливония* — см. примеч. 51. *Гогарт* Вильям (1697—1764) — английский художник, преимущественно сатирик. *Оберпален* (Пыльтсамаа) — ливонская крепость, несколько раз упоминаемая в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. *Сам Лафонтен сказал.* Имеется в виду басня Лафонтена «Лев и муха» (у Крылова — «Лев и комар»).

14. НЛ. 1823, № 46, с примеч. изд. к ст. 10: «Поэт разумеет здесь славные в „Летописях“ наших времена Олега, Святослава и Владимира Великого»; к ст. 25: «Татарское иго бременило Россию почти три столетия: от несчастного сражения при реке Калке до сражения при реке Непрядве, где храбрый Дмитрий Донской разбил Мамая»; к ст. 35: «Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от ее восточных пределов до западных, что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их (Карамзин. «История государства Российского», т. 4, стр. 16)». «От времени Василия Ярославича (период самый ужаснейший) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство (там же, т. 5, стр. 370)». Автографы: один — ПД, альбом Воейковой, под загл. «Песнь», дата: 6 августа 1823, Дерпт; другой — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песнь Баяна», без эпиграфа, с вар. Списки ПД: один, рукой А. М. Я.,— под загл. «Песнь Баяна во время владычества татар в России», дата: 1824, Дерпт; другой — тетрадь 1846, под загл. «Песнь Баяна во время владычества татар», с вар.; список, рукою Киселева,— БЛ, под загл. «Песнь Баяна во время татар», с вар. Видимо, именно об этом ст-нии и примеч. к нему (другого ст-ния с примеч. издателя в 1823 г. не было напечатано) Языков писал братьям 5 авг. 1823 г.: «Я написал еще стихи; ты увидишь их у Воейкова в журнале, ежели цензор позволит. Для последнего Воейков сделает много глупых примечаний» (ЯА). В таком случае «Песнь» написана в конце июля — начале авг. 1823 г. Эта датировка подтверждается упоминанием песни в письме от 29 авг., где Языков сообщает, что дерптскому преподавателю Перевощикову «не слишком нравятся мои, в его смысле, либеральные мысли во время татарского ига...» (ЯА).

***15.** НЛ. 1824, июль, с посвящ.: «Посвящено А. А. В—ой», дата: 20 августа 1823, Дерпт. Автографы БЛ: один — под загл. «Баян к воину», без эпиграфа и посвящ., с вар., с пометой Языкова: «Второе издание, исправленное»; другой — под загл. «Песнь Баяна», также без эпиграфа и посвящ., др. ред., с пометой Языкова: «Первое издание». Списки ПД: один, рукой А. М. Я., — под загл. «Баян к воину» (текст первого автографа БЛ), другой — тетрадь 1846, под загл. «Баян к воину», без строфы 7. Списки БЛ, рукой Киселева: один — авторизованный, под загл. «Песнь Баяна», рукой Языкова помета: «Первое издание», 1-я ред., с вар., дата: 20 августа 1823, другой — под загл. «Баян к воину», с вар. *Воейкова* Александра Андреевна, урожд. Протасова (1797—1829) — племянница и крестница В. А. Жуковского (героиня его баллады «Светлана»), жена писателя и журналиста А. Ф. Воейкова; часто приезжала в Дерпт, где жили ее мать и сестра (М. А. Мойер). Была воспета многими поэтами. Увлечение Воейковой оставило заметный след в творчестве Языкова. Эпиграф — из «Оды российскому воинству» (1813). *Лобанов* Михаил Евграфович (1787—1846) — третьестепенный поэт и переводчик.

16—25. Изд. 1934, где опубл. впервые весь цикл. - - Печ., кроме песен 3 и 5 (см. примеч. к ним), по автографам БЛ; загл. «Песня» опускается. При жизни Языкова печ. лишь песня 3 в Изд. 1833. В виде цикла песни приведены в тетради 1846 (некоторые списки дефектны). В ПД сохранился список 1—4 песен, сделанный А. М. Я. с автографов альбома Ф. К. Бруна, даты: 21—22 августа 1823 г. В письме к братьям от 9 сент. 1823 г. Языков писал: «Я написал еще около десятка студентских песен; они, ей-богу, не стоят ни переписания, ни весовых денег 〈за почтовую пересылку〉, как ни малозначительны последние. Впрочем, ежели вам любопытно видеть мою музу и в бархатной шапке с дубовою ветвию, то напишите только: пришли, и пришлю» (ЯА). Датируются на основании этого письма и списков ПД. М. К. Азадовский считал, что один из ст. 6-й песни («Наш Август смотрит сентябрем...») был процитирован в письме Пушкина от окт. 1822 г. (из Кишинева), и на этом основании допускал возможность, что некоторые песни цикла были написаны ранее авг. 1823 г. Однако вряд ли Пушкину в Кишиневе были известны песни Языкова, которые тот не решался пересылать даже братьям в Петербург, боясь почтовой цензуры, кроме того, 6-я песня — явно студенческая, дерптская, Языков же приехал в Дерпт только 5 нояб. 1822 г., а в университет был зачислен 17 мая 1823 г. Видимо, Пушкин, как и Языков, приводит распространенный в эту пору каламбур, Языкову, быть может, подсказанный еще и песнями, известными в ту пору. Так, песня «Мы любим шумные пиры...» обнаруживает явные следы знакомства поэта с песнями, вошедшими в «Новый всеобщий и полный песенник». Спб. 1819. Ч. 3, № 40 («Братья, рюмки наливайте...») и № 37 («Только лишь заря начнется...»). В № 40 содержится выражение «смотрит сентябрем», а в № 37 — стихи, перекликающиеся с строфой 4 указанной языковской песни: «Если гром меня застанет, Как сижу я за столом, Пусть Юпитер громче грянет, Мне не страшен его гром». Песни Языкова были широко распространены среди дерптского студенчества. Об этом свидетельствует, напр., в своих воспоминаниях А. Н. Татаринов: «На всех пирушках всегда пелись с особенным восторгом и песни Языкова; их клал на музыку тот же немецкий москвич Науман. Некоторые из них были переведены на немецкий язык и доселе поются в Дерпте не только русскими, но и немецкими буршами. Иногда вновь сочинен-

ная Языковым песня служила поводом к пирушке. Вообще своею поэзиею он облагораживал наши часто грубые и однообразные оргии» (ЯА. С. 398).

1. Изд. 1858, т. 2, с опечаткой в ст. 14, опубл. вместе с песнями 2, 4, 5, со списка, присланного Киселевым из Парижа. Автограф — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песня». Списки ПД: один — тетрадь 1846, под загл. «Песня», другой, рукой А. М. Я.,— с альбома Ф. К. Бруна, дата: 21 августа 1823, Дерпт.

2. Изд. 1858, т. 2. Автограф — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песня». Списки ПД: один, рукой А. М. Я.,— с альбома Ф. К. Бруна, дата: 21 августа 1823, Дерпт; другой — тетрадь 1846, неисправно.

3. Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — БЛ, под загл. «Песня». Списки ПД: один, рукой А. М. Я.,— с альбома Ф. К. Бруна, дата: 21 августа 1823, Дерпт; другой — тетрадь 1846, под загл. «Песня», неисправно.

4. Изд. 1858, т. 2. Два идентичных автографа — БЛ, архив Киселева. Списки ПД: один, рукой А. М. Я.,— с альбома Ф. К. Бруна, дата: 22 августа 1823, Дерпт; другой — тетрадь 1846, под загл. «Песня». Список — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песня».

5. Изд. 1858, т. 2, с опечаткой в ст. 8 - - Печ. по списку БЛ, архив Киселева, без загл. «Песня». Черновой автограф ранней ред.— БЛ, архив Киселева; ст. 5—6 занимают здесь место ст. 13 и 14, ст. 7—8: «У нас и Бахус уж не тот, Он благородней: он поет». Другой список ПД, тетрадь 1846, под загл. «Песня», с описками. *Лифляндские рыцари* — немецкий духовно-рыцарский орден Меченосцев, основанный в 1202 г. на восточном побережье Балтийского моря (в Ливонии) с целью распространения христианства. *Поет, как Гете приказал* и т. д. Очевидно, имеется в виду «Песнь содружества» Гёте («Bundeslied»).

6. ИОРЯС. 1911, № 2, без загл., опубл. с дефектного списка. Автограф — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песня». Список — ПД, тетрадь 1846, под загл. «Песня». *Наш Август смотрит сентябрем.* По-видимому, намек на беспокойство, которое внушало Александру I в начале 1820-х гг. политическое положение России и Европы. Август — римский император (I в. до н. э.), имя которого стало нарицательным (в значении: царствующая особа).

7. ИОРЯС. 1911, № 2, под загл. «Песня». Автограф — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песня». Список — ПД, тетрадь 1846, под загл. «Песня». *Святой триумвират* — Священный союз, т. е. реакционный союз Австрии, Пруссии и России, заключенный в 1815 г. для подавления революционных и национально-освободительных движений в Европе. *В Испании воюют* и т. д. Имеется в виду испанская революция 1820—1823 гг.

8. Изд. 1934. Автограф — БЛ, архив Киселева. Список — ПД, тетрадь 1846, под загл. «Песня».

9. Изд. 1934. Автограф — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песня». Список — ПД, тетрадь 1846, под загл. «Песня», неисправно. *Права людские* — намек на «Декларацию прав человека и гражданина» (1789), важнейший документ французской буржуазной революции конца XVIII в.

10. ПЗ-1859, без ст. 13. Автограф — БЛ, архив Киселева. Список — ПД, тетрадь 1846. Пародия на «Народный гимн» В. А. Жуковского.

26. ПЗ-1859, с вар., дата: 2 октября 1823. - - Печ. по Изд. 1934, с испр. в ст. 71: «длань» вм. «дань» по автографу БЛ. В изд. 1934 опубл.

по автографу альбома Киселева, дата: 2 марта. Автограф — БЛ, архив Киселева, с эпиграфом: «Не всякому слуху веруйте, но испытуйте духи: есть бо дух божий и дух льстечь. С⟨ибирская⟩ Л⟨етопись⟩», дата: 2 октября 1823, Дерпт. Список, рукой Киселева,— БЛ, под загл. «Послание», с той же датой. *Киселев* Николай Дмитриевич (1800—1869) — товарищ Языкова по университету, дипломат. Языков сблизился с Киселевым в 1823 г. и после его отъезда из Дерпта поддерживал с ним дружескую переписку.

***27.** Б. 1824, № 2, подпись: Θ. Автограф — БЛ, архив Киселева, под загл. «Песня», с вар., дата: 10 октября (опубл.: Изд. 1934). Списки: один — ГПБ, архив Дириной, под тем же загл. и с той же датой (ИОРЯС. 1911, № 2); другой, рукой А. М. Я.,— ПД, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Датируется по автографу архива Киселева и письму Языкова от 18 дек. 1823 г.: «Если есть в Симбирске „Благонамеренный", то вы найдете в нем мои „Песни Баяна"; они плохи, напечатаны без моего согласия и инкогнито; но вы примите их к сведению» (ЯА). О публикации второй «Песни Баяна» см. примеч. 33. Вероятно, А. Е. Измайлов, издатель Б, получил обе песни в нояб. — дек. 1823 г., и Языков предполагал, что они уже напечатаны. На самом же деле Измайлов успел опубликовать только первую. Образ Баяна, слушающего соловья, по указанию М. К. Азадовского, навеян гравюрой в издании Карамзина «Пантеон российских авторов» (М., 1801—1802).

28. ЯА, где опубл. по автографу альбома М. Н. Дириной, дата: 22 октября 1823, Дерпт. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под загл. «К М. Н. Дириной», дата: 1823, Д⟨ерпт⟩. Обращено к Марии Николаевне Дириной (в замужестве — фон Рейц), молодой девушке, жившей в 1820-х гг. со своей матерью, А. С. Дириной, в Дерпте. Их дом охотно посещался русскими студентами. Языков не был увлечен Дириной, но бывал в этом доме и писал ей в альбом комплиментарные стихи, иногда с целью привлечь к ним внимание А. А. Воейковой (см. примеч. 15). «...В то время, когда здесь нет Воейковой,— писал Языков А. М. Я. 19 февр. 1824 г.,— я охотно посещаю Д⟨ирину⟩, пишу даже ей стихи и вообще чувствую что-то ни на что не похожее; но Воейкова приезжает сюда всякий раз для меня торжественно; при ней все прежнее исчезает во мне, как снег перед лицом солнца, и я делаюсь частым ее зрителем и посетителем» (ЯА).

29—32. 1, 3, 4 — РС. 1903, № 3, даты: 9 сентября 1823, 2 ноября 1823, 11 ноября 1823. Автографы — ГПБ, архив Дириной. **2** — ИОРЯС. 1911, № 2, где опубл. по списку ГПБ, архив Дириной, дата: 13 октября 1823, Дерпт. Автограф — БЛ, дата: 13 октября 1823 (помещена над текстом как загл.). Список ст-ния 4 — ПД, тетрадь 1846, под загл. «Ответ на посланный табак», с вар., дата: 13 октября 1825 (Изд. 1934, с опечаткой в загл.: «присланный» вм. «посланный»).

1. *Анна Сергеевна* — мать М. Н. Дириной (см. о них выше). *Киселев* — см. примеч. 26.

33. Б. 1823, № 22, с посвящ. «Посвящена М. Н. Д—ой», подпись: Θ. - - НЛ. 1823, № 51, под загл. «Песнь Баяна, при начатии войны», дата: 11 ноября, Дерпт. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — БЛ, архив И. Е. Бецкого, под загл. «Песнь». Набросок к неосуществленной поэме о Баяне. В письме от 2 марта 1824 г. Языков сообщает братьям план ее: «Начало ⟨т. е. «Песню» и ст-ние «Услад»⟩

вы читали; за ним должно следовать сражение: герой поэмы — певец и воин — остался раненный на поле битвы; его берут в плен, везут в Византию; он служит в греческом войске императору, сражается в Сицилии, в Италии и возвращается после, венчанный славою, в Киев, где находит свою любезную изменницею, он бросается в Днепр — и конец! Может быть, этот план покажется вам слишком простым или слишком романтическим, но мне хотелось бы описать нравы тогдашних греков, Сицилии и проч.» (ЯА). *Святослав* — см. примеч. 4.

34. ПЗ-1859. - - Печ. по ЯА, где опубл. по автографу ПД. Автографы: один — ПД, письмо к братьям от 18 дек. 1823 г.; другой — БЛ, с вар., дата: 2 декабря 1823. Список — ПД, тетрадь 1846 (текст автографа БЛ), с той же датой. *Служители Арея* — здесь: военные. *Современный Герострат* — возможно, Александр I, в царствование которого подверглись реакционному разгрому два «храма науки» — Казанский и Петербургский университеты, а может быть, непосредственный инициатор этого разгрома, чиновник Министерства духовных дел и просвещения М. Л. Магницкий (1778—1844), который, производя ревизию в Казанском университете, предложил его закрыть, а самое здание разрушить. Герострат — грек, который с целью прославиться сжег великолепный храм Дианы в Эфесе. *Занд* Карл (1795—1820) — немецкий студент, убивший агента русского правительства А. Коцебу. *Лувель* (1783—1820) — французский рабочий; убил герцога Беррийского в ответ на террор Бурбонов во время Реставрации. *Свеча невосковая* — т. е. дешевая, сальная или тростниковая.

***35.** НЛ. 1823, № 51, под загл. «Баян. (Отрывок из большой поэмы)», с посвящ. «Посвящено А. А. В—ой», с вар., дата: 12 декабря 1823, Дерпт. - - Печ. по Изд. 1833, с испр. опечатки во 2-й «Песне Баяна», в ст. 23 («И пал ужасный сопостат» вм. «И пал ужасно сопостат»), дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — БЛ, архив Киселева: один без песен Баяна (из 2-й песни лишь три последних ст.), под загл. «Отрывок. (Посвящ. А. А. В—ой)», дата: 11 декабря 1823, Дерпт, отдельно — песни Баяна, 2-я песня без 3-х последних ст., с вар. Другой автограф, по описанию Е. В. Петухова, находился в альбоме М. Н. Дириной, под загл. «Отрывок», дата: 9 декабря 1823 (ЯА. С. 418). Список, рукой Киселева,— БЛ, с вар. В письме братьям от 18 дек. 1823 г. Языков пишет: «Не критикуйте строго стихов, при сем письме прилагаемых: они имеют некоторую цену по месту, для которого писаны, т. е. в альбоме Д⟨ириной⟩; они же мой первый опыт в пятистопных ямбах — в размере, употребляемом немецкими трагиками и, как слышно, самом способнейшем для трагедии; в нем-то и хочется мне натореть. Это отрывок из целого, нигде не существующего и существовать не имеющего...» (ЯА). Таким образом, первоначально Языков не предполагал продолжения «Услада» (речь в письме идет именно о нем, так как в 1823 г. пятистопным ямбом написано только это ст-ние). Однако, очевидно позднее, у него возникает на этой основе план романтической поэмы о Баяне (см. примеч. 33). *Смирители болгара* — воины Святослава, ведшего победоносные войны с Болгарией. *Олег* и *Игорь* — см. примеч. 4. *Цимиский* (Цимисхий) Иоанн — византийский император (969—976); возглавил греческие войска в битве со Святославом.

36. Изд. 1858, т. 1. Автограф — БЛ, письмо к Киселеву от 25 дек. 1823 г. Списки ПД: один — альбом А. М. Я., другой — тетрадь

1846, дата: 25 декабря 1823. Датируется на основании автографа БЛ. «Вот тебе стихи,— пишет Языков Киселеву,— которые написал я вчера, возвратившись домой».

37. Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева. Автограф — БЛ, архив Киселева. Список, рукой А. М. Я., с альбома Ф. К. Бруна,— ПД. Датируется 1823 г. предположительно, так как в списке А. М. Я. ст-ние предшествует точно датированным 1823 г. песням.

38. Изд. 1964, где опубл. по автографу БЛ, архив Киселева, в записке Киселеву от 1823 или 1824 г. Языков пишет: «Посылаю тебе в вечное, потомственное владение стихи...», далее следует данная эпиграмма и ст-ние «Гонки». Возможно, в эпиграмме имеется в виду министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын (1817—1824). Сообщая А. М. Я. об отставке Голицына 24 мая 1824 г., Языков писал: «К сему относится одна, хотя не весьма благопристойная, но весьма любопытная подробность: именно то, что будто бы государь призывал к себе известного содомита Бантыша-Каменского и приказал ему составить список всех ему знакомых по сей части, что Б.-К. представил таковой список, начав оный министром просвещения, потом стоял канцлер и так далее...» (ЯА). Игра слов в эпиграмме поддерживает это предположение: «свет», «светлость» (последнее — как княжеское достоинство и как просвещение).

39. Изд. 1964, по тому же источнику, что и ст-ние № 38. Адресат не установлен. *Бютинги, Минервы, Дианы, Антиопы* — здесь: клички лошадей.

40. Изд. 1934, где опубл. по автографу архива Н. Д. Киселева, БЛ, под загл. «К новому 1824 году». *Киселев*—см. примеч. 26.

41. НА-1829, вм. подписи: ***. Автограф — ГПБ, архив Дириной, на 3-х разных листах: на одном — первая строфа, с пометой: «(продолжение впредь)» и карандашом дата: «декабрь», на втором — две последующие строфы, с пометой: «(продолжение может быть)» и карандашом дата: «генварь 1824», на третьем — окончание. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, с вар., дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. В записке А. С. Дириной от 5 янв. 1824 г. Языков спрашивает: «Не прислать ли еще „Зима пришла“» (ГПБ, архив Дириной), имея, вероятно, в виду 2-ю или 3-ю часть ст-ния. *Воспитанник лесной Дианы* — здесь: охотник. *Казны служитель* — кабатчик.

42. НЛ. 1824, № 3, помета: Дерпт. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ГПБ, собрание П. Л. Вакселя, в письме к А. Ф. Воейкову, дата: 2 января 1824, вместе с элегией «Не улетай, не улетай...».

43. НЛ. 1824, № 13, с вар., помета: Дерпт. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: ПД — альбом Воейковой, ГПБ — собр. П. Л. Вакселя, в письме к А. Ф. Воейкову от 2 янв. 1824 г. (текст НЛ) вместе с элегией «Скажи, воротишься ли ты...».

44. РС. 1903, № 3, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, дата: 5 января 1824.

***45.** ПЗ-1859, без загл., с вар., дата: 1824. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева. Списки: первый — ПД, архив бр. Бестужевых, список Е. К. Шокальской с альбома М. И. Осиповой, дата: 24 января 1824, Дерпт; второй — ГПБ, фонд М. К. Азадовского, рукой В. П. Гаевского, без загл., с вар.; третий — БЛ, рукой Киселева. Датируется по списку ПД. Долгое время приписывалось К. Ф. Рылееву. На авторство Языкова впервые указал П. А. Ефремов (см.: Рылеев К. Ф. Соч. и переписка. Спб., 1872. С. 375). Очевидно, навеяно картиной богослужения в канун рождества и моления за царя (24 января — сочельник). Языков был на рождестве в Дерпте.

***46.** Срв. 1824, № 6, др. ред. (ЯА. С. 466). - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: первый — ПД, письмо к А. М. Я. от 1 июня 1824 г. (ЯА), второй — ПД, альбом Воейковой (РБ. 1915, № 8), третий — БЛ (карандашом). Списки: ПД — альбом А. М. Я., дата: 1824, Дерпт (текст ЯА); БЛ — два списка рукой Киселева, один с датой: февраль 1824. Датируется по списку Киселева. В письме к А. М. Я. от 1 июня 1824 г. Языков, выражая недоумение по поводу запрещения ст-ния цензурой, указывает, что «они ⟨стихи⟩ написаны давно уже» (ЯА). Ст-ние было разрешено к напечатанию 1 июня 1824 г. (ценз. разр. Срв) в смягченном виде.

47. СЦ-1826. Списки ПД: один — рукой А. М. Я., дата: 1824, Д⟨ерпт⟩, другой — тетрадь 1846, дата: 24 февраля 1824.

48. Изд. 1858, т. 1, с ценз. исключениями ст. 7—10, 15—16, 19—20. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева. Списки ПД: один — альбом А. М. Я., под загл. «Н. Д. К—у», без ст. 15—16, дата: 18 февраля 1824; другой — тетрадь 1846, с отточиями в ст.15, 19 — 20. *Киселев* (см. примеч. 26) уехал из Дерпта в двадцатых числах февр. 1824 г. (см.: ЯА. С. 120). Языков писал по поводу его отъезда братьям: «Он будет распространять мою славу в старопрестольном белокаменном граде, где она еще, конечно, будет новинка».

49. Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева, дата: 22 февраля 1824. Списки ПД: один — рукой А. М. Я., дата: 1826, Д⟨ерпт⟩, другой — тетрадь 1846, дата: 22 февраля 1824 г. Возможно, обращено к А. А. Воейковой (см. о ней примеч. 15).

50. РБ. 1915, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой, дата: 20 марта 1824. *Моголов ханы* — здесь, вероятно, имеются в виду монгольские ханы. 2-я часть ст-ния, начинающаяся стихом: «Ужасен глас военной непогоды...», судя по упоминанию Дуная,— вариация на тему о Баяне, певце-воине, сражающемся против греков (см. примеч. 33). *Чего-то белого* — т. е. снега, зимы.

51. Альм. «Мнемозина». М., 1825, ч. 4, с посвящ. «(Посвящ. Е. Б. Я.)». - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф, по описанию Е. В. Петухова,— альбом М. Н. Дириной, под загл. «Предисловие к ...», дата: 2 апреля 1824 (ЯА. С. 418). Список — ПД, альбом А. М. Я., дата: 1824, Дерпт. В письме к братьям от 6 апр. 1824 г. Языков писал: «Я уже отправил к Дельвигу небольшую пьесу с посвящением Е⟨лизавете⟩ П⟨етровне⟩ И⟨вашовой⟩; она, ежели поспеет, будет, вероятно, напечатана в вышенаименованном альманахе ⟨т. е. в СЦ⟩, а ежели он уже вышел в свет, то в каком-нибудь журнале... Стихи, о которых

здесь ведутся слова, составляют предисловие к еще не существующей повести о ливонских рыцарях; ее напишу, когда будет у меня более времени, и напишу непременно... Теперь занимаюсь чтением ливонских историй, чтоб поближе познакомиться с нравами и обыкновениями рыцарей, долженствующих явиться в свет русской литературы в стихах моей музы» (ЯА). Е. П. Ивашова — невеста, а вскоре жена старшего брата Языкова — Петра Михайловича. Посвящение в «Мнемозине» напечатано с ошибкой, следовало: Е. П. Я. (т. е. Е. П. Языковой). Возможно, является вступлением к повести «Меченосец Аран» (см. № 77). *Ливония* — в средние века название территории Латвии и Эстонии. *Рорбах* Винанд или Винно (XIII в.) — первый гроссмейстер (магистр) ордена Меченосцев (см. примеч. 20). *Смирители Казани* и т. д. Имеется в виду завоевание Иваном Грозным Казани (1552) и Ливонская война (1558—1583).

52. ПЗ-1859, без загл. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева. Автограф — БЛ, архив Киселева, в письме Киселеву от 6 апр. 1824 г., дата: «Великий четверток!». Датируется по автографу БЛ — «великий четверток» (четверг) в 1824 г. приходился на 3 апр. Относится к М. Н. Дириной (см. примеч. 28). То же уподобление Дириной «пречистой деве Марии» см. в письме Языкова к А. М. Я. от 21 мая 1826 г. (ЯА). Неоднократно включалось в сборники потаенной литературы в качестве антирелигиозного ст-ния.

53. РС. 1903, № 3, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, дата: 3 апреля 1824. Обращено к А. С. Дириной (см. примеч. 28 и ст-ния № 29—32).

***54.** НЛ. 1824, № 24, с посвящ. «(Посвящено А. Н. Т—у)», с вар., дата: 12 апреля 1824, Дерпт. - - Срв, 1824, № 8, подзаг. «Эвпатий», с посвящ. «Посвящено А. Н. Тютчеву», с вар., помета: Дерпт. - - Изд. 1833 (текст Срв), дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. - - Изд. 1844. Автограф — ЦГАЛИ, альбом Дириной, дата: 11 апреля 1824. Список — ПД, альбом А. М. Я., с вар., дата: 1824, Дерпт. Датируется по автографу. *Евпатий* Коловрат — «вельможа» рязанский, герой летописного предания о нашествии Батыя. Евпатий был в отъезде, когда Батый напал на Рязань. Вернувшись и застав пепелище, он собрал из оставшихся в живых рязанцев небольшую дружину и кинулся за Батыем. Внезапное нападение вызвало панику среди татар, и Евпатию, прежде чем он погиб в неравном бою, удалось нанести им значительный урон. Мужество Евпатия и рязанцев восхитило даже Батыя, который отпустил захваченных в плен рязанцев, выдав им тело Евпатия. О Евпатии упоминает и Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (т. 3, гл. 8).

***55.** ИОРЯС. 1911, № 2, ст. 1—35, опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, с пометой Языкова: «Продолжения не было», др. ред., дата: 16 марта 1824. - - Печ. по ЯА, где опубл. по автографу альбома М. Н. Дириной (ЦГАЛИ), дата: 14 апреля 1824, Дерпт. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, с вар., дата: 1823, Дер⟨пт⟩, сверху надпись рукой А. М. Я. красным карандашом: «Слабо. Подраж⟨ание⟩ Жуковскому». В ст-нии описан реальный пейзаж — имение поэта (село Языково), где были три проточных пруда с островами и беседкой на одном из них (см.: Поливанов В. Н. Село Языково // «Ист. вестник». 1896, № 12. С. 989). *Поэт Светланы* — В. А. Жуковский. *Парни*

Эварист Дезире де Форж (1753—1814) — французский поэт, представитель так называемой эротической поэзии.

56. ЯА, где опубл. по автографу альбома М. Н. Дириной (ЦГАЛИ), дата: 3 июня 1824. В первых числах июня Языков уехал из Дерпта на летние каникулы, сначала в Петербург, затем в Симбирск на свадьбу П. М. Языкова, где задержался до 1825 г. *Девица вдохновенья* — муза. *Дань священного обета.* Уезжая, Языков обещал М. Н. Дириной описать свое путешествие (см. примеч. 74).

57. Б. 1824, № 5, под загл. «В альбом П. Н. Д.», помета: Дерпт. - - «Альциона на 1831 г.», Спб., 1831. В Изд. 1833 дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. *Дирин* Петр Николаевич — брат М. Н. Дириной (см. примеч. 28), впоследствии военный историк.

58.** ПЗ-1825, под загл. «К», др. ред. - - НЛ. 1825, авг., под загл. «К N. N.», та же ред. - - Изд. 1833, дата: 1824, С⟨имбирск⟩. Автограф — ПД, альбом Воейковой, без загл., др. ред.— текст, близкий ПЗ и НЛ (РБ. 1915, № 8).

59. ПЗ-1825, под загл. «Отрывок из повести: Разбойники». - - Изд. 1833, дата: 1824, С⟨имбирск⟩. Список — ПД, под загл. «Отрывок из повести», некоторые ст. неисправно. 25 янв. 1825 г. Языков писал А. М. Я.: «Посылаю Бестужеву же отрывок из повести „Разбойники“: пусть она никогда существовать не будет целиком, но мне легче было написать несколько стихов к началу, сделанному в Симбирске, чем писать вовсе новые...» (ЯА). М. К. Азадовский видел в повести отражение «легенд и рассказов о разбойниках, которыми всегда было богато Поволжье» (Изд. 1934. С. 735).

***60.** НА-1826, дата: 1824, С⟨имбирск⟩. В Изд. 1833 дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. Публ. в составе «Моего Апокалипсиса» — ИОРЯС. 1911, № 2, с вар. Датируется по НА. Вероятно, относится к А. А. Воейковой (см. примеч. 15).

***61.** СЦ-1826, под загл. «Отрывок из повести „Ала“», с вар. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Список с поправками Языкова — ПД, под загл. «Ала. Ливонская повесть. Посвящена М. Н. Дириной», с припиской-обращением к М. Н. Дириной, представляющей собою законченное ст-ние (см. № 62) (РБ. 1915, № 8). Публикуя отрывок из повести, Языков первоначально назначил для печати только ст. 32—90 (см.: ЯА. С. 226) и был недоволен, когда А. М. Я. не исполнил его просьбы: «Напрасно ты отдал Дельвигу „Алу“ целиком; начало не годно — чувствую» (ЯА. С. 229). Однако в 1833 г. он печатает ст-ние в том же составе. *В стране* и т. д. — в Ливонии. *Воины Христовы* — меченосцы, см. примеч. 20. *Казнил за Магнуса граждан.* Во время Ливонской войны датский принц Магнус (1540—1583), которому Иван Грозный обещал ливонский трон, изменил России, присягнул Польше и начал занимать города и крепости, обещая им защиту от русских. Так, он занял крепость Венден и заперся в ней, услыхав о приближении Грозного (1577). Русские после кровопролитных боев взяли Венден. Магнус сдался; Грозный пощадил его, но жесточайшим образом расправился с оставшимися в живых жителями города. *В соседней стороне* — в Швеции. *Паткуль* Иоганн Рейнгольд (1660—1707) — ливонский дворянин, возглавивший борьбу ливонского дворянства про-

тив Швеции; был осужден Карлом XI и бежал в Саксонию, потом в Россию, где поступил на службу к Петру I. В качестве начальника русского отряда действовал во время Северной войны в Польше и Саксонии, был выдан саксонцами Швеции и казнен. *Удалого короля* — шведского короля Карла XII (годы правления 1697—1718).

62. РБ. 1915, № 8, где опубл. по авторизованному списку ПД, альбом Воейковой, без загл., как продолжение отрывка из повести «Ала». Список, рукой А. М. Я.,— ПД, ст. 1—12, под загл. «Приписка к отрывку „Ала“», дата: 1824, Д⟨ерпт⟩, ст. 13—32, под загл. «К нему же» (карандашом добавлено «отрывку»), с вар., с той же датой. *Карл* — Карл XII (см. примеч. 61). *Ливанон* — Ливан.

63. АСМ-1828, без ст. 29, с разночтением. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. - - Изд. 1844, под загл. «К... М...». Список — ПД, альбом А. М. Я., под загл. «К К... Мойер», с вар. *Катенька Мойер* (р. 1821) — Екатерина Ивановна Мойер, дочь М. А. Мойер (см. примеч. 7). Впоследствии вышла замуж за В. А. Елагина, единоутробного брата П. В. и И. В. Киреевских.

64. ПЗ-1859, без загл., с вар., с опечаткой в ст. 6 (ошибочно «не надут» вм. «не спадут»). - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева, дата: 1824. Список, рукой Киселева,— БЛ.

65—69. Изд. 1934, где опубл. по автографам альбома Киселева. Списки 2-й и 4-й элегий — ГПБ, фонд М. Ю. Лермонтова, там же еще две элегии, неудобные для печати. В письме А. С. Пушкина к А. Н. Вульфу от конца авг. 1825 г. есть упоминание об эротических стихах Языкова: «Кланяюсь Языкову. Я написал на днях подражание „Элегии“ его „Подите прочь“» (Пушкин. ПСС. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 219). Это упоминание позволяет приблизительно датировать элегии периодом между 1823 и 1825 гг., так как именно в 1823 г. Языков по-настоящему вошел в студенческую «бурсацкую» среду — к данному времени относятся и его первые произведения, рассчитанные на эту аудиторию.

4. *Сын Киприды* — Эрот. *Мой Саваоф* — т. е. мой бог. *«Тилемахида»* — стихотворный перевод В. К. Тредиаковского прозаического романа французского писателя Фенелона Франсуа де ла Мота (1651—1715) «Приключения Телемака» (1699), написанный тяжеловесным гекзаметром.

70. Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева. Автограф — БЛ, архив Киселева. *Питомцы Эпикура* — здесь: молодежь, жадная до наслаждений. *Богородица Амура* — Венера.

71. Изд. 1934, где опубл. по автографу альбома Киселева. Автограф — БЛ, архив Киселева. *Лик Феба* — солнце. *Илья гремучий.* По народным поверьям, гром — это грохот колесницы, на которой едет по небу Илья-пророк.

72. С. 1837, № 6, ст. 15, 17—19 не полностью, с заменой ряда слов точками. - - Печ. по экземпляру С, приобретенному Н. О. Лернером, где неизвестной рукой вписаны недостающие ст. (Лернер Н. О. Недостающие стихи в первом послании Н. М. Языкова к Пушкину // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып 29/30. С. 8). Лернер отметил сходство вписанных стихов с началом записки к А. С. Дириной (см.

№ 32). Датируется началом 1825 г. Ст-ние — ответ на послание А. С. Пушкина Языкову 20 сент. 1824 г. «Издревле сладостный союз...», которое стало известно Языкову только в начале 1825 г., по возвращении в Дерпт со свадьбы брата. Получив стихи, Пушкин писал в марте или апр. 1825 г. А. Н. Вульфу: «Послание его и чувствительная Элегия — прелесть — в послании, после „тобой хранимого певца“ стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его» (Пушкин. ПСС. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 162—163). *Бог света* и *парнасское божество* — Аполлон. *Плешивый косец* — смерть. *Носитель Зевсовых огней* — орел.

***73.** ПЗ-1825, вм. подписи: **. В Изд. 1833 дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, письмо к сестре П. М. Языковой от 25 янв. 1825 г., без загл., без последней строфы, с вар., помета в конце: «(Так и далее, будет напечатано в „Полярной звезде“)» (ЯА). Другой автограф — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной, без последней строфы, с вар., помета в конце: «(Так и далее)», с эпиграфом: «Wie bin ich froh, daß ich weg bin. Goethe» ⟨Как я рад, что я уехал. Гёте⟩, дата: 26 января 1825, Дерпт (ЯА. С. 428). 25 янв. 1825 г. Языков писал А. М. Я.: «Еще на прошлой почте послал я Бестужеву мое первое чувство по прибытии в Дерпт...» (ЯА). И в тот же день сестре, сообщая ей три строфы ст-ния: «Вот тебе... мои первые стихи из Дерпта: это нечто о моем пребывании в Симбирске...» (ЯА). *Меченосцы* — см. примеч. 20.

***74.** ЯА, где опубл. по автографу альбома М. Н. Дириной (ЦГАЛИ), под загл. «Отрывок из путешествия из Д⟨ерпта⟩ в П⟨етер⟩б⟨у⟩рг», с эпиграфом: «Мечты, повсюду вы меня сопровождали. Батюшков», с пометой в конце: «(продолжение впредь)», с вар., дата: 1 февраля 1825, Дерпт. Другой автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 4 февр. 1825 г. Списки ПД: первый — альбом А. М. Я., дата: 1825, Дерпт; второй, рукой А. М. Я.,— без ст. 40, третий — тетрадь 1846. Посылая брату «Корчму», Языков писал: «Ты, верно, не знаешь, любезный брат, что я в прошлом годе, оставляя Дерпт, обещал — окаянный! — известной Марии ⟨Дириной, см. примеч. 28) описать стихами мое путешествие; теперь она требовала исполнения — я отвечал, что его нет, но по просьбе ее должен был написать хоть что-нибудь в этом уродливом роде» (ЯА. С. 146).

75. Альм. «Альциона на 1831 г.» Спб., 1831, в оглавлении загл.: «К А. А. В—ой». Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 29 февр. 1825, без загл. Списки ПД: первый — альбом Воейковой, под загл. «К Д - - - - е», с припиской Языкова: «Честь имею заметить, что не я сочинитель стихов сих», с вар.; второй — альбом А. М. Я., без загл.; третий, рукой А. М. Я.,— под загл. «Александре Андреевне Воейковой», дата: 1824, Дерпт; четвертый — тетрадь 1846, без загл. Во всех рукописных источниках в ст. 28 слово «трубадур» особо выделено (труба-дур или просто подчеркнуто). Еще в письме от 2 марта 1824 г. Языков писал брату, П. М. Языкову: «Стихи льются, когда пишешь для понимающей прекрасной особы; я тоже пишу и для других красавиц, но они редко меня понимают или совсем меня не понимают и всегда хвалят, между тем как я чувствую, что они не чувствуют,— и тогда я не трубадур, а труба дур!» (ЯА). Посылая ст-ние А. М. Я., Языков писал: «Вот еще стихи, которые посылаю сегодня же к Булгарину; им дало существование известие, что Воейкова скоро сюда будет...» (ЯА). *Воейкова* — см. примеч. 15 и 28.

76. «Сев. пчела». 1825, 19 мая, под загл. «Военная новгородская песня 1170 года», с вар., помета: Дерпт, подпись: Н. Я. - - Изд. 1833, под загл. «Военная новгородская песня 1170 года» (в оглавлении загл. «Новгородская песня»), с теми же вар., дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. - -Печ. по РБ. 1915, № 8, где опубл. без ценз. смягчений по автографу ПД, альбом Воейковой. Датируется по записи в альбом Воейковой (альбом относится к 1825 г.) началом 1825 г. Список — БЛ, архив Киселева, под загл. «Военная новгородская песня 1170 года», с вар. В Изд. 1833, куда включено по настоянию В. Д. Комовского, вошло в журнальной редакции (Языков разрешил печатать ст-ние, но не прислал текста, поэтому Комовской воспользовался текстом «Сев. пчелы», которым Языков был недоволен и в котором были сделаны исправления ценз. порядка). Первая попытка Языкова напечатать ст-ние натолкнулась на сопротивление цензуры. 19 мая 1825 г. Языков писал А. М. Я.: «У меня готово канвы еще на три новгородские песни, но писать их незачем: если уже первая не прошла сквозь тиски цензуры, то следующие и подавно» (ЯА). Однако песня все же была напечатана, причем совершенно неожиданно для Языкова: «Как попала к Булгарину „Новгородская песня"? — спрашивает он брата в следующем письме (от 24 мая).— Он ее напечатал с ошибкою, по которой можно подумать, что я не знаю русского стопосложения» (ЯА). Несмотря на некоторые смягчения, сделанные в тексте, вероятно, из ценз. соображений (например, слово «вольность» в ст. 7 было заменено «славой» и т. п.), после напечатания песни кто-то сделал донос в Министерство народного просвещения, что в песне говорится о современном Новгороде и Аракчееве. Цензору А. И. Красовскому было сделано представление, где говорилось, что «таковые статьи могут давать место превратным толкованиям и применениям к обстоятельствам и лицам нашего времени, чего всемерно избегать должно» (ЦГИАЛ, ф. 735). Красовский вынужден был давать подробные объяснения, защищаясь статьями ценз. устава 1804 г., который предписывал «удаляться» «от всякого пристрастного толкования». Дело было оставлено без последствий. *Ярослав* — Ярослав Мудрый (978—1054); княжил сначала в Новгороде, а затем захватил Киев и стал Великим князем. В 1170 г. новгородцы одержали победу над *Андреем* Боголюбским (ок. 1111—1174), который с большим войском осадил Новгород, пытаясь подчинить его своей власти.

***77.** НЛ. 1825, май, ст. 27—52, под загл. «Отрывок из стихотворной повести „Меченосец"», с посвящ. «(А. А. В—ой)», с вар. - - Полностью — АСМ-1828, под загл. «Меченосец Аран, ч. 1», др. ред. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф ст. 27—48 — ПД, альбом Воейковой, под загл. «4-е. Весна», среди элегий, с пометой в конце: «Отрывок из повести, посв. А. А. В.». Авторизованный список — ПД, др. ред. Датируется по письмам Языкова. Первое упоминание об этой повести у Языкова в письме от 25 янв. 1825 г. к А. М. Я.: «Теперь я сильно занимаюсь Ливонскою историей: читаю, выписываю, справляюсь и, кажется, скоро буду в состоянии писать о меченосцах как господин своего предмета. У меня готов план для одной повести, и между главными достоинствами его есть и то, что не надобно видеть места, где было происшествие, т. е. Вендена, ибо замок, которого развалины там еще живы, построен уже гораздо позже героя моей повести» (ЯА). А в письме от 18 февр. 1825 г. он уже сообщает «образчик метра» «воздвигаемой повести» (цитирует 10 строк из «Арана», начиная со ст. «Как яркий луч божественного света...») и со-

общает, что в повести «не будет ни главною, ни даже посредственной причиною любовь» (ЯА). К 18 марта первая часть «Арана» уже написана, и Языков посылает ее брату (ЯА). Языков продолжает думать о завершении повести почти вплоть до 1826 г., но затем он постепенно остывает к этому замыслу и решает оставить повесть без продолжения (см.: ЯА. С. 230). *Меченосец* — см. примеч. 20. *Где Везер льет серебряные воды* — т. е. в Германии. *Арминий* — см. примеч. 4. *Где божий свет крестом преображен* и т. д.— т. е. в Палестину (здесь названы места, упоминаемые в Библии и Евангелии). «Божий свет крестом преображен» — реминисценция из ст-ния Батюшкова «Переход через Рейн» («Мир крестом преображен»). *При ратных знаменах, Наместником Петра благословенных* — т. е. в крестовом походе, благословенном римским папой (считался наместником апостола Петра). *Магистр* — здесь: Винно фон Рорбах (см. примеч. 51).

***78.** НА-1826, подпись: Н. Я. Автографы с вар.— ПД, письма к А. М. Я. от 1 апр. 1825 г. и к П. М. Языкову от 5 апр. 1825 г. (ЯА). Правленный автограф — альбом Воейковой, под загл. «Сон. К N N. (Перевод с немецкого)», др. ред., к слову «перевод» примеч. Языкова: «Ошибка переписчика: это подлинник», дата: 2 апреля 1825 (РБ. 1915, № 8). Списки ПД: первый — альбом А. М. Я., под загл. «Перчатка», с вар. (текст автографа в письме к А. М. Я.); второй, идентичный, рукой А. М. Я.,— под загл. «К Тютчеву», дата: 1824, Д⟨ерпт⟩; третий — тетрадь 1846, под загл. «Перчатка», с вар. Список, рукой Киселева,— БЛ, без загл., с вар. (текст автографа ПД в письме к А. М. Я.). Сообщая ст-ние брату, Языков писал: «В⟨оейкова⟩, не знаю, каким из духов подземного царства возбужденная, подарила в знак памяти Тютчеву, которого ты знаешь заочно, перчатку; к моему солюбовнику написал я следующие стихи» (ЯА). *Тютчев.* С Языковым учились в университете два брата Тютчевы — Алексей и Андрей. Здесь имеется в виду, очевидно, наиболее близкий к Языкову Андрей Николаевич (1805—1831); А. Н. Тютчев писал стихи и, после Языкова, был одним из наиболее видных поэтов в русской студенческой среде в Дерпте. Уехал из Дерпта в 1829 г.

79. НЛ. 1825, май, под загл. «К N N», с вар. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы ПД: в письмах к А. М. Я. от 7 апр. 1825 г. и от 8 апр.: 1825 г., оба с вар. (ЯА); третий — альбом Воейковой, под загл. «Волна», перед загл. помета: «1-е», эпиграф «Ich kann mich auch verstellen. Rammler» ⟨И я могу притворяться. Рамлер⟩, с тем же вар., дата: 1 апреля 1825. Список, рукой Киселева,— БЛ, архив Киселева, с тем же вар. Посылая А. М. Я. эту элегию и «Дерпт» 7 апр. 1825 г., Языков пишет: «Воейкова дала мне несколько слов, на которые я написал несколько незначащих стихотворений...» (ЯА). *Искра Зевсова огня* — здесь: электрическая искра.

***80.** НА-1829, с опечаткой в ст. 77 (ошибочно «не виноват» вм. «а виноват»). Списки: первый — ПД, альбом Воейковой, с эпиграфом: «An Freue und Gehorsam bin ich der Alte; aber ich habe mir das Schwätzenangewohnt. Goethe. „Egmont“» («В верности и повиновении я прежний, но люблю поболтать. Гёте. „Эгмонт“»), с вар., дата: 1 апреля 1825 (опубл.: РБ. 1915, № 8); второй — ПД, рукой А. М. Я., под загл. «Марии Николаевне Дириной», дата: 1824, Д⟨ерпт⟩; третий — ГПБ, архив Дириной, под загл. «М. Н. Д.», с тем же эпиграфом, с вар., дата: 1 апреля 1825. 14 апр. 1825 г. Языков писал брату: «1 апреля

именины Дириной; на этот случай я написал пространное поздравление имениннице...» (ЯА). *Дирина* — см. примеч. 28. *Сад Ратсгофский* — парк около имения Ратсгоф (Раади), в полуверсте от Дерпта, по дороге в Петербург. Излюбленное место прогулок студентов. *Я видел свадьбу* — очевидно, свадьбу П. М. Языкова, женившегося в 1824 г.

81. ЯА, где опубл. по автографу ПД, в письме к А. М. Я. от 5 апр. 1825 г. Другой автограф — БЛ, архив И. Е. Бецкого. Список — ПД, альбом А. М. Я. «На прошлой почте,— писал Языков брату,— послал я тебе стихи об анекдоте ⟨см. ст-ние «К Тютчеву», № 78⟩,— вот еще продолжение: может быть, здесь много преувеличения — ничего, все равно!» (ЯА). *Светлана* — А. А. Воейкова (см. примеч. 15).

82. РБ. 1915, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой, с пометой: «2-е», в конце: Дерпт.

83. ПЗ-1859, с вар., дата: 1825. Спб. вед. 1866, 22 июня (4 июля), где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, без загл., с вар., без ст. 11, с ценз. купюрой в ст. 17, дата: 7 апреля 1825. - - Печ. по ЯА, где опубл. по идентичным автографам ПД, в письмах к А. М. Я. и П. М. Языковой от 7 апр. 1825 г. Третий автограф — ПД, альбом Воейковой, с пометой: «3-е», дата: 7 апреля 1825, Дерпт (опубл.: РБ. 1915, № 8). Списки: один — ПД, тетрадь 1846, другой, рукой Киселева,— БЛ, архив Киселева. Написано на заданное А. А. Воейковой слово (см.: ЯА. С. 170, 171). В письме к сестре Языков поясняет слово «филистимляне»: «Студенты называют филистимлянами всех, кроме себя самих» (ЯА. С. 172).

84. РБ. 1915, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой, с пометой: «7-е», дата: 7 апреля 1825, Дерпт. *Рамлер* Карл-Вильгельм (1725—1798) — немецкий поэт, прозванный «немецким Горацием».

***85.** Срв. 1825, № 7, в составе цикла из 4-х элегий (см. примеч. 91—93), вм. подписи: **. - - НЛ. 1825, окт., с вар., с примеч. ред.: «Сие стихотворение было передано для напечатания в НЛ гораздо *прежде,* нежели в „Соревнователь“; но по обстоятельствам является в свет *позднее»*. - - Печ по Изд. 1833, где повторен текст Срв, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, альбом Воейковой, под загл. «Жизнь», с вар., с пометой: «6-е» (РБ. 1915, № 8). Список — БЛ, с вар. (текст НЛ).

86. РБ. 1915, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой, с пометой: «5-е» и примеч. Языкова: «NB: Не всякому слуху веруйте; но испытуйте духи; есть бо дух божий и дух льстечь. *Сибирская летопись»,* дата: 8 апреля 1825. Примеч. представляет собой видоизмененную цитату из книги «Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирской земли русскими при царе Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествующих оному событий» (Спб., 1821. С. 52). *Богородица Амура* — см. примеч. 70.

87. НЛ. 1825, июнь, с ред. примеч. к ст. 4, рассчитанным на цензуру: «Разумеется, против страстей и бурь света». В Изд. 1833 дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: один — ПД, альбом Воейковой, дата:

12 апреля 1825 (опубл.: Соловьев Н. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. Т. 1. Между с. 104—105), другой — ЦГАЛИ, альбом М. Н. Дириной.

***88.** Спб. вестн. 1831, № 5, под загл. «В альбом». - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 14 апр. 1825 г. Авторизованный список ст. 1—10 и 11—18 — ПД, альбом Воейковой, в составе двух разных ст-ний: ст. 1—10 как 5—14 ст. ст-ния «Сон», имеющее подзаг.: «С 8-е на 9-е или 10-е апреля» и эпиграф из «Эпиграммы» И. И. Дмитриева «Когда же складны сны бывают? Дмитр.» (загл., подзаг. и эпиграф — рукой Языкова); ст. 11—18 являются в этом списке самостоятельным ст-нием («Любовь, любовь! я помню живо...»), расположенным в альбоме сразу вслед за ст-нием «Сон» (вошло в «Мой Апокалипсис»). Далее в альбоме переписаны Воейковой еще два ст-ния: «Не жив поток под сумраком туманов...» (№ 95) и «Теперь мне странны и смешны...» (№ 96). В РБ (1915, № 8) все эти ст-ния, связанные тематически, были ошибочно опубл. в Изд. 1934 в качестве частей одного произведения под общ. загл. «Сон», но в Изд. 1948 и в Изд. 1964 эти четыре ст-ния опубл. как самостоятельные произведения, что соответствует замыслу Языкова. При создании ст-ния «В альбом Ш. К.» на основе объединения двух первых ст-ний альбома Воейковой Языков отбросил ст. 1—4 ст-ния «Сон». Датируется периодом между 10 и 14 апр. 1825 г., дата в альбоме А. А. Воейковой означает, вероятно, число, когда «приснился» этот сон. *Ш. К.* — инициалы Шарлотты Карловны фон дер Борг (урожд. Гофман, 1798—1873), жены К. фон дер Борга, синдика (поверенного в делах) Дерптского университета и переводчика русских поэтов на немецкий язык; в его доме Языков жил по приезде в Дерпт. По поводу ритмического рисунка ст-ния Языков писал брату 19 мая 1825 г.: «Не понимаю, почему Амплий ⟨Очкин⟩ так сильно изумляется прибавке одного слога, против обыкновения, в стихах, о которых ты меня спрашиваешь: это не новость; Жуковский то же делал с хореями, почему же не делать этого и с ямбами? И почему не делать так, как я попробовал? Оно может разнообразить метр и не может мешать его сладкозвучию» (ЯА).

89. НА-1828, подпись: Н. Я. В Изд. 1833 дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: один — ГПБ, архив Дириной, с вар., дата: 24 апреля 1825 г., вместе с элегией «Моя камена ей певала...», другой — ПД, письма к А. М. Я. от 26 апр. 1825 г. и к сестре, П. М. Языковой, последний с вар. (ЯА). Список, рукой А. М. Я.,— ПД, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. «Вот и прощание с моими еремиадами»,— писал брату Языков, посылая ст-ние (ЯА. С. 179).

90. РБ. 1915, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой, дата: 28 апреля 1825, Дерпт. Эпиграф — из ст-ния Н. М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из „Екклезиаста“» (1796).

91—93. Срв. 1825, № 7, вм. подписи: **, в составе цикла из четырех элегий, вместе с элегией «Счастлив, кто с юношеских дней...» (№ 85). 1-я и 2-я вне цикла: НА-1826, каждая под загл. «Элегия», 1-я с вар. в ст. 3 и 6, 2-я без ст. 3, подпись: Н. Я. - - НЛ. 1826, февр., март, все три элегии вне цикла, каждая под загл. «Элегия». - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф цикла — ПД, письмо

к А. М. Я. от 26 апр. 1825 г., 3-я элегия — в письме к сестре, П. М. Языковой от 26 апр. 1825 г. (ЯА). Автограф 3-й элегии — ГПБ, архив Дириной, под загл. «Последняя элегия», вместе со ст-нием «Прощание с элегиями» (№ 89), дата в конце 2-х элегий: 24 апреля 1825. Список цикла — ПД, альбом Воейковой, с нумерацией: II, III, IV, 3-я элегия с датой: 8 апреля 1825 (опубл.: РБ. 1915, № 8). В альбоме Дириной цикл в ином составе: 1. «Поэт свободен. Что награда...»; 2. «Свободен я; уже не трачу...»; 3. «Я знал живое заблужденье...» (ЯА. С. 423). Датируется апр. 1825 г., так как дата альбома Воейковой сомнительна: в письме к А. М. Я. от 26 апр. 1825 г. Языков утверждал, что этого цикла «нет у Воейковой» (ЯА). Посылая брату ст-ние, Языков писал: «Вот тебе еще несколько элегий; они писаны для Д⟨ирин⟩ой и ее очень обрадовали: понимаешь военную хитрость?» (ЯА. С. 178).

94. ЯА, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, в составе цикла из трех элегий, с вар. Автограф отрывка — ПД, альбом Воейковой, др. ред., в качестве фрагмента ст-ния «К Г. Д. Е.» (№ 97) (РБ. 1915, № 8). Списки: первый — ПД, рукой А. М. Я., под загл. «К...», с вар. в ст. 3: «Не милость царственного взгляда» (в ЯА, возможно, ценз. смягчение), дата: 1824, Д⟨ерпт⟩, второй — ПД, тетрадь 1846, под загл. «К...», с вар.; третий — БЛ, архив Киселева, под загл. «К. О.», с вар., неудобными для печати. - - Печ. по Изд. 1964, где опубл. по списку А. М. Я. Датируется, как и цикл элегий (см. примеч. 91—93), апр. 1825 г.

95. РБ. 1915, № 8, где опубл. по авторизованному списку ПД, альбом Воейковой. 3-е ст-ние из 4-х, переписанных Воейковой в альбом (1. Сон; 2. «Любовь, любовь! я помню живо...»; 4. «Теперь мне странны и смешны...») (см. примеч. 88). Датируется апр. или началом мая 1825 г. (3 мая — день отъезда Воейковой из Дерпта).

96. РБ. 1915, № 8, где опубл. по авторизованному списку ПД, альбом Воейковой (см. примеч. 88 и 95). Датируется, как и предыдущее ст-ние, апр. или началом мая 1825 г. *«Всё суета, всё суета!..»* — видоизмененное изречение из «Экклезиаста», одной из библейских книг, приписываемых Соломону (X в. до н. э.).

97. РБ. 1915, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой, дата: 3 мая 1825, Дерпт; возле даты скобка и помета: «Переписано» (т. е. дата обозначает время записи в альбом). 3-й фрагмент ст-ния — отрывок в др. ред. элегии «Поэт свободен. Что награда...», записанной Языковым в альбом М. Н. Дириной в качестве первого ст-ния цикла элегий (ЯА. С. 423). Ст-ние обращено, видимо, к Воейковой (см. примеч. 15), название условно.

98. Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: первый — ПД, письмо к А. М. Я. от 3 мая 1825, без загл. (ЯА); второй — альбом Воейковой, под загл. «Элегия», дата: 1 мая 1825, Дерпт; третий — БЛ, письмо Киселеву от 3 мая 1825, без загл. *Ш. К.* — см. примеч. 88.

99. РБ. 1915, № 3, в монографическом очерке: Соловьев Н. В. История одной жизни. Позднее: Там же, № 8, где опубл. по автографу ПД, альбом Воейковой, дата: 3 мая 1825, Дерпт. Написано в день отъезда Воейковой (см. примеч. 15) из Дерпта.

100. НЛ. 1826, янв., с вар. - - Изд. 1833, дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. Автографы: первый — ПД, письмо к А. М. Я. от 19 мая 1825 г., без загл., с вар. (ЯА); второй — БЛ, архив И. Е. Бецкого; третий — ЦГАЛИ, с вар. Первоначально ст-ние было набрано в альм. Бестужева и Рылеева «Звездочка», под загл. «Зависть гения» (РС. 1883, № 7), но альм. не вышел. Датируется периодом между 10 и 19 мая 1825 г. на следующем основании. Во-первых, «Гений» не был написан и 10 мая, когда Языков в письме к А. М. Я. писал: «Очкин мне писал о какой-то „Звездочке"; я не понимаю, что это за явление, а жалею, что теперь ничего ровно не могу прислать ее издателям...» (ЯА). Во-вторых, в письме к А. М. Я. от 19 мая Языков уже посылает текст ст-ния (ЯА). «Какой свет и какая строгость величия!» — писал Гоголь, приводя ст-ние в качестве примера того, что в «лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно — что-то близкое к библейскому,— то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости» (О лиризме наших поэтов: (Письмо к В. А. Ж.......му) // ПСС. Л., 1952. Т. 8. С. 249). *Елисей* — библейский персонаж, ученик Ильи-пророка; бестрепетно говорил правду царям. По преданию, был свидетелем вознесения Ильи на небо и унаследовал от него пророческий дар.

101—103.

1 — ИОРЯС. 1911, № 3, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной. Датируется весной 1825 г., так как находится среди записей этого периода. *Дирина* — см. примеч. 28, 29. *Киселев* — см. примеч. 26.

2 — РС. 1903, № 3, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, дата: 15 мая 1825, Дерпт.

3 — РС. 1903, № 3, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, дата: 9 июня 1825.

104. ИОРЯС. 1911, № 2, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, дата: 9 июня 1825. Обращено к М. Н. Дириной. *Я обещал — и был готов* — перекличка с начальными строками «Путешествия в Ревель» Бестужева-Марлинского (Срв. 1821, № 2. С. 132): «Желали вы — я обещал». *Мой рай, моя звезда* — автоцитата из элегии «Она меня очаровала...» (№ 79). *Я вам доставлю объясненье.* Исполнением обещания явился «Мой Апокалипсис» (см. ст-ние и примеч. 105).

105. ИОРЯС. 1911, № 2, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной. 4-я часть ст-ния впервые: НА-1826, под загл. «Элегия», с вар. (см. ст-ние № 60 и примеч. 60). - - В наст. изд. печ. без 4-й части с отсылкой к ст-нию «Элегия». В «Примечания» вошли ст. 11—18 из ст-ния «В альбом Ш. К.» (см. примеч. 88). Датируется между 9 июня и 2 сент. 1825 г. по письмам Языкова. Замысел цикла возник еще весной 1825 г. 22 апр. Языков писал А. М. Я.: «У меня с В⟨оейков⟩ой теперь как-то все расстроилось, все кончается, и я снова обращаюсь к Д⟨ирин⟩ой: напишу для нее несколько стихотворений и буду изъяснять в них свои центробежные чувства в рассуждении моей важнейшей прельстительницы» (ЯА). 9 июня, перед отъездом в Петербург на каникулы, Языков пишет послание М. Н. Дириной («Я обещал — и был готов...») и тогда же, вероятно, начинает «Мой Апокалипсис», однако завершает цикл уже в Дерпте. 19 авг. он сообщает А. М. Я.: «Теперь пишу стихи для Дир⟨иной⟩ — те, которых не при-

слал из П⟨е⟩т⟨ер⟩б⟨урга⟩» (ЯА). 27 авг. он пересылает брату стихи, посвященные Дириной (по-видимому, «Я обещал — и был готов...» — № 104), а 2 сент. обещает послать со следующей почтой «и комментарии к стихам для Д⟨ирин⟩ой», «уже полученным» братом (ЯА). *Дирина* — см. примеч. 28. *Апокалипсис* — буквально: «откровение» (греч.); название одной из наиболее мистических и темных книг Нового завета, содержащей в себе пророчества о конце света. Эпиграф — из басни «Женщины и Секрет» французского писателя Жана *Лафонтена* (1621—1695). *Я обещался вам тогда* — см. ст-ние и примеч. 104. *Сын Давида* — царь Соломон (см. примеч. 96). *И там-то место, где она.* Воейкова жила в это время в Петербурге. *Эмбах* (Эмайыги) — река, на которой стоит Дерпт. *Фомина неделя* — первая неделя после святой, пасхальной (иначе: Красная горка). *Сказки Дарленкура.* Дарленкур Шарль Виктор Прево (1789—1856) — французский писатель, автор романов и аллегорических поэм. В 1820-е гг. были популярны его романы «Пустынник», «Ипсибое» и др. В рецензии на русский перевод «Пустынника» Дарленкур был отнесен к числу «романтиков», которые «без оглядки перешагнули за границу эстетически-возможного» (СО. 1824, № 9. С. 33). Так как в его наследии нет сказок, это слово употреблено здесь, вероятно, в значении: россказни, выдумки. *В посланье гордом и живом.* Имеется в виду послание «К Тютчеву» (№ 78). *Матери харит.* Языков имеет в виду не Евриному или Геру (та и другая по различным мифам считались матерями харит), а просто женщину, наделенную всеми прелестями, олицетворяемыми харитами. *Священный союз* — см. примеч. 22. *Как М.....нова жена.* Кто имеется в виду — не установлено; очевидно, кто-либо из дерптских знакомых Дириных и Языкова. *Дельфический бог* — Аполлон, ему в Древней Греции был посвящен знаменитый храм в Дельфах. *Кипридины дети* — здесь: вероятно, влюбленные, любящие.

106. СЦ-1826, с вар. - - Изд. 1833, дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. Первоначально было набрано в альм. Бестужева и Рылеева «Звездочка», но альм. не вышел (РА. 1883, № 7). Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 16 авг. 1825 г., без загл., с вар. (ЯА). Е. В. Пастухов указывает автограф, с датой «16 августа 1825, Дерпт» в одном из альбомов М. Н. Дириной (ЯА. С. 418), однако 16 авг. можно считать и датой записи в альбом. Языков вернулся в Дерпт из Петербурга в конце июля. 2 авг. он писал А. М. Я.: «Стихов еще никаких писать я не начал». На этом основании датируется периодом между 2 и 16 авг. Языков писал 16 авг. 1825 г. о «Двух картинах» А. М. Я.: «Я посылаю на сей почте Рылееву следующие стихи; они тоже отрывок из повести, которой канва еще недавно существует в голове моей; на ней вышит только сей отрывок. Не знаю, что будет дальше, т. е. кончится повесть или нет, а в ней предполагается описать суеверие эстов, которое мне недавно стало несколько яснее знакомо из Моне» (ЯА).

***107.** МТ. 1826, № 8, под загл. «Прощанье», др. ред. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 8 нояб. 1825 г., др. ред. (ЯА). Датируется на основании писем Языкова. 1 нояб. он писал А. М. Я.: «Вот уже недель осемь, как я не писал ни стиха...», а 8 нояб., посылая «Поэта», «К А. Н. Вульфу» и «Элегию», сообщал, что муза его наконец «проснулась» (ЯА). Обращено к Воейковой (см. примеч. 15).

***108.** МТ. 1823, № 4, под загл. «А. Н. В—у», др. ред. - - Изд. 1833, дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. Правленный автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 8 нояб. 1825 г., под загл. «К В—у» (ЯА). Датируется по письмам Языкова (см. примеч. 107). *Вульф* Алексей Николаевич (1805—1881) — один из наиболее близких товарищей Языкова по Дерптскому университету (изучал военные науки на физико-математическом факультете); приятель Пушкина, сын владелицы Тригорского П. А. Осиповой. Через него Языков познакомился с Пушкиным. Вульф уехал из Дерпта в 1825 г., Языков до конца жизни переписывался с ним.

109. МТ. 1826, № 7, с вар., дата: 4 апреля 1826. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: один — ПД, письмо к А. М. Я. от 28 нояб. 1825 г., с вар. (ЯА), другой — ЦГАЛИ, альбом Дириной, дата: 6 ноября 1825, Дерпт (ЯА. С. 421). Датируется по автографу ЦГАЛИ.

***110.** Б. 1826, № 9, под загл. «К А. А.», др. ред., подпись: Н. Я. - - Сл. 1827, № 21, под загл. «К В ***», с вар., дата: 14 ноября 1825, Дерпт. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 18 нояб. 1825 г., под загл. «К А. А. В—ой» (ЯА). Датируется по Сл. *Воейкова* — см. примеч. 15.

111. Изд. 1833, под загл. «К К. Н. Д.», с ценз. изъятиями и заменами (см. об этом: ЛН. С. 95), дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. - - Печ. по Изд. 1964, где опубл. по автографу БЛ, архив Киселева, дата: 29 Nov⟨ember⟩ 1825. Списки ПД: один — альбом А. М. Я., под загл. «К К. Н. Д.», с поправками, аналогичными Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩ (первоначальная, зачеркнутая дата: 29 марта 1825), другой — тетрадь 1846, под загл. «Н. Д. К—у. Отчет о любви», с заменой точками неудобных в печати слов, дата: 25 декабря 1825. Датируется по автографу БЛ. На обороте автографа БЛ рукой Языкова надписано: «Николаю Дмитриевичу Киселеву (вместо поздравления)». Вероятно, предназначалось в качестве поздравления ко дню именин Киселева (6 декабря). *Киселев* — см. примеч. 26. *Картуш* (1693—1721) — парижский разбойник.

112. Альм. «Календарь муз на 1826 г.» Спб., 1826, с вар. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: один — ГПБ, архив Дириной, вместе с 6-ю другими ст-ниями, под общим загл. «Элегии, 1», с вар., дата (карандашом) неизвестной рукой: 1824; другой — ПД, письмо к брату, П. М. Языкову, от 2 дек. 1825 г., с вар. (ЯА). Написано на заданные слова (см. письмо П. М. Языкову).

113. РА. 1867, № 5/6, где опубл. по альбому Дириной, под загл. «Клятвенное обещание», с вар. и ценз. купюрами, в примеч. отмечено, что в другом рукописном сб., принадлежащем М. И. О⟨сипо⟩вой, дата: 7 августа 1825. - - Печ. по ЯА, где опубл. по автографам ПД, в письмах Языкова к А. М. Я. и к сестре, П. М. Языковой, от 16 дек. 1825 г. Списки ПД: первый, рукой А. М. Я., — с вар., дата: 1824, Д⟨ерпт⟩, на обороте л. рукой А. М. Я. (красным карандашом) написано сверху: «Неудобно»; второй — тетрадь 1846; третий — архив бр. Бестужевых, список К. Е. Шокальской, под загл. «Клятвенное обещание», дата: 7 августа 1825; четвертый — ЦГАЛИ, под загл. «Клятвенное обещание», дата: 10 декабря 1825. Датируется по содержанию и списку ЦГАЛИ. Языков писал сестре: «На прошлой не-

деле мы присягали новому государю ⟨Константину⟩; форма, по которой это делается, дала мне случай написать следующее к одной особе...» (ЯА. С. 230). Ст-ние записано «в два альбома вдруг», по выражению Языкова,— Дириной и Воейковой (ЯА. С. 227).

***114.** Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: один — ПД, письмо к А. М. Я. от 16 дек. 1825 г., без загл., с вар. (ЯА); другой— ГПБ, архив Дириной, вместе с 6-ю другими ст-ниями под общ. загл. «Элегии, 4» (после цифры указано: „напечатано“), с вар.

115. Изд. 1858. Т. 2, под загл. «К ...», с вар. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу ПД, дата: 16 декабря 1825, Дерпт. Списки ПД: один — тетрадь 1846, под загл. «К ...», без ст. 21, другой — как копия письма Языкова к А. Н. Вульфу от 16 дек. 1825 г., хранившегося в ГПБ (в ГПБ автограф письма не обнаружен). *Вульф* — см. примеч. 108. *Дирина* — см. примеч. 28. *Моя красавица* — Воейкова (см. примеч. 15). *Тайный Глинка* — Федор Николаевич Глинка (1786—1880), поэт, деятель раннедекабристского общества «Союз благоденствия». В НА-1825 он опубликовал ст-ние «К Эльмире (Подражание французскому)», обращенное, видимо, к Воейковой, в котором были строки: «Ах, им ли знать огонь сердечный, Которым втайне я горю!» Отсюда, очевидно, эпитет «тайный». *Евгений* — Боратынский (см. примеч. 244).

116. Ст. 1—10 — РА. 1867, № 5/6, где опубл. по альбому Дириной (см. также: ЯА. С. 419), с вар., дата: 20 декабря 1825. - - Печ. по Изд. 1948, где опубл. по списку А. Н. Вульфа, из бумаг Л. Н. Майкова. Написано по поводу вступления на престол Николая I.

117. ЯА, где опубл. по автографу альбома Дириной. Авторизованный список — ГПБ, архив С. П. Шевырева, списки ПД: один — альбом А. М. Я., дата: 1825, другой — рукой А. М. Я., под загл. «К.», дата: 1825, Дерпт. Возможно, обращено к Воейковой (см. примеч. 15).

118. Альм. «Подснежник на 1829 г.». Спб., 1829. В РА. 1867, № 5/6 опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, под загл. «А. А. В.». Автограф — ГПБ, архив Дириной, вместе с шестью другими ст-ниями под общим загл. «Элегии, 2». В альбоме Дириной находится среди ст-ний конца 1825 — начала 1826 г.

119. РА. 1867, № 5/6, где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, без загл., без ст. 8. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, вместе с шестью другими ст-ниями под общим загл. «Элегии, 5». В альбоме Дириной находится среди произведений конца 1825 — начала 1826 г.

120. Спб. вестн. 1831, № 2. В РА. 1867, № 5/6 ст-ние опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, под загл. «П. Н. Шепелеву», с вар., дата: 13 февраля 1826. Автографы: один — ПД, письмо к А. М. Я. от 14 февр. 1826 г., под загл. «К Ш—ву» (ЯА); другой — ГПБ, альбом Дириной, под загл. «К Ш—у», с вар., дата (карандашом): 1826. Список, рукой А. М. Я., — ПД. *Шепелев* Петр Николаевич — товарищ Языкова по университету; как и А. Н. Вульф, изучал в Дерпте военные науки (в 1824—1827 гг.).

121. ИОРЯС. 1911, № 2, где опубл. по автографу ГПБ, архив Дириной, дата: 14 февраля 1826, Дерпт. Правленный автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 14 февр. 1826 г. (ЯА). Список, рукой А. М. Я.,— ПД. *Вторая присяга.* После смерти Александра I присягали дважды: сначала Константину, а когда он отказался от престола,— Николаю I. *Шапка Мономаха* — символ царской власти. *Князь-удалец* — великий князь Константин Павлович (1779—1831). *С седла на царство пересесть.* Константин был генерал-инспектором кавалерии.

*122. Б. 1826, № 10, под загл. «К В—у», др. ред. - - МВ. 1827, № 17, под загл. «К В—у» (в оглавлении «Послание к В.»), та же ред. - - Печ. по Изд. 1833, с испр. опечатки в загл. («К А. Н. В—у» вм. «К Н. Н. В—у»), дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. Автографы, с несовпадающими вар.: первый — ПД, письмо к А. М. Я. от 28 февр. 1826 г., под загл. «К В—у» (ЯА); второй — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 27 февр. 1826 г., под загл. «А. Н. Вульфу», помета: Дерпт; третий — альбом Дириной, под загл. «К В—у», дата: 28 февраля 1826. *Вульф* — см. примеч. 108.

*123. НА-1828, под загл. «К М. Н. Д.», др. ред. - - Изд. 1833, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, в письме к родным от 4 апр. 1826 г., без загл., с вар. (ЯА). Посылая ст-ние, Языков писал: «1 апреля именинница тебе известная Мария, мне, яко давнишнему ее воспевателю, нельзя было поздравить бесстиховно, и вот что вышло» (ЯА).

*124. АСМ-1828, с вар. - - Печ. по Изд. 1833, с восстановлением ст. 16 (измененного по ценз. соображениям) по авторизованному списку альбома А. М. Я. (см.: ЛН. С. 94), дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ЦГАЛИ, альбом Дириной, под загл. «Pot-pourri», с вар., дата: 24 апреля 1826, Дерпт. Авторизованный список — ПД, альбом А. М. Я. (ст. 16 и 61 написаны рукой Языкова). *Красота* — Воейкова (см. примеч. 15).

125. Б. 1826, № 9. - - Сл. 1827, № 30, дата: 1826. - - Печ. по Изд. 1833, где Языков повторил вар. Б, дата: 1824, Д⟨ерпт⟩. Автографы: один — ГПБ, собр. В. И. Яковлева, дата: 2 мая 1826, Дерпт; другой — ЦГАЛИ, с той же датой.

*126. НА-1827, под загл. «К Ш....ву», др. ред., вм. подписи: ***. - - Изд. 1833, дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. Автографы, с разными вар., кроме последних четырех ст.: один — ПД, в письме к А. М. Я. от 21 мая 1826 г., без загл. (ЯА); другой — ГПБ, архив Дириной, под загл. «К Ш—у», дата: 15 мая 1826, Дерпт. *Шепелев* — см. примеч. 120. *Кому работала полгода* и т. д. Речь идет о Воейковой (см. примеч. 15).

127. РА. 1867, № 5/6, где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, дата: 29 мая 1826. Автограф — ЦГАЛИ, альбом Дириной. Список, рукой А. М. Я. — ПД, с вар. По указанию Вульфа, относится к Дириной (см. примеч. 28).

128. НА-1832, дата: 1826, подпись: Н. Я. Автограф — ПД, альбом А. М. Я., под загл. «А. Н. Татаринову», дата: 4 августа 1826. Список, рукой А. М. Я., — ПД, под загл. «К А. Н. Татаринову», дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. *Татаринов* Александр Николаевич (1810—1862) — земляк

Языкова и его дерптский приятель, приехал в Дерпт в 1825 г., поступил в университет в 1826 г.; автор воспоминаний о Языкове (ЯА. С. 393—400).

129. РА. 1867, № 5/6, где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, с вар., дата: 6 августа 1826. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу ПД, альбом А. М. Я., дата: 7 августа 1826. Список — ПД, с вар., с той же датой. *Шепелев* — см. примеч. 120. *Моей Елены.* Речь идет о Воейковой (см. примеч. 15), которую Языков сравнивает с Еленой Прекрасной, героиней «Илиады» Гомера.

130. «Атеней». Л., 1926. Кн. 3, под ред. загл. «[Стихотворение памяти К. Ф. Рылеева]», дата: 7 августа 1826. Список Е. К. Шокальской с альбома М. И. Осиповой — ПД, архив бр. Бестужевых, дата: 7 августа 1825 (явная ошибка в годе). Написано после казни Рылеева (13 июля 1826). По всей вероятности, Языков был лично знаком с Рылеевым. Он печатался в альм. Рылеева и Бестужева и мог познакомиться с ними в Петербурге в один из своих приездов к брату. Известно также, что Рылеев рекомендовал Языкова в члены Вольного общества любителей российской словесности.

131. Спб. вед. 1866, 17(29) июня, где опубл. с копии, хранящейся у А. Н. Вульфа, с ценз. исключениями и поправками, без ст. 10, 32, 35, с вар. в ст. 4, 37, 38, дата: 19 августа 1826. - - РА. 1867, № 5/6, под загл. «К Пушкину», без ст. 10, с ценз. смягчением в ст. 4, с вар., дата та же. - - Печ. по сб. Переписка Пушкина. Спб., 1906. Т. 1., где дано подробное описание автографа в письме Языкова к Пушкину от 19 авг. 1826 г. (ПД), прочитаны зачеркнутые слова, отмечены все авторские пометы. К ряду ст. Языковым предложены вар.: ст. 4: «Святее папской головы», «Святее всякой головы»; ст. 13: «Певец изящного, забуду ль»; ст. 24: «Зовем искусства в нашу Русь»; ст. 25: «И я на тридевятом небе»; ст. 33: «И наша древняя Москва», «И наша добрая Москва». Другой автограф — альбом А. М. Я., под загл. «Пушкину», в ст. 4 дан вар. «Милее всякой головы», дата: 16 августа 1826. Списки: один — БЛ, архив Киселева, с вар. в ст. 4: «Святее барской головы», дата: 16 августа 1826; второй — ПД, рукой А. М. Я., с той же датой, Д⟨ерпт⟩, в конце ст-ния помета (красным карандашом): Неудобо (?); третий — ГПБ, архив А. А. Краевского, с той же датой, к ст. 4, замененному точками, рукой Краевского карандашом приписано: «Святее царской головы», ст. 13: «Певец изящного! забуду ль», ст. 24—25: «Зовем искусство в нашу Русь, И я на тридесятом небе», ст. 33: «И наша добрая Москва». Ст. 30—40 зачеркнуты и на полях помета карандашом: NB. После ст-ния заключение цензора: «Окончание допустить нельзя, а без него пьеса, кажется, не будет удобна для напечатания. А. Крылов». *Где и когда мы — ты да я* и т. д. Лето 1826 г. Языков провел в Тригорском, имении матери своего товарища А. Н. Вульфа. Здесь состоялось его знакомство с Пушкиным. *Плоды сладостной Мессины* — лимоны или апельсины. *Творим обеты нашей Гебе.* Речь идет о Е. Н. Вульф (в замужестве Вревской), заваривавшей обычно жженку (см. о ней примеч. 311); богиня Геба (греч. миф.) разливала на Олимпе нектар. *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — стихотворец-графоман, писавший напыщенным, «надутым» слогом; излюбленным жанром его были торжественные оды. *День царевенчанья* — коронация Николая I, которая состоялась в Москве 26 авг. 1826 г. *Сороть* — река в Тригорском; над нею, на горе, стоял

господский дом. *Аспидная* (иначе — грифельная) *доска* — пластина глинистого сланца, на которой писали грифелем или мелом.

132. РА. 1867, № 5/6, где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, под загл. «К В—му». - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу ПД, альбом А. М. Я., дата: 16 августа 1826. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под тем же загл., с вар., дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. *Виленский* Николай — один из товарищей Языкова по Дерптскому университету, где в 1826—1830 гг. изучал камеральные науки. В «Рутении», русской студенческой корпорации, основанной Языковым, заведовал хозяйственной и финансовой частью.

133. Альм. «Подснежник на 1830 г.». Спб., 1830, с ценз. изъятиями ст. 1, 61—65, с вар., вместо подписи: ***. - - Изд. 1833, под загл. «К П. А. Ос—й», с ценз. изъятиями ст. 1, 32—33, 61—65, дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. - - Печ. по Изд. 1934, где восстановлены ценз. изъятия Изд. 1833 по автографу ПД, альбом А. М. Я. В этом автографе под загл. «П. А. Осиповой» и вар., дата: 25 августа 1826 г. Другой автограф — ГПБ, среди бумаг А. Н. Вульфа в письме Языкова к П. А. Осиповой от 26 авг. 1826 г., с вар. Авторизованный список, частично автограф,— ГПБ, под загл. «П. А. Осиповой», с вар., дата: 25 августа 1826, в тетради под загл. «Два послания в стихах», вместе со ст-нием 134. На тит. л. тетради: 1826, Дерпт, на обороте тит. л.: «Читать позволяется с тем, чтобы наблюдаема была надлежащая осторожность в распространении такого рода рукописи. Дерпт. 28 дня. Сентябрь, 1826 года». Подпись: Приватцензор (фамилия неразборчиво). *Осипова* Прасковья Александровна (1781—1859) — мать А. Н. Вульфа, владелица Тригорского, соседка Пушкина (по Михайловскому) и его приятельница. *Аминь, аминь! Глаголю вам.* Эту строку Пушкин цитирует в письме П. А. Вяземскому о «Тригорском» (см. примеч. 137). *Река, где Разин воевал* — Волга. *Знаменитая жена* — Воейкова (см. примеч. 15), воспетая Жуковским, Боратынским, Козловым и др. *Вольномыслящий поэт* — Пушкин.

***134.** НА-1827, под загл. «К друзьям», др. ред. - - Изд. 1833, без ст. 18, замененного из ценз. соображений точками (см. об этом: ЛН. С. 91—92), дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. - - Печ. по Изд. 1844, с восстановлением ст. 18 по автографу и НА. Автограф — ПД, альбом А. М. Я., под загл. «Друзьям», ред., близкая к НА, дата: 27 августа 1826. Авторизованный список (загл. и дата — автограф) — ГПБ, архив Дириной, под загл. «Друзьям», ред., близкая к НА и автографу ПД, дата: 27 августа 1826, в тетради под загл. «Два послания в стихах», вместе со ст-нием № 133. *Вульф* — см. примеч. 108. *Тютчев* — см. примеч. 78. *Шепелев* — см. примеч. 120. *Походы воинства Христова* — походы ливонских рыцарей, меченосцев (см. примеч. 20), против Новгорода и Пскова. *Теперь не празднichаем мы.* Языков в 1826 г. начал подготовку к университетскому экзамену, в частности — по истории. *Давно ли наши знамена* и т. д. Речь идет об Отечественной войне 1812—1814 гг.

***135.** НА-1829, под загл. «А—е», др. ред., вместо подписи: ***. - - Изд. 1833, дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. В ранней ред.— РА. 1867, № 5/6, где опубл. по списку А. Н. Вульфа. Автограф — ПД, альбом А. М. Я., др. ред., дата: 12 сентября 1826 (Изд. 1934). Списки: один, рукой А. М. Я., — ПД, др. ред., дата: 1826, Д⟨ерпт⟩; другой, рукой А. А. Елагина,— БЛ, ред., близкая автографу ПД. В воспоминаниях А. Н. Та-

таринова приводятся 10 последних ст. ранней ред. ст-ния, близкой списку БЛ (ЯА. С. 396), однако текст, приводимый по памяти, не внушает доверия. *Аделаида* Турниер — цирковая наездница, выступавшая в Дерпте. См. о ней в воспоминаниях А. Н. Татаринова (ЯА. С. 396). Языков писал впоследствии Вульфу: «Видел ли ты Аделаиду Турниер, известную фиглярку. Она снова наделала здесь много шуму, воспламенила сердца, взъерошила головы молодежи... Я нарочно не смотрел ее представление: es war zu risquant ⟨это было слишком рискованно⟩» (Изд. 1934. С. 773). *Альфа и Омега* — первая и последняя буквы греческого алфавита; здесь: начало и конец.

136. Изд. 1833, под загл. «К В. Ю.», дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 2 марта 1827 г., без загл., с вар., дата: октябрь 1826 (ЯА). Список, рукой А. М. Я., — ПД, с вар., дата: 1825, Д⟨ерпт⟩. Адресовано дерптскому студенту Алекс⟨андру?⟩ де Виньи (изучал экономические науки в 1825—1826 гг.); он был исключен из университета и выслан полицией из Дерпта за то, что во время празднования коронации Николая I (11—13 сент.) оскорбил в пьяном виде какую-то даму. Языков отзывается о нем в письме к А. М. Я. весьма неодобрительно, хотя и просит принять Виньи в Петербурге и обласкать его.

137. МВ. 1827, № 2, с подзаг. «(Послание к А. С. П.)» (т. е. А. С. Пушкину), без ст. 45—52, 63—64, 201—208, 238—248 и с неточностями, принадлежащими (как и подзаг.) редактору журн. М. П. Погодину. - - Печ. по Изд. 1833, с восстановлением по автографам ст. 3, в которой была сделана ценз. замена («Где гордо именем граждан» вм. «Где сладким именем граждан») (см.: ЛН. С. 93). Автографы: один — в письме к А. М. Я. от авг.-нояб. 1826, с подзаг. «(Посвящ. П. А. О—ой)» (ЯА, в ПД отсутствует), с вар.; второй — ГПБ, архив Дириной, без посвящ., с теми же вар. Датируется по письмам Языкова к А. М. Я. (ЯА). 11 авг. 1826 г. поэт пишет П. Языкову: «Об знакомстве моем с Пушкиным и о пребывании в Тригорском я уже писал вам довольно подробно; могу прибавить только то, что последнее было мне так приятно и сладостно, что моя муза начала уже воспевать оное в образе небольшой поэмы, пламенно и торжественно!» (ЯА). В письме от 17 окт. 1826 г. Языков сообщает брату о де Виньи, который едет в Петербург и, как пишет Языков, «доставит тебе всю мою литературу текущего полугодия». В письме от 29 окт. Языков вновь упоминает об «обещанной тетради» своих произведений. Поскольку ст-ние «Тригорское» Языков посылает отдельно, в письме, датируемом Е. В. Петуховым авг.— нояб. 1826 г., это дает основание предположить, что ст-ние не было включено в тетрадь, а, следовательно, было закончено позднее (т. е. после 29 окт.) и поводом к завершению, очевидно, послужил слух о возможном приезде Пушкина в Петербург (см. письмо к А. М. Я. от 3 нояб.) Из письма Языкова от 10 нояб. явствует, что он уже получил ответ от А. М. Я. на письмо, в котором он посылал «Тригорское». Кроме того, 9 нояб. 1826 г. Пушкин, вернувшись из Москвы в деревню, писал П. А. Вяземскому: «Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь, глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет» (ПСС. М.; Л. 1937. Т. 13. С. 305). Вероятно, ст-ние было завершено в самом конце окт. или начале нояб. 1826 г. *Тригорское, Осипова* — см. примеч. 133. *В стране, где вольные живали.* Имеются в виду феодальные республики, древ-

ние Новгород и Псков, воспевавшиеся поэтами-декабристами. *Великая Ганза* — торговый и политический союз северонемецких городов (XIV—XVII вв.). *Пока московская гроза Не пересиливала веча.* В конце XV — начале XVI в., при московских князьях Иване III и Василии III, вече в Новгороде и Пскове было упразднено, а вечевой колокол снят. *Душа геройская водила.* По предположению А. А. Карпова, имеется в виду последний магистр ливонского ордена Кетлер, сражавшийся против России в Ливонской войне (Изд. 1982. С. 398). *Стефан* — Стефан Баторий (1533—1586), польский король, воевавший с Иваном Грозным из-за Ливонии (см. примеч. 51). Одним из значительных эпизодов этой войны была осада Пскова, который долго сопротивлялся Баторию. Ставка Батория при осаде Пскова была в городище Ворониче, на месте которого расположено Тригорское. *Сороть* — см. примеч. 131. *Свободный поэт* — Пушкин. *Богини кастальских берегов* — музы. *Наяда* — здесь: вода, волна. *Там на горе* — в тригорском парке. *Жилище граций* — дом в Тригорском, где жили сестры Вульфа (Александра, Анна, Евпраксия). *Дары Эвтерпы* — музыка.

138. НА-1828, с вар., вместо подписи: ***. - - Изд. 1833, загл. в оглавлении «К П—у», дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, в письме к А. М. Я. от 26 дек. 1826 г., с вар. (текст НА), дата: 23 декабря 1826. *Пельцер* (Пельтцер) Карл (1801—1863) — университетский товарищ Языкова (в университете числился с 1821 по 1824 г.; оставался в Дерпте, готовясь к экзаменам, до 1828 г.). Весной 1828 г. отправился в действующую армию, в Молдавию (см.: ЯА. С. 355).

***139.** «Сев. пчела». 1827, 12 февр., с вар. - - Изд. 1833, дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. - - Изд. 1844. Авторизованный список ст. 96—111 — ПД, письмо к А. М. Я. от янв. 1827 г., с вар. (ЯА). Список — ПД, альбом А. М. Я. (текст, близкий к «Сев. пчеле»). *Олег* (ум. 912 или 922) — великий князь Киевский, прозванный *Вещим.* Совершил удачный поход на Византию и, по летописному преданию, прибил свой щит на воротах Царьграда (*град Константина*, т. е. Константинополь). *Игорь* (ум. 945) — великий князь Киевский, преемник Олега. *Как первый он громом войны огласил Древлян вековые дубравы.* Племя древлян, жившее по правую сторону Днепра, до Олега не знало власти киевских князей. Олег, укрепляя Киевское государство, «примучил» древлян и заставил их платить себе дань.

140. Сл. 1827, № 26. В Изд. 1833 дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. Список — ПД, альбом А. М. Я.

141. АСМ-1828. В Изд. 1833, дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ГПБ, архив Дириной, под общим загл. «Элегии, 6». Список — ПД, альбом А. М. Я.

142. ИОРЯС. 1911, № 2, где опубл. по автографу ГПБ, альбом Дириной, вместе с 6-ю другими ст-ниями под общим загл. «Элегии, 3». Датируется предположительно 1826 г. *Одно, и жгучее, желанье* и т. д. Вероятно, подсказано пушкинскими ст. «Всегда, везде одно мечтанье, Одно привычное желанье» из «Евгения Онегина» (гл. 2-я, строфа XX). Гл. 2-я поэмы была написана Пушкиным в 1823 г. и опубл. в окт. 1826 г. Она могла быть известна Языкову в списке (через А. Н. Вуль-

фа), т. е. ранее 1826 г., в чтении Пушкина летом этого года, или же, что мало вероятно, только после опубликования.

143. Сл. 1827, № 5, с вар. - - Изд. 1833, дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 21 янв. 1827 г., с вар. Датируется на основании этого письма, где Языков писал: «Вот тебе несколько стихов моей работы: самые свежие».

144. Изд. 1898. Т. 1, неисправно (в ст. 28). - - Печ. по ЯА, где опубл. по автографу ПД, в письме к А. М. Я. от 20 февр. 1827 г., без загл. Список, рукой А. М. Я., — ПД.

145. Изд. 1858. Т. 1. Автограф — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 19 апр. 1827 г., без загл., как 1-я часть большого послания, 2-я часть которого была напечатана как самостоятельное ст-ние (см. № 146). Список, рукой А. М. Я., — ПД, под загл. «К...», дата: 1827, Камби. Языков писал Вульфу в ответ на приглашение приехать снова в Тригорское: «Третьего дня получил я письмо твое, мой почтеннейший и любезнейший Аякс, и отвечаю на него вот так» (РА. 1867, № 5/6. Стб. 728). Датируется, как и ст-ние № 146, периодом между 17 и 19 апр. 1827 г. *Вульф* — см. примеч. 108. *Камби* (Камбья) — деревня генерала Кноринга под Дерптом; здесь проводила лето 1823 г. А. А. Воейкова, а в 1827 г., по приглашению хозяина, поселился на лето и Языков. *Взгляни, как Федоров Борис Срамит Бориса Годунова!* Борис Михайлович Федоров (1794—1875) — третьестепенный поэт и журналист, опубликовавший в издаваемом им альм. «Памятник отечественных муз на 1827 год» (Спб., 1827) свою очень слабую «Сцену из трагедии „Годунов“». *Рубикон* — река в Италии, которую Юлий Цезарь перешел, вопреки приказу сената, решившись на захват власти; выражение «перейти Рубикон» стало нарицательным, обозначая принятие бесповоротного решения.

146. Изд. 1833, дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 19 апр. 1827 г., без загл., как 2-я часть большого послания. О датировке см. примеч. 145. *Вульф* — см. примеч. 108. *Возвеселюся, как Сион* — т. е. как иудейский народ после освобождения из вавилонского плена.

147. Спб. вед. 1866, 17 (29) июня, ст. 1—38; Там же, 22 июня (4 июля) ст. 45—54. - - РА. 1867, № 5/6, где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа, дата: 1 мая 1827. Автограф — ГПБ, письмо к П. А. Осиповой от 1 мая 1827 г., без загл., с вар. Список, рукой А. М. Я., — ПД, с вар., дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. *Осипова, Тригорское* — см. примеч. 133. *Вдохновенный поэт* — Пушкин. *Сороть* — см. примеч. 131. *Вольтер, и Гете, и Расин.* А. А. Карпов справедливо предполагает, что здесь имеется в виду род поэтических занятий Пушкина в Михайловском: переводы Вольтера, «Сцена из Фауста», «Борис Годунов». По мнению С. А. Фомичева, которое приводит А. А. Карпов, тут возможна также перекличка с запиской Пушкина Жуковскому: «Штабс-капитану, Гёте, Грею» (Изд. 1982. С. 398).

148. Сл. 1827, № 27, под загл. «В альбом Катеньке Мойер», дата: 15 мая 1827, Дерпт. - - Изд. 1833, дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. Список — ПД, альбом А. М. Я., под загл. «В альбом Катеньке Мойер», «в альбом»

зачеркнуто (карандашом), дата: 15 мая 1827, карандашом: Д⟨ерпт⟩. *Катенька Мойер* — см. примеч. 63.

149. СЦ-1828, под загл. «К няне», с вар. - - Печ. по Изд. 1833 с испр. ст. 1 по СЦ, где дата: 1826, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 18 мая 1827 г., без загл., с вар., дата: 17 мая 1827. Посылая ст-ние, Языков писал: «Это обещанное послание к няне (сколько помню, ее зовут Васильевна), это шутка стихотворная, плод раздумья сердечного и умственного,— прими с улыбкой, мой друг!» (Спб. вед., 1866, 17 июня). И, узнав о своей ошибке, 6 июня 1827 г.: «Мне очень жаль, что няня не Васильевна! Вот новое доказательство той великой истины, что поэту необходимо знать совершенно предмет своего славословия, прежде нежели примется за перо стихотворно» (Там же). *Родионовна* — Арина Родионовна Матвеева (урожд. Яковлева, 1758—1828). См.: Ульянский А. И. Няня Пушкина. М., Л., 1940. С. 12. *Град профессоров и скуки* — Дерпт. *Ареевых наук питомец* — Вульф (см. примеч. 108), изучавший в Дерпте военные науки.

150. РА. 1867, № 5/6, где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа. Список, рукой А. М. Я., — ПД, загл. «А. М. Языкову» зачеркнуто (карандашом) и сверху (карандашом) написано: «Брату», с вар. В письме от 1 июня 1827 г. Языков писал А. М. Я.: «Для услаждения же твоего ожидания моего приезда написал я к тебе послание, здесь прилагаемое» (ЯА). И в приписке к этому письму: «Покажи оное послание Илличевскому — новизны рифм ради». Датируется на основании этого письма. *К искусствам творческим, высоким и прекрасным* — ст. из «Горя от ума» (д. II, явл. 5). *Не стану я носить ни шляпы трехугольной* — т. е. не стану служить (к мундиру придворному, чиновничьему и ряду военных полагалась треуголка).

151. Изд. 1833, с ценз. заменой в ст. 43 («мишура» вм. «немчура») (см. об этом: ЛН. С. 95), дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 12 июня 1827 г., под загл. «Д. Н. С—у» (ЯА). Обращено к Дмитрию Николаевичу Свербееву (1799—1874) — родственнику и другу Языковых; он был особенно близок с А. М. Я., с которым одно время служил в Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя. В 1820-е гг. в качестве дипломата жил за границей, был в Швейцарии. Впоследствии поселился в Москве, где дом его был одним из центров московской интеллигенции. Написано в связи с его женитьбой на кн. Е. А. Щербатовой. Языков писал брату: «Здесь прилагается послание мое к Свербееву; знаю, что в нем много, очень много недостатков, но главный из них есть, конечно, следствие того, что я не имею чести не только лично, но даже из достоверных преданий знать его почтенную супругу» (ЯА. С. 329—330).

152. МВ. 1827, № 20, с вар., дата: 15 августа 1827; одновременно с теми же вар. и с той же датой: Сл. 1827, № 46. - - Изд. 1833, дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 19 авг. 1827 г., с вар. (текст МВ и Сл) (ЯА).

153. НА-1829, с вар. - - Изд. 1833, дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 1 сент. 1827 (ЯА). Имеется в виду ручей в Камби (см. примеч. 145). В письме к матери от 1 сент. 1827 г. Языков пишет: «Здесь все... благоприятствовало тишине и уединению моего духа: кругом лес, в нем грибы, сои, белки и совы; под горой

ручей холодный, как лед, возле него скамья для спанья после сельского обеда, над нею тени дерев и шорох листьев, так сладко и так упоительно сливающийся с говором воды, что спишь словно в раю!» (ЯА).

154. Изд. 1934, где опубл. по списку рукой А. М. Я. (ПД). Судя по содержанию, написано в Камби и датируется предположительно этим временем. *Тихвинский* Алексей Васильевич был учителем русского языка в Дерптской гимназии, а затем лектором в Дерптском университете (1825—1837). В 1828 г. Языков писал А. М. Я.: «В гимназиях вместо одного теперь будет по два учителя русского языка... Сюда приедет младший учитель, а старшим соделается Тихвинский, который (не тем он будь помянут!) на это дело не годится: слаб характером, туп умом и всегда подвержен насмешкам, шуткам и шалостям своих молодых учеников» (ЯА. С. 359).

155. ЯА, в письме к родным от 14 сент. 1827 г. (ПД). *Камби* — см. примеч. 145 и 153. *Изменница Аглая* — возможно, намек на Воейкову (см. примеч. 15).

156. Спб. вед. 1866, 22 июня, ст. 10—19, где опубл. по рукописному сб. А. Н. Вульфа. - - РА. 1867, № 5/6, дата: 8 дек. 1827. Автограф — ГПБ, письмо к П. А. Осиповой от 8 дек. 1827 г. Список, рукой А. М. Я., — ПД. *Осипова* — см. примеч. 133. *Как Мельпомена Ростовцева иль Княжнина.* Имеются в виду трагедии Я. И. Ростовцева (1803—1860) «Персей» и «Князь Пожарский» и драматические произв. А. Я. Княжнина (1771—1829), сына Я. Б. Княжнина.

157. НА-1828 (ценз. разр. 9 дек. 1827 г.). В Изд. 1833 дата: 1828, Д⟨ерпт⟩. Список — ПД, альбом А. М. Я. Написано, вероятно, после отъезда Воейковой (см. примеч. 15) за границу.

***158.** НА-1828, с вар. и ценз. заменами. - - Печ. по Изд. 1833, с испр. ст. 2 (смягченного по требованию цензуры) по списку альбома А. М. Я. («Счастливый правами свободы» вм. «Счастливый дарами природы») (см. об этом: ЛН. С. 94), дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. В основе ст-ния — летописный рассказ о событии второй половины XI в. Этот же сюжет использовал в ст-нии «Эстонский кудесник» и В. Н. Олин (Сл. 1827, № 21). Ст. Рассадин отмечает непреднамеренную текстуальную связь ст-ния с «Песнью о вещем Олеге» Пушкина (см.: Спутники. М., 1982. С. 90—91).

159. Изд. 1833, дата: 1827, Д⟨ерпт⟩. - - Изд. 1844.

***160.** НА-1829, под загл. «А. Н. В—у», др. ред., вм. подписи: ***. - - Печ. по Изд. 1833, с испр. по автографу ст. 39, искаженного цензурой («Православная игра» вм. «Право, славная игра»), дата: 1828, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 27 апр. 1828 г., без загл., дата: 23 апреля 1828 (ред. НА). *Вульф* — см. примеч. 108. В ст-нии описывается традиционный студенческий праздник 21 апреля, в день основания Дерптского университета (см. ст-ние и примеч. 316). *Воейкова* — см. примеч. 15.

161. ЯА, где опубл. по автогр. ПД, в письме к А. М. Я. от 27 мая 1828 г. Списки, рукой А. М. Я., — ПД, один — в письме к В. Д. Комовскому от 18 июня 1828 г., другой — под загл. «К брату», дата:

1828, Д⟨ерпт⟩. В марте — апр. 1828 г. А. М. Я. посетил Языкова. Вскоре после его отъезда Языков писал: «Польза твоего посещения относительно меня без сомнения очевидна даже и близорукому рассудку... еще сильнее, разительнее представилась вся несообразность, даже, в нравственном смысле, неблагопристойность моего долгопребывания или долготерпения в Дерпте. Пора опомниться!» (ЯА. С. 356). Первое письмо, отправленное к А. М. Я. после его отъезда, датировано 21 апр., на этом основании ст-ние датируется концом апр. или маем 1828 г. *Яко пруги* (церковнослав.) — как саранча. В последние годы жизни в Дерпте постоянное окружение Языкова составляли Пельцер (до отъезда в 1828 г. в действующую армию, см. примеч. 138), Степанов (до отъезда за границу, см. примеч. 163), Наумов (см. примеч. 167), Хрипков (см. примеч. 294), Петерсон (см. примеч. 204). Некоторыми из этих приятелей Языков часто тяготился. Когда, напр., Наумов ехал в Симбирск, Языков предупреждал А. М. Я. (20 нояб. 1828): «Не показывай Наумову стихов „яко пруги" — понимаешь?» (ЯА).

162. Альм. «Эхо на 1830 г.». М., 1830, под загл. «Послание к А. Н. В—у», с вар., без ст. 67—79, без подписи. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу ГПБ, в письме к А. Н. Вульфу от 1 нояб. 1828 г. Другой автограф — ПД, с вар. в ст. 36, 37, 39 (надписаны поверх текста и подчеркнуты), под текстом примеч.: «Или то, что подчеркнуто или неподчеркнутое: verschiedene Zesearten! ⟨различные варианты!⟩». К ст. 36: «Уныло петая Козловым»; к ст. 37: «Пестро ославленная мною»; к ст. 39: «Под небом Франции лиловым». Послание вызвано неодобрительным отзывом Н. А. Полевого о ст-ниях Языкова в рецензии на СЦ на 1828 г. (МТ. 1828, № 1. С. 127), где Языкову, наряду с третьестепенными поэтами — П. А. Плетневым, П. Г. Ободовским, В. И. Туманским, посвящено несколько строк (см. вступ. статью, с. 27). Языков писал 7 июня А. Н. Вульфу: «На сих днях привел меня бог увидеть, как ничтожил издатель «Телеграфа» еще в начале текущего года мою музочку. Поэты раздражительны вообще, а мне надобно же хоть чем-нибудь ознаменовать первую грозную выходку на мои стихи студентские» (РА. 1867, № 5/6. Стб. 741). Датируется по этому письму, а также по письму к А. М. Я. от 6 июня 1828 г., где Языков писал: «Выходка Полевого произвела на меня свое действие: надобно же ознаменовать ее, первую против моей музы, чем-нибудь стиховным — и вот послание к В⟨ульфу⟩» (ЯА). *Вульф* — см. примеч. 108. Эпиграф — из оды «К счастию» французского поэта Жана Батиста Руссо (1671—1741). *«Телеграф»* — «Московский телеграф» (1825—1834), журн., изд. Н. А. Полевым. *Р. А., канастер, вакштаф* — названия сортов табака. *Киммерион* — у Гомера в «Одиссее» северный город, покрытый облаками и туманом; солнце не озаряет печальной страны киммерийцев, где беспрестанно царствует ночь. *Одна в пределах дальных.* Больная Воейкова была в это время за границей. *Прежний доброхот* — Н. А. Полевой, хваливший ранее ст-ния Языкова. *«Славянин»* — военно-литературный журн. (1827—1830), изд. в Петербурге А. Ф. Воейковым. *«Северная пчела»* — политическая и литературная газ. (1825—1859), изд. Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем. В ней, как и в «Славянине», неоднократно помещались ст-ния Языкова. *«Московский вестник»* — историко-философский и литературный журн. (1827—1830), изд. М. П. Погодиным. Вначале журн. поддерживал Пушкин, который усиленно приглашал Языкова сотрудничать в нем. Однако Языков

сблизился с Погодиным только в 1829 г., когда вошел в кружок Киреевских — Елагиных. *Со мной, парнасским демагогом.* Здесь «демагог» употребляется в первоначальном значении: предводитель народа, демократ. *«Афеней»* — «Атеней, журнал наук, искусства и изящной словесности...» (1828—1830), изд. М. Г. Павловым. *Отступник Пушкина.* В 1828 г. в № 4 «Атенея» была помещена статья, посвященная 4-й и 5-й главам «Евгения Онегина». Мелочные придирки этой статьи вызвали почти общее негодование и возбудили оживленную полемику в печати. *«Благонамеренный»* — литературный журн. (1818—1826), изд. в Петербурге А. Е. Измайловым. Языков хотя и печатался в нем, но считал его малосодержательным. «Славянин», «Сев. пчела», «Атеней» и «Благонамеренный» стояли на правом фланге журналистики.

163. НА-1829, под загл. «А. Н. С—у», с вар. вм. подписи: ***. - - Изд. 1833, загл. в оглавлении «А. Н. С-у», дата: 1828, Д⟨ерпт⟩. *Степанов* Александр Николаевич (1807—1848) — студент-филолог, товарищ Языкова по университету, в 1828 г. был отправлен университетом в заграничную командировку. Первое упоминание в письмах Языкова об отъезде Степанова относится к 28 мая, значит, ст-ние можно датировать летом 1828 г.

164. СЦ-1829, под загл. «А. Н. Вульфу», с вар. - - Изд. 1833, дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 25 сент. 1828 г., авторизованный список — ПД, письмо к П. М. Языкову от 26 сент. 1828 г., под загл. «А. Н. В—у» (загл. рукой Языкова), с вар. *Вульф* — см. примеч. 108. «Здесь снова ходит слух,— писал Языков Вульфу,— что ты отправляешься под знамена войны и славы... у меня есть твое собственное уверение в противоположном, но, может быть, ты снова передумал передуманное, снова воспылал жаждой чести воинской, снова летишь за Дунай? Так вот тебе на всякий случай послание...» (ПД). Вульф, поступивший в январе 1829 г. в гусарский полк, отправился в действующую армию только в марте. *За свободу Геллады пламенных сынов* — т. е. за освобождение Греции (Геллада — Эллада) от турецкого ига; в 1829 г. по Адрианопольскому договору Греция получила независимость. *Пожар Чесмы.* Чесма — бухта в Эгейском море, где русская эскадра в 1770 г. уничтожила турецкий флот: он был сожжен артиллерией и специальными зажигательными судами — брандерами. *Чугун Кагула.* Кагул — приток Дуная; в 1770 г. русские войска одержали здесь победу над превосходящими силами турок, захватив при этом около 130 орудий.

165. НА-1828, вм. подписи: ***. В Изд. 1833 дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Время написания уточняется по письму Е. В. Аладьина (издателя НА) от 11 окт. 1828 г., в котором он сообщает о получении данного ст-ния, приложенного к письму Языкова от 29 сент. 1828 г. (ПД). В строфе 3 речь идет об А. А. Воейковой (см. примеч. 15), которая жила в ту пору за границей (в Швейцарии, потом Италии). *Родан* — древнее название р. Роны, протекающей через Женевское озеро (древнее название *Леман*).

166. СЦ-1829. В Изд. 1833 дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Датируется по записи в дневнике Вульфа от 3 нояб. 1828 г., где он отмечает получение письма Языкова с текстом этого ст-ния (Вульф А. Н. Дневники. М., 1929. С. 163). Языков познакомился с Антоном Антоновичем *Дель-*

вигом (1798—1831) в 1822 г. Дельвиг первый приветствовал его в печати в 1822 г. сонетом «Младой певец, дорогою прекрасной...». Языков постоянно печ. в альманахах Дельвига — СЦ и «Подснежнике». *Непроходимо-беспокойно Служенье Фебу в наши дни* и т. д. Выпад против *буйной толкотни* в литературной жизни продиктован, вероятно, отрицательным отзывом Н. А. Полевого о ст-ниях Языкова, резкими нападками в журналах на Дельвига и Пушкина (см. примеч. 162).

167. ЯА, где опубл. по автографу ПД, в письме к А. М. Я. от 20 нояб. 1828 г. Ст-ние, по-видимому, не закончено: «и проч.», которым кончается ст-ние в ЯА, относится к тщетным «надеждам» Языкова на близкое возвращение домой. *Наумов* Владимир М. (род. 1810) — земляк Языкова, дерптский студент в 1826—1830 гг. Языков относился к Наумову более чем сдержанно: в письме от 26 июня 1828 г. он называет его, цитируя В. К. Тредиаковского, «юноша пыщ, или дутик ⟨т. е. надутый, напыщенный⟩» (ЯА) и относит его к числу надоедающей ему студенческой саранчи (см. примеч. 161). В конце нояб. 1828 г. Наумов поехал на свадьбу своей сестры в Симбирск. *Мой предтеча* и т. д. Языков принял решение уехать из Дерпта и готовился к отъезду; в городе его удерживали только многочисленные долги.

168. НА-1829 (ценз. разр. 27 дек. 1828). - - Изд. 1833, дата: 1828, Д⟨ерпт⟩. - - Изд. 1844. 8 нояб. 1828 г. Языков писал братьям в Симбирск: «Справедливо извещают вас из Петербурга, что в альманахе Аладьина ⟨НА⟩ будут некоторые мои вам еще неизвестные штуки; их можно назвать междуумками, признаком неустойки моей на пути трудов возвышенных, следствием скуки душевной, утомления сил поэтических — и причиною бог знает чего... (впрочем, вам неизвестного там, кажется, только и есть, что мое «Послание к Степанову» и мои «Развалины»)» (ЯА).

169. Альм. «Подснежник на 1829 г.». Спб., 1829, как два отдельных ст-ния на разных страницах: ст. 73—80, под загл. «А. Н. В—фу, на отъезд его в армию», с вар., остальной текст под загл. «Эпилог», с вар., с заменой уже опубликованных ст. 73—80 восемью строками точек, вм. подписи: ***, с примеч. ред.: «Пропущенные здесь восемь стихов доставлены были прежде, отдельно, издателям „Подснежника" и помещены на 160 стран.». - - Изд. 1833, дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Автограф ст. 73—80 — ГПБ, письмо к А. Н. Вульфу от 9 февр. 1829 г., с вар. *День великой* — 21 апр., день основания Дерптского университета (см. примеч. 316). *Когда в порфиру облачилась* и т. д.— т. е. во время коронации Николая I в 1826 г. *Герой Любви, рапиры и бутылки* — П. Н. Шепелев (см. примеч. 120). После окончания университета собирался отправиться с Грибоедовым в Тегеран, но не поехал. В 1828—1829 гг. жил у себя на родине, в Козельске. В письме к Вульфу от 9 февр. 1829 г. Языков писал о Шепелеве: «Неужели вся его судьба — настоящая и грядущая — ограничилась околицей Козельска и непозволительными объятиями красотки, как видно легковерной и ветреной» (ГПБ). *И ты!.. Тебя благословляю* и т. д. Речь идет о самом Вульфе (см. примеч. 164). *Страдалец скуки томной* и т. д.— А. Н. Тютчев (см. примеч. 78). 12 марта 1829 г. Языков писал родным: «Тютчев, мой товарищ по части несовершившегося приготовления к экзамену, он, изленившийся, как я, как я — свободно-бездипломный, уже оставил суеты жития дерптского...» (ЯА). *Ливонские Афины* — Дерпт

с его университетом. *Телом ровня Болеслава.* Польский король Болеслав Храбрый (967—1025) отличался необыкновенной толщиной. *Муж государственных наук* — профессор по камеральным наукам, финансам и торговле Фридрих Эбегард Рамбах (1767—1826), очень любимый Языковым (см.: ЯА. С. 395); умер и похоронен в Ревеле (Таллине).

170. ЯА, где опубл. по автографу альбома Дириной (ЦГАЛИ), без ст. 13—14, дата: 2 марта 1829, Дерпт. - - Печ. по Изд. 1934, где ст. 13—14 восстановлены по тексту студенческой песни, приведенной в гл. 8 романа П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу» (Спб., 1864). *Волхов, Тибр и Иппокрена* — здесь: свобода и вдохновение. На Волхове стоит Новгород, на Тибре — Рим, города, с которыми связывалось представление о свободе и народовластии. *София* — по-гречески: мудрость; св. София считалась покровительницей древнего Новгорода, ее именем назван главный храм города.

*** 171.** Д-1830, под загл. «Прощальная песнь», др. ред., вм. подписи: *. - - Изд. 1833, дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ЦГАЛИ, альбом Дириной (ЯА), под загл. «Завещание» (ред. Д-1830), дата: 22 марта 1829 г.; автограф строфы 4 — ГПБ, ф. М. К. Азадовского, из альбома Б. М. Маркевича (в той же ред.), дата: 30 мая 1829, Москва. Списки ПД (этой же ранней ред.): один — рукой А. М. Я., другой — в альбоме из архива графини Н. А. Бреверн-де-ла-Гарди, под загл. «Когда умру», с нотами.

172. ЯА, где опубл. по автографу ЦГАЛИ, альбом Дириной, дата: 23 марта 1829. Строфа 3 — вероятно, отклик на отъезд А. Н. Вульфа в действующую армию 8 марта 1829 г. (см. примеч. 164).

173. Изд. 1833, дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ЦГАЛИ, альбом Дириной, с вар., дата: 23 марта 1829. Список — ПД, альбом А. М. Я., дата: 23 марта. П. Красовский в кн. «Родной край» (Рига, 1902) пишет, что *Марья Петровна*, воспетая Языковым, была невестой дерптского студента Филомафитского (впоследствии профессора Московского университета). См. об этом подробнее: Изд. 1934. С. 790. В воспоминаниях А. Н. Татаринова также есть упоминание о ней: «Воспетая в нескольких стихотворениях Марья Петровна была очень хорошенькая, молоденькая дочь русского купца, с которой Языков едва ли когда-либо говорил. Товарищи, и в особенности неразлучный с ним Петерсен, старались уверить его, что он влюблен в эту красавицу, беспрестанно превозносили ее прелести, водили его мимо ее окошек, и мы все в вакхическом восторге повторяли хором довольно плохую песню: „Да здравствует Марья Петровна, И ручка и ножка ея“ и пр. Страсть Языкова ничем не выказывалась, кроме как пустой и притом чужой болтовней, хотя в прекрасном своем стихотворении „Пожар“, описав, как мы отстаивали дом М. П-ны, он говорит: „...в тот час Могущество любви познал я в первый раз“» (ЯА. С. 396).

174. ЯА, где опубл. по автографу ЦГАЛИ, альбом Дириной, дата: 9 мая 1829. Список — ЦГАОР, коллекция С. П. Мельгунова, в письме от 18 мая 1829 г., с вар. О поводе к написанию рассказывает А. Н. Татаринов: «Однажды Н—в ⟨Наумов?⟩, всегда коверкавший стихи, запел вместо: „Я жду тебя, когда зефир игривый...“ — „Я жду тебя, зефир игривый...“. Языков хохотал почти до истерики и на другой день напи-

сал Н—ву миленькое стихотворение, начинавшееся стихом „Я жду тебя, зефир игривый!..“» (ЯА. С. 395).

***175.** НА-1830, с вар., вм. подписи: ***. - - Изд. 1833, дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Автограф — ЦГАЛИ, альбом Дириной, с вар., дата: 10 мая 1829. Списки: первый — ПД, альбом из архива графини Н. А. Бреверн-де-ла-Гарди, без загл., с вар. (текст НА), с нотами; второй, рукой А. М. Я.,— ПД, с вар.; третий — ЦГАОР, коллекция С. П. Мельгунова, в письме А. Н. Татаринова к родителям от 31 июля 1829 г.; четвертый — БЛ, с вар.

176. Изд. 1833, с восстановлением ст. 21 и 40, искаженных цензурой, по письму В. Д. Комовского Языкову от 26 янв. 1833 г. (ЛН. С. 93), дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Ст. 21: «И процветает немчура» вм. «И процветает мишура». Ст. 40: «Науки, вольность, ум и Русь» вм. «Науки, слава, ум и Русь». Ст-ние написано не позднее 11 мая (дня отъезда Языкова из Дерпта). *Тихвинский* — см. примеч. 154. *Дельфический бог* — Аполлон. *Жены хромого кузнеца* — т. е. Афродиты, считавшейся женой хромоногого бога-кузнеца Гефеста. *Клянусь Тем вечным промыслом, тем богом, Который правит нашу Русь И помогает ей во многом* — автоцитата из ст-ния «Присяга» (см. № 113). *В стране, где богу просвещенья* и т. д. Имеется в виду основание Дерптского университета (1802) Александром I.

177. ЛГ. 1830, 30 июня, под загл. «Кар. Кар. Ян... (В альбом)». - - Изд. 1833, загл. в оглавлении «К. К. Я — ъ», дата: 1829, М⟨осква⟩. Датируется временем пребывания Языкова в Москве (май—июнь 1829). *Яниш* Каролина Карловна (в замужестве Павлова, 1807—1893) — поэтесса и переводчица, с которой Языков познакомился в 1829 г. в Москве и продолжал поддерживать хорошие отношения почти всю жизнь. В 1832 г. он писал родным о К. К. Яниш: «Вышепоименованная дева есть явление редкое, не только в Москве и России, но и под луною вообще. Она знает чрезвычайно много языков: русский, французский, немецкий, польский, испанский, итальянский, шведский и голландский,— все эти языки она беспрестанно высовывает, хвастаясь ими. Любит громогласить стихи свои, владеть разговором. Довольно недурна лицом: черноокая, пышноволосая, но тоща...» (ПД, письмо от 20 янв.). В 1844 г. добрые отношения К. Павловой с Языковым были нарушены грубыми выпадами поэта по адресу Чаадаева, Герцена, Грановского (см. примеч. 312).

178. Изд. 1934, под загл. «В альбом Маркевичу», с вар. - - Печ. по Изд. 1964, где опубл. по автографу ЦГАЛИ, дата: 1 июня 1829, Москва. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под загл. «В альбом Маркевичу», с вар. (Изд. 1934). Маркевич Николай Андреевич (1804—1860) — украинский поэт и общественный деятель. В 1831 г. выпустил «Украинские мелодии», стихотворное переложение народных украинских преданий и поверий. Судя по ст-нию, Языков был знаком с произвед. Маркевича еще в 1829 г.

179. МВ. 1830, № 1. - - Изд. 1833, дата: 1829, С⟨имбирск⟩. Автограф — БЛ, письмо М. П. Погодину от 3 дек. 1829 г.

180. Д-1830, с вар. - - Изд. 1833, дата: 1829, С⟨имбирск⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, с вар. (текст Д-1830). Стало одной из любимых песен демократической молодежи.

*181. НА-1830, др. ред. - - Изд. 1833, дата: 1829, С⟨имбирск⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под загл. «К...», др. ред. (текст, близкий к НА). *Он манием руки* и т. д. — реминисценция из ст-ния Батюшкова «Песнь Гаральда Смелого» (1816; см.: Изд. 1982. С. 400).

*182. НА-1830, под загл. «А. Д. М—у», др. ред. - - Печ. по Изд. 1833, с испр. опечатки в ст. 37 (ошибочно: «За мною много» вм. «За много много»), дата: 1829, С⟨имбирск⟩. Список, рукой А. М. Я., — ПД, под загл. «Покойному А. Д. М—у», др. ред. (текст, близкий к НА). *Марков* Алексей Дмитриевич — преподаватель русского языка в Горном кадетском корпусе. С Языковым занимался также приватно. Он побудил его «основательно пройти школу русского классицизма» (Изд. 1934. С. 793). По его требованию Языков читал, переписывал, учил наизусть ст-ния Ломоносова и Державина. Воспоминания учеников рисуют Маркова добрым чудаком (см.: Воспоминания бывших питомцев Горного института. Спб., 1873. С. 121).

183. МВ. 1830, № 4. В Изд. 1833 дата: 1829, С⟨имбирск⟩.

184. Д-1831, под загл. «Анне Ивановне». - - Изд. 1833, дата: 1829, С⟨имбирск⟩. *А. И.* — Анна Ивановна Готовцева (в замужестве Корнилова), костромская поэтесса. Кроме Языкова, Готовцевой посвятили ст-ния Вяземский и Пушкин.

185. Изд. 1948, где опубл. по списку Вульфа, находившемуся в ПД, в архиве Л. Н. Майкова. Как предполагает И. Д. Гликман (см.: Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. Л., 1959. С. 476), *В — в* — Александр Дмитриевич Валуев (муж старшей сестры Языкова, Александры). Это и следующее ст-ние (№ 186), очевидно, вручены в качестве рекомендательных писем одному и тому же лицу, едущему в Симбирск. В обоих ст-ниях рекомендуемое лицо имеет сходные черты: это литератор *(писатель-поэт)*, друг Языкова и прекрасный танцор. Из ст-ния «К А. А. Р—у» (№ 186) известно также, что рекомендуемый учился вместе с Языковым, сотрудничал в *«Благонамеренном»* А. Е. Измайлова и писал не только стихи, но и критику *(служит на Парнасе Судьею русских муз)*. М. К. Азадовский предполагал, что это лицо — А. Н. Очкин (см. примеч. 2), однако тот окончил Горный корпус и поступил на службу в 1806 г., когда Языкову было 3 года и в Б печатал он не стихи, а, главным образом, прозаические переводы с французского. В Горном корпусе с Языковым учились А. И. Кулибин и Ф. И. Бальдауф, писавшие стихи, но критикой они не занимались. Скорее всего, Языков рекомендует В. М. Княжевича (см. примеч. 10), который учился в Дерпте, был другом поэта, печатал в Б под различными псевдонимами свои стихи и критику и помогал Измайлову в собирании материала для журн. (см.: Письмо Языкова братьям от 22 авг. 1823 г. // ЯА. С. 87).

186. Изд. 1948, где опубл. по списку А. Н. Вульфа, находившемуся в ПД, в архиве Л. Н. Майкова. Адресовано, как и предыдущее ст-ние, кому-то из симбирских знакомых или родных Языкова и рекомендует, вероятно, то же лицо. Возможно, что адресатом послания является некий Репьев, о котором, вспоминая Симбирск конца 1810 или начала 1820 г., упоминает Д. Н. Свербеев: «Аржевитинов и Репьев задавали тон губернскому обществу и обращали на себя внимание дам» (Свербеев Д. Н. Записки. М., 1899. Т. 1. С. 197; о Репьеве см. также на

с. 180 «Записок»). Инициалы этого Репьева неизвестны, но в картотеке Б. Л. Модзалевского (ПД) указывается Александр Алексеевич Репьев, в 1844 г. асессор в Костромской межевой канцелярии, и некий Алексей Репьев (возможно, сын предыдущего), старший современник поэта (дочери Алексея Репьева родились в 1809—1811 гг.). Можно предположить, что Репьевы были свойственниками Языковых, так как имение сестры Языкова, П. М. Бестужевой, называлось Репьевка. Однако не исключена возможность, что адресатом мог быть кто-нибудь из Родионовых или Рудневых — обе эти фамилии принадлежат уроженцам Симбирской губ. и упоминаются в бумагах архива Языковых (ПД). В частности, в «Дневнике» П. М. Языкова (запись от 20/8 марта 1840 г.) упоминается А. А. Руднев. Картотека Б. Л. Модзалевского дает такие сведения: Руднев Алексей Александрович, губернский секретарь и масон, а картотека В. И. Саитова (ПД): А. Руднев, сотрудник журнала «Библиотека для чтения» в 1855 г. Вопрос об адресате ст-ния не может считаться решенным. *Ввязал листок дубовый.* Дубовым венком награждались в Древней Греции борцы (здесь имеется в виду борьба литературная); возможно, тут обыгрывается также то обстоятельство, что шапочка дерптских студентов была украшена дубовой веткой. *Он в пафосе монах.* Если рекомендуемый — В. М. Княжевич, то ст-ние написано до 25 апр. 1826 г., когда он женился.

187. МВ. 1830, № 13, подпись: «J» (латинская прописная буква «йот», по справедливому предположению Е. В. Языковой, начальная буква фамилии поэта, написанной латинским шрифтом). Автограф, по указанию Б. Л. Модзалевского,— в альбоме А. Е. Шиповой (урожд. Комаровской) (Пушкин и его современники. Спб., 1909. Вып. 11. С. 83).

***188.** МВ. 1830, № 5, под загл. «К Ал. Ник. Тат—ву», др. ред., дата: 30 января 1830. - - Изд. 1833, под загл. «А. Н. Т—у», дата: 1829, С⟨имбирск⟩. *Татаринов* — см. примеч. 128. *Наш лучший друг* — Федоров Василий Федорович (1802—1855), товарищ Языкова по университету; в 1829 г. принимал участие в астрономической экспедиции на Арарат *(патриарх гор).*

189. Объявление о благотворительном концерте в пользу сирот: Прил. к «Моск. ведомостям», 1831, 28 февр. В Изд. 1833 дата: 1830, М⟨осква⟩. Автограф — БЛ, письмо к М. П. Погодину от 1830 г., без загл. «Ты, верно, видел в „Моск. вед.“ стихи мои,— писал Языков А. М. Я. 11 марта 1831 г.,— 8 марта их пели в зале Благородного собрания: вся Москва съезжалась» (Изд. 1982. С. 341).

190. М. 1830, 12 марта, под загл. «К Ал. Ник. Тат—ву». - - Изд. 1833, дата: 1829, Д⟨ерпт⟩. Датируется на основании воспоминаний А. Н. Татаринова: «Было время, что он ⟨Языков⟩ ничего не мог написать, не коснувшись Воейковой. Так, по возвращении моем из Дерпта в Симбирск, он написал мне послание, напечатанное на стр. 214 в 1-й части его стихотворений ⟨«Здорово, брат! Поставь сюда две чаши...»⟩, но вскоре принес мне другое, говоря, что первое не полно, потому что забыл упомянуть о В⟨оейков⟩ой. Под обоими этими посланиями ошибкой напечатано: 1829, Д⟨ерпт⟩, вместо 1830, С⟨имбирск⟩» (ЯА. С. 397). *Татаринов* — см. примеч. 128. *Душа, одетая в черты* — А. А. Воейкова (см. примеч. 15).

***191.** ЛГ. 1830, 10 июня, под загл. «Пловец», др. ред. - - Изд. 1833, дата: 1830, М⟨осква⟩.

192. Изд. 1934, где опубл. по списку ПД, альбом А. М. Я. Авторизованный список — ПД, дата: 8 августа 1839, сверху надпись (карандашом): «Неизвестный» зачеркнута и над ней написано: Языков Н. М. Возможно, обращено к К. К. Яниш (см. примеч. 177), которая любила верховую езду.

193. Д-1831. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список — ПД, письмо С. А. Соболевского к С. П. Шевыреву от окт. 1830 г., без загл., с вар. Автограф, по указанию Б. Л. Модзалевского,— в альбоме Ю. Н. Бартенева, с вар., дата: 3 сентября 1830 (ИОРЯС. 1910, № 4. С. 212). Языков писал А. М. Я. 18 марта 1831 г.: «В „Деннице" в мною переложенном псалме (XIV) напечатано вместо „свободы" — „природы", галиматья, родившаяся из глупой трусости Максимовича» (РС. 1903, № 3. С. 529). *Сионски высоты́* — Сион, гора в Иерусалиме; Сионом назывались также крепость и храм, построенные на ней. В Библии Иерусалим и Сион часто означают иудейский народ или даже царство божие. В 588 г. до н. э. Иерусалим, по преданию, был разрушен вавилонским царем Навуходоносором, а жители его были уведены в плен.

***194.** МВ. 1830, № 11, под загл. «Псалом 136-й», др. ред. - - Изд. 1833, помета: М⟨осква⟩. Дата «1830» снята цензурой «в избежание соблазнительных применений» (имеется в виду революция 1830 г. во Франции) (см.: ЛН. С. 94). - - Изд. 1844. *Сион* — см. примеч. 193. *Эдом* — древняя страна, упоминаемая в Библии, враждовала с Израилем (Иудеей). При разрушении Иерусалима жители Эдома ликовали.

195. СЦ-1831, под загл. «Элегия», с вар. - - Изд. 1833, дата: 1830, М⟨осква⟩. Черновой автограф — БЛ, архив Елагиных, под загл. «...Ирине Р⟨одионовне⟩» (первое слово загл. неразборчиво), без последней строфы, с вар. См. ст-ние и примеч. 149. *Я отыщу тот крест смиренный.* Арина Родионовна была похоронена в Петербурге на Смоленском кладбище, могила ее не сохранилась (см.: Ульянский А. И. Няня Пушкина. М.; Л., 1940. С. 65—66). *Там было трое* — Пушкин, Языков, А. Н. Вульф (см. о нем примеч. 108).

196. Д-1831. - - Изд. 1833, дата: 1830, М⟨осква⟩.

197. ОА-1831, с посвящ. «Посвя Т...е Д...е», с вар., дата: 25 марта 1831. - - Изд. 1833, с посвящ. «Т...е Д...е», дата: 1831, М⟨осква⟩. - - Изд. 1844. Автограф — БЛ, архив Елагиных, с вар., дата: 25 марта 1831. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 28 мая 1831 г. Посвящено знаменитой в конце 1820-х — начале 1830-х гг. цыганке Тане (Татьяна Дмитриевна или Демьяновна). В 1832 г., в письме от 30 марта, Языков писал А. Н. Вульфу: «Да! знаешь ли ты мои песни в честь примадонны здешнего цыганского табора? Если нет, то я пришлю их тебе. Да будет тебе известна и новейшая история моего сердца — во всем разнообразии вольной его влюбчивости!» («Литературно-библиологический сборник». Пг., 1918. С. 69). Татьяной Дмитриевной был увлечен и Пушкин. По преданию, она пела ему свадебную песню накануне его венчания. В 1870-х гг. были записаны воспоминания «цыганки Тани» о Пушкине и Языкове, из которых

явствует, что ее отношения с Языковым были очень далекими (Н. П. Цыганка Таня о Пушкине и Языкове // Спб. вед. 1875, 15 мая).

198. ОА-1831, с вар., дата: 26 марта 1831. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 28 мая 1831 г. *Т. Д.* — см. примеч. 197.

199. ОА-1831, с посвящ.: «Т...е Д... .», дата: 26 марта 1831. - - Изд. 1833, с посвящ.: «Т...е Д...», дата: 1831, М⟨осква⟩. Список — ПД, среди писем А. М. Я. к В. Д. Комовскому от 4 июля 1831 г., вместе со ст-нием «Пожар». *Сей перстень, данный мне тобой.* По воспоминаниям Татьяны Дмитриевны (см. примеч. 197), Языков отнял у нее кольцо, которое потом с большим трудом, через общих знакомых, ей удалось получить обратно.

200. Изд. 1934, где опубл. по автографу ПД, в письме к А. М. Я. от 23 сент. 1831 г. *Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856) — критик, публицист, в 1840—1850-х гг. один из крупнейших теоретиков славянофильства. В 1832 г. издавал журнал «Европеец», закрытый после № 3 за либерально-политические тенденции, усмотренные в статьях Киреевского. Начав с либеральных воззрений, Киреевский логикой развития идей о самобытности и особом развитии русского народа был подведен к признанию православия и самодержавия. Языков в Москве жил в доме Киреевских — Елагиных, куда его ввел Петерсон (см. примеч. 204).

201. Е. 1832, № 1, под загл. «Екатерине Александровне Свербеевой» (на обложке загл. «Е.... А.... С....»). - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Автограф — ПД, письмо к П. М. Языкову от 18 нояб. 1831 г., с вар. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 9 дек. 1831 г., с вар. «Вот тебе стихи,— писал Языков,— по которым ты можешь возыметь некоторое понятие о Свербеевой: в них больше и гораздо больше неправды обо мне самом, чем об ней» (Письмо к П. М. Языкову от 18 нояб. 1831 г. // Пушкин: Исслед. и мат-лы. Л., 1983. Т. 11. С. 278). *Свербеева* Екатерина Александровна, (урожд. кнж. Щербатова, ум. 1892) — жена Д. Н. Свербеева (см. примеч. 151).

202. РС. 1886, № 7, где опубл. по автографу альбома И. В. Киреевского — ПД, дата: 21 ноября 1831. Обращено к И. В. Киреевскому (см. примеч. 200). *И пересмотришь их архивы.* Киреевский служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, был одним из «архивных юношей», так называли тогда в Москве талантливую, мыслящую молодежь, собравшуюся в этом архиве; служба в нем была весьма необременительна.

203. «Парус». 1859, 3 янв., дата: 29 ноября 1831. *Максимович* Михаил Александрович (1804—1873) — издатель альм. «Денница», историк, фольклорист-этнограф, филолог, деятель украинского национального движения. Языков познакомился с Максимовичем у Елагиных в 1829 г.

204. «Телескоп». 1831, № 17. - - Изд. 1833, с подзаг. „А. П.“, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, вместе со ст-нием «Перстень», среди писем А. М. Я. к В. Д. Комовскому, с подзаг. «(А. П. П—у)», с вар., дата неизвестной рукой: 4 июля 1831. *Петерсон* Александр Петрович (р. 1800) — товарищ Языкова, изучал в Дерпте военные науки, побочный брат А. П. Елагиной. В последний год своего пребывания в Дерпте Языков жил с Петерсоном и вместе с ним готовился к экзаменам. В ст-нии, по утверждению Татаринова, описывается, «как мы отстаивали дом Марии Петровны» (ЯА. С. 396). О Марии Петровне см. примеч. 173.

205. СЦ-1832. В Изд. 1833 дата: 1831, М⟨осква⟩. Посвящено памяти А. А. Дельвига (см. примеч. 166), который умер 14 янв. 1831 г.

206. СЦ-1832, с вар. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩.

207. СЦ-1832. В Изд. 1833 дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я., — ПД, с вар.

208. СЦ-1832, под загл. «К—е К—е Я—ь». - - Изд. 1833, в оглавлении загл. «К. К. Яниш», дата: 1831, М⟨осква⟩. Списки ПД: один — в архиве А. Ф. Кони, в ст. 6 вставлено (карандашом): «На вашей голове», дата: 1831, другой — в архиве В. А. Маевского, под загл. «Стихи, писанные кн. Лисициной Языковым», без строф 1—2. *Яниш* — см. примеч. 177. *Два венка.* К. Яниш-Павлова была не только интересным, оригинальным поэтом, но и талантливым переводчиком. *Вы на златых струнах переиграли* и т. д. К. Яниш перевела несколько ст-ний Языкова на немецкий язык. Переводы включены в ее сб. «Das Nordlicht», вышедший в 1833 г.

209. СЦ-1832, под загл. «И. В. К. (Об П. В.)», с вар. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под загл. «И. В. К—у», с вар. *Киреевский* — см. примеч. 200.

***210.** СЦ-1832, под загл. «А. А. Дельвигу», одновременно: «Лит. прибавления к „Рус. инвалиду“». 1832, № 3, под загл. «А. А. Дельвигу». - - Печ. по Изд. 1833, с восстановлением ст. 7—11, искаженных цензурой, по письму Языкова В. Д. Комовскому (ЛН. С. 62), где загл. «На смерть бар. А. А. Дельвига», дата: 1831, М⟨осква⟩. *Дельвиг* — см. примеч. 166 и 205. *Олимпа чашница младая* — Геба. *Душой и лирой древний грек.* Дельвиг славился своими идиллиями и стихами в духе античных лириков. *Студент и русский человек* — Языков. *Бог света* — Аполлон.

211. Е. 1832, № 1, с ценз. изъятием ст. 51—54. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. По поводу исключения цензурой ст. 51—54 см. письмо Языкова В. Д. Комовскому от 29 дек. 1831 г. (ЛН. С. 60).

212. Е. 1832, № 2 (в оглавлении загл. «Воспоминание»). В Изд. 1833 дата: 1831, М⟨осква⟩. *Воейкова* — см. примеч. 15.

213—214. Е. 1832, № 2. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список ст-ния № 214, рукой А. М. Я., — ПД, с вар.

215. Е. 1832, № 3. - - «Телескоп». 1832, № 2. - - Печ. по Изд. 1833, где повторен текст Е, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, с вар.

216. Е. 1832, № 3, под загл. «С. С. П—ой», перепеч.: «Телескоп». 1832, № 3, под тем же загл. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 2 апр. 1832 г., под загл. «С. С. П—ой». *Теплова* Серафима Сергеевна (в замужестве Пельская, ум. 1861) — третьестепенная поэтесса 1820-х гг., сестра поэтессы Н. С. Тепловой.

***217.** КБ-1833, под загл. «Деве», с вар. - - Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД (текст альм. КБ).

218. КБ-1833. В Изд. 1833 дата: 1831, М⟨осква⟩. Список, рукой А. М. Я.,— ПД.

219. КБ-1833, с ценз. заменой в ст. 13—14. - - Изд. 1833, с другим вар. ценз. замены этих ст., дата: 1831, М⟨осква⟩. - - Изд. 1844, с новым вар. ценз. замены ст. 14. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу ПД, в письме к В. Д. Комовскому от 16 дек. 1831 г. (см.: ЛН. С. 55—56). Другой автограф, по описанию Б. Л. Модзалевского,— в альбоме Ю. Н. Бартенева, дата: 3 марта 1832, Москва (ИОРЯС. 1910. № 4. С. 215). Ценз. замены ст. 13—14: «Приветно ли взойдет тебе денница, Ужасен ли судьбины произвол» (КБ-1833); «Приветно ли сияние денницы, Ужасен ли судьбины произвол» (Изд. 1833); ст. 14: «Ужасен ли Саулов произвол» (Изд. 1844). Ст-ние в качестве программного открывало Изд. 1833 г. *Саул* — библейский царь, которого мучил злой дух; муки Саула утихали, когда пастух Давид, будущий царь иудейский, играл на гуслях.

220. Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Денис Давыдов (см. примеч. 228) писал Языкову о «Кубке»: «Что мои хмельные стихи против этих? Сивуха перед шампанским» (Письмо от 23 апр. 1833 г. // РС. 1884, № 7. С. 135).

221. Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. - - Печ. по Изд. 1844, с испр. опечатки в ст. 9 («щитом» вм. «шаром»). *Камби* — см. примеч. 145 и 153. *Хранительный мой гений* — Воейкова (см. примеч. 15).

222. Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩.

223—224. Изд. 1833, дата: 1831, М⟨осква⟩. Список ст-ния № 224, рукой А. М. Я.,— ПД.

225. Изд. 1833, загл. в оглавлении «На смерть Т—а», дата: 1831, М⟨осква⟩. *Тютчев* (см. примеч. 78) умер в апр. 1831 г. от скоротечной чахотки.

226. Изд. 1845, дата: 1831, Москва. *Елагин* Василий Алексеевич (1818—1879) — брат И. В. и П. В. Киреевских по матери (старший сын Авдотьи Петровны от брака с А. А. Елагиным). Языков писал о нем впоследствии: «Это одно из тех утешительных явлений, которым может гордиться святая Русь — это благословенный цвет ее

поколения, свежего, бодрого, чистого, надежного и могучего...» (Письмо к Ф. В. Чижову от 7 дек. 1843 г.// ЛН. С. 113).

227. «Парус». 1859, 3 янв. Списки: один — ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, с вар., с пометой Одоевского: «Получил от Авдотьи Петровны Елагиной», дата: 12 сентября 1832, Москва; два других — ПД, альбом А. М. Я., под загл. «При портрете», дата: 1 марта 1832, Москва и список без загл., с той же датой. *Елагина* Авдотья Петровна, по первому браку Киреевская (1789—1877),— мать И. В. и П. В. Киреевских, родственница и друг Жуковского, радушная хозяйка дома, бывшего в 1830-е гг. одним из центров московской интеллигенции. А. П. Елагиной Языков посвятил впоследствии свои «Новые стихотворения» (М., 1845). Ст-ние подарено А. П. Елагиной в день ее именин вместе с портретом Языкова работы А. Д. Хрипкова (1829).

228. Давыдов Д. Соч. М., 1860. Ч. 3, под редакторским загл. «Стихи Языкова, при присылке им стихотворений своих», дата: 17 апреля 1833, с. Языково.- -Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу БЛ, с пометой Д. Давыдова: «Послание ко мне Языкова», дата: 17 апреля 1833. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, с той же датой. *Давыдов* Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, герой войны 1812 г. Языков познакомился с Давыдовым на «мальчишнике» у Пушкина в 1831 г. Дружеские отношения между поэтами окрепли в 1833—1835 гг. В эти годы Языков встречается и активно переписывается с Давыдовым, поселившимся после отставки в своем симбирском имении Маза, расположенном по соседству с Репьевкой, имением сестры Языкова П. М. Бестужевой. Посылая Давыдову Изд. 1833, Языков сопроводил его этим ст-нием. Благодаря Языкова за подарок, Давыдов писал: «Вы мой единственный Тиртей или, по-солдатски, вы мой нравственный *отец* и *командир*; один стих ваш — и я в огне боев, весело и безотчетно» (Письмо к Н. М. Языкову от 23 апр. 1833 г. // РС. 1884, № 7. С. 134). *Ты кровью всех врагов России.* Давыдов участвовал в войнах против французов (1806—1807; Отечественная война 1812 г.), турок (1809—1810), а также в Персидской (1826—1827) и Польской (1831) кампаниях.

229. КБ-1833, под загл. «К ***», с вар.- -Печ. по Изд. 1833, с восстановлением пропущенного здесь ст. 18 по КБ, дата: 1832, М⟨осква⟩. *Тимашева* (урожд. Загряжская) Екатерина Александровна (1798—1881) — московская поэтесса. Ей посвящали стихи и посещали ее салон Пушкин, П. А. Вяземский, Е. А. Боратынский, Е. П. Ростопчина и др.

230. М. 1848, № 9, под загл. «Послание».- -Печ. по Изд. 1934, где опубл. по списку А. М. Я. (ПД). Другой список — ПД, альбом А. М. Я. Авторизованный список — ГПБ, архив С. П. Шевырева, без загл. Датируется предположительно между 1829 и 1833 гг. Возможно, относится к К. Павловой (см.: Изд. 1948. С. 421). О К. Яниш-Павловой см. примеч. 177.

231. М. 1849, № 2, под загл. «Послание», с вар.- -Печ. по Изд. 1934, где опубл. по списку ПД, альбом А. М. Я.; другой список — ПД, под загл. «К.». Авторизованный список — ГПБ, архив С. П. Ше-

вырева. Датируется предположительно между 1829 и 1833 гг. Возможно, относится к К. Павловой (см.: Изд. 1948. С. 421). О К. Яниш-Павловой см. примеч. 177.

232. М. 1849, № 5, под загл. «Послание».- -Альм. «Раут». М., 1851, под загл. «К...й», с вар., с указанием, что за доставку этих стихов следует благодарить К. К. и Н. Ф. Павловых.- -Печ. по Изд. 1934, где опубл. по автографу ГПБ (не обнаружен). Авторизованный список — ГПБ, архив С. П. Шевырева, без загл. Списки ПД — два (один в альбоме А. М. Я.), без загл., третий, рукой А. М. Я. (сверху красным карандашом Языковым надписано: «Так себе, молодо»). Датируется предположительно между 1829 и 1833 гг. Возможно, относится к К. Павловой (см.: Изд. 1948. С. 420). О К. Яниш-Павловой см. примеч. 177.

233. «Рус. литература». 1961, № 4, где опубл. В. Коровиным по списку С. А. Рачинского (ЦГАЛИ, Татевский архив, коллекция С. А. Рачинского). По убедительному предположению Коровина, относится, как и следующее ст-ние («Увенчанный и пристыженный вами...», № 234), к К. Павловой. Датируется предположительно между 1829 и 1833 гг. *Принес я два привета.* Имеется в виду данный сонет и ст-ние «Увенчанный и пристыженный вами...» (№ 234).

234. Е. А. Баратынский: Мат-лы к его биографии из Татевского архива Рачинских / С введ. и примеч. Ю. Верховского. Пг., 1916. По предположению В. Коровина, относится к К. Павловой (см. примеч. 177). Может быть датировано между 1829 и 1833 гг. (см. примеч. 233).

235. Д-1834, под загл. «А. Н. В—у», с ценз. вар., дата: 15 мая 1833.- -Печ. по Изд. 1845, с восстановлением ст. 26—27, 34, 54, пострадавших от ценз. вмешательства, по списку А. М. Я. (ПД, под загл. «А. Н. В—у», дата: 15 мая 1833), а также на основании переписки Языкова с М. А. Максимовичем. «Мне очень жаль,— писал Максимович,— что нельзя напечатать двух стихов противоцензурных: „академической свободы“ (уж не „природы“ ли опять курсивом!) и „как раба не угнетай“. Проповедник свободы академической есть контрабанда в нашей литературе, особенно в текущую минуту... да уж поступитесь мне и словом „ночные“ — это уж для меня собственно, ибо я помешался на целомудрии, как вы на гомеопатии» (письмо от 11 окт. 1833 г.). Языков отвечал на это 28 окт.: «В стихах можно поставить „природы“ вместо „свободы“ вот как, если вы сами не придумаете лучшей выправки: „Ты провозвестник и герой Моих стихов и друг природы“. Вместо: „а как раба не угнетай“ — хоть: „и по возможности читай“. Впрочем, во всем этом да будет воля ваша, особенно же в слове „ночные“, которое вовсе предаю вашему литературному целомудрию» (цит. по: Изд. 1934. С. 818—819). В Изд. 1845 дата: 1833, Языково. *Вульф* — см. примеч. 108. Отсылая Вульфу Изд. 1833, Языков сопроводил его этим ст-нием.

236. МН. 1835, авг., кн. 2, дата: 1834, Языково.- -Изд. 1845, дата: 1834, Языково. *Фукс* Александра Андреевна (ум. 1852) — казанская писательница, этнограф-любительница, жена профессора и ректора Казанского университета К. Ф. Фукса.

237. МН. 1835, сент., кн. 2, дата: 1835, Елань.- -Изд. 1845, с той же датой. Датируется 1834 г. на основании ответного послания Ознобишина («В былые дни поклонник Феба...»), датированного нояб. 1834 (ПД). *Ознобишин* Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, переводчик, земляк Языкова. *Где ты странствуешь?* Ознобишин много путешествовал за границей и по России. *Полиглот.* Ознобишин знал языки: древнегреческий, латинский, арабский, персидский, санскрит, немецкий, французский, итальянский, испанский, шведский.

238. МН. 1835, сент., кн. 2, под загл. «Е. Н. М—ой», дата: 1834, Языково.- -Изд. 1845, с той же датой. *Мандрыкина* Елена Николаевна — казанская знакомая Языкова.

***239.** МН. 1835, авг., кн. 2, под загл. «Д. В. Давыдову», др. ред.- -Изд. 1844, под тем же загл.- -Изд. 1845, дата: 1835, Елань. Автографы: один — БЛ, фонд Давыдовых (текст МН), другой — ЦГАЛИ, под загл. «Д. В. Д—у», с вар., дата: сентябрь 1835, Елань. *Давыдов* — см. примеч. 228. Послание было высоко оценено современниками. Давыдов отвечал Языкову восторженно: «Вы меня мчите в поднебесную, как орел голубя. Что за стих! Что за прелесть! И мощно и торжественно...» (Письмо к Языкову от 11 сент. 1835 г. // Давыдов Д. В. Соч. М., 1860. Т. 3. С. 152—153). Огромное впечатление произвело ст-ние, по рассказу Гоголя, и на Пушкина: «Живо помню восторг его в то время, когда прочитал он стихотворение к Давыдову, напечатанное в журнале. В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина» (Гоголь Н. В. ПСС. Л., 1952. Т. 8. С. 387—388). *Два венка* — поэтическая и военная слава Дениса Давыдова (см. примеч. 228). *Суворов... Грудь тебе перекрестил.* Из «Автобиографии» Давыдова известно, что Суворов предсказал тринадцатилетнему Давыдову воинскую славу и благословил его. *Удальцов твоих налетом.* В войне 1812 г. Давыдов был одним из организаторов и руководителей партизанского движения.

240. МН. 1836, март, кн. 1, под загл. «П. В. К—у», дата: 1835, Языково.- -Изд. 1845, с той же датой. *Киреевский* Петр Васильевич (1808—1858) — младший брат И. В. Киреевского, известный славянофил, собиратель народных песен. Языков был очень близок с П. Киреевским и находился под его сильным идейным влиянием. Позднее П. Киреевский сопровождал больного Языкова за границу. *А что-нибудь большое.* К 1835—1838 гг. относится работа Языкова над «Сказкой о пастухе и диком вепре» и драматической сказкой «Жар-Птица». *У мыслящей Германии в гостях.* В 1829—1831 гг. П. Киреевский слушал лекции в Мюнхенском университете. *Карлсбад* — курорт в Австрии (теперь — в Чехословакии). *Ты древлерусские обходишь города.* Речь идет о занятиях П. Киреевского историей и бытом древних славян. В 1834 г. он ездил в Новгород, Старую Руссу и другие места, изучая древнюю вечевую Русь и записывая песни.

241. МН. 1836, май, кн. 2, дата: Елань, 1835. В Изд. 1845 дата та же. Адресат не установлен.

242. Изд. 1845, дата: 1835, Елань. Посвящено сестре поэта Екатерине Михайловне Языковой (1817—1852), в 1836 г. вышедшей замуж за славянофила А. С. Хомякова (см. примеч. 308), родствен-

ника Киреевских и друга Языкова. Написано, возможно, при известии о сватовстве Хомякова.

243. «Рус. беседа». 1859, № 5. Черновой автограф — ПД, в одной тетради со ст-нием «Сияет яркая полночная луна...» (№ 315). Два списка ПД: один, до половины рукой А. М. Я.,— альбом А. М. Я. (ЯА). Датируется предположительно временем пребывания Языкова в Симбирске (1834—1836). В черновом автографе еще одна, незаконченная, строфа, из которой явствует, что послание предназначалось одной из сестер поэта.

244. МН. 1836, апр., кн. 1, под загл. «Е. А. Баратынскому», с вар., дата: 3 марта 1836. - - Изд. 1845, с теми же вар., дата: 1836, Языково. - - С. 1846, № 11, дата: 4 марта 1836. Языков познакомился с Евгением Абрамовичем *Боратынским* (1800—1844) 12 июня 1824 г. и сблизился с ним во время пребывания в Москве в 1829—1830 гг. Боратынский был большим поклонником поэзии Языкова. Ст-ние написано в ответ на письмо Боратынского от 28 сент. 1831 г., в котором тот жаловался, что «отстал от стихов», и пересылал Языкову свое ст-ние «Бывало, отрок, звонким кликом...» (Поляков А. С. Н. М. Языков и Е. А. Боратынский (неопубликованные письма) // «Литературно-библиологический сборник». Пг., 1918. С. 67).

245. МН. 1836, апр. кн. 2, под загл. «Н. А. Я—ой», дата: 25 марта, Языково. - - Изд. 1845, дата: 1836, Языково. Список, рукой К. С. Аксакова,— ПД, письмо к М. Г. Карташевской от апр. 1836 г., без загл. *Языкова* Наталия Алексеевна (урожд. Наумова) — жена А. М. Я. (см. примеч. 1). К. Аксаков сообщает в своем письме: «Языков живет в деревне, не хочет ехать в город и так пишет своим родным, которые теперь в Москве и которых он зовет к себе опять в деревню...» (ПД).

246. МН. 1836, март, кн. 2, под загл. «К....», с вар., дата: 1836. - - Изд. 1845, дата: 1836, Языково. *Шепелев* — см. примеч. 120. 28 марта 1836 г. Языков пишет А. Н. Вульфу: «Поздравляю Шепелева с гусарскими эполетами, неужели он втянется в службу надолго? Желаю ему во всем благого поспешения» (РС. 1903, № 3. С. 487).

247. М. 1843, № 7, под загл. «9 мая 1839 года», дата: 1839, Висбаден. - - Изд. 1844, под тем же загл., с опечаткой в ст. 30 (ошибочно «переведет» вм. «перевезет»). - - Изд. 1845, дата: 1839, Висбаден. Список, рукой Гоголя,— ГПБ, архив С. П. Шевырева, под загл. «9 мая 1839 года» (текст М), дата: 1839, Висбаден. *Девятое мая* — день именин Языкова. *Рюмку синюю твою.* Местные вина пили на Рейне из синих хрустальных рюмок. *Висбаден* — немецкий курорт неподалеку от Рейна, славящийся целебными источниками.

248. М. 1841, № 8. В Изд. 1845 дата: 1839, Теодорсгалле. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 1 окт. 1839 г., под загл. «В альбом Постникову». Датируется, как и следующие три ст-ния, временем пребывания Языкова в Теодорсгалле (солеварни в Крейцнахе, см. примеч. 251) — с конца мая по конец июня 1839 г. Постников Иван Петрович — врач, сопровождавший Языкова за границу.

249. М. 1842, № 1. В Изд. 1845 дата: 1839, Теодорсгалле. О датировке ст-ния см. примеч. 248.

250. С. 1843, № 1, под загл. «День ненастный», с вар. - - Изд. 1845, дата: 1839, Теодорсгалле. О датировке ст-ния см. примеч. 248. *Медик молодой* — Постников (см. примеч. 248).

251. Изд. 1845, дата: 1839, Теодорсгалле — Крейцнах. О датировке ст-ния см. примеч. 248. *Крейцнахские соловарни.* Крейцнах (город в Рейнской провинции) известен своими соляными источниками. *Два сарая под горами* и т. д. Имеются в виду приспособления для добывания и очистки соли. *Иксионское колесо* (греч. миф.) — пылающее колесо в преисподней, к которому был прикован наказанный богами царь Иксион. 15 мая 1839 г. Языков писал А. М. Я. из Крейцнаха: «С гор, говорят, вид прекрасный, а за ними нам ничего не видно, кроме длинных сараев, в коих процеживается соленая вода, огромного колеса, вечно движущегося тихо, тихо, тихо, и маленького садика...» (ПД).

252. М. 1844, № 1, дата: 3 июня 1939, Theodors-Halle. В Изд. 1845 дата: 1839, Теодорсхалле. *Сын Брута или Гракха* — т. е. потомок героев древнего свободолюбивого Рима. Брут Марк Юний (79—42 до н. э.) — республиканец, глава заговора против диктатора Юлия Цезаря в Древнем Риме, участник его убийства. Братья Гракхи Тиберий и Кай (II в. до н. э.) — римские политические деятели-республиканцы.

253. М. 1842, № 1, с вар. - - Изд. 1845, дата: 1839, Ганау, «Золотой Сарай». Список, рукой Гоголя, по описанию Б. Л. Модзалевского,— альбом А. Е. Шиповой, урожд. Комаровской («Пушкин и его современники». Спб., 1909. Вып. 11. С. 89). Датируется временем пребывания Языкова в Ганау. *На фабрику сучить сигары поспешая.* В Ганау (прусский город на Майне) было большое количество сигарных и табачных фабрик. *Диц* — хозяин гостиницы и большого сада в Ганау. *«Золотой Сарай»* — видимо, гостиница.

254. М. 1841, № 3, с вар., дата: 10 декабря 1839, Ницца. - - Изд. 1844. В Изд. 1845 дата: 1839, помета: Ницца, предместье Мраморного креста.

255. М. 1841, № 1; одновременно: С. 1841, т. 24. - - Изд. 1844. - - Печ. по Изд. 1845, где повторен текст М и С, дата: 1839, помета: Ницца приморская, предместье Мраморного креста (эта же помета в Изд. 1845 указана под ст-ниями № 256—267, 269). Автограф — ПД, письмо к П. М. Языковой от 15 дек. 1839 г. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, под загл. «Начало бури», с вар., дата: 15 декабря 1839, Ницца.

256. М. 1841, № 10, дата: 17 декабря 1839, Ницца. - - Изд. 1844. - - Печ. по Изд. 1845, где повторен текст М, дата: 1839.

***257.** С. 1841, т. 24, с вар., дата: 17 декабря 1839, Ницца.- - Изд. 1844. В Изд. 1845 дата: 1839.

258. М. 1843, № 7, без загл., с вар., дата: 18 декабря, Ницца. - - Изд. 1844, как 2-е ст-ние цикла из двух ст-ний (1-е: «Струится и блещет, светло как хрусталь...», № 280), под общим загл. «Корабль», с тем же разночтением. - - Изд. 1845, дата: 1839. Список, рукой Гоголя,— ГПБ, архив С. П. Шевырева, без загл., дата: 18 декабря, Ницца.

259. С. 1841, т. 22, с вар., дата: 26 декабря 1839, Ницца. - - Изд. 1845, дата: 1839. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, с вар., дата: 26 декабря, Ницца. *Жуковского «Ундина»* — поэма В. А. Жуковского, стихотворное переложение прозаической повести де Ламот Фуке (1777—1843). Отдельным изд. «Ундина» Жуковского вышла в 1837 г. Языков познакомился с «Ундиной» осенью 1839 г. в Ницце. Ему начали ее читать 31/19 окт., но через несколько дней он «остановил чтение... говоря, что оно его расстраивает, и велел читать „Дон Жуана“» (Языков П. М. Дневник. Запись от 4 нояб. / 23 окт. 1839 г. // ПД).

260. М. 1841, № 12. - - Изд. 1845, дата: 1839.

***261.** С. 1842, № 1, др. ред. - - Изд. 1844. В Изд. 1845 дата: 1839. *Иоганнисберг* — буквально: Иванова гора, знаменитая виноделием деревня в Пруссии на правом берегу Рейна; известный курорт.

***262.** С. 1842, № 3, под загл. «Переезд чрез Апеннины», др. ред. - - Изд. 1845, дата: 1839. *Комские воды* — озеро Комо в Италии. *Турин* — здесь: провинция Пьемонта, области на западе Италии, граничащей с Швейцарией и Францией.

263. Изд. 1845, дата: 1839. *Гастуна* — старинное название Гаштейна, долины близ Зальцбурга (Австрия), где впоследствии был устроен курорт. *Парацельс* Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) — немецкий врач и естествоиспытатель.

264. М. 1841, № 2, под загл. «К К. К. Павловой», дата: 15 февраля, Ницца приморская. - - Изд. 1845, дата: 1840. Списки: первый, рукой Гоголя,— ГПБ, фонд М. П. Погодина, под загл. «К К. К. Павловой»; второй, рукой М. В. Киреевской,— БЛ, архив Елагиных, под тем же загл., с вар.; третий — ПД, архив А. Ф. Кони, без последних ст. 43—53, дата: 1840. *Павлова* — см. примеч. 177. *Гастуна* — см. примеч. 263. *Ганау, Диц* — см. примеч. 253. *Крейцнах, черные сараи, колесо* — см. примеч. 251. *Зальцбург* — см. примеч. 263. *Комо* — см. примеч. 262. *Савона* — город в северной Италии, на берегу Генуэзского залива. *Островок* — о. Эльба в Средиземном море, у западных берегов Италии, куда первоначально был сослан *Наполеон. Какой венок теперь на ней* — см. примеч. 208.

265. Альм. «Утренняя заря на 1841 г.». Спб., 1841, дата: 25/16 марта, Ницца. - - Изд. 1845, дата: 1839. Авторизованный список — ГПБ, архив М. К. Азадовского, с ценз. разр., дата: 28/16 марта, Ницца. Список был послан в подарок В. А. Соллогубу, который представил его в цензуру. В дате альм. явная ошибка, следует: 28/16 марта, что подтверждается записью в «Дневнике» П. М. Языкова (ПД) от 28/16 марта 1840 г. *Соллогуб* Владимир Александрович (1813—

1862) — писатель, дерптский студент в 1830—1834 гг., так же как и Языков — симбирский помещик. Соллогуб посвятил Языкову свою знаменитую «Серенаду», перекликающуюся со студенческими песнями последнего. *По способу певца «Вильгельма Телля».* «Вильгельм Телль» (1804) — пьеса Шиллера; здесь имеется в виду «способ» приготовления пунша, описанный в «Пуншевой песне» (1803) Шиллера.

266. С. 1841, т. 23, без загл., с вар., дата: 17 июня 1840, Ницца. - - М. 1841, № 6, без ст. 9, с вар. - - Изд. 1844. В Изд. 1845 дата: 1840. Авторизованный список, рукой П. М. Языкова,— ПД, письмо Языкова и П. М. Языкова родным от 19/7 сент. ⟨1840⟩ (текст С); список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 1 дек. 1840 г. (текст С).

267. С. 1841, т. 21, с вар. - - М. 1841, № 3, с вар., дата: 1 августа 1840, Гастейн. - - Изд. 1845, дата: 1840, с ошибочной пометой: Ницца приморская, предместье Мраморного креста. Публ. в М сопровождалось ред. примеч.: «„Современник" предупредил „М — на" в напечатании этих прекрасных стихов. Впрочем, мы думаем, что и тот и другой журнал, имея свой круг читателей, не помешают друг другу. Да не обвинят, однако, нас в перепечатании: свой экземпляр мы получили от Автора. К тому же в нашем издании есть варианты важные: особенно это погодка низовая, которая в „Современнике" заменена погодкой верховой». *Погодка верховая* — северо-зап. ветер на Волге. *Тверца, Сура, Свияга, Самара, Черемшан, Иргизы, Сызран* и др.— притоки Волги. *Биармия* — скандинавское название древней северной страны, которая была расположена или на побережье Белого моря (простиралась до Урала), или, по другой версии, на территории древней Перми (туда входили части современных Архангельской, Новгородской, Вятской и Пермской областей). *При звоне синих хрусталей* — реминисценция из ст-ния Батюшкова «Переход через Рейн» («Вино из синих хрусталей»), см. также примеч. 247.

***268.** М. 1842, № 4, под загл. «Гастуна», с вар. - - Изд. 1845, дата: 1840, Вильдбад-Гаштейн. Датируется временем пребывания Языкова в Гаштейне. *«Мальбрук в поход поехал...»* — французская сатирическая песенка «Мальбрук в поход собрался...» об английском генерале, герцоге Мальборо (1650—1722). *Гастуна* — Гаштейн (см. примеч. 263). *Вильдбад-Гаштейн.* Одно из трех курортных мест в долине Гаштейн, расположено наиболее высоко (Гофгаштейн и Дорфгаштейн расположены ниже). Климат в Вильдбад-Гаштейне холодный, дождливый.

***269.** С. 1842, № 3, с вар. - - Изд. 1845, дата: 1840. Помета в Изд. 1845 — «Ницца приморская, предместье Мраморного креста» — видимо, ошибочна, так как 15 декабря 1840 г. Языкова в Ницце уже не было. Список, рукой А. М. Я., — ПД, под загл. «К ниццарке», с вар. (текст, близкий С), дата: 15 декабря, Ницца. *Миньона* — героиня романа Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (1795—1796), красивый подросток-дикарка, родившаяся на берегу Средиземного моря.

270. С. 1841, т. 24.

271. «Рус. беседа». Спб., 1841. Т. 2, без загл. - - М. 1842, № 2, под загл. «А. А. Елагину», дата: март 1841, Ганау. - - Изд. 1845, дата: 1841, Швальбах. *Елагин* Алексей Андреевич (ум. 1846) — муж А. П. Елагиной (по первому браку Киреевской), отчим братьев Киреевских, человек прекрасно образованный, в том числе философски. Языков был с Елагиным в самых дружественных отношениях. В 1831 г. он держал с ним пари, что напишет 2000 ст. за год (см.: Письмо к А. М. Я. от 21 апр. 1831 г. // Пушкин: Исслед. и мат-лы. Л., 1983. Т. 11. С. 271). Это пари, по собственному признанию Языкова, имело для него сильное побудительное значение. Елагин шутя называл себя «музой» Языкова.

272. «Лит. вечер». М., 1844, под загл. «К. К. Павловой», дата: март 1841, Ганау. - - Изд. 1845, дата: 1841, Ганау. *Павлова* — см. примеч. 177. Ответ на ст-ние К. Павловой «Ответ» («Невероятный и нежданный...», 1840), в свою очередь являющееся откликом на послание Языкова К. К. Павловой 1840 г. («Забыли вы меня! Я сам же виноват...»). На послание 1841 г. К. Павлова ответила ст-нием «Ответ на ответ» («Приветствована вновь поэтом...», 1842). *У Красных у ворот* — т. е. в доме Елагиных — Киреевских.

273. М. 1842, № 3, дата: 20 ноября 1841, Ганау. В Изд. 1845 дата: 1841, Ганау. Список, рукой Е. А. Елагиной,— БЛ, архив Елагиных, с вар. *Песню любви удалого Гаральда.* Имеется в виду «Песнь Гаральда Смелого», произв. древней скандинавской поэзии XIII в., известная русскому читателю главным образом по «Введению в историю датскую» Маллета (Спб., 1785). Многократно подвергалась поэтической обработке (Н. А. Львов, И. Ф. Богданович, К. Н. Батюшков). Гаральд Смелый (1015—1066), впоследствии король Норвегии, любил дочь Ярослава Мудрого Елизавету, которая изображена в песне непреклонной; он женился на ней в 1045 г. *Ганзейское братство* — Ганза (см. примеч. 137). *Почтенно уважили вы Елагиных.* В 1841 г. Елагины ездили за границу. В пути корабль, на котором они ехали, потерпел аварию и чуть было не затонул.

274. М. 1842, № 6, с вар., без ст. 25, под загл. «Г ***». - - Изд. 1844, под загл. «Н. В. Гоголю». - - Изд. 1845, дата: 1841, Ганау. Языков впервые встретился с Гоголем в 1839 г. в Ганау. Об их отношениях см. вступ. статью, с. 39 и след. Ст-ние, возможно, является ответом на письмо Гоголя от 23 окт. 1841 г., в котором он писал: «...Я теперь в Москве... Жизнь наша может быть здесь полно хороша и безбурна... У меня на душе хорошо, светло. Дай бог, чтоб у тебя так было светло и хорошо во все время твоего ганавского затворничества...» (Гоголь Н. В. ПСС. М.; Л., 1952. Т. 11. С. 351). Строки о *немце* вызвали едкую пародию Некрасова («Послание к другу из-за границы»). *Гальм* Фридрих (1806—1871) и *Ленау* Николаус (1802—1850) — австрийские поэты, драматурги. *Устроим Себе приют.* Гоголь и Языков по возвращении в Россию собирались жить вместе.

275. Альм. «Вчера и сегодня». Спб., 1845, дата: 1841, Ганау. В Изд. 1845 дата: 1841, Ганау. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 24 дек. 1841 г., с вар.; список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 11 февр. 1842 г. с вар. (текст автографа), дата: 24 декабря (н. с.) 1841 (т. е. 12 дек.).

276. М. 1845, № 3, без подписи, дата: 1840, Ницца. Автограф — ПД, письмо к А. М. Я. от 24 дек. 1841 г., с вар.; список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 11 февр. 1842 г., с вар. (текст автографа).

277. М. 1841, № 11. В Изд. 1845 дата: 1841, Швальбах. *Швальбах* — курорт в Германии с железистыми источниками.

278. М. 1842, № 8, под загл. «Изречение А. Д. М — а». - - Изд. 1845, дата: 1842, Вильдбад-Гаштейн. Автограф — ПД, письмо к родным от 20 июля 1842 г. (текст М); список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 11 авг. 1842 г. (текст М). *Марков* — см. примеч. 182. *Катон* Марк Порций Младший (95—46 до н. э.) — римский политический деятель, противник Юлия Цезаря. В «Фарсалии» Лукана (39—65) Катон на границе Ливийской пустыни дает своим воинам клятву разделять с ними все тяготы пути: мучения голода, жажды и проч. Этот эпизод был переведен Ф. Глинкой (СО. 1817, кн. 44).

279. М. 1842, № 9. - - Изд. 1844. - - Изд. 1845, дата: 1842, Вильдбад-Гаштейн. Автограф — ПД, письмо к родным от 20 июля 1842 г.; список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 11 авг. 1842 г., с вар.

280. М. 1843, № 9. - - Изд. 1844, без загл., как 1-е ст-ние цикла из 2-х ст-ний под общим загл. «Корабль». - - Изд. 1845, дата: 1842, Венеция. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 29 июня 1843 г. Датируется временем пребывания Языкова в Венеции в 1842 г.

281. М. 1843, № 10. В Изд. 1845 дата: 1843, Рим. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 29 июня 1843 г.

282. М. 1844, № 7, подзаг. «И. П. П.», дата: 10 июня 1843, Гаштейн. - - Изд. 1845, дата: 1843, Вильдбад-Гаштейн. *Постников* — см. примеч. 248.

283. М. 1844, № 9, дата: 10 июня 1843, Гаштейн. В Изд. 1845 дата: 1843, Вильдбад-Гаштейн. *Опять угрюмая, осенняя погода* — см. примеч. 268.

284. М. 1844, № 11, под загл. «Горы», с вар., без подписи, дата: 16 июня 1843, Гаштейн. - - Изд. 1844. В Изд. 1845 дата: 1843, Вильдбад-Гаштейн. Правленый автограф — ГПБ, архив С. П. Шевырева, дата: июнь 1843, Гаштейн.

285. Изд. 1934, где опубл. неисправно по списку, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 29 июня 1843 г. - - Печ. с исправлением опечатки в ст. 1 («невыразимо» вм. ошибочного «невыносимо»). *Гаштейн* — см. примеч. 263.

286. М. 1845, № 2, дата: 1844, Москва, одновременно: Альм. «Вчера и сегодня». Спб., 1845 (ценз. разр. 27 марта 1845), с той же датой. Списки: один — ПД, собрание П. Я. Дашкова, с вар., дата: 21 апреля; другой — БЛ, список, рукой Е. А. Елагиной, в письме к А. А. Елагину от начала мая 1844 г. Д. Н. Свербеев пишет, что Язы-

ков написал ст-ние Голицыной «по одному приглашению» его, «никогда ее не видав и не имея о ней никакого понятия» (Записки. М., 1899. Т. 2. С. 96). *Голицына* Софья Петровна (урожд. Балк, р. 1804) — известная московская красавица, писательница.

287. С. 1844, № 7, под загл. «Князю П. Ан. Вяземскому», с вар., дата: 16 апреля 1844. - - Изд. 1845, дата: 1844, Москва. В С было примеч. ред., где говорилось, что ст-ние Языкова — ответ на стихи кн. П. А. Вяземского, адресованные Языкову и написанные им в Дерпте. Языков сблизился с *Вяземским* (1792—1873), очевидно, в начале 1830-х гг. в Москве. До этого времени, судя по письмам Языкова, они были довольно далеки. *Я родину свою и пел и межевал.* Шутливый намек на службу Языкова в Межевой канцелярии (1831—1833), где до него служили Вяземский и Боратынский. Все трое, в основном, только числились в ней. *Торжественно меня приветствовали вы* и т. д. В 1833 г. Вяземский, будучи в Дерпте, написал послание «К Языкову» («Я у тебя в гостях, Языков!..») и ждал ответа. *Вы утешительно заботились о мне!* В 1838 г. Вяземский навестил больного Языкова в Ганау.

288. М. 1844, № 10, с вар., дата: 1 мая 1844, Москва. - - Изд. 1844. В Изд. 1845 дата: 1844, Москва. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, письмо к В. Д. Комовскому от 24 июня 1844 г., под загл. «Трисвятая песнь», дата: 18 апреля 1844. Другой список — БЛ, с вар., после загл. указано: «Легенда на молитву: Свят, Свят, Свят». В основе ст-ния — легенда о происхождении молитвы «Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный...» (Житие св. Прокла). *Град Константина* — Константинополь, столица Византии. *Геллеспонтская пучина.* Геллеспонт — древнее название Дарданелльского пролива.

289. МС-1847, дата: 18 апреля 1844. Списки ПД, с той же датой, один — рукой А. М. Я., другой — тетрадь 1846 г. *Павлова* — см. примеч. 177. *Гомеровы мольбы.* Имеются в виду, вероятно, приписывавшиеся Гомеру гимны, написанные, по выражению К. Н. Батюшкова, «перебитым» стихом; Н. И. Гнедич передавал этот перебой ритма двумя полустишиями по три ямбические стопы в каждом. *Столица трех поэтических миров.* Должно быть, имеется в виду Рим республиканский, императорский и эпохи Возрождения.

290. МС-1847, дата: 21 апреля 1844. Списки ПД: два — с той же датой (один в тетради 1846 г.), третий — архив А. Ф. Кони, дата: 1845. *Павлова* — см. примеч. 177. На это и предшествующее послание К. Павлова отвечала Языкову в день его именин (9 мая) посланием «Средь праздного людского шума...», в котором вспоминала о ст-ниях, посвященных ей Языковым за время их знакомства. *Шенье* Андре (1762—1794) — французский поэт.

291. М. 1844, № 6, под загл. «М. П. Погодину», с вар., дата: 23 апреля 1844, Москва. - - Изд. 1845, дата: 1844, Москва. *Погодин* Михаил Петрович (1800—1875) — историк, литератор, издатель МВ и М, апологет официальной народности. Языков познакомился с ним в 1829 г. Ст-ние вызвало резкий отзыв Белинского, увидевшего в нем «образцовое проявление заживо умершего таланта» (ПСС. М., 1955. Т. 8. С. 460—461), и было пародировано Некрасовым («Послание к соседу»).

292. Изд. 1934, где опубл. по автографу ПД (из Рязанского музея), с опечаткой в загл., дата: 27 апреля. - - Печ. с уточнением загл. Авторизованный список — ЦГАЛИ, под загл. «Послание к Ф. Ив. Ин — ву», дата: 27 апреля 1844. *Иноземцев* Федор Иванович (1802—1869) — врач, учредитель Общества русских врачей; в прошлом товарищ Языкова по Дерпту, где учился в 1828 г. в профессорском институте при университете. Последние годы постоянно лечил Языкова. Был близок к славянофильству.

293. Изд. 1845, в качестве посвящения к книге, дата: 11 ноября 1844, Москва. Список, рукой Е. А. Елагиной,— БЛ, письмо к А. А. Елагину от начала мая 1844 г., без загл. Датируется на основании письма Е. А. Елагиной. По ее свидетельству, было передано А. П. *Елагиной* (см. о ней примеч. 227) А. С. Хомяковым 1 мая 1844 г.

294. М. 1845, № 1, дата: 4 ноября 1844, Москва. - - Изд. 1845, дата: 1844, Москва. *Хрипков* Александр Дмитриевич (р. 1799) — художник-пейзажист, дерптский приятель Языкова (в 1815—1820 гг. изучал в Дерпте военные науки). Языков сохранял дружественные отношения с Хрипковым всю жизнь. По воспоминаниям С. П. Шевырева, в 1844 г. в доме Языкова «художник переводил на полотно природу Кавказа, а поэт переносил краски живописца в свои стихи» («Моск. городской листок». 1847, 9 янв.). Языков писал Гоголю 10 мая 1845 г.: «Ты напрасно думаешь, что Хрипков живописец вроде Мокрицкого. Мое послание к Хрипкову я почитаю одним из удачнейших дел моих сего рода, стало быть меня обманули чувства, что я восхитился им... Спроси о нем Жуковского — он, конечно, помнит его и не назовет дрянью» (РС. 1896, № 12. С. 636). 13 мая 1844 г. Языков писал А. М. Я.: «Хрипков кроме достоинств живописца имеет еще и другие достоинства — даже доблести гражданские,— редкости в наше неблагословенное, можно сказать, в наше проклятое время! Я воспою его, если нынешнее лето будет мне стиховно!» (ПД). Хрипкову принадлежит портрет Языкова в халате (1829), подаренный поэтом А. П. Елагиной (см. примеч. 227). *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — генерал, герой Отечественной войны 1812 г. С 1817 по 1827 г.— «главноуправляющий» Грузии и командир отдельного Кавказского корпуса.

295. М. 1845, № 2, с вар. и с ценз. изъятием последних 8-ми с половиной ст., замененных точками, дата: 26 ноября 1844 г. - - Печ. по «Сборнику лучших произведений русской поэзии» (Спб., 1858), где опубл. по автографу альбома А. В. Киреевой. Списки ПД: один — рукой А. М. Я., в письме к В. Д. Комовскому от 19 дек. 1844 г., под загл. «Ал. Вас. Киреевой», с вар., дата: 20 ноября 1844; другой — рукой Н. Ф. Щербины, под загл. «К ней же», дата: 26 ноября 1844, вместе с двумя другими ст-ниями, посвященными А. В. Киреевой (ст-ния № 296, 304). Языков писал к А. М. Я. в письме от 22 февр. 1845 г. об этом ст-нии: «Мои стихи о Киреевой цензор не пропустил во 2-м № „Москвитянина“, потому что этот № выйдет в свет на первой неделе поста, а в стихах говорится о богах языческих» (Изд. 1934. С. 843). В ст-нии использован логический ход строфы 42-й (из оды Ломоносова «На прибытие Елизаветы...», 1742). *Киреева* Александра Васильевна (урожд. Алябьева, 1812—1891) — известная московская красавица; Языков, как он писал брату 10 марта 1845 г., в это время знаком с ней не был, а «только раз ее видел, и то мельком» (ПД).

296. М. 1845, № 2. Список, рукой Н. Ф. Щербины,— ПД, вместе с двумя другими ст-ниями, посвященными А. В. Киреевой (ст-ния № 295, 304), дата: 26 ноября 1844 г. Обращено к А. В. Киреевой (см. примеч. 295).

297. М. 1845, № 1, с опечаткой в ст. 10 (ошибочно «пир» вм. «путь»). Списки ПД: один, с приписанным (карандашом) загл., дата: 29 ноября 1844; другой — рукой А. М. Я., в письме к В. Д. Комовскому от 19 дек. 1844 г., без загл., с той же датой.

298. ВЕ. 1871, № 9, в статье: Жихарев М. И. П. Я. Чаадаев, с вар. - - Печ. по РА. 1879, кн. 1, вып. 3, где опубл. со списка Н. О. Эмина, дата: 6 декабря 1844. Список, рукой М. И. Жихарева,— ГПБ (текст ВЕ); списки ПД все с датой: 6 декабря 1844; первый — в архиве М. Н. Лонгинова; второй — в альбоме А. М. Я., с вар.; третий, рукой А. М. Я.,— в письме к В. Д. Комовскому от 19 дек. 1844 г.; четвертый — идентичный предыдущему; пятый — с вар.; списки БЛ: один — рукой Гоголя, с вар.; другой — рукой П. Я. Чаадаева. Еще один список — ЦГАЛИ. В списке Лонгинова примеч.: к ст. 6: А. Тургенев (зачеркнуто и надписано: Чаадаев), к ст. 9: С. Т. Аксаков (надписано: Т. Н. Грановский), к ст. 14: П. Я. Чаадаев (надписано: А. И. Тургенев). Языков писал Гоголю 17 февр. 1845 г.: «А. И. Тургенев бранит меня за стих. „К ненашим", полагая, что оно написано против петербургских журналистов. Совсем нет! В нем идет речь о здешних московских особах, которым не нравятся лекции Шевырева...» (РС. 1896, № 12. С. 632). Герцен утверждал, что ст-ние направлено против Чаадаева, Грановского и его самого (СС: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 396). В письме к А. М. Я. от 3 янв. 1845 г. (ПД) Языков писал: «В рассуждении моего послания „К ненашим" критики, может быть, и справедливы,— но ведь они вовсе не знают, в чем тут было дело и что тут вовсе нет пристрастия: мне не нужно было определять то, что знают те, к кому и для кого писано послание. Едва ли можно называть духом партии действие, какое бы оно ни было, противу тех, которые хотят доказать, что они имеют не только право, но и обязанность презирать народ русский, и доказать тем, что в нем много порчи, тогда как эту порчу родило, воспитало и еще рождает и воспитывает именно то, что они называют своим убеждением! Лекции Шевырева возбуждают их злость не тем, что он часто обнаруживает непристойные стороны католицизма, а тем, что в этих лекциях ясно и неоспоримо видно, что наша литература началась не с Кантемира, а вместе с самою Россиею, что эта литература развивалась совершенно сообразно развитию самой России до Петра. Шевырев в этом смысле просто открыл Америку, а его противники говорят, что они все это знали прежде: они не знали, не знают, не могут и не хотят знать всего, что было у нас писано до Петра! и проч. и проч. А в защите правого и, могу сказать, чистого и даже святого дела — я никакой низости не вижу, какова бы форма этой защиты ни была: есть бо дух божий и дух льстечь!» (Изд. 1982. С. 379). Ст-ние, как и послание «К Чаадаеву», вызвало негодование не только в лагере западников, но также и неудовольствие некоторых славянофилов или близких к этому кругу людей. *Жалкий... старик* — вероятно, П. Я. Чаадаев (см. о нем вступ. статью, с. 40 и примеч. 301). *Сладкоречивый книжник* — по-видимому, Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855), историк либерального направления, один из видных представителей западни-

чества. В 1843—1844 гг. читал публичные лекции по истории средних веков, собиравшие многочисленную аудиторию. В противовес этим лекциям был задуман курс С. П. Шевырева (см. о нем примеч. 306) о древней русской словесности. Языков по болезни не слушал лекций Грановского, о чем в 1843 г. еще очень сожалел, так как он «мастерски, как нельзя лучше преподает историю средних веков» (Письмо к П. М. Бестужевой от 2 дек. 1843 г. // Изд. 1982. С. 370—371). Опираясь на мнение друзей и знакомых, он отмечал у Грановского «глубокое знание предмета, мастерское его изложение и увлекательную речь» (Письмо к Ф. В. Чижову от 7 дек. 1843 г. // ЛН. С. 113). В 1844—1845 гг. отношение его к Грановскому под влиянием ближайшего окружения резко изменилось. *Поклонник темных книг и слов* — вероятно, Герцен.

299. М. 1845, № 2, дата: 7 декабря 1844. Языков писал по поводу элегии Гоголю 10 мая 1845 г.: «Не всякий может оценить ее достоинство, тут нужен взгляд знатока, но ты, мой любезнейший, должен отдать ей должную похвалу, ты, который умеешь крепко ограждать себя от надоедников и который истинно геройски защитился от предмета этой элегии!» (PC. 1896, № 12. С. 629). *Надоедник* — немец, обучавший Языкова в 1839 г. английскому языку и напечатавший без позволения поэта его биографию в немецком журнале «Европа». Языков писал А. М. Я. 23 янв. 1841 г. из Ганау, что этот человек «повадился» к нему в отсутствие П. М. Языкова, мешая писать стихи: «Сидит у меня с утра до ночи, томит меня, не понимая по свойственной немцам бестолковости, что он мне надоедает крайне» (Языков Н. М. Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 258; см. там же письмо к А. М. Я. от 5 янв. 1841 г.) *Седовласый врач* — Иоганн Генрих Копп (1777—1858), врач в Ганау, лечивший Языкова; пользовался большой известностью у русских, ездивших на воды за границу. *Спас меня.* Видимо, Копп запретил беспокоить больного Языкова.

300. ВЕ. 1871, № 9, в статье: Жихарев М. И. П. Я. Чаадаев. Списки: ГПБ, рукою Жихарева; ПД, архив Аксаковых, под загл. «К. С. Аксакову», с вар., дата: 20 декабря 1844. Распространялось в обществе и было послано Гоголю под загл. «К молодому человеку» (см.: Гоголь Н. В. Письмо к Языкову от 5 апр. (н. ст). 1845 г. // ПСС. Т. 12. М., 1952. С. 474). Языков писал к А. М. Я. 27 дек. 1844 г.: «По случаю моих стихов „К ненашим“ К. А⟨ксаков⟩ написал стихи „Союзникам“, потому что мои стихи „К ненашим“ были прочитаны Вигелем в обществе Дмитриева, возбудили там общий восторг — восторг общества, которое в салонном кругу почитается за неблагородное. Ак⟨саков⟩, как ты и сам заметишь, устремляется тут на личность, первое лицо — Вигель, второе — Коптев, третье — М. А. Дм⟨итриев⟩. Прилагаю мое послание к К. Акс⟨акову⟩» (Изд. 1982. С. 377—378). *Аксаков* Константин Сергеевич (1817—1860) — старший сын писателя С. Т. Аксакова, поэт, критик, историк, один из лидеров славянофильства, не разделявший, однако, крайностей правого крыла этого течения. К полемическим посланиям Языкова К. Аксаков относился отрицательно. *Блистательный лакей* — Т. Н. Грановский (см. примеч. 298). *Вавилонская блудница* — так обычно называли Париж; здесь, возможно, шире: Западная Европа.

301. ВЕ. 1871, № 9, в статье: Жихарев М. И. П. Я. Чаадаев, с вар. - - РА. 1875, № 5, под ред. загл. «Послание Н. М. Языкова к П. Я. Чаадаеву», в подзаг. дата: 25 декабря 1844, Москва, текст сообщен А. М. Я. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по списку А. М. Я. (ПД), с испр. опечатки, нарушающей ритм, в ст. 9. Список: ГПБ — рукой Жихарева, с вар. (текст ВЕ); списки ПД: первый — архив М. Н. Лонгинова, под загл. «Ода к ... *», (сноска: «* К Чаадаеву»), с вар., дата: 1845; второй — альбом А. М. Я., с той же датой; третий, идентичный предыдущему,— рукой А. М. Я.; список БЛ — без загл., с вар. Распространялось в обществе и было послано Гоголю (см. примеч. 300) под загл. «К старому плешаку». *Чаадаев* Петр Яковлевич (1794—1856) — философ, писатель, друг Пушкина. В 1836 г. опубл. «Философическое письмо», в котором высказал чрезвычайно пессимистический взгляд на прошлое, настоящее и будущее России. По высочайшему повелению, был за это объявлен сумасшедшим. «Не соглашаясь с Чаадаевым,— писал Герцен,— мы все же отлично понимали, каким путем он пришел к этой мрачной и безнадежной точке зрения, тем более что и до сих пор факты говорят за него, а не против него» (СС: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 222). О Чаадаеве см. также вступ. статью, с. 40. *Ты лобызаешь туфлю пап.* Чаадаев отдавал в своем письме предпочтение католической религии перед православием.

302. М. 1845, № 2, под загл. «Я. П. Полонскому», дата: 1844, Москва, одновременно в сб. «Вчера и сегодня». Спб., 1845 (ценз. разр. 27 марта 1845), с той же датой. В Изд. 1845 дата та же. *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — поэт. В 1844 г. вышли «Гаммы», первая книга его стихов, которую он прислал Языкову. В письме к Гоголю от 14 дек. 1844 г. Языков писал: «Полонский — малый с талантом, жаль только, что у него направление новомодное, отчаянное; но это, вероятно, пройдет с летами» (РС. 1896, № 12. С. 629).

303. М. 1845, № 3, без подписи, дата: 1844, Москва, одновременно с той же датой в сб.: «Вчера и сегодня». Спб., 1845 (ценз. разр. 27 марта 1845). В Изд. 1845 дата та же. *Анненкова* Варвара Николаевна (1795—1866) — симбирская поэтесса. *Мне мил прелестный ваш подарок.* В 1844 г. вышел сб. ст-ний Анненковой «Для избранных», экземпляр которого был ею подарен Языкову (см. письмо Языкова родным от 3 мая 1844 г.— ПД). *Мне мил любезный ваш вопрос*! В бумагах Языкова сохранилось ст-ние, без подписи и даты, принадлежащее, по предположению М. К. Азадовского, Анненковой и являющееся, очевидно, посланием, которым поэтесса сопроводила свой подарок; каждая строфа этого послания, перекликающегося со ст-нием Языкова «Весна» (см. № 281), кончается вопросом: «Прилично ль вам больное тело С душой, исполненной весны?»

304. М. 1845, № 3, без подписи, дата: 14 января 1845. Правленый автограф — ГПБ, собр. М. П. Погодина, под тем же загл. и с той же датой. Список, рукой Н. Ф. Щербины,— ПД, под загл. «Александре Васильевне Киреевой (из ее альбома)», дата та же, вместе с двумя другими ст-ниями, посвященными А. В. Киреевой (ст-ния № 295, 296). *Киреева* — см. примеч. 295.

305. Изд. 1934, где опубл. неисправно по списку ПД, альбом А. М. Я., дата: 11 февраля 1845, Москва. - - Печ. по авторизован-

ному списку БЛ, архив Елагиных, дата та же. Список, рукой А. М. Я.,— ПД, с вар., дата та же. *Киреевский* — см. примеч. 240. *Старец — собиратель Старинных песен и стихов.* Речь идет о собирании народных песен, предпринятом П. Киреевским и Языковым в начале 1830-х гг. «Старец», «Старик» — шутливое прозвище П. Киреевского в кругу близких. *Проповедник Вавилона* — т. е. западник; здесь, возможно, Грановский (см. примеч. 298). *Пошло-чопорный папист* — П. Я. Чаадаев (см. примеч. 301). *Поганый коммунист* — возможно, Герцен.

306. С. 1846, № 4, дата: 1845. Автограф первых четырех ст.— ПД, письмо к А. М. Я. от 11 апр. 1845 г. Списки ПД, с несовпадающими вар.,— два, рукой А. М. Я. (один — в письме к В. Д. Комовскому от 5 мая 1845 г.), третий — альбом А. М. Я., четвертый — архив П. А. Плетнева, писарской рукой (приложение к письму Языкова к П. А. Плетневу от 8 февр. 1846 г.), дата: 14 февраля 1845. *Шевырев* Степан Петрович (1806—1864) — профессор истории русской словесности, поэт, критик, представитель правого крыла славянофильства, апологет официальной народности. Ст-ние — отклик на лекции Шевырева в Московском университете о древнерусской словесности, читанные в противовес знаменитым лекциям Т. Н. Грановского (см. о лекциях Шевырева примеч. 298).

307. М. 1845, № 4, дата: 1 мая 1845. Автограф из альбома Е. М. Языковой (Хомяковой) опубл.: «Искусство». 1928, т. 4, кн. 1/2, под ред. загл. «К сестре К. М. от Н. М. Языкова». Список — ГПБ, архив С. П. Шевырева, под загл. «В альбом К. М. Х», с вар., дата: 1 мая 1845, Москва. Обращено к младшей сестре поэта Е. М. Хомяковой (см. примеч. 242). *1 мая* — см. примеч. 308.

308. РА. 1886, № 9, под ред. загл. «Послание Н. М. Языкова к А. С. Хомякову», без ст. 49—52, с вар., дата: 1 мая 1845, М⟨осква⟩. - - Печ. по Изд. 1934, где опубл. по списку М. Н. Лонгинова (ПД), с той же датой. Другой список — ПД, рукой А. М. Я., с той же датой. *Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, публицист, один из крупнейших деятелей славянофильства; был женат на сестре Языкова Екатерине. *Тот, который смел* и т. д. В списке Лонгинова к ст. 8 сделано примеч.: «Грановский», но, может быть, речь здесь идет о Чаадаеве (см. примеч. 301). *Союзник беглого портного.* Примеч. Лонгинова к этому ст.: «Герцен». Однако речь идет о *цехе* союзников беглого портного, т. е. о «коммунистах». Портной — Вильгельм Вейтлинг (1808—1871), немецкий утопический коммунист, по профессии портной. Подвергшись судебному преследованию за пропаганду, он бежал в Америку, где одно время был главой основанной им коммунистической колонии. *Общий наш недоброхот* — В. Г. Белинский, который в статье «Русская литература в 1844 г.» подверг уничтожающему разбору стихотворения Языкова и Хомякова. *1 мая* — день рождения А. С. Хомякова.

309. Отд. изд. Спб., 1845. - - Печ. по МС-1846, дата: 25 октября 1845. Списки с той же датой: два в ПД: первый, с неточностями,— тетрадь 1846, второй — рукой А. М. Я.; третий — ЦГАЛИ. 23 авг. 1845 г. в Симбирске был открыт памятник Н. М. Карамзину, как уроженцу Симбирской губ. Открытие происходило очень торжественно и приняло, отчасти вследствие приглашения в качестве доклад-

чика М. П. Погодина, явно славянофильскую окраску. Ст-ние Языкова вызвало первоначально при попытке опубликовать его в Москве сопротивление цензуры. Однако петербургская цензура его пропустила, причем, когда попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов пытался опротестовать действия петербургского ценз. комитета, министр народного просвещения С. С. Уваров одобрил решение петербургского цензора (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1894. Т. 8. С. 211). После этого ст-ние было напечатано и в Москве. К самому памятнику Языков относился резко отрицательно: «Народ смотрит на статую Клии и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории!!! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековечную бессмыслицу!» (Письмо к Гоголю от 14 дек. 1844 г. // PC. 1896, № 12. С. 629). *Тургенев* Александр Иванович (1785—1846) — историк и литератор; Тургеневы принадлежали, так же как Карамзин и Языковы, к симбирскому дворянству. *Он памятник воздвиг себе чудесный, вечный* — видоизмененная цитата из ст-ния Державина «Памятник». *Написал Для нас он книгу книг* и т. д. Имеется в виду двенадцатитомная «История государства Российского». Далее идет поэтический пересказ событий русской истории, изложенных в труде Карамзина. *Им степь широкая как тесная дорога* — цитата из драмы В. А. Озерова «Димитрий Донской» (д. V, явл. 2).

310. С. 1846, № 3, с ценз. вар. в ст. 24 («Ни хитрая кошка, ни критик-осел» вм. «Ни кошка-цензура, ни критик-осел»), дата: 31 октября 1845 г. - - Печ. по С, с исправлением ст. 24 по автографу. Автограф — ПД, с вар., дата: 2 ноября 1846. Датируется по С, дата автографа относится, вероятно, к данной ред. текста. *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — младший сын писателя С. Т. Аксакова, поэт, публицист, видный деятель славянофильского движения. И. Аксаков отвечал на это ст-ние посланием «Мне неожидан был и нов...». *Ни кошка-цензура, ни критик-осел.* Кошка и Осел — персонажи басен Крылова «Кошка и Соловей» и «Осел и Соловей».

311. «Рус. беседа». 1859, № 5, дата: 11 ноября 1845 г. Автограф, с вар., с той же датой (опубл. в сб. «Пушкин и его современники». Спб., 1903. Вып. 1. С. 120). Список — ПД, под загл. «К баронессе Евпраксии Николаевне Вревской», с той же датой. *Вревская* Евпраксия Николаевна (урожд. Вульф, 1810—1883) — сестра А. Н. Вульфа (см. о нем примеч. 108), воспетая Пушкиным под именем «Зизи» (так называли ее в семье). Ст-ние написано во исполнение обещания, данного Языковым Е. Н. Вульф еще в 1826 г., во время пребывания поэта в Тригорском. В 1834 г. А. Н. Вульф напоминал об этом обещании поэту, но тот был уже серьезно болен (см.: Вульф А. Н. Дневники. М., 1929. С. 118). *Вы угощали нас* и т. д. «Сестра моя Euphrosin,— вспоминает А. Н. Вульф,— бывало заваривает всем нам после обеда жженку: сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обожатель, любил, чтобы она заваривала жженку» (Спб. вед. 1866, 24 мая).

312. С. 1846, № 8, дата: 28 апреля 1846. *Павлова* — см. примеч. 177. Ст-ние вызвано отрицательным отношением К. Павловой к полемическим посланиям Языкова. Она ответила ему ст-нием. «Нет! Не могла я дать ответа...». *Долефортовская Русь* — т. е. допетров-

ская Русь; Лефорт Франц (1656—1699) — ближайший сподвижник Петра I, поддерживавший его в стремлении пересадить на русскую почву экономические и культурные достижения западноевропейских стран. *Я ваше Неизменное копье* — т. е. ваш рыцарь.

313. МС-1846, дата: 1 мая 1846. Списки ПД, с той же датой: один — рукой А. М. Я.; другой — тетрадь 1846. *Сампсон* — древнееврейский герой, отличавшийся сверхъестественной силой, секрет которой заключался в его волосах. По Библии, филистимлянка *Далида* (Далила), возлюбленная Сампсона, выведала у него эту тайну и, обрезав ему, сонному, волосы, предала врагам. Сампсон был ослеплен и посажен в подземелье храма. Когда волосы у него отросли, он разрушил храм и погиб вместе с филистимлянами. *Хомяков* — см. примеч. 308. *Дагон* — верховный бог филистимлян.

314. С. 1846, № 6, дата: 1846. Дружеская шутка по адресу К. С. Аксакова (см. примеч. 300).

315. М. 1848, № 5, под загл. «Об ней». - - «Рус. беседа». 1859. № 3, под загл. «К ...»--Печ. по Изд. 1964, где опубл. по авторизованному списку ГПБ, архив С. П. Шевырева. Черновой автограф — ПД (опубл. неточно в Изд. 1934 под загл. «К...», отсутствующим в автографе и списках). Три списка — ПД (один в альбоме А. М. Я.). В. В. Киреевский писал А. М. Я. 15 июня 1847 г., благодаря за присылку последних ст-ний Языкова: «Поразительно, что его последнее слово и последняя мысль были обращены к отшедшим: к годам студенчества и к Воейковой, как будто он уж подавал голос тому свету» (PC. 1883, № 9. С. 629). По-видимому, Киреевский имеет в виду именно ст-ние «Сияет яркая полночная луна...», так как это единственное пóзднее недатированное ст-ние о Воейковой (см. примеч. 15).

СКАЗКИ. ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ. ПОЭМЫ

316. Изд. 1964, где опубл. по списку БЛ, архив Елагиных, дата: 9 мая 1824, Дерпт. - - Печ. с исправлением явных описок по копии из архива Киселева (БЛ), дата: 1824, Дерпт (частично опубл.: Исаков С. Г. Новые материалы о жизни и творчестве Н. М. Языкова дерптского периода // «Учен. зап.» / Тартус. ун-т. 1963. Вып. 139: Труды по рус. и славян. филологии. № 6. С. 296). Третий список — ЦГАЛИ, под загл. «На 21 апреля», с вар., дата: 1824, Дерпт. В соч. Языкова было введено впервые в Изд. 1964, где из осторожности помещено среди коллективных. Однако прямые показания самого Языкова (11 мая 1824 г.: «Я описал стихами тот праздник студентов, о котором давно писал к тебе; описание привезу с собой» // ЯА. С. 135; 22 апр. 1825 г.: «Вчера был у студентов праздник, которого описание ты имеешь в моих стихах» // ЯА. С. 177), а также лиц хорошо осведомленных,— А. М. Я. и А. Н. Татаринова, которые не могли не знать о соавторах Языкова, если бы они у него были (см. подробнее: Изд. 1964. С. 671), дают полное основание считать «21 апреля» принадлежащим одному Языкову. Эпиграф — из Горация. *Игрушки мнительной державы* — здесь: караульные солдаты у заставы. *Либгарт* — вероятно, Карл фон Липгардт, владелец имения *Ратсгоф. Рыцари мечей* — меченосцы (см. примеч. 20). *Курбский*

Андрей Михайлович кн. (1528—1583) — политический деятель, писатель, военачальник. Был приближенным Ивана Грозного (командовал правым флангом всей армии при взятии Казани, возглавлял Ливонское войско, был воеводой в Юрьеве, т. е. Дерпте). Попав в опалу и опасаясь казни, бежал в Литву, откуда писал Ивану Грозному, обвиняя его в неблагодарности и жестокости.

317. МН. 1835, сент., кн. 1, дата: 1835, Языково. Ст. 49—152 (т. е. вся сказка без вступления и заключения), с вар., вошли во вторую ред. «Жар-Птицы» (Изд. 1845) в качестве сказки, рассказываемой царю Далмату. Сюжет заимствован из неоднократно издававшегося в конце XVIII — начале XIX в. лубочного сб. «Дедушкины прогулки, или Продолжение настоящих сказок». *Свербеев* — см. примеч. 151. *Нынче мода На этот род поэзии у нас.* В 1831—1835 гг. были написаны и появились в печати сказки Пушкина и Жуковского.

318. С. 1836, т. 2, сцены 1—7, под загл. «Драматическая сказка об Иване Царевиче, Жар-Птице и Сером волке (отр.)», с вар. - - С. 1837, т. 5, сцены 16—18, под тем же загл., с вар. - - МН. 1836, авг., кн. 1, сцены 8—12, под загл. «Отрывок из русской сказки „Жар-Птица“», с ценз. купюрой ст. 58—68 в сцене 8, с вар. - - Изд. 1845, сцены 1—7, 8—12, 13—14, 16—18 (последняя не полностью). Отрывки пронумерованы и помещены в разных местах сб. под загл. «Отрывок из русской сказки „Жар-Птица“», под каждым отрывком дата: 1836, Языково. - - М., 1849, № 21 и 22: сцены 15, 18—22, под загл. «„Жар-Птица“. Сказка Н. М. Языкова» (сцены 18—22) и «Трактир» (сцена 15), с вар., с примеч., где говорится, что редакция М решила печатать лишь то, что не было опубликовано ранее (содержание предыдущих глав излагается). - - Отд. изд. Спб., 1857, полностью, текст совпадает с отрывками, опубликованными в Изд. 1845, кроме сказки о Петре I, рассказываемой царю Далмату. В Изд. 1845 Языков заменил эту сказку (очевидно, под влиянием своих позднейших взглядов на роль Петра I) на «Сказку о пастухе и диком вепре» (см. № 317). Ввиду того что редакция «Жар-Птицы», отраженная в Изд. 1845, осталась незавершенной и неизвестно направление работы поэта над сценами, туда не вошедшими, сказка печ. по Изд. 1857, дающему ее полный текст и учитывающий стилистические исправления в сценах Изд. 1845. Большая часть текста сказки, видимо, была написана в 1836 г., на что указывают и первые публикации отрывков из сказки и письмо к А. Н. Вульфу от 20 марта 1836 г.: «Я извещу тебя, когда кончатся мои труды, печатать которые поеду в белокаменную, это прежде зимы никак не возможно — труды большие, драматические!!!» (PC. 1903, № 3. С. 487). А. М. Я. писал В. Д. Комовскому 10 июня 1838 г.: «С этой же почтой посылаю Вам давно обещанный список „Жар-Птицы“, это только для Вас. Брат сам ею недоволен, и Вы в ней заметите много растянутого; но с первого опыта и спрашивать много нельзя; он же писан человеком лежачим, больным, дрожащей рукой» (ПД). **3.** *«Авось! Авось!» О, сильно это слово* и т. д. Эти стихи перекликаются со ст-нием И. М. Долгорукого «Авось» и ст. Пушкина в гл. 10 «Евгения Онегина» («Авось, о Шиболет народный...» и т. д.). **6.** *Рогер* — здесь имеется в виду, вероятно, как воплощение рыцарства Рожер I, младший сын Танкреда, завоеватель Сицилии (1061), или его сын, король Сицилии Рожер II. **7.** *Кизляр-ага, Мустафа* — персонажи драмы

Н. В. Кукольника «Роксолана» (1835); здесь: лошадиные клички. Кизляр-ага — главный евнух, придворная должность в старой Турции (см. об этом: Изд. 1982. С. 409). В письме к И. В. Киреевскому от 25 мая 1835 г. Языков писал: «Видно, у вас в Москве сильно восхищаются драмами Кукольника: это нехорошо, это бестолково. Я следовал за развитием Кукольника шаг за шагом, читал все, что он писал,— теперь собираю все его сочинения, „Все зажгу И в это пламя брошу „Роксолану"» (Изд. 1982. С. 357). Цит. стихи — финал «Роксоланы». **14.** *Шемякинский суд* — расправа, скорый и неправедный суд. Шемяка — продажный судья, персонаж древнерусской повести «Шемякин суд». *Кяхта* — город в Бурятии. *Кола* — река и город Архангельской губ. *Помпеев столб* — Помпеева колонна, поставлена близ Александрии, в Египте, префектом Помпеем в честь римского императора Диоклетиана. **15.** *«Кончен, кончен дальний путь»* и т. д.— начало известной песни на слова А. Х. Дуропа «Казак на родине» (по указанию В. Е. Гусева, впервые напечатана в 1818 г.; входила в песенники с 1833 г.). *Мельмот* — герой романа ирландского писателя Роберта Матюрена (1782—1825) «Мельмот-скиталец» (1820). *Казанова* (1725—1798) — знаменитый авантюрист, алхимик, странствовавший по Европе. **18.** *Курс учения в Сморгонской Гимназии.* Сморгонь, в XIX в. местечко в Виленской губ. (теперь город в Гродненской обл.), славилась промыслом обучения медведей (см.: Изд. 1982. С. 409). *Ты сердишься, Юпитер.* Имеется в виду крылатое латинское выражение: «Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав». **19.** *«Лишь только занялась заря...».* По указанию В. Е. Гусева, эта песня XVIII в. встречается в песенниках вплоть до 1917 г. **21.** *Метнем на резвый* — т. е. кто будет первым, кому черед.

319. М. 1845, № 1. - - Изд. 1845, дата: 1839, помета: Ницца, предместье Мраморного креста. Первоначальное загл.— «Шутка Потемкина» (Языков П. М. Дневник. Запись от 6 марта / 23 февр. 1840 г. // ПД).

320. М. 1841, № 4, с вар., без ст. 206—208; № 5, с вар. - - Изд. 1845, дата: 1840, помета: Ницца, предместье Мраморного креста. Написано не позднее 6—8 февраля / 25—27 января 1840 г., когда Языков продиктовал пьесу брату (Языков П. М. Дневник. Указ. запись // ПД). **Ст. 107.** *Кузень* — Виктор Кузен (1792—1867), французский философ-идеалист, эклектик. **Ст. 159.** *Прямо светский* — перифраз характеристики Загорецкого из «Горя от ума» (д. 3, явл. 9): «Человек он светский». **Ст. 199.** *Гиббон* Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776—1787). **Ст. 236.** *Нибур* Бартольд Георг (1776—1831) — немецкий историк; наиболее известный труд его «Римская история» (Берлин, 1811—1832). **Ст. 282.** *Кернер* Юстинус (1786—1862) — немецкий писатель-романтик мистического направления, врач, автор ряда трактатов о ясновиденье, о животном магнетизме и т. п. Наиболее нашумевшей его книгой была «Die Seherin von Prevorst», 1829, которую сам Кернер назвал «публикациями о внутренней жизни людей и о вхождении мира духов в наш собственный мир». **Ст. 372.** *Армидины сады* — чудесные очарованные сады волшебницы Армиды (персонаж из «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо). **Ст. 415.** Gaudeamus igitur и т. д.— начало старинной студенческой песни на латинском языке.

321. Альм. «Утро». М. 1859. - - Печ. с испр. неточности в ст. 102, по списку ПД («весенняя луна» вм. «осенняя луна»), дата: 9 апреля 1846. Список — ПД, тетрадь 1846, с той же датой. Языков предполагал напечатать «Липы» в М, однако цензура их не пропустила. 21 апр. Языков писал А. М. Я.: «Московская цензура не только не пропустила моих „Лип", но и сказала, что сочинений подобного духа не должно и представлять в нее» (PC. 1903 № 3, С. 538). «Липы» были посвящены А. М. Я. Эпиграф — из предисловия (1825) к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

---

322. McPhail A. Three unpublished poems of N. M. Yazykov // «Scottish slavonic Review». 1987, N° 9 (Мак-Фейл А. Три неопубликованных стихотворения Н. М. Языкова // «Славянское обозрение в Шотландии». 1987, № 9), где опубл. по копии письма Языкова к П. А. Вяземскому от 6 июля 1844 г. (ГПБ, архив И. А. Шляпкина), в котором сказано: «Посылаю Вам мой автограф для Фарнгагена... В «Современнике» напечатайте мое послание к Вам и, если угодно, и это 14-стишие». В письме упомянуто послание «Князю П. А. Вяземскому», которое появилось в С (см. примеч. 287). «Четырнадцатистишие» не было опубликовано. Фарнгаген (Варнгаген) фон Энзе Карл Август (1785—1858) — немецкий писатель, критик, публицист; с 1813 г. в качестве капитана русской гвардии участвовал в войне с Наполеоном; владел русским языком и был автором статей о Пушкине, Гоголе, о «новейшей русской литературе» (1841), где упоминал Языкова как одного из «дивных талантов», окружавших Пушкина. По свидетельству П. А. Вяземского (помета на письме к нему Языкова), Варнгаген встречался с Языковым в Швальбахе в 1841 г., но он не был адресатом «Четырнадцатистишия». На копии ст-ния у ст. 1 помета карандашом (возможно, рукой Шляпкина): «Мальтицу?». Барон Мальтиц Аполлоний Петрович (1795—1870) — немецкий третьестепенный поэт и русский дипломат, свояк Ф. И. Тютчева; с 1837 г. был первым секретарем русской миссии в Мюнхене, позднее — русским посланником в Гааге. Известно, что Мальтиц посещал Языкова в Ницце в 1840 г. (см.: Языков П. М. Дневник за 1839—1840 гг.//ПД), но знакомство их состоялось, очевидно, ранее. Вопрос об адресате ст-ния требует дальнейшего изучения.

СЛОВАРЬ

Авгур — предсказатель в Древнем Риме.
Аквилон — северный или северо-восточный ветер у римлян.
Антидот — противоядие.
Антиопа (греч. миф.) — дочь фиванского царя Никтея, возлюбленная Зевса, от которого родила близнецов Зета и Амфиона.
Арей (греч. миф.) — бог войны.

Бавкида (греч. миф.) — жена фригийца Филемона. Бавкида и Филемон — неразлучные и любящие супруги, награжденные богами за радушие долголетием и возможностью умереть в один день.
Багряница — порфира, пурпурная мантия, подбитая горностаем; торжественное облачение царей.
Банчик — банк, т. е. карточная игра.
Беседа — здесь: собрание, общество.
Брашна — кушанья, яства.
Бурсак — здесь: студент (от нем. «бурш»).
Бютинг — красавчик (от англ. beauty).

Вахт-парад — военный развод для смены караулов.
Веледушный — великодушный.
Вертепы — здесь: пропасти, ущелья, пещеры.
Виссон — дорогая белая или пурпурная ткань, употреблявшаяся в Древней Греции и Риме; торжественная, роскошная одежда.
Враги — овраги.

Галлы — здесь: французы.
Гарпократ (греч. и римск. миф.) — бог молчания.
Геликон (греч. миф.) — одна из трех гор в Греции (Геликон, Пинд, Парнас), где обитали музы.
Геспер — вечерняя и утренняя звезда (Венера).
Гетера — в Древней Греции незамужняя женщина вольного поведения; некоторые из них славились образованностью.
Гордовый — из черной калины.
Горка — карточная игра.
Горний — высший, небесный.
Гофрат (нем.) — надворный советник.

Денница — утренняя звезда, заря.
Доблий — доблестный.

Ектенья — название ряда молитвенных прошений, составляющих существенную часть христианского богослужения.
Ерофеич — водка, настоянная на травах.

Зане́ — потому что.

Иакинфы — гиацинты.
Иппокрена (греч. миф.) — источник на Геликоне (см.), посвященный музам; источник вдохновения.
Ир — нищий, упомянутый в «Одиссее» Гомера.
Ихневмон — фараонова мышь, млекопитающее. Существовало поверье, что ихневмон убивает крокодилов, забираясь в их открытую пасть во время сна и раздирая им внутренности.

Камена (греч. миф.) — муза.
Канюки — здесь: попрошайки (от «канючить»).
Касталийские берега (греч. миф.) — берега источника Касталия на Парнасе, посвященного музам, т. е. источника вдохновения.
Ком (греч. миф.) — бог пиршеств.
Комерс — студенческая пирушка.

Лель — в русской литературе XVIII — первой половины XIX в. бог любви и брака у древних славян.
Ленивка — лежанка у печки.
Лития — богослужение, совершаемое вне храма или в его приделе.
Литургия — важнейший вид христианского богослужения, его центральная часть, во время которой совершается возношение даров.

Марсиас (греч. миф.) — Силе́н Марсий, нашедший флейту, брошенную Афиной, и вступивший в состязание с Аполлоном. За эту дерзость Аполлон содрал с него кожу.
Мокой — акула.
Мрежи — сети.

Наяда (греч. миф.) — нимфа воды.

Орест (греч. миф.) — сын греческого царя Агамемнона; прославлен своей дружбой с Пиладом; неразлучный друг.

Пашалык — область, управляемая пашой.
Перуны — молнии, громовые раскаты.
Пищуха — лесная птица, известная и под названием пищухи-сверчка; также мелкий степной грызун, издающий своеобразный свист.
Пиэриды (греч. миф.) — музы.
Повивальница — восприемница, повивальная бабка.
Позор — здесь: зрелище.
Помона (римск. миф.) — богиня плодов.
Прозопопея — олицетворение.
Пря — борьба, спор, распря.

Раины — тополя.
Рамена — плечи.
Рифей — старинное название Уральского хребта.

Сатурн (римск. миф.) — бог посевов, покровитель земледелия, также бог времени.
Сатурналии — в Древнем Риме семидневный праздник в честь окончания полевых работ; оргия, пьяный разгул.
Собачеи — псовые охотники.
Стигийская тень (греч. миф.) — дух умершего, обитающий в виде тени в царстве мертвых по берегам реки Стикс.
Столбница — колоннада.

Тедески — австрийцы, немцы.
Тидид (греч. миф.) — Диомед, сын Аргосского царя Тидея, один из главных героев «Илиады» Гомера. В битве с троянцами огромным камнем раздробил бедро Энею.
Трефоль — здесь: настойка.
Три листа — карточная игра.

Управа — управа благочиния, городское полицейское управление.

Феникс (егип. миф.) — птица, сгорающая и возрождающаяся из собственного пепла.
Филистимляне — в Библии народ, с которым воевали израильтяне; населял побережье Палестины и Сирии.
Филомела — соловей.
Форштадт (нем.) — предместье, слобода.
Фузея — старинное кремневое ружье.

Эвтерпа (греч. миф.) — муза музыки.
Экарте — карточная игра.

Ясмин — жасмин.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Портрет Н. М. Языкова. Литография Р. Гундризера с оригинала А. Д. Хрипкова (Дерпт. 1829).

2. *С. 220*. Первый лист автографа послания к А. М. Языкову «Ты прав, мой брат, давно пора...» (1828). Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР.

3—4. *Между с. 256 и 257*. Портрет Н. М. Языкова. Фотография с акварели Остеррейха (Дерпт. 1822).

На обороте. Портрет А. А. Воейковой. Гравюра с портрета маслом неизвестного художника (конец 1810-х — начало 1820-х гг.). В кн.: Соловьев Н. В. История одной жизни. Пг., 1915. Т. 2 (фронтиспис).

5—6. *Между с. 288 и 289*. Портрет Н. М. Языкова. Литография (1841) с оригинала Корницелиуса (Ганау. 1838—1839).

На обороте. Дом поэта в селе Языково. Фотография конца XIX в.

7. *С. 296*. Портрет П. В. Киреевского (1830-е гг.). Фотография с рисунка карандашом Э. А. Дмитриева-Мамонова.

8. *С. 306*. Портрет А. М. Языкова. Фотография с рисунка карандашом неизвестного художника (1830-е — начало 1840-х гг.).

9. *С. 344*. Портрет Н. М. Языкова. Офорт (1849) с рисунка карандашом Э. А. Дмитриева-Мамонова (Первая половина 1840-х г.).

10. *С. 471*. Портрет Н. М. Языкова. Фотография с рисунка карандашом Э. А. Дмитриева-Мамонова.

Все оригиналы иллюстраций, кроме специально оговоренных, хранятся в Музее Института русской литературы АН СССР.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

СКАЗКИ. ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ. ПОЭМЫ

Языков Н. М.

Я 41 Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. К. К. Бухмейер, сост., подгот. текста, примеч. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской.— Л.: Сов. писатель, 1988.— 592 с., 4 илл., 1 л. портр.— (Б-ка поэта. Большая серия).

ISBN 5—265—00257—X

По своему составу издание приближается к полному собранию стихотворений Н. М. Языкова (1803—1846), одного из крупнейших мастеров поэзии пушкинской эпохи. В книге три раздела: «Стихотворения», «Поэмы» (в этот раздел включены также сказки и сцены в стихах), «Другие редакции и варианты».

Я $\frac{4702010102-190}{083(02)-88}$ 431—88 **ББК 84. Р 1**

Николай Михайлович Языков

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1988, 592 стр.
План выпуска 1988 г. № 431

Художник *В. В. Еремин*
Худож. редактор *Б. А. Комаров*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректоры *Е. Я. Лапинь* и *Е. А. Омельяненко*

ИБ № 6628

Сдано в набор 19.01.88. Подписано к печати 05.08.88. Формат 84×108[1]/32. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 31,40. Уч.-изд. л. 33,47. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1345. Цена 2 р. 80 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

2р.80к.

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ